

ШУМЕР

ВАВИЛОН АССИРИЯ

5000 ЛЕТ ИСТОРИИ

В.И. Гуляев

УДК 94(35):902.2(35) ББК 63.3(0)31-7:63.4(Ирк) Г94

Серия «Сокровенная история цивилизаций». Основана в 2000 г.

В книге использованы фотографии, предоставленные автором.

ГЭ4

Гуляев В.И.

Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории. — М.: Алетейа, 2004. — 440 с.: ил. — (Сокровенная история цивилизаций). ISBN 5-89321-112-X

Эта книга, адресованная самому широкому кругу читателей, посвящена цивилизации, считающейся колыбелью человеческой культуры и письменной традиции. В увлекательной форме она рассказывает об исторических событиях, когда-то происходивших на этой земле, о рождении и падении древних царств, об археологических

раскопках, о науке, искусстве и религии Месопотамии от древнего Ура до Вавилона и Ассирии. Автор книги доктор исторических наук, профессор В.И. Гуляев — известный русский археолог, в течение многих лет участвовавший в раскопках месопотамских памятников древности.

ISBN 5-89321-112-X

УДК 94(35):902.2(35) ББК 63.3(0)31-7:63.4(Ирк)

В.И. Гуляев, 2004 §> «Алетейа», 2004

Валерий Иванович Гуляев — доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом теории и методики Института археологии РАН. Профессиональный археолог, участник многих археологических экспедиций в нашей стране и за рубежом (Ирак, Куба, Мексика). Занимается проблемами древних цивилизаций Ближнего Востока и Мезоамерики, а также археологией скифов Северного Причерноморья. Последние 15 лет возглавляет археологическую экспедицию, ведущую раскопки скифских древностей на Среднем Дону. Автор 14 книг и монографий, в том числе «Древнейшие цивилизации Мезоамерики», «Кто открыл Америку?», «В стране первых цивилизаций (Древний Ирак)», «Первые города», «По следам конкистадоров».

-Wn^j'

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ

10

ГЛАВА 1

ВОДА, ЗЕМЛЯ И ЖИЗНЬ (ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ)..... 18

Тигр и Евфрат.....20

«У природы нет плохой погоды...».....28

ГЛАВА 2

В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ.....33

Археологическое изучение Ирака.....37

Ботта открывает Ассирию.....39

Лэйярд в Нимруде и Ниневии.....40

Рассам и библиотека Ашшурбанапала.....46

Джордж Смит и «Всемирный потоп».....47

Открытие шумеров.....49

Разгадка секретов клинописи.....50

«Германия превыше всех».....53

Раскопки в Уре (Леонард Вулли).....58

У истоков месопотамской цивилизации.....59

Открытия продолжаются.....«°

ГЛАВА 3

У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ.....69

История начинается в Шумере.....69

Загадки Убейда.....?2

ОГЛАВЛЕН

Урукская культура.....79

Урук (Эрех) — заря цивилизации.....81

Рождение клинописи.....§4

Протописьменный период.....gg

Откуда пришли шумеры?.....92

ГЛАВА 4

ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ.....Ю0

Урук, год 2800 (2700) дон.э.....Ю6

Цари I династии Ура.....цд

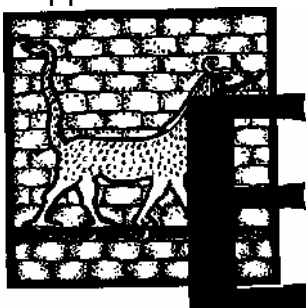
«Плач» о Лагаше.....120

ГЛАВА 5

НОВЫЕ ВЛАДЫКИ:	
САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ.....	127
Шумерский ренессанс.....	138
Падение Ура: Шумер умер, да здравствует Шумер!.....	148
ГЛАВА 6	
СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	153
Два сектора экономики и три класса шумерского общества.....	160
Экономика и общество Месопотамии в эпоху III династии Ура.....	163
ГЛАВА 7	
ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ.....	172
Планировка и структура месопотамского города.....	176
Размеры и численность населения.....	178
Ур халдеев.....	180
Священный участок Ура.....	183
Шествие мертвецов.....	188
В гостях у жителей Ура.....	195
В доме Эйанацира.....	199
Школа в Шумере.....	203
Другие постройки.....	208
ГЛАВА 8	
КОСМОГОНΙΑ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ	
В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ.....	210
Пантеон богов Шумера и Аккада.....	219
ОГЛАВЛЕНИЕ	
228	
Скульптура	
Цилиндрические печати Ювелирное искусство	
Мифы о богине Инанне (Иштар).....	
Судьба человека (жизнь и смерть в представлениях древних шумеров).....	242
ГЛАВА 9	
ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ.....	254
Легенда о Рае.....	255
«Всемирный» потоп.....	258
Борьба с драконом, или Первый святой Георгий.....	266
Город Мари и Библия.....	272
ГЛАВА 10	
НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ.....	274
Искусство Шумера и Аккада.....	274
Архитектура.....	275
.....	276
.....	280
.....	282
Искусство Аккада.....	286
Зарождение научных знаний в Месопотамии.....	288
ГЛАВА 11	
ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА ...	311
Седьмое чудо света.....	311
Смутные времена в Месопотамии.....	321
Великий Хаммурапи.....	322
Ассирия и Вавилон.....	326
Последний взлет Вавилона.....	328
Закат Вавилона.....	337
ГЛАВА 12	
АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ.....	341
Прелюдия.....	341
Ашшурназирпал II (884-859 гг. до н.э.).....	347
Новые владельцы страны.....	352
Саргон II.....	356
Синаххериб (705-681 гг. до н.э.).....	360
Асархаддон (681-669 гг. до н.э.).....	362
Ашшурбанапал (668-627 гг. до н.э.).....	364
ОГЛАВЛЕН	
Гибель империи.....	369
Ассирийское государство.....	371
Ассирийская армия.....	374

Ассирийское искусство.....	377
Писцы Ниневии.....	
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	
382	
,385	
Синджарские встречи.....	387
В гостях у бедуинов.....	390
Поклонники сатаны.....	394
«Шургатцы» — друзья и помощники археологов.....	400
Прочные традиции российского востоковедения.....	404
Разгром культурного наследия Ирака.....	406
Карта Месопотамии с древнейших времен до конца III тыс. до н.э.....	415
Карта Передней Азии во II тыс. до н.э.....	416
Карта Ассирийской державы в XIII-VII вв. до н.э.....	417
Хронология и периодизация древних культур Месопотамии (от истоков земледелия до персидского завоевания).....	418
Список литературы.....	420
Список иллюстраций.....	421
Именной указатель.....	426
Указатель понятий и названий произведений.....	432
Указатель топонимов и этнонимов.....	434

ВЕДЕНИЕ

ели спросить у случайных прохожих даже в таком многолюдном и просвещенном городе, как Москва: «Что вы знаете о Древней Месопотамии?» — то, полагаю, многие просто пройдут мимо, молча пожав плечами, у некоторых, возможно, это вызовет в памяти какие-то отрывочные факты или смутные воспоминания, сохранившиеся со школьных лет из учебника по истории Древнего Мира, и уж совсем в редких случаях набожные и верующие люди скажут, что знают из Библии об Ассирийском и Вавилонском царствах и о бесчинствах их жестоких правителей над «избранным народом» Палестины.

Между тем, есть веские причины изучать и широко пропагандировать богатейшую историю именно этого региона, где теперь находятся современные арабские государства Ирак и Сирия. Прежде всего, Месопотамия - это колыбель человеческой культуры и цивилизации. Здесь впервые на нашей планете возникли земледелие и скотоводство, постоянные поселки и города. Здесь впервые засиял свет письменной традиции: в конце IV тыс. до н.э. на этой земле появились глиняные таблички с клинописными текстами. О важности для развития цивилизации письменности говорил выдающийся российский востоковед И.М. Дьяконов:

«Письменность - одно из самых существенных культурных завоеваний человека. Хотя, казалось бы, она играет в истории культуры подсобную, техническую роль, очевидно, что без нее не было бы возможно то огромное культурное развитие человечества от каменного до атомного века...»

Именно в долине великих азиатских рек Тигра и Евфрата впервые возникло государство, а вместе с ним — подлинная архитектура (храмы, дворцы), скульптура, своды законов, литература, философия и т. д., — словом, все то, что определяет сущность подлинной цивилизации.

Следует также помнить о том, что наша европейская культура — прямая наследница «древнемесопотамской» культуры, или «вавилонской», как ее называет известный отечественный исследователь М.В. Никольский.

«Из восточных народов, — пишет он, — наиболее высокую культуру выработали... вавилоняне; их культура оказала наибольшее влияние на их соседей и на греко-римскую культуру... И среди восточных (читай, месопотамских. — 5.Г.) элементов современной культуры преобладают именно вавилонские элементы. Мы теперь не замечаем их, они вошли в нашу плоть и кровь, изменились и

переработались иногда до неузнаваемости; долгое время мы даже и не подозревали об их происхождении. Но они весьма многочисленны и напоминают нам о себе, можно сказать, ежедневно. Мы так привыкли, например, к семи дням недели, что нам и в голову не приходит спросить себя, откуда этот счет дней недели; так же мы относимся к двенадцати месяцам в году, или к 60 минутам в часе, или 60 секундам в минуте. Между тем, эти неотъемлемые, вошедшие в нашу плоть и кровь подразделения вовсе не составляют оригинального достояния нашей культуры, но ведут свое происхождение из незапамятной старины, из древнего Вавилона». Француз, немец, англичанин машинально повторяют свои названия дней недели, нисколько не подозревая о том, что эти слова — простой перевод старинных вавилонских названий. Сотни тысяч учеников в школе учат деление круга на 360 градусов, измеряют градусами дуги и углы, и никому из них не приходит в голову спросить, отчего вместо такого странного деления не разделить окружность круга на 100 или 1000 градусов по десятичной системе; ни один математик не задумывается над необходимостью такой реформы, ибо вся геометрия построена на этом делении, оно вошло в жизнь, и от него так же трудно отказаться, как от деления суток на 24 часа и часа на 60 минут. Оно имеет такую же почтенную давность и идет из того же Вавилона.

Мы до сих пор говорим про счастливого человека, что он «родился под счастливой звездой»; среди нас есть немало людей, которые искренне верят, что судьбу человека можно определить заранее по звездам, а каких-нибудь 100-200 лет назад даже серьезные ученые считали астрологию точной наукой. Родина астрологии — это тоже Вавилон, и ее основные правила были составлены вавилонскими астрологами. Есть слова, употребляемые нами ежеминутно и заимствованные все отсюда же. Таково слово «талант» — название

БДЕНИЕ

вавилонской меры веса и высшей единицы вавилонской денежной системы; оно давно утратило свой прямой первоначальный смысл и стало употребляться для обозначения известного человеческого качества, но идет все из того же Вавилона. «Мы часто говорим в шутку, — отмечает МБ. Никольский, — что *семь* — число священное, совершенно не сознавая, что бессознательно повторяем то верование, которое твердо хранилось у вавилонян. Множество следов вавилонского влияния можно найти также в Библии и в некоторых религиозных обрядах. Известные всем нам с детства сказания о сотворении мира, о древе жизни, о потопе, о вавилонском столпотворении впервые появились в Вавилоне, и автор библейских книг их только переделал по-своему и приспособил к вере в единого Бога... Таково до сих пор влияние старинного города, „чуда света“. Очевидно, стоит потратить время и труд, чтобы познакомиться с его историей и узнать, как были положены основания тем элементам нашей культуры, которые, именно благодаря своей древности и обычности, кажутся нам теперь самыми привычными явлениями...»

Нам интересна эта земля и из-за громадного количества постоянно открываемых археологами клинописных глиняных табличек, где вся тысячелетняя история и культура Месопотамии отражена с такой полнотой и на таком большом отрезке времени (с III тыс. до н.э. и до рубежа н.э.), что аналогов ей нет ни в одной другой ранней цивилизации нашей планеты.

Древняя Месопотамия сыграла огромную роль в создании мифов и преданий Библии — главной книги христиан (шумерский миф о всемирном потопе и др.).

Наконец, следует напомнить, что именно здесь, в Месопотамии-Ираке, находились два знаменитых «чуда» древнего мира — «Вавилонская башня*» и «Висячие сады Семирамиды». Где-то на этой земле или совсем рядом с ней помещался и сказочный Дильмун — прообраз библейского рая.

На территории Месопотамии на протяжении тысячелетий процветала цивилизация, которая по своей значимости вполне могла соперничать с цивилизацией Египта эпохи фараонов. Согласно современной терминологии, мы называем ее Халдейской, Ассиро-Вавилонской, Шумеро-Аккадской или Месопо-тамской, но это, в сущности, одно и то же. Из корней, уходящих далеко во мрак доисторических времен, она медленно возникала, расцветала и продолжала существовать почти три тысячи лет, оставаясь всегда удивительно единой, хотя ее неоднократно сотрясали и политические перевороты, и бесконечные вливания иноземной крови и иноземных традиций культуры. Городские центры этой цивилизации посылали благотворные импульсы своей высокой культуры по всему Ближнему Востоку, где такие города, как Ур, Урук, Нип-пур, Аккад, Вавилон, Ашшур и Ниневия, все стояли вблизи Тигра и Евфрата, в пределах современного Ирака, или непосредственно на берегах этих рек.

ВВЕДЕ

Однако в начале нашей эры месопотамская цивилизация постепенно приходит в упадок и

исчезает. Некоторые из ее культурных и научных достижений были заимствованы греками и позднее стали частью нашего культурного наследия; все остальное или погребено, или лежит погребенным в земле, ожидая встречи с археологами. Славное прошлое было забыто; в короткой памяти человечества об этих многолюдных городах, могущественных богах и грозных державах сохранились лишь немногие, сильно искаженные имена. Разрушительные дожди, насыщенные песком ветры, заставляющее трескаться землю солнце, — все это способствовало сокрытию материальных остатков этой цивилизации, и только безымянные холмы-«телли», которые скрыли в себе руины Вавилона и Ниневии, дают нам, вероятно, наиболее наглядный урок быстротечности жизни из всех, какие мы когда-либо могли видеть в истории.

Хорошо известно, что первые впечатления о стране — всегда самые яркие и свежие. Так было и со мной. Приехав в Ирак в апреле 1970 г., когда в Багдаде уже царила, по нашим меркам, настоящая жара (25-30°C), я навсегда сохранил в памяти все то, что увидел именно в первые дни. Правда, Багдад уже ничем не напоминал сказочный город средневековых арабских халифов. Но зато в провинции, в иракской глубинке, время как бы остановило свой стремительный бег, и здесь на каждом шагу явственно проступает тысячелетнее прошлое. Продолав за сутки долгий путь в 500 километров от иракской столицы до лагеря нашей археологической экспедиции в Ярым-тепе, близ города Телль Афар в Синджарской долине, на северо-западе страны, я оказался, по сути дела, в той самой древней Месопотамии, о которой мы читали в научных трудах и следы которой видели в музеях. На следующий день я проснулся очень рано и, одевшись, вышел из палатки. Над головой — голубое высокое небо и яркое горячее солнце. Кругом — безбрежное море зелени: травы и всходы пшеницы и ячменя. И вдруг в этом мире тишины и покоя передо мной оживила библейская пастораль: но склону близлежащего высокого холма медленно двигалось стадо овец и с ним, на осликах, два пастуха, старый и молодой, в каких-то допотопных длинных хламидах и с платками на голове. Ну чем не послание из глубины веков? Ведь точно так же бродили по месопотамской земле многие поколения пастухов и земледельцев. Они жили в таких же, как и сейчас, глинобитных хижинах, так же выращивали хлеб на своих полях и пасли стада овец и коз.

Но самое сильное впечатление от встречи с прошлым ждало еще впереди, когда мне пришлось побывать в древнем Ашшуре — первой столице грозной Ассирийской державы.

На одном из центральных участков этого городища, близ самого берега Тигра, весенние потоки на протяжении многих лет образовали в земле глубокую промоину, нисходящую прямо к реке.

Высота берега достигает здесь

ДЕНИЕ

не менее 15 метров. И почти вся его земляная толща состоит из следов человеческого обитания самых разных эпох — от раннеземледельческих культур V тысячелетия до н.э. и до мусульманского средневековья. Естественно, что археологи не преминули использовать эту игру природных сил: промоину углубили до самого дна, до речного песка, тщательно зачистили обе ее высокие стенки, отстоящие друг от друга по прямой на 25-30 метров, и получился идеальный, гигантских размеров археологический разрез. Говорят, эту нелегкую работу начал еще в конце XIX века немецкий археолог Вальтер Андрё, а продолжили уже в наши дни иракские ученые. Я осторожно подошел к самому краю искусственного каньона. Далеко внизу, в тени берегового откоса, глухо шумели коричневые воды Тигра. А на противоположной стенке каньона передо мной предстала живая летопись месопотамской истории. Почти от самой поверхности по вертикальным срезам земли шли и шли вниз бесконечные слои с осязаемыми следами эпох и культур, прошумевших здесь на протяжении тысячелетий. Из желтовато-серого лёсса повсюду торчали куски громадных глиняных «хумов» — сосудов для хранения масла, зерна и нива, печи для выпечки хлеба и для обжига керамики, остатки стен глинобитных и каменных зданий, человеческие кости и даже целые захоронения в глиняных гробах. Более впечатляющего зрелища я никогда больше не видел: вся бесконечно долгая летопись прошлого Месопотамии предстала вдруг перед моим взором. Парфяне, персы, вавилоняне, ассирийцы, шумеры и их безымянные предшественники раннеземледельческой поры — все они побывали в Ашшуре и оставили после себя вполне реальные следы. Расцветали и гибли города, одна цивилизация сменяла другую, и каждый раз на месте города мертвых вырастал город живых. Стоя на краю этого мрачного провала, как никогда ясно осознаешь и быстротечность времени, и чудовищную тяжесть веков, формировавших традиции нашей современной культуры.

На плоском острове посреди Тигра группа местных крестьян-феллахов в длинных белых рубахах кончила собирать вязанки хвороста и снопы травы и двинулась к поджидавшим их лодкам. Глядя на длинную вереницу согбенных фигур, было легко представить себе нескончаемую цепочку

людей предыдущих поколений, пронесших бремя человеческого труда сквозь туман прошлого. Семь тысяч раз сеяли хлеб и семь тысяч раз собирали урожай с тех пор, как первый предок современных иракских феллахов поселился на крутых прибрежных откосах Ашшура. Теперь несколько слов о самом термине «Месопотамия». Так называли этот регион древние греки: по-гречески «месос» — «середина», а «потамос» — «река», в целом это можно перевести как «междуречье». Современное название страны — «Ирак» — в переводе с арабского означает «земли, лежащие по берегам», примерно то же самое. В советский период в русскоязычной литературе широ-

ВВЕДЕ

ко употреблялся другой термин — «Двуречье». Географически Месопотамия занимает весь Ирак и часть Сирии.

С незапамятных времен жизнь в этом краю щедрого южного солнца была возможна только возле воды, и прежде всего вдоль Тигра и Евфрата. Вокруг зеленой ленты цветущих земледельческих оазисов Междуречья на многие сотни километров раскинулись лишь бесплодные пустыни да цепи выжженных до желтизны каменистых хребтов. Благодатные лёссовые почвы речных долин при должном уходе и орошении давали невиданные урожаи пшеницы и ячменя. Вот почему именно в Месопотамии еще на заре истории, в конце IV тыс. до н.э., родилась одна из наиболее ярких и наиболее ранних цивилизаций древности — шумерская.

«Мы знаем сегодня, — пишет немецкий историк Э. Церен, — что в недрах этой земли скрыты древнейшие культуры, созданные человечеством. Там находится колыбель нашей культуры, колыбель человеческого гения, его представлений и понятий, его веры и убеждений».

На протяжении многих веков Месопотамия оставалась важнейшим центром древней цивилизации. Ее цари диктовали свою волю соседним народам. Ее мудрецы и поэты создавали бессмертные произведения о человеке и мироздании, заимствованные позднее творцами Библии. Ее зодчие возводили величественные храмы и грозные крепости. А жрецы-астрономы изучали яркие южные созвездия, познавая тайны Вселенной.

Но настало время, и армия Александра Македонского сокрушила мощь главных восточных деспотий, доказав тем самым растущие возможности античной Европы. И вот что примечательно. Возникали и рушились империи, сменялись династии царей, гибли под мечами чужеземных завоевателей жители целых государств, а высокие достижения местной культуры не исчезали бесследно. Они передавались из поколения в поколение, от эпохи к эпохе, от одного народа другому. Шумеры породили Аккад и Вавилон. На смену последним пришла воинственная Ассирия. Мидийцы и скифы, персы, греки, римляне, арабы — все они в той или иной мере были наследниками первой цивилизации Месопотамии. «Их (шумеров. — *В.Г.*) цивилизация, — отмечает известный английский археолог Леонард Вулли, — вспыхнув в еще погруженном в варварство мире, была действительно первой. Прошли те времена, когда начало всех искусств искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу, вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок вобрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона и Ассирии. Но корни идут еще дальше: за ними всеми стоит Шумер».

С борта самолета на плоской поверхности желто-бурой Месопотамской равнины можно различить множество больших и малых искусственных холмов —

ЕДЕНИЕ

по-арабски «теллей». Это бесценный исторический архив тех тысячелетий, которые отшумели над древней землей Ирака. В каждом таком холме скрыты руины городов и селений разных народов и разных эпох. Глиняные таблички с клинописными текстами донесли до наших дней названия лишь немногих из них: Ур и Урук, Ниппур, Киш, Лагаш, Вавилон, Нимруд, Ниневия.

Но Месопотамия — не Египет. Турист, путешествующий сегодня по Ираку, может побывать во многих районах страны, но ему даже в голову не придет, что окружающие его холмы — это древние города. В стране нет величественных памятников, способных привлечь внимание туристов, и им трудно представить себе, что во время своих бесчисленных скитаний они, возможно, ступали по базарной площади бывшей столицы или по развалинам некогда величественного храма. Невозможно вообразить, что пустыня вокруг когда-то была цветущим садом, а звенящую тишину нарушали разноязыкие голоса.

Американский археолог Э. Кьера, глядя на руины древнего города Киша — одного из важнейших шумерских центров III тыс. до н.э., в отчаянии воскликнул: «Мертвый город! Я бывал в Помпеях и Остии, бродил по пустым коридорам Палатина (дворец в Риме. — *В.Г.*). Но те города не мертвы; они лишь временно покинуты жителями. В них еще слышится шум жизни и жизнь кипит вокруг

них. Они — лишь ступень в развитии той цивилизации, которой они отдали себя и которая продолжается рядом с ними. Здесь же настоящая смерть. Ни единой стоящей колонны или арки, которая бы служила доказательством долговечности дел человеческих. Все рассыпалось в прах...» Почему же это произошло? *Во-первых*, потому, что Месопотамия — страна глиняных цивилизаций: все местные постройки, от гигантских храмов и дворцов до скромных крестьянских хижин, строились здесь из глиняных блоков (то есть из не обожженного, а просто высушенного на солнце сырцового кирпича). Поэтому такие сооружения без постоянного ухода (ремонт, перестройка и т. д.) быстро рушились и превращались в безликие глиняные холмы.

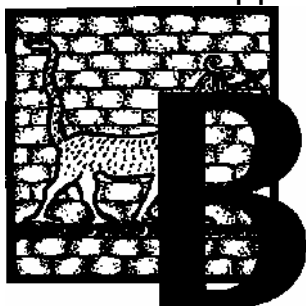
Во-вторых, все благополучие месопотамских культур и цивилизаций (особенно на юге региона) зависело от состояния обширной сети оросительных каналов, плотин и дамб. И когда нашествие татаро-монгольских орд в XIII-XV вв. н.э. сокрушило всю систему местной власти и тем самым уничтожило контроль и уход за ирригацией, страна быстро пришла в упадок, а большая ее часть превратилась в гигантскую лёссовую пустыню. Славное прошлое Месопотамии вскоре было забыто. Разрушительные песчаные бури, дожди и палящее солнце быстро превратили все великолепные постройки этих городов, сделанных из глины, в округлые безымянные холмы, надежно хранящие тайны древней истории Востока. И только археологии суждено было вновь вернуть миру забытые и погребенные в земле великие цивилизации прошлого.

ВВЕДЕ

Автор не только лично принимал участие в многолетних работах Советской археологической экспедиции по исследованию раннеземледельческих поселений VII-IV тыс. до н.э. на северо-западе Ирака (1970-1980 гг.), но и имел возможность посетить многие всемирно известные месопотамские памятники древности: Вавилон, Ниневию, Ур и др. Эти личные впечатления и легли в основу предлагаемой вниманию читателей книги. В ней будет рассмотрена история древней Месопотамии с дошумерской поры (VII-IV тыс. до н.э.) и до падения Вавилона под ударами персидского императора Кира в 539 г. до н.э.

ГЛАВА 1

ВОДА, ЗЕМЛЯ И ЖИЗНЬ ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ)

ероятно, нигде больше влияние географии на историю не проявляется так заметно, как в странах, которые занимают пространство от Средиземного моря до Персидского залива и от Иранского нагорья до Аравийского полуострова. Они и составляют основу того региона, каковой мы называем сейчас Ближним Востоком.

В больших пустынях и экваториальных тропических лесах или поблизости от полюсов, в Арктике и Антарктике, человек подавлен враждебной природой, угрожающей самому его существованию. С другой стороны, в областях с умеренным климатом, в условиях благоприятного природного окружения человек чувствует себя как дома. Однако на засушливом, субтропическом Ближнем Востоке взаимоотношения между человеком и природой более тонки, деликатны и непостоянны. Человек может там жить и даже благоденствовать, однако почти все виды его деятельности в значительной мере обусловлены рельефом местности, характером почвы, количеством дождевых осадков, распределением водных источников (колодцы, ручьи и др.), объемом воды и скоростью течения рек. Эти природные факторы оказывали на людей глубокое влияние: они определяли маршруты торговых караванов и планы военных кампаний; они заставляли людей быть оседлыми земледельцами или же принуждали их вести полную лишений жизнь кочевников; они же активно участвовали в формировании физических и

18

ГЛАВА 1. ЗЕМЛЯ, ВОДА И ЖИ

моральных черт местного населения и во многом предопределяли его религиозные воззрения. Поэтому знакомство с историей любой ближневосточной страны следует начинать с изучения

географической карты, и древняя земля Ирака не является здесь исключением. К сожалению, у нас нет древних трактатов по географии Месопотамии III-I тыс. до н.э. Недавние палеоботанические, геологические и метеорологические исследования показывают, что природно-климатические условия в интересующем нас регионе в течение последних восьми — шести тысяч лет практически не менялись, либо эти изменения были столь незначительны, что их можно игнорировать. Поэтому все данные естественных наук по Ираку современному, за редким исключением, могут быть вполне применимы и к Ираку древнему (ландшафт, флора и фауна, температура воздуха, количество осадков и т. д.). Хотя, естественно, есть и обратные примеры: например, в центральной и южной частях страны реки текут по другим руслам, нежели в древности, а некоторые плодородные прежде районы превратились в пустыню.

Но не только голые горы, каменистые пустыни, ячменные поля, рощи финиковых пальм, заросли тростника и лёссовые равнины образуют сейчас тот же ландшафт, который предполагается и для древней Месопотамии. Стоит выехать за пределы больших иракских городов, как седая древность (вместе со своим природным фоном) предстает перед вами во всей своей красе. На холмах и в предгорьях пастухи с незапамятных времен пасут овец и коз; в пустыне племена бедуинов кочуют от колодца к колодцу, как и в далеком прошлом; на месопотамской равнине иракские феллахи живут в глинобитных домах, почти не отличимых от жилищ земледельцев Вавилонии, в то время как рыбаки на болотах Южного Ирака, близ Персидского залива, обитают в больших тростниковых хижинах и плавают по воде на тростниковых лодках с высоко загнутым носом и кормой, как и их далекие шумерские или даже убейдские предшественники. И если солнцу, луне, дождю и ветру уже не поклоняются, то их могущество молчаливо признается и уважается. Таким образом, в мире действительно есть еще очень немного стран, где прошлое так живо и где природа на удивление хорошо сохранила свой почти первозданный облик.

«Как географическое целое, — отмечает известный английский археолог Сетон Ллойд, — Месопотамия образуется широкой незначительной по глубине впадиной, которая протянулась на северо-запад от Персидского залива и в геологическом отношении является его продолжением. Определить границы ее с обеих сторон не представляет собой трудности: на северо-востоке она ограничена понижающимися склонами хребтов Ирана, на юго-западе — гигантской пустыней, которую геологи называют Аравийским плато».

АВА1. ЗЕМЛЯ, ВОДА И ЖИЗНЬ

Территорию Месопотамии традиционно разделяют на две области, заметно отличающиеся друг от друга по природно-климатическим условиям: Северную (или Верхнюю), называемую обычно «Ассирией», и Южную (или Нижнюю), называемую «Вавилонией». Граница между ними проходит примерно через города Хит на Евфрате и Самарра на Тигре. К северу от этой линии Междуречье занято известняковым голым плато Эль-Джезира (арабск. «Остров»), которое запирает Евфрат в довольно узкой долине. Тигр же, напротив, течет по широкому нагорью, по склонам которого раскинулись пастбища и пашни. Этот плодородный край и назывался когда-то Ассирией. К югу от черты Хит-Самарра, там, где реки образуют общую дельту, ландшафт совершенно иной: весь этот район — порождение Тигра и Евфрата. Именно благодаря их наносам, здесь образовалась огромная, совершенно плоская лёссовая равнина, которой нет равных по плодородию на всем Ближнем Востоке.

Тигр и Евфрат

Наиболее характерная топографическая черта Ирака — наличие двух больших рек, Тигра и Евфрата. Широко известное изречение древнегреческого писателя Геродота, «отца истории» (V в. до н.э.), о том, что Египет — это дар Нила, может быть с успехом приложено и к Ираку, различие состоит лишь в количестве рек-дароносцев. С незапамятных времен Тигр и Евфрат откладывают свои наносы на каменистое ложе между Аравийской платформой и Иранским нагорьем, создавая среди безжизненных пустынь обширную и плодородную равнину. Обе реки берут начало в горах Турции, где их питает множество местных речек и ручьев. Проложив себе путь через отроги горных хребтов, они устремляются на юг. По характеру эти реки абсолютно не похожи друг на друга. Так, стремительный и многоводный Тигр течет на юго-восток, вдоль горной цепи Загрос. В нижнем течении он (уже в исторические времена) не раз менял свое русло, вот почему постоянных поселений на его берегах долго не возникало. Было время, когда Тигр впадал прямо в Персидский залив; сейчас же он сливается с Евфратом, и образовавшийся из двух рек Шатт-эль-Араб (в 100 км к северу от современного портового города Басры) впадает в море. Все притоки Тигра берут начало в восточных горных областях: Хазир, Большой и Малый Заб, Дияла и др.

Путь у Евфрата совершенно иной. Покинув Турецкое нагорье, он несет свои воды на юго-запад и в

одном месте оказывается на расстоянии всего лишь 140 км от Средиземного моря. Затем он круто поворачивает к югу и образует широкую излучину. Ниже Каркемиша в него впадают два больших левых притока — Балх и Хабур. В районе Хита-Самарры Евфрат сближается с Тигром до 32 км и течет с ним почти параллельно дальше на юго-восток, к Персидскому

Иля 1. Река Евфрат в нижнем течении, в районе современного города Эн-Насиц близ древнего

заливу. Широкая петля, образуемая этими реками, превращает Верхнюю Месопотамию в своеобразный «остров». Евфрат не столь полноводен, как Тигр, да и течение у него намного спокойнее.

Разлив рек начинается в Месопотамии весной, в марте-апреле, когда в горах тает снег и обильно идут дожди. Первым разливается Тигр, на две недели позже — Евфрат. В отличие от Нила, наибольший паводок на месопотамских реках приходится на период созревания основной части зерновых культур, и поэтому нормальный цикл земледельческих работ возможен здесь лишь в том случае, если речная вода будет своевременно отведена в каналы и бассейны, где ее сохранят для полива хлебов после осеннего сева.

«Тигр, — пишет журналист О.Г. Герасимов, — считается самой беспокойной рекой Ирака.

Выходя из берегов, он затопляет большие площади пло-

1. ЗЕМЛЯ, ВОДА И ЖИЗНЬ

родных земель, прилегающих к его берегам, размывает глинобитные лачуги, уничтожает скот. Сообщения об уровне воды в период весеннего паводка напоминают сводки с полей сражений, так они лаконичны и строги, но за каждым их словом или цифрой скрывается многое: будут ли крестьяне снимать урожай, или, перебравшись на высокое место, им придется наблюдать, как бешеная река уносит выращенные с большим трудом посевы, смогут ли они сегодня спокойно лечь спать или, застигнутые стихией, будут сидеть на грозящей рухнуть крыше дома и искать воспаленными от напряжения глазами лодку своих спасителей».

Мне приходилось видеть весенний разлив Тигра в районе северного иракского города Мосула, и я могу подтвердить, что автор приведенной выше цитаты не допустил ни грана преувеличения. Последнее разрушительное наводнение Тигра было зафиксировано в 1954 г., когда сильно пострадали столица страны, Багдад, и многие другие города. С тех пор человеку удалось заметно усмирить разгул водной стихии: большие защитные плотины построены близ Самарры и в Куте. Самое поразительное, что еще за четыре тысячелетия до наших дней почти в тех же самых словах описали грозные наводнения Тигра и Евфрата древние вавилоняне:

Никому не остановить пожирающего все потока.

Когда небо гремит и дрожит земля,

Когда матерей и детей окутывают страшные покровы тьмы,

Когда зеленый тростник склоняет под ударами

свои пышные стебли. И гибнет готовый к жатве урожай.

Поздний разлив усиливал засоление почв из-за большого испарения воды при все повышающейся температуре. Засоленность полей снижала урожаи, и по прошествии какого-то отрезка времени (длительность его могла колебаться) приходилось начинать освоение новых земель, что в свою очередь вело к перераспределению населения. Существовала еще одна особенность в характере этих рек, связанная со стремительностью и поздним временем их разливов: ил, который они несли, был значительно менее плодороден, чем нильский, поэтому его нельзя было тут же отправлять на поля. Кроме того, он засорял каналы, которые несли воду во внутренние части страны; он также снижал мощность потока воды. Каналы приходилось очищать или заменять новыми.

Летом температура колеблется от 30 до 50 градусов в тени, дождя не бывает на протяжении восьми месяцев в году. К концу сухого сезона реки превращаются в узкие ленты. Потом приходит зима: днем неярко светит солнце, ночью холодно, время от времени налетают ураганные ливни.

Реки, однако, не наполняются до самой весны, когда их притоки начинают питаться за счет

Илл 2. Река Тигр в районе Багд

таяния снегов в горах Загроса и Тавра. Наступает пора весеннего разлива. Менее ста лет назад его считали еще неконтролируемым, и на протяжении всей истории страны он терроризировал обитателей южной месопотамской равнины.

Особенно трудными были в глубокой древности условия жизни в Нижней Месопотамии. До укрощения рек занятие земледелием было здесь невозможным: в болотистые лагуны и озера приливы Персидского залива и муссонные ветры заносили горько-соленую воду, а тростниковые заросли кишели дикими зверями и мириадами комаров. «Однако, — пишет И.М.Дьяконов, — когда в результате развития скотоводства и земледелия население Плодородного полумесяца начало расти, а земледельческие поселения стали все более выдвигаться в степь, некие, неизвестные нам, племенные группы, может быть теснимые своими соседями-врагами, ушли из таких селений в Нижнюю Месопотамию, где им сразу же пришлось применить какой-то ранее накопленный опыт

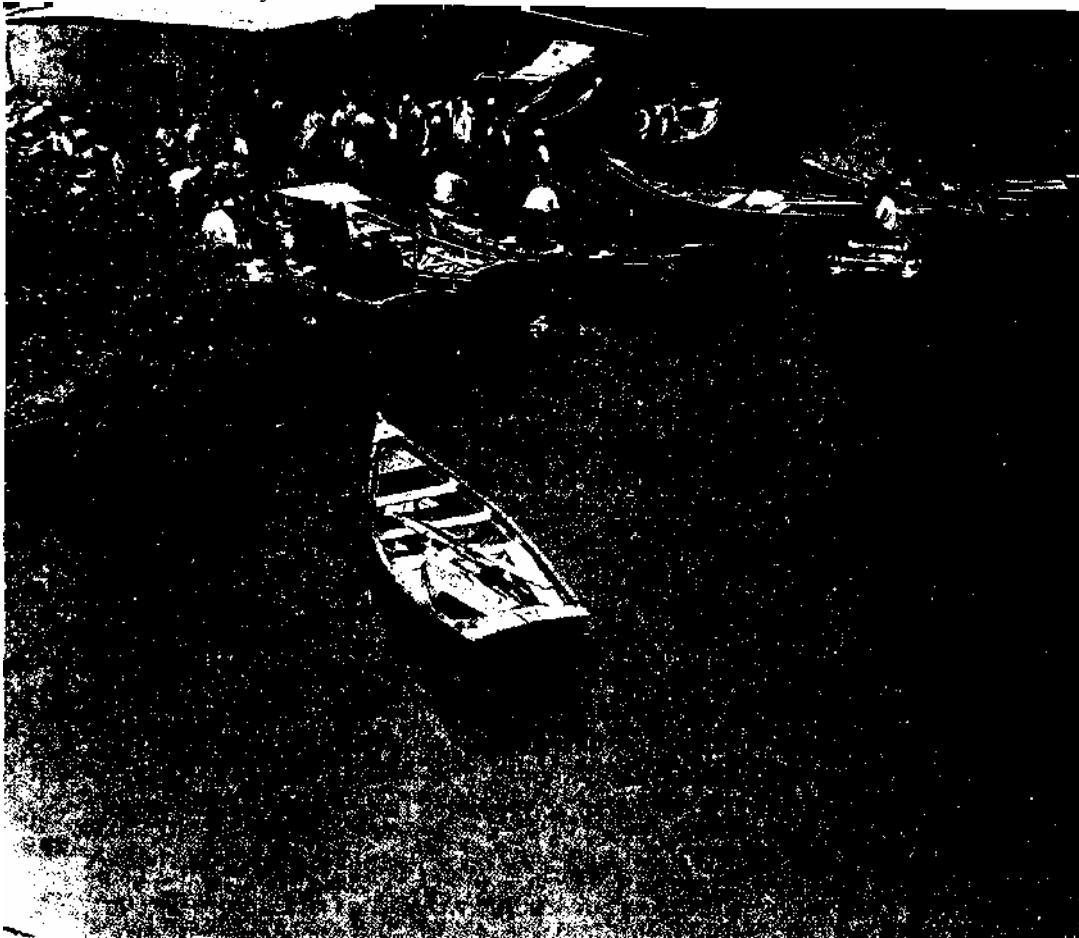
ЧВА1. ЗЕМЛЯ, ВОМ И ЖИЗНЬ

создания каналов, потому что без искусственного орошения полей в этом жестоком климате человек неминуемого бы погиб. Вероятнее всего, первые люди пришли сюда через долину Диялы, а также из соседнего Элама».

«И действительно, — говорит М.В. Никольский, — трудно найти более неприветливую страну. Если мы приедем туда осенью или зимой, то увидим голые песчаные пустыни, чередующиеся с обширными болотами. Ни в пустыне, ни на болоте жить нельзя, и бедные деревушки местных арабов расположились в немногих удобных местах жалкими крошечными островками. В песчаных местах нет жизни; там воет юго-западный ветер, несущий тучи песка из соседней Аравии,

насыпает холмы и дюны, в которых вязнет нога; на такой почве может расти только низкий колючий бурьян, по ночам оглашаемый воем голодных шакалов и гиен. Над болотами поднимаются испарения, но около них все-таки больше жизни. Вьются стаи птиц, зеленеет тростник, а в прилегающих к болотам более или менее увлажненных местах растут небольшие рощицы финиковых пальм. Только шесть недель, в ноябре и декабре, идут дожди, местами отвоевывая поле у пустыни. Не менее печален вид Сеннара (Нижней Месопотамии. — В.Г.) весной и летом, когда начинается пора изнурительной жары. Как осенью и зимой страна представляет собой песчаную пустыню, так весной и летом она является водяной пустыней. В начале марта быстро разливается Тигр, в середине марта начинает медленно разливаться Евфрат. В апреле воды разлившихся рек сливаются, и страна превращается в одно сплошное озеро...» Это постоянное противоборство природных сил на юге Месопотамии не могло не волновать человека уже с глубокой древности, что нашло свое отражение прежде всего в религиозной сфере — в различных мифах и преданиях, например, в легенде о сотворении мира в Шумере и Вавилонии. Легенда навеяна двумя местными природными явлениями: изменением береговой линии Персидского залива, все дальше выдвигавшейся в море, и ежегодными разливами Тигра и Евфрата. «И то, и другое явление, — отмечает М.В. Никольский, — казалось шумерам жестокой борьбой воды и суши, причем суша, несмотря на всю ярость моря, неизменно побеждала». Суша не только не побеждена морем, но и отвоевала себе новые владения у морской стихии: бушующие волны принесли с собой огромные массы песка и ила, поднявшиеся со дна взбаламученного моря, и отложили их на низменном берегу, потом вода схлынула, а наносы остались, и таким образом суша выдвинулась в море. Такая же борьба и с таким же результатом ежегодно повторяется в долине двух великих рек.

Шесть недель идут зимние дожди, болота превращаются в озера, каналы и реки переполняются, бурлят и выходят из берегов. Дожди кончаются, выглядывает весеннее солнце, но торжество водной стихии как будто еще только

Илл 3. Рыбачьи лодки на

начинается. Разливаются Тигр и Евфрат, еще не успевшие войти в берега после зимних дождей, и почти на четыре месяца страна превращается в сплошное море. Кажется, что земля навеки погребена под водой; но лучи солнца делают свое дело, и медленно, но неуклонно вода должна

уступить место суше. Эти явления природы шумеры издревле объясняли действиями богов и борьбой между ними. Кто как не Энлиль, бог, живущий в горах, бог земной тверди, создает сушу, борется за ее торжество над водной стихией?

Водная стихия казалась двойственным началом: с одной стороны, она несет с собой разрушение, грозит человеку и другим живым существам смертью, подкатывается под храмы богов, размывая холмы, на которых они построены, как будто нет злее врага для богов и людей. С другой стороны, водная стихия содержит в себе и нечто созидательное: она орошает поля; когда разливаются Тигр и Евфрат, то над ними и среди вод их разлива пышно расцветает и

VI. ЗЕМЛЯ, ВОДА И ЖИЗНЬ

растительная, и животная жизнь; густо разрастаются тростник и осока, вода кишит земноводными и рыбой, а над поверхностью вод кружатся мириады насекомых и летают стаи птиц. Эта грозная и в то же время живительная стихия казалась древним месопотамцам какой-то божественной силой. Совсем иную картину наблюдаем мы в Северной (Верхней) Месопотамии, лежащей в сухой субтропической зоне. На ее севере простирается холмистая земля, куда влажные ветры со Средиземного моря приносят достаточно обильные зимние дожди для ранних посевов и где в древности местами росли кустарники. Несколько дальше к югу лежит второй район — сухие степи, но и здесь вдоль холмов можно сеять хлеб, почти или совсем не пользуясь искусственным орошением, а в степи достаточно растительности для прокорма стад. Водой из рек или колодцев поливают только сады и огороды. Большую часть года ландшафт гол и уныл, но весной вся степь покрывается травами и цветами.

Наконец, с севера и востока к этой холмистой равнине прилегает горная страна, которую называют сейчас Иракским Курдистаном. Он напоминает по форме полумесяц, один рог которого упирается в современный город Хоакин, а другой — в переправу через Тигр вблизи Файш-Хабура, где сходятся границы Сирии и Турции. Деревни — скопления каменных домиков, прилепившихся к горным склонам; пирамидальные тополя, а на горных террасах — плантации винограда и табака. В горах часто встречаются леса из низкорослого дуба и средиземноморской сосны.

Несмотря на очевидное географическое единообразие Ирак — это страна контрастов. Если степь на севере и болотистые низины на юге можно рассматривать как локальные варианты Великой Месопотамской равнины, то между равнинной и предгорной областями (не говоря уже о горных хребтах Загроса), между севером и югом существуют поразительные различия в рельефе, климате и растительности. И на протяжении многих тысячелетий можно отчетливо проследить противоборство и соперничество между Севером и Югом Месопотамии, или, если пользоваться историческими терминами — между Шумером (Вавилонией) на юге, с одной стороны, и Аккадом (Ассирией) на севере — с другой.

Вавилония и Ассирия занимали плодородные земли, находившиеся в стороне от огромного и пустынного Аравийского полуострова. Земли эти простирались на северо-запад от болотистых берегов Персидского залива вдоль рек и горных отрогов Загроса, Тавра и, наконец, Ливанского хребта, за которым открывались пути из Месопотамии к Средиземному морю и далее на юг, к Египту. Евфрат, особенно в нижней трети своего течения, резко отделяет плодородные земли Междуречья от пустыни. Тигр не создавал никакого четкого естественного рубежа на востоке. И это обстоятельство имело, конечно, свои важные политические последствия.

ГЛАВА 1. ЗЕМЛЯ, ВОДА И ЖИЗНЬ

«Границы между Месопотамией и горными районами, расположенными вверх по Тигру на северо-восток и по верховьям Евфрата на севере, — пишет известный востоковед А. Лео Оппенхейм, — никогда не были стабильными. Через них осуществлялись контакты с теми районами, которые обеспечивали более или менее надежную связь с равнинами Внутренней Азии. По тропам с гор доставляли такие важные материалы, как металлы (в особенности олово), драгоценные камни, ароматические вещества, строительный лес. В тот период в связи с ростом основанного на земледелии благосостояния жители равнины стали испытывать потребность в этих материалах. Лишь в редких случаях контакты с жителями гор носили миролюбивый характер. Горцы оказывали постоянное давление на жителей равнин. Последние давали отпор, но степень их сопротивления зависела от политической и экономической обстановки. Горцы проникали на равнины то в качестве работников или наемников, то как завоеватели... Через юго-восточную границу — побережье Персидского залива и прибрежные острова — Месопотамия осуществляла связь с Востоком (Ома-ном-Маганом или еще более отдаленной Мел у ххой-Индией), откуда ввозили некоторые виды растений и животных, а также строительный лес и драгоценные камни. По причинам, не выясненным до сих пор, эта связь была прервана почти на тысячелетие — со

времени Хаммурапи и вплоть до падения Ассирии.

Южной и юго-западной границей Месопотамии служил Евфрат с обширными пустынями по западному берегу. На юге (возможно, вдоль побережья) имели место спорадические контакты с местным населением; более регулярные контакты происходили в районе среднего течения Евфрата. Испытанными путями многократно вторгались и непрерывно просачивались даже за Тигр малые и большие племена кочевников, говорившие на семитских языках...

Последняя, западная граница предлагает ряд до сих пор нерешенных вопросов. Каково было ее значение в развитии, а возможно, и происхождении месопотамской цивилизации? Каковы все компоненты совместного влияния Малой Азии, побережья Средиземного моря и даже его островов, которое оказывалось при посредничестве Сирии? Процесс обмена происходил по нескольким проторенным путям, усиливаясь в периоды завоеваний и не прекращаясь даже во время войн и междоусобиц. Пути эти пролегли от излучины Евфрата к городам, расположенным на побережье Средиземного моря».

Таким образом, Нижняя Месопотамия (или Вавилония) — плоская лёссовая равнина, образованная наносами Тигра и Евфрата — обладала неисчерпаемыми земледельческими возможностями благодаря плодородию своих почв. Согласно сообщениям античных авторов (Геродот, Страбон и др.), урожаи пшеницы и ячменя давали здесь сам-двести и сам-триста, что больше, чем урожайность лучших пшеничных полей в современной Канаде. Правда, для практической реализации этого потенциала требовались колоссальные

ША1. ЗЕМЛЯ, ВОДА И ЖИЗНЬ

усилия местного населения по строительству каналов, плотин и дамб в целях обуздания строптивного нрава двух главных рек региона. Но когда это произошло, на рубеже IV и III тысячелетий до н.э. именно Нижняя Месопотамия стала колыбелью первой высокой цивилизации нашей планеты — шумерской.

Вместе с тем, месопотамский Юг (в отличие от Севера) был практически лишен почти всех важных для человека природных ресурсов — строительного леса, камня, металлов и т. д. и т. п. Единственным «богатством» региона были глина, тростник и жидкий асфальт (битум). Поэтому южане вынуждены были с давних пор обменивать у своих соседей излишки сельскохозяйственной продукции на нужные материалы, что, естественно, способствовало развитию сначала межплеменного, а потом и межгосударственного обмена.

И все же мне хочется передать читателю представление о месопотамском климате не только из солидных трудов специалистов, но и из первых рук, исходя из своего немалого личного опыта.

У природы нет плохой погоды...»

В городских условиях человек почти не ощущает погоды — не обращает внимания на ее капризы: дожди, ветры, грозы, снегопады. Погода важнее для сельского жителя — к ней приспособлен весь уклад его жизни.

Но особенно чувствуют погоду люди, вынужденные в силу своей профессии подолгу жить «в чистом поле» (в степи, в тайге, в пустыне, в горах) в палатках и шалашах, в легких избушках и домах-вагончиках: геологи, охотники, геодезисты, топографы, археологи. От тончайших нюансов местной погоды зачастую зависит не только успех всей их работы, но иногда и сама жизнь. Вот почему так пристально всматриваются они по утрам в едва светлеющее на востоке небо, проверяют направление и силу ветра, прикидывают свой путь в расчете на зной, дождь или снегопад.

Не была исключением и наша археологическая экспедиция в Ираке. И когда меня спрашивали в Москве знакомые: «Ну как там у вас в Ираке с погодой?» — я отвечал нарочито сдержанно и кратко: «Нормально». Это была игра, своеобразная защитная реакция человека, испытавшего на себе такие капризы иракской погоды, о которых можно долго рассказывать. Мое субъективное восприятие особенностей иракской погоды можно передать двумя словами — неистовство и непостоянство.

Это хорошо показал в своей краткой, но эмоционально насыщенной характеристике своеобразных природно-климатических условий Ирака немецкий историк Э. Церен. «Когда на севере в горах Армении, — пишет он в «Библейских холмах», — весной начинает таять снег, вода в реках прибывает. Поло-

Илл. 4. Месопотамская равнина близ города Бейджи (Ира

вудье на Тигре начинается обычно в марте, на Евфрате — в апреле. В июне-июле вода достигает самого высокого уровня. Тогда-то благодатная влага обильно орошает поля и делает их плодородными. Но иногда реки неожиданно выходили из берегов, вода разрушала дамбы и уничтожала посевы. Тогда приходил голод. Умирили не только животные, но и люди. Голод наступал людей, если большая вода приходила несвоевременно или же ее было недостаточно для орошения полей. Голод наступал их и в том случае, когда вода бушующим потоком мчалась с гор, уничтожая поля, дамбы, посевы. Вода была чем-то священным, о чем надо было постоянно молиться, потому что это была вода и жизни и смерти... Лето в Двуречье длится долго. Оно начинается уже в середине марта и продолжается до конца ноября. Зима фактически длится не более восьми недель. Уже в феврале в оазисах зеленеют луга. Климат здесь более жаркий и сухой, чем в другой части света. Летом жара доходит до 50 градусов, превращая страну в желтый ад: желтый песок покрывает безжизненным слоем

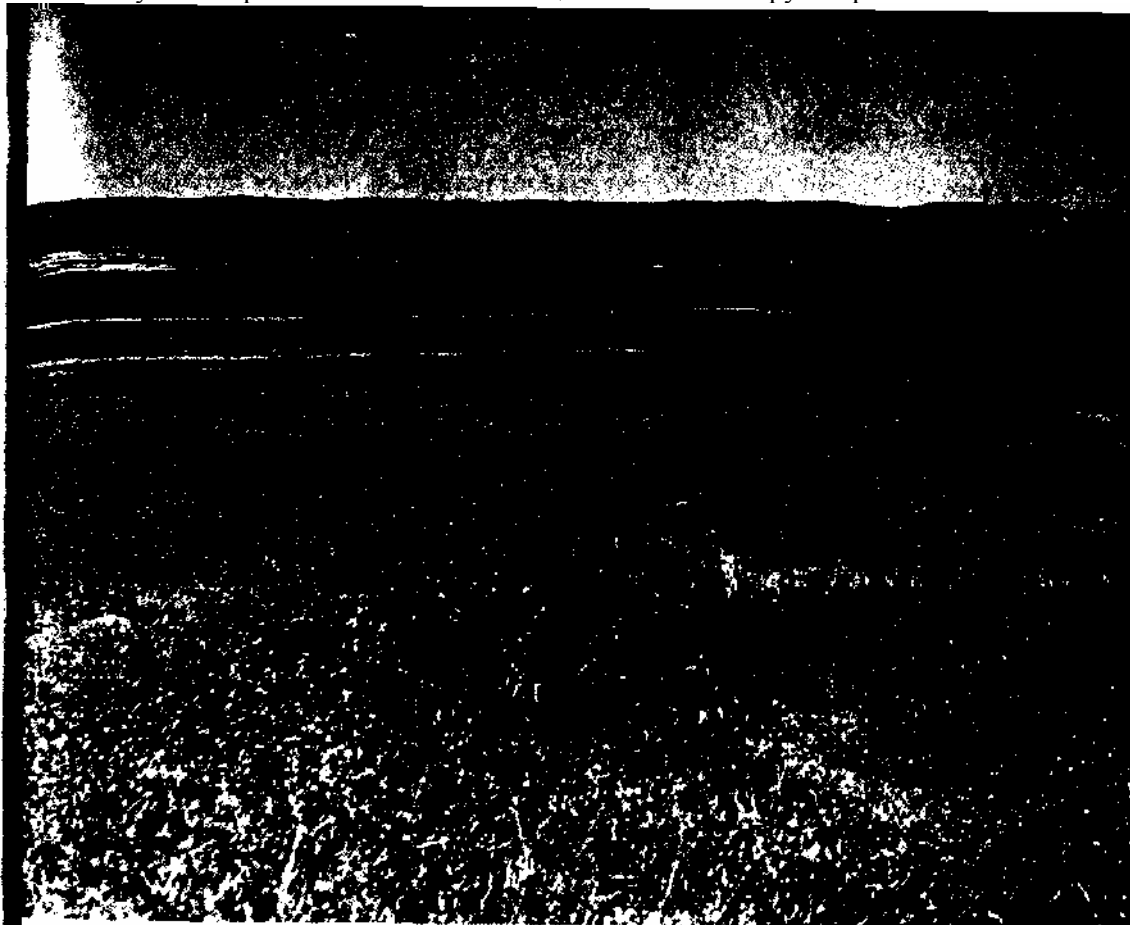
ЛАВА1. ЗЕМЛЯ, ВОДА И ЖИЗНЬ

холмы и долины. Гигантские песчаные смерчи несутся над высохшими полями, угрожая задушить людей и животных. Дожди выпадают редко. А уж если и пойдет дождь, то это не просто дождь, а сильнейший ливень. Под сверкание ужасных молний превращает он землю в море грязи... Природа демонстрирует здесь, в этой необычной стране двух рек, всю свою мощь. Она выразительно показывает человеку, как он беспомощен. Она в любое время года, как бы играючи, перечеркивает все его планы, делает его послушным и кротким. Но она делает его и терпеливым». Не знаю, испытал ли на себе лично автор «Библейских холмов» неистовый и могучий нрав иракской природы, но суть дела он передал удивительно точно и ярко. Конечно, север страны заметно отличается от более сухого и жаркого юга, но в целом и здесь мы наблюдаем поразительное сходство основных природных характеристик. Внезапно приходящие с гор разрушительные потоки-сели, грозы, пыльные бури, ветры, обложные, по неделе, дожди, невыносимая жара — все это представлено в избытке и в Синджарской долине. К тому же с середины апреля появляются змеи, скорпионы, фаланги и тысячножки. И все же главная трудность заключается в непостоянстве местной погоды, которая может измениться в считанные дни и даже часы. За сутки перепады температуры достигают 20-30 градусов. Естественно, так же резко меняются атмосферное давление и влажность. Да и жара, знаменитая месопотамская жара — сама по себе вещь достаточно серьезная. Где-то в 20-х числах апреля весна в Ярым-тепе почти без паузы переходит в знойное лето: сушь, голубое небо, солнце. Температура днем поднимается до 35-40 градусов в тени. Правда, ночи еще довольно прохладные, так что можно хорошо выспаться и набраться сил. Настоящая летняя жара приходит в Синджарскую долину лишь в конце мая — июне. Для иллюстрации сказанного приведу несколько выдержек из своего экспедиционного дневника за 1973-1975 годы.

18 апреля

Вторая половина дня. С юга, с Аравийского полуострова, дует ветер — хамсин. Пыльно и душно. Термометр у дверей базы показывает 32 градуса. Над Синджаром собираются и заволакивают

постепенно полнеба иссиня-черные тучи. Часов в девять вечера у нас разразилась невиданной силы гроза — редкая по ярости даже для этих мест. Сполохи молний длились по десятку и более секунд, освещая ночной мрак — хлебные поля, окрестные деревушки и наш лагерь — каким-то адским, призрачным светом фиолетового, зеленого и желтого цветов. Раскаты грома сотрясали степь на многие километры вокруг. А затем на наши видавшие виды брезентовые палатки обрушился даже не ливень, а какой-то потоп. Ветер тоже свирепствовал повсюду, пытаясь сорвать с кольев и унести прочь наши легкие жилища. Эта бешеная круговерть

Илл 5. Синджарская долина на северо-западе Ирсп

стихий продолжалась часа полтора-два. Потом все утихло, и мы заснули. Утро встретило нас обложным дождем и холодом. Температура не больше 10 градусов, но к полудню дождь перестал, вышло солнце, и началась изнуряющая, хуже сухой жары, парилка — выпаривание избытков влаги из окрестных полей.

29 апреля

Казалось бы, за семь лет работы в Ярым-тепе мы уже должны ко всему привыкнуть. Но сюрпризы местной погоды поистине неисчерпаемы. К вечеру небо обложило темными, какими-то пепельно-серыми тучами. Стало душно и тихо. Покрапал редкий дождь, который вскоре прекратился, но посреди ночи, где-то около часа, вдруг подул с севера страшной силы ветер — холодный и неумолимый. Я проснулся оттого, что моя раскладушка как-то странно дергалась и норовила завалиться набок. Наша палатка звенела и стонала под ударами бури,

ГЛАВА 1. ЗЕМЛЯ, ВОДА И ЖИЗНЬ

как плохо натянутый дырявый парус старого галеона. А что если это хрупкое жилище не выдержит и рухнет нам на головы? Чертыхаясь, вылезаем из спальных мешков, надеваем телогрейки и на пронизывающем ветру укрепляем палатки: подтягиваем ту же веревки и глубже забиваем колья. Опять ложусь в кровать. Штормовая какофония продолжается с неослабевающей силой. Чтобы не слышать жуткого воя ветра и хлопанья старого брезента, кладу на голову подушку и довольно быстро засыпаю. Утро — солнечное и ясное, но ветер дует с севера с такой же неослабевающей силой, неся с собой ледящий холод.

15 мая

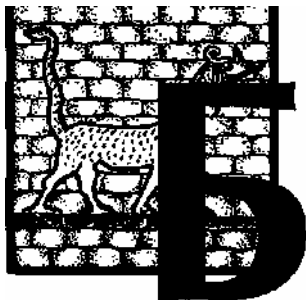
Жарко. Около четырех часов дня. Сидим на завалинке у дома на складных стульчиках и ведем

неторопливый разговор, отдыхая после трудного рабочего дня и недавнего обеда. Вдруг откуда-то с северо-востока, из-за речки Абры, в лагерь врывается небольшой с виду смерч и в течение одной-двух минут сносит все наши палатки. Сила удара такова, что некоторые раскладушки отлетают в сторону метров на двадцать.

Особого рассказа заслуживают закаты и ночное небо в Ярым-тепе. Переход от дня к ночи совершается здесь поразительно быстро. Солнце сначала лениво и плавно спускается к темному горбу Синджарского хребта, полускрытого белесой знойной дымкой. К вечеру воздух остывает и становится прозрачнее. И сразу все вокруг приобретает привычные живые цвета. Над головой будто раскрывается сказочный небесный купол. Иногда на нем видны легкие перья облаков, подсвеченные снизу и окрашенные в теплые розовато-желтые цвета. А часов в шесть с небольшим багряный диск солнца мгновенно скатывается вниз и исчезает за гребнем гор, словно его дернул за веревочку невидимый великан. Приходят сумерки и долгожданная прохлада. Еще через 10-15 минут наступает чернильной густоты темень. Затем одна за другой зажигаются в небе звезды, выплывает серебристая луна, и ожившая степь сбрасывает с себя остатки знойной дневной одури. Всюду слышны шорохи и звуки невидимой жизни. Надо сказать, что небо здесь черное-пречерное, словно бархат, а звезды — необычайно крупные и яркие. Ими можно любоваться часами. Серебристая пыль Млечного Пути, яркие гроздья Ориона, Большой и Малой Медведиц. Ох уж этот Ярым! Любимый и ненавистный, умиротворенно-благодостный и непримиримо-враждебный. Словом, сегодня, как и тысячелетия назад, природа в Синджарской долине по-прежнему ежеминутно и ежечасно воздействует на жизнь человека, его быт, хозяйство, физическое состояние.

ГЛАВА 2

В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

олее двух десятилетий назад известный американский историк С.Н. Крамер писал, что «археологические исследования, проведенные за последнее столетие в Египте и на Ближнем Востоке, обнаружили такие сокровища материальной и духовной культуры, о каких и не подозревали предшествующие поколения ученых. Благодаря наследию древних цивилизаций, извлеченному из-под толщи песка и пыли, в результате расшифровки древних языков, и восстановлению давно утерянных и забытых литературных памятников наш исторический горизонт сразу расширился на много тысячелетий».

И в этих словах нет никакого преувеличения. За сравнительно короткий срок археологи шагнули от времен, овеянных дымкой библейских преданий (конец I тыс. до н.э.), прямо к порогу первых городов и цивилизаций нашей планеты (IV-Штыс. до н.э.).

Великие культуры Шумера, Аккада, Вавилона, Ассирии и Египта неизмеримо обогатили наши представления о прошлом человечества. Но и это было лишь ничтожной частью того, что когда-то существовало. Полевые исследования в данном регионе по-настоящему только еще

разворачиваются: они требуют значительных материальных средств и усилий большого числа людей — рабочих и специалистов. Стоит ли поэтому удивляться, что почти каждый новый сезон археологических раскопок на Ближнем Востоке — этой общепри-

vBA2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

знанной колыбели человеческой культуры — приносит самые неожиданные результаты. Но путь к успехам археологической науки был долог и труден.

«О Месопотамии, или Двуречье, лежащем между Евфратом и Тигром, — пишет польский историк З. Косидовский, — до самого конца XVIII века было мало что известно. Туманные сведения о бурном и богатом прошлом этой страны черпали из Библии, да из малочисленных и к тому же противоречивых описаний древних путешественников. Здесь, в Ниневии и в Вавилоне, господствовали, как утверждает Ветхий Завет, жестокие цари-воины, которых Иегова покарал своим гневом за идолопоклонство. Но многие европейцы уже в то время считали Библию сборником

легенд, а рассказы о многолюдных городах и могущественных царях Ассирии и Вавилонии — по меньшей мере большим преувеличением». Представления об этих исчезнувших цивилизациях Древнего Востока исчерпывались легендами о Вавилонской башне и «висячих садах» Семирамиды.

Наиболее достоверные исторические сведения о Месопотамии относятся лишь к I в. до н.э. (трактат вавилонского жреца Бероса). Известно, что несмотря на непрерывные войны, бесчисленные вторжения завоевателей и смены правителей Месопотамия продолжала оставаться многолюдной и богатой страной, где процветали торговля и ремесла, искусство и архитектура. «До той поры, пока оросительные каналы на этой территории, — отмечает З. Косидовский, — содержались в хорошем состоянии, ни одна война и ни одно вторжение завоевателей не смогли уничтожить плодородной земли. Разумная система каналов, распределяющая воды Тигра и Евфрата по широким просторам, являлась главным и единственным источником благосостояния Месопотамии. Люди не помнили, кто соорудил так умно и заботливо эти каналы. Никто даже не догадывался, что строители их жили за несколько тысячелетий до нашей эры в библейских городах Уре, Вавилоне и Ниневии. В Месопотамии сменялись правители, народы, культуры. После шумеров, аккадцев, ассирийцев и халдеев пришли сюда персы, потом — греки, а сельское население продолжало жить своей собственной жизнью, улучшая каналы и собирая урожай...» В средневековье Месопотамия пережила период нового подъема. Одновременно с захватом страны мусульманами сюда из Дамаска был перенесен главный центр ислама. Халифы сделали своей столицей Багдад, пышность, совершенство архитектуры и сказочное очарование которого стали легендарными.

Позднее страну захватили турки под предводительством сельджуков. Они создали Великую Багдадскую империю, но внешне мало что изменилось в этом краю. Сеть каналов и речных плотин сохранилась в целостности несмотря на бурные, трагические события, и земля продолжала давать богатые урожаи. «И только целый ряд грабительских нашествий монголов во главе с Хулагу и

Илл. 6. Автор книги В.Г. Гуляев (слева) на раскоп, Телль-Магзалии, Ш

Тамерланом превратили страну в пепелище. Была разрушена система каналов, и земля, лишенная живительной влаги, перестала родить, высохла и потрескалась под палящими лучами солнца и, наконец, превратилась в море летучей пыли... Цветущий край стал пустыней с загадочными курганами; но их безбрежным степям бродили кочевые племена. С тех пор на многие века люди забыли о существовании древней Месопотамии» (З. Косидовский).

Для большинства современных туристов первый контакт с древними памятниками Ирака вызывает только шок и разочарование. Их приводят на высокий холм и говорят, что здесь когда-то стоял древний город. Когда они подходят поближе, то иногда могут разглядеть такие чудесные сооружения, как башня-зиккурат в Уре или Ворота Иштар в Вавилоне. Но в большинстве случаев они видят лишь развалы сырцового кирпича и груды желтой земли, усеянной обломками керамики. И вот они теряются в загадках и удивляются — как же все это случилось?

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

Ответ на этот вопрос состоит в том, что эти древние города были построены только из глины. Камень исключительно редко встречается в Ираке, в то время как глина всегда под рукой. В очень ранние времена дома делались из пластов глины или бесформенных ее комков, спрессованных вместе. Но очень скоро удалось установить, что глина, смешанная с соломой, гравием или черепками керамики и помещенная в деревянные формы, дает хорошие кирпичи, которые нужно лишь высушить на солнце и скрепить друг с другом гипсовым раствором. Конечно, обожженные в печах кирпичи были более прочными и долговечными, особенно когда их скрепляли битумом, но это был очень дорогой материал, так как дерево для его обжига было привозным и очень ценным топливом; по этой причине обожженные кирпичи использовались лишь для строительства «домов богов» (то есть храмов) и дворцов царей, да и то далеко не всегда. А большинство древнемесопотамских зданий возводилось из простых сырцовых кирпичей. Крыши строились из деревянных балок, на которые клались циновки из тростника, потом слой глины и гипса. Полы состояли из утрамбованной глины и иногда также покрывались гипсом. Стены обязательно покрывались слоем глиняной обмазки.

Такие дома, с их толстыми стенами, были довольно удобны, сохраняя прохладу в жаркие летние дни и тепло — зимой, но они требовали ежегодного обновления слоя глины на крыше после сезонных (зимних) дождей, а все отходы ремонтных работ смывались или выбрасывались на улицу или во двор дома.

Кроме того, мусор, выбрасываемый на улицы, постепенно повышал их уровень в сравнении с полами домов. При регулярном ремонте такие глинобитные дома могли просуществовать долгое время. Но наступало время, и случались неожиданные происшествия. Война, пожар, эпидемия, землетрясение, наводнение или изменение русла реки — итог был всегда один: поселение частично или полностью прекращало свое существование и покидалось жителями. Через какое-то время крыши зданий обрушивались, и стены, открытые теперь со всех сторон природным стихиям, падали, заваливая комнаты и скрывая все предметы, оставшиеся внутри после ухода обитателей дома. В случае войны разрушение поселка было, конечно, мгновенным — победоносный враг обычно сжигал его.

После ряда лет запустения новые поселенцы могли возродить селение, привлеченные его выгодным географическим положением или местными ресурсами, наличием водных источников и т. д. Поскольку у них не было средств для удаления огромной массы старых обломков и руин, они просто выравнивали разрушенные стены и груды кирпичей и использовали все это как фундамент для своих собственных, новых домов. Этот процесс повторялся несколько раз на протяжении времени и по мере накопления мусора и отходов-жизни поселение постепенно все более и более возвышалось над окружающей

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОД*

равниной. Некоторые города были покинуты в древности и никогда больше не возродились, другие, типа Эрбиля и Киркука, продолжали непрерывно существовать с очень ранних времен до современности; однако подавляющее большинство поселений были заброшены в тот или иной период долгой истории Ирака. Нетрудно представить себе, что происходило потом: несомы ветром песок и земля проникали сквозь полуразрушенные стены внутрь зданий, засыпали улицы и все впадины и ямы; дождевая вода сглаживала поверхность руин и разносила вымытую оттуда глину далеко вокруг. Медленно, но неотвратимо город принимал свою нынешнюю форму: округлого холма, или, как его называют арабы, телля.

Археологическое изучение Ира*

Превращение некогда цветущих городов в телли происходило даже намного быстрее, чем это можно вообразить. Геродот в V в. до н.э. видел Вавилон еще живым городом, но отказался от посещения Ниневии, разрушенной за полтора столетия до этого, а Ксенофонт, предводитель 10 000 греческих наемников, в 401 г. до н.э. промаршировал мимо великой ассирийской столицы Ниневии и даже не заметил ее. Четырьмя столетиями позднее Страбон говорит уже и о Вавилоне как о скоплении руин, «почти совершенно заброшенных людьми». Прошли века, и, словно

гигантский саван, пыль покрыла древние города, и она становилась все толще и плотнее, а память об этих городах постепенно улетучивалась. Арабские историки и географы еще кое-что знали о славном прошлом Ирака, но Европа абсолютно забыла Восток.

Западный интерес к древностям Востока проснулся лишь в XVII в., когда итальянский дворянин Пьетро делла Валле опубликовал свой отчет о путешествии в Месопотамию. С собой в Италию в 1625 г. он привез кирпичи из Ура и Вавилона, «на которых были начертаны неизвестные письмена». Постепенно в Европе поняли, что Восток — это достойный объект для изучения. В 1761 г. король Дании отправил в восточные страны научную миссию, дабы собрать там как можно больше информации обо всем интересном, включая и древности. Возглавил ее Карстен Нибур — математик по профессии. Именно он скопировал многочисленные клинописные надписи в Персеполе и предоставил их затем в распоряжение филологов, которые довольно быстро дешифровали эту загадочную письменность. Почти все европейцы, которые посещали Восток или проживали там, старались осмотреть древние руины, собрать древности и скопировать надписи. Среди них выделяются Жозеф де Бешамп — выдающийся французский астроном и священнослужитель (1786г.), Клаудиус Джеймс Рич — резидент Ост-Индской компании и Генеральный британский консул в Багдаде (1807г.), сэр Джеймс Букингэм (1816г.), Роберт Мигнан (1827г.),

Илл. 7. Российские и иракские археологи в Нимруде. Слева направо: И.Г. Нариманов, В.А. Башинлов, О.Г. Большаков, А.В. Куза, Р.М. Мунчаев, Н.О. Бадер, Хазим (директор археологического музея в г. Мосул), Ясин (инспектор Иракского директората древностей)

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

Джеймс Б. Фрэйзер (1834 г.) и, конечно, наиболее выдающийся из всех — армейский офицер, спортсмен, исследователь и филолог сэра Генри Роулинсона (1810-1895 гг.).

Если не считать двух небольших шурфов, выкопанных Бешампом и Миг-наном в Вавилоне, все эти люди ограничивали свою деятельность осмотром и обмером руин и были весьма далеки от понимания того, что содержат внутри эти заброшенные холмы-телли.

Ботта открывает Ассирик

В 1843 г. Поль Эмиль Ботта, итальянец по крови и французский консул в Мосуле, произвел в Хорсабаде первые археологические раскопки в Ираке, открыл там дворцы ассирийцев и тем самым начал новую эру в исследованиях прошлого. Сам Ботта считал, что наткнулся на руины последней ассирийской столицы — Ниневии. Но последующие события показали, что на самом деле открыта летняя резиденция царя Саргона II — Дур-Шаррукин (VIII в. до н.э.): грандиозный комплекс дворцовых зданий, внутренних двориков, порталов, приемных залов, жилых помещений с множеством каменных барельефов и скульптур, в том числе — гигантских крылатых человекобыков.

Ботта не был археологом и совершенно не знал методики полевых исследований — раскопки он

вел самым варварским способом. В поисках каменных изваяний, которые могли бы украсить европейские музеи, Ботта не обращал внимания на то, что заступы и кирки рабочих навсегда уничтожали мелкие предметы, стены построек, хозяйственные сооружения, имевшие не меньшую ценность для познания прошлого Месопотамии. Многие алебастровые скульптуры, выкопанные из земли, без соответствующей консервации рассыпались в арах под палящими лучами солнца. К счастью, на помощь французскому консулу прибыл из Парижа известный художник Эжен Фланден, который стал ежедневно делать зарисовки гибнущих археологических сокровищ. В результате их совместной работы впоследствии появился великолепный труд «Монументы Ниневии, открытые и описанные Ботта, измеренные и нарисованные Фланденом».

Однажды Ботта решил отправить несколько крупных каменных изваяний во Францию по воде — сначала по реке Тигр, а йотом, через порт Басру, перегрузив скульптуры на корабль, морем в Европу. Однако в том месте Тигр был особенно бурным и глубоким, плот с ценным грузом перевернулся, и все находки утонули. Вторая попытка оказалась более удачной, и вскоре гигантские статуи крылатых быков с человеческими головами заняли почетное место в залах парижского Лувра.

АВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

эйярд в Нимруле и Ниневии

Успехи французов не на шутку взволновали их извечных соперников — англичан. И когда путешествующий по Ближнему Востоку лондонский адвокат Ос-тен Генри Лэйярд попросил у посла Великобритании в Турции денег на раскопки в районе Мосула, тот немедленно согласился. В ноябре 1845 года, наняв местных рабочих, Лэйярд приступил к исследованию большого телля в Ним-руде (Кальху) в 30 км от Мосула.

Холм носил имя мифического царя Нимрода. Согласно Библии, он был не только хорошим правителем, но и искусным охотником. Его сын, Ашшур, считался основателем могущественного Ассирийского государства и первым строителем ассирийской столицы Ниневии. Местные арабы рассказали Лэйярду много преданий и легенд о Нимроде. По одной легенде, однажды Нимрод — человек гигантского роста и необычайной силы — высмеял посланца Аллаха, и разгневанный бог покарал его самым страшным образом: в голову насмешника проник комар и, медленно пожирая мозг, причинял великану невыносимые мучения. Эта пытка длилась 400 лет. Наконец Нимрод умер, а данный телль и есть его могила.

Уже в первый день раскопок были вскрыты стены большого здания (скорее всего, дворца), украшенные резными каменными плитами. А на третий день рабочие выкопали из земли огромную человеческую голову из камня. Когда все громадное изваяние было полностью очищено, перед обезумевшими от ужаса арабами предстал чудовищный лев с большими крыльями и человеческой головой. «О Аллах, — воскликнули они в изумлении. — Это дело не человеческих рук! Это сотворили злые духи! Еще пророк предостерегал нас от них!»

Но Лэйярду было наплевать и на легенды, и на пророка, и на страшный облик крылатого чудовища. Он приказал продолжать раскопки, а хорошие деньги, которые он ежедневно платил рабочим, вскоре примирили их с необходимостью взирать на новых каменных истуканов, появляющихся из земли. Находок было много. И надо сказать, что англичанин, в отличие от Ботты, сумел без потерь переправить тяжелые скульптуры на плотках по Тигру в Басру, откуда военный корабль доставил их в Лондон. Европа была потрясена. Но не менее были потрясены и местные арабы. Один из них, шейх Абд-аль-Харман, увидев статуи языческих богов и руины древних дворцов, в изумлении произнес: «Многие годы живу я в этой стране. Мой отец и отец моего отца разбивали здесь до меня свои шатры, но и они никогда не слышали об этих истуканах. Вот уже двенадцать столетий правоверные — а они, слава Аллаху, только одни владеют истинной мудростью — обитают в этой стране, — и никто из них ничего не слышал о подземных дворцах, и те, кто жил здесь до

Илл. 8. Раскопки О.Г. Лэйярда в Нимруде

них, тоже. И смотри! Вдруг является чужеземец из страны, которая лежит во многих днях пути отсюда, и направляется прямо к нужному месту. Он берет палку и проводит линии: одну — сюда, другую — туда. „Здесь, — говорит он, — находится дворец, а там — ворота". И он показывает нам то, что всю жизнь лежало у нас под ногами, а мы даже не подозревали об этом. Поразительно! Невероятно!^

Со временем, когда волнение от первых открытий несколько улеглось, Лэйярд нанял еще больше рабочих и начал раскапывать Нимруд сразу в нескольких местах. Результаты не заставили себя долго ждать. На поверхность были извлечены шестьдесят крылатых быков и львов с человеческими головами. Некоторые из этих фантастических чудовищ имели по пять ног, и Лэйярд терялся в догадках — зачем это понадобилось древним скульпторам? Но однажды, проходя мимо пятиногого быка, он внезапно заметил, что бык вздрогнул, сделав шаг вперед. Явный оптический обман, вызванный именно пятой ногой. Эти фантастические чудовища — «ламассу» — стерегли все входы во

41

АВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

дворец и таким хитроумным способом должны были вызывать у людей суеверный ужас.

В ходе раскопок в Нимруде произошел случай, который живо напомнил о древних технических приемах месоиотамцев по поднятию и транспортировке тяжестей. Дело в том, что некоторые крылатые чудовища, найденные здесь при раскопках, имели вес до 15 тонн и высоту с трехэтажный дом. Как же доставить их в Англию? Лэйярд приказал установить целую систему блоков над траншеей, и когда статую подняли на поверхность, то ее погрузили на огромную деревянную повозку, запряженную десятком быков. Но никакие понукания погонщиков не могли заставить флегматичных животных сдвинуть с места этот гигантский экипаж. Тогда англичанин запряг в повозку людей — более 200 рабочих, и уже они смогли доставить колосса к реке.

Много лет спустя, когда жизнь древней Ассирии перестала быть загадкой для науки, выяснилось, что Лэйярд перевозил статую тем же способом, что и ассирийские цари за две с половиной тысячи лет до него. Сотни, если не тысячи рабов-военнопленных, подгоняемых кнутами надсмотрщиков, волочили крылатых чудовищ к дворцам восточных владык. Во всяком случае, изображение подобной операции есть на каменных барельефах ассирийской эпохи.

Всего Лэйярд раскопал в Нимруде остатки семи царских дворцов, получив сотни скульптур и немалое число глиняных табличек с клинописными текстами.

Успехи исследований в этом древнем городе вдохновили Лэйярда на новые работы. Теперь главным объектом его раскопок стал холм Куйюнджик на берегу Тигра, напротив города Мосула, где до него без особого успеха копали Джеймс Рич и Эмиль Ботта. И снова ему несказанно повезло. Уже в первые дни работ он наткнулся на мощные стены какой-то большой постройки. Постепенно, по мере ее расчистки, из земли появились на свет массивные порталы входов и охраняющие их крылатые чудовища с человеческими головами, комнаты, залы, внутренние дворики. Алебастровые плиты с резными изображениями и стены, облицованные кирпичами с черной, желтой и голубой глазурью, свидетельствовали о былой роскоши здания. Не оставалось никаких сомнений в том, что это — один из дворцов ассирийского царя. Но какого именно? Ответа пока не было.

Руины носили явные следы пожара и намеренного разрушения: разбросанные в беспорядке и разбитые на куски скульптурные алебастровые плиты, обугленные куски дерева, фрагменты мебели и убранства, — все говорило о том, что город был взят врагом после ожесточенной схватки и затем беспощадно разрушен. Но огонь уничтожил далеко не все. Лэйярд нашел среди руин дворца множество ценнейших образцов древнего искусства: барельефы, статуэтки, печати и клинописные глиняные таблички. Среди всего этого богатства особого

Илл. 9. «Голова Нимрода». Раскопки О.Г. Лэйярда в Нимруде

ЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

внимания заслуживает один из замечательнейших шедевров древнемесопотамской скульптуры: изображение раненой львицы. «Пронзенная тремя стрелами, она ревет от отчаяния и бессильной ярости, — пишет З. Косидовский, — волоча по земле парализованные конечности. Талантливое произведение не только свидетельствует о знании анатомии, но и привлекает исключительным реализмом и силой воздействия, на которые способен лишь вдохновенный художник».

В одном из крыльев дворца Лэйярд открыл две отдельных комнаты, пол которых на добрых полметра покрывал слой глиняных табличек с клинописью. И англичанин понял, что совершил

выдающееся археологическое открытие. В этих комнатах, несомненно, помещалась библиотека ассирийских царей, древнейшая библиотека в истории человечества. Тысячи глиняных табличек, которые некогда заполняли полки, а теперь валялись на земле, были сокровищем, не имевшим цены, и заключали в себе, быть может, всю историю Месопотамии. Лэйярд собрал все эти таблички — как целые, так и их обломки — и отправил в Лондон, в Британский музей. Эти находки окончательно подтвердили предположение Лэйярда о том, что он открыл погибшую и давно разыскиваемую столицу Ассирии — Ниневию. Раскопанный дворец принадлежал, как это было установлено позднее, царю Синаххерибу, который правил страной с 704 по 681 г. до н.э. Но самая важная находка — библиотека из глиняных клинописных табличек — принадлежала не Синаххерибу, а его внуку Ашшурбанапалу (668-626 гг. до н.э.) — ценителю и коллекционеру древних текстов Шумера, Аккада, Ассирии и Вавилонии. Чтобы собрать в своих руках все нужные ему документы Месопотамии, он разослал по ассирийским владениям целую армию чиновников и писцов, которые либо добывали оригиналы интересующих царя табличек, либо копировали их. Таким образом, именно Ашшурбанапал создал первую крупную библиотеку, сохранившуюся до наших дней, а она дала нам в руки ключ к ассиро-вавилонской истории и культуре. «Клинописные таблички, — пишет Косидовский, — представляли собой несметные сокровища знаний о древних народах: династические своды и хроники, политические трактаты и дипломатическая корреспонденция, хозяйственные счета и астрономические исследования, предания, мифы, религиозные гимны и стихи, среди которых находилась древнейшая в истории человечества эпическая поэма» (имеется в виду «Эпос о Гильгамеше»).

Итак, успех следует за успехом. Лэйярд становится одним из самых популярных людей в Англии. С 1848 г. все британцы зачитываются его двухтомным сочинением «Ниневия и ее руины». В 1853 г. появляется следующая сенсационная книга удачливого археолога — «Ниневия и Вавилон». Но он вынужден прекратить свои раскопки в Месопотамии. Это произошло отнюдь не из-за денег. Денег теперь у Лэйярда было много. Мосульский климат подточил его здоровье, он заболел и в 34 года навсегда покинул Ирак. «Жизненный путь

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРС

Лэйярда с этого времени, — отмечает Э. Церен, — круто идет вверх. В 1852 г. он некоторое время занимает пост помощника государственного секретаря в Министерстве иностранных дел Великобритании. Затем его выбирают в парламент. С 1861 до 1866 года он опять помощник государственного секретаря, а в 1868 году становится министром общественного строительства... Должность посланника в Мадриде дает ему возможность в 1877 году стать послом Великобритании в Стамбуле — той стране (Турции. — В.Г.), где взошла его звезда, после того как он сбежал из унылых канцелярий Лондона. Уже в возрасте 70 лет Лэйярд пишет книгу о своих поездках в Иран и Месопотамию. В „Ранних приключениях в Персии, Сузиане и Вавилонии" он еще раз вспоминает о днях своей беспечной юности, когда, бросив юриспруденцию, он... ездил верхом через желтые пустыни и зеленые оазисы Тигра и Евфрата. Летом 1894 года в возрасте 77 лет Лэйярд навсегда закрыл глаза, которые видели так много таинственного и интересного на земле».

В заключение я приведу одно высказывание Лэйярда по поводу ассирийской скульптуры, сделанное им в его последней книге (1877 г.):

«Целыми часами я рассматривал эти таинственные символические изображения и размышлял об их назначении и истории. Что более благородное мог внести тот или иной народ в храмы своих богов? Какие более возвышенные изображения могли быть заимствованы у природы людьми, которые... пытались найти воплощение своим представлениям о мудрости, силе и вездесущности высшего существа? Что могло лучше олицетворять ум и знания, чем голова человека, силу — чем туловище льва, вездесущность — чем крылья птицы?!

Эти крылатые человеко-львы не были просто случайным плодом, порожденным человеческой фантазией. Их внешний вид внушал то, что они должны были символизировать, — благоговение. Они были созданы в назидание поколениям людей, живших за три тысячелетия до нас. Сквозь охраняемые ими порталы несли свои жертвоприношения правители, жрецы и воины задолго до того, как мудрость Востока распространилась на Грецию, обогатив ее мифологию издавна известными ассирийцам символическими изображениями. Они были погребены под землей еще до основания Вечного города (Рима. — В.Г.), и об их существовании никто не подозревал. Двадцать пять столетий были они скрыты от взоров людей и вот появились вновь во всем своем великолепии».

Но романтика романтикой, а методы действий Лэйярда при раскопках отнюдь нельзя назвать

абсолютно научными. Откопав кое-как в руинах дворцов ассирийских царей статуи и барельефы, он так спешил извлечь их из земли и отправить в Англию, что в своем рвении часто разбивал древние каменные скульптуры на куски или же брал лишь часть изваяний, оставляя большие их фрагменты на месте. Тем не менее, Ассирия была открыта. И по следам первопроходцев в Месопотамию устремились новые поколения археологов.

ЧВА2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

иссаМ и библиотека Ашшурбанапала

В Ниневии с 1852 г. продолжил раскопки Ормузд Рассэм, бывший помощник Лэйярда, уроженец Мосула, айсор по национальности, прямой потомок древних ассирийцев. Он хорошо знал, что надо искать. Ему был нужен дворец Ашшурбанапала (библейского Сарданапала) — последнего великого царя Ассирии перед ее падением. И когда Рассэм обнаружил этот дворец в том же самом холме Куйюнджик, он каким-то подспудным чувством понял, что стоит на пороге величайшего открытия. В 1854 г. он нашел в руинах дворца большую библиотеку, которую ассирийский царь две с половиной тысячи лет назад собрал из всех значительных городов Месопотамии и поместил в своем дворцовом архиве. При падении Ниневии библиотека была разрушена вражескими войсками. Рассэм понял это сразу же. Но тогда он не мог знать об определенных опознавательных знаках, которые помогли потом привести в относительный порядок эту разоренную библиотеку и классифицировать 30 000 глиняных табличек, покрытых таинственной клинописью. В то время Рассэм едва мог читать то, что было написано на особых таблицах, скрепленных царской печатью: Того, кто посмеет унести эти таблицы... пускай покарает своим гневом Ашшури-Бэлит, а имя его и его наследников навсегда пусть будет предано забвению в этой стране.

Даже если бы Рассэм и понял это предостережение, оно ни в малейшей мере не смутило бы его. В любом случае он бы отправил эти чудесные таблички в Лондон.

Лишь через 30 лет появилась возможность опубликовать каталог библиотеки Ашшурбанапала в пяти томах, озаглавленный как «Каталог клинописных таблиц Куйюнджикского собрания Британского музея». Издал его немецкий ассириолог Карл Бецольд из Гейдельбергского университета, которого специально с этой целью пригласили в Лондон. Бецольд уже смог свободно прочитать тексты, начертанные рукой царя Ашшурбанапала на двух особых табличках: Я, Ашшурбанапал, постиг мудрость Набу, все искусство писцов, усвоил знания всех мастеров, сколько их есть, научился стрелять из лука, ездить на лошади и колеснице, держать вожжи... Я изучил ремесло мудрого Адапа, постиг скрытые тайны искусства письма, я читал о небесных и земных постройках и размышлял над ними. Я присутствовал на собраниях царских переписчиков. Я наблюдал за предзнаменованиями, я толковал явления небес с учеными жрецами, я решал сложные задачи с умножением и делением, которые не сразу понятны... В то же время я изучал и то, что полагается знать господину; и пошел по своему царскому пути.

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОР(

Да, Рассэм не смог бы прочесть это. А зря: предостережение царя Ашшурбанапала по поводу людей, покушавшихся на его бесценную библиотеку, возможно, остановило бы преемника Лэйярда от святотатства в развалинах Ниневии и тем самым уберегло бы его от большой беды. В 1864 г. Рассэм в качестве британского дипломатического уполномоченного едет в Абиссинию. И там его постигает несчастье, о котором ассирийский царь, будь он еще жив, услышал бы с большим удовлетворением. Когда новоиспеченный дипломат потребовал у абиссинского императора освобождения нескольких английских пленников, африканский властитель, не долго думая, засадил в тюрьму и самого Рассэма. Четыре долгих года томился он в сырых казематах, пока его не освободила английская военная экспедиция. С надломленным здоровьем возвращается Рассэм в Лондон, порывает с дипломатической службой и становится хранителем древневосточных коллекций в Британском музее.

Джордж Смит и «Всемирный потоп

Глиняные «книжки» из хранилища Ашшурбанапала изучали ученые многих стран, и видное место среди них занимает англичанин Джордж Смит. Он родился в 1840 г. в Лондоне в бедной семье и уже с 14 лет стал трудиться в гравировальной мастерской. Способный мальчик быстро овладел довольно сложным искусством — вырезать на металле самые трудные узоры и надписи. А в свободное от работы время Смит бежал в Британский музей, чтобы посмотреть на ассирийских крылатых быков, выкопанных в Нимруде Лэйярдом. Так родилось горячее желание: узнать как можно больше о таинственном древнем народе — ассирийцах. Все вечера молодой гравер стал проводить в библиотеке Британского музея, самостоятельно изучая клинопись по книгам Генри Крес-вика Роулинсона — английского офицера и дипломата, сумевшего скопировать знаменитую Бехистунскую надпись, высеченную клинописными знаками на высокой скале в Персии на трех разных языках: древнеперсидском, эламитском и вавилонском. Роулинсон же предложил и

способ дешифровки клинописи. В 1861 г. он выпустил четыре тома о клинописных текстах Древнего Востока. Случилось так, что для опубликования этих томов потребовался опытный гравер, способный вырезать на металлических досках клинописные знаки с ассирийских и шумеро-аккадских глиняных табличек, и выбор пал на Джорджа Смита. Тот успешно справился с этой ответственной задачей, и благодарный Роулинсон помог талантливому самоучке получить должность научного работника в Британском музее и целиком посвятить себя проблемам быстро развивающейся ассириологии. С неописуемым рвением изучает Смит один клинописный текст за другим, кстати — все они происходили из библиотеки Ашшурбанапала. Ему удалось установить, что четыре из названных в Библии

Илл. 10. Дж. Смит

Илл. 11. Г.К. Роулинсон

израильских и иудейских царей являются современниками ассирийского владыки Тиглатпаласара III (747-727 гг. до н.э.). Это было одно из первых сенсационных сведений, извлеченных из глиняных табличек Ниневии и подтверждавших достоверность библейских данных о властителях Палестины. А вскоре Джордж Смит (ему не было тогда еще и 27 лет) сумел прочесть важный клинописный текст — историю царствования Ашшурбанапала. Стало, наконец, понятно и то, как этот царь собирал свою библиотеку.

Но самая большая сенсация разразилась в 1872 г., когда бывший гравер, к тому времени уже крупный ассириолог, объявил о том, что нашел среди сокровищ из собрания Ашшурбанапала обломок клинописной глиняной таблички с преданием о всемирном потопе, хорошо известном христианам всего мира по библейской легенде. Прочитанный Смитом текст гласил, что боги разгневались на людей и решили покарать их с помощью страшного наводнения. Много дней шли проливные дожди. Земля была затоплена водой. Люди погибли. И только благочестивый Утнапиштим со своей семьей по совету мудрого бога Эа спасся от гибели. Он построил огромный корабль, хорошо просмолил его и, погрузив туда, кроме родных, свое имущество, скот и «разной твари по паре» (представителей животного и растительного мира), смело встретил грянувший потоп. После шести дней этой вселенской катастрофы вода стала спадать, появилась земля в виде вершины горы Нисир, куда и пристал ковчег. Боги, опечаленные гибелью человечества, решили помиловать Утнапиштима и его домочадцев. Именно от них и произошли потом остальные люди. Немецкий историк К.В. Керам писал: «Итак, вторая половина XIX века ознаменовалась открытием, из которого стало очевидно, что существуют сказания

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ

древнее библейских, которые связывают Библию с языческой ассирийской и вавилонской, а может быть, и с еще более древней традицией. Это было потрясающее открытие. Не удивительно, что им заинтересовалась широкая общественность. Издатель крупнейшей лондонской газеты „Дейли телеграф“ предоставил неимущему Смит средства для экспедиции в Ниневию, где Смит должен был отыскать недостающие таблички ассирийской версии о всемирном потопе». И он действительно обнаружил там среди отвалов и мусора от предыдущих раскопок недостающие фрагменты таблички с началом легенды о потопе. Однако Джорджу Смит не суждено было продолжить свои успешно начатые исследования в области ассириологии. Он умер в Багдаде в возрасте всего 36 лет во время эпидемии чумы.

Открытие шумер

Опираясь на результаты анализа ассиро-вавилонской клинописи, филологи все больше убеждались в том, что за спиной могущественных царств Вавилонии и Ассирии существовал когда-то более древний и высоко развитый народ, который и создал клинописное письмо, а потом исчез без следа. Одни ученые окрестили этот народ шумерами, другие — аккадцами. Оба названия были заимствованы из дешифрованной надписи, в которой семитский царь Саргон величает себя «царем шумеров и аккадцев».

Вопрос о существовании шумеров оставался в сфере научных предположений и гипотез вплоть до 1877 г., когда французский консул в Басре Эрнест де Сарзек не нашел в районе Телло (на юге Ирака) у подножья высокого телля каменную статую, не похожую на ассирийскую и вавилонскую скульптуру. Ободренный этим открытием, он решил начать на телле широкие раскопки, хотя раньше археологией никогда не занимался. В итоге почти пятилетних работ (1877-1881 гг.) де Сарзек получил многочисленные глиняные таблички с клинописью, каменные скульптуры, обломки керамики. Все свои находки консул благополучно переправил в парижский Лувр.

«Среди многих вновь найденных предметов, — отмечает З. Косидовский, — находилась статуя из зеленого диорита, изображающая царя-жреца города Ла-гаша. Статуя оказалась более архаичной по стилю, чем все до той поры выкопанное в Месопотамии. Даже самые осторожные ассириологи вынуждены были признать, что эту скульптуру следует отнести к IV или III тысячелетию до н.э., а это означало, что она существовала еще до возникновения ассиро-вавилонской культуры».

Ботта, Лэйярд, де Сарзек, Смит и Роулинсон — пионеры этой первой, героической эпохи в истории месопотамской археологии — все были дилетантами от науки в прямом смысле этого слова. Они не имели никакого археоло-

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

гического опыта и мало что смыслили в методике раскопок. Главной их целью было открыть и отправить в музеи Европы статуи, рельефы, надписи и другие произведения искусства. Они не обращали внимания на стены построек из сырцового кирпича и на россыпи разбитой керамики. На пути к желанным находкам они безвозвратно уничтожали многие важные свидетельства древне-месопотамской культуры. Но ведь они были первыми, кто проложил дорогу к последующим эпохальным научным свершениям. Поэтому не будем судить их слишком строго.

Разгадка секретов клинописи

Между тем в библиотеках, университетах и музеях Европы другие ученые были заняты необычайно сложной задачей по дешифровке древних клинописных документов, добытых в ходе предшествующих раскопок. Эта интеллектуальная эпопея длилась около ста лет, и в нее были вовлечены многие специалисты из нескольких стран. Поэтому она не может быть изложена здесь подробно. Особые заслуги в этой области знания принадлежат немцу Георгу Фридриху Гротефенду — учителю латыни и древнегреческого в гимназии города Геттинген. Он был страстно увлечен тайнами древнеперсидской клинописи, образцы которой еще в XVIII в. зарисовал среди руин Персеполя — столицы империи Ахеменидов — датский ученый Карстен Нибур. Для начала молодой учитель изучил всю историческую литературу по древней Персии, а также имена местных царей в греческой транскрипции. Затем, опираясь на исследования индогерманских языков, он сумел установить подлинные староиранские имена тех же царей. Это дало ему основание предположить, что каждый клинописный знак означает букву — звук. Дальнейшая работа над клинописными текстами привела Гротефенда к догадке, что повторяющиеся за каждым именем царя группа знаков выражает широко распространенный в Персии титул «царь царей».

Но самое интересное его наблюдение в другом — он установил, что лишь одно царское имя всегда встречается без данного титула. Отсюда Гротефенд сделал вывод — это имя должно принадлежать

отцу великого персидского царя Дария, который никогда не был царем.

«Вот это-то и был тот рычаг, — пишет Э. Церен, — при помощи которого Гротефенд сумел установить три имени царей из династии Ахеменидов (Гистасп, Дарий, Ксеркс) и титул „царь царей“. Это дало ему, в свою очередь, возможность определить звуковое значение 12 знаков древнеперсидской

Илл. 12. Рельеф и надпись на Бехистунской скале 50

ЧВА2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

клинописи. В 1802 г, 27-летний учитель из Геттингена при содействии местной академии опубликовал результаты своей дешифровки».

В 1837 и 1844гг. Генри Роулинсон не только скопировал с риском для жизни большую трехязычную надпись, высеченную царем Дарием на вершине Бе-хистунской скалы в Западном Иране, но и дешифровал ее. Текст надписи был сделан клинописью на древнеперсидском, вавилонском и эламском языках — так называемая «трилингва», которую ученые окрестили впоследствии «Розеттским камнем ассириологии», с тем лишь отличием от древнеегипетского монумента, что ни один из этих трех языков сначала не мог быть прочитан. Дешифровка Бехистунской надписи — еще один важный шаг на пути прочтения клинописи. В дальнейшем «святая троица» ученых — англичанин Эдвард Хинкс, француз

Жюль Опперт и все тот же Генри Роулинсон — осуществила решающий прорыв в прочтении клинописи, как древнеперсидской, так и ассиро-вавилонской, преодолев на своем пути огромные трудности. По словам одного современного ассириолога-лингвиста, «именно они открыли пыльные страницы глиняных „книг“, погребенных в глубинах земли по всему Ближнему Востоку». Таким образом, ключ к прочтению глиняных табличек с ассиро-вавилонской клинописью дала клинопись древнеперсидская, навеки врезанная в Бе-хистунскую скалу и каменные руины Персеполя. А к 1900г. уже и более древние шумеро-аккадские клинописные тексты свободно читались специалистами.

По самым скромным подсчетам ученых, в настоящее время известно около четверти миллиона глиняных табличек с клинописью из Месопотамии, запечатлевших главные этапы развития ее цивилизации, с III тыс. до н.э. и до рубежа н.э. Поскольку многие из этих «глиняных книг» не были еще прочитаны и опубликованы, то ученый мир ждут еще многие чудесные открытия. Каждый год не прекращающихся раскопок в месопотамских землях приносит все новые и новые находки текстов. Иногда их количество просто поражает. Итальянские археологи, например, открыли в 70-х годах XX века в руинах

ял. 13. Г. Гротефенд

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРО,

древней Иблы (Эблы) в Сирии архив из 25 000 клинописных табличек конца III тыс. до н.э.

Можно, таким образом, без особого преувеличения сказать, что ни одна страна в мире не содержит в своей земле такого фантастического богатства древних письменных источников, оставшихся почти в том же самом виде, в каком они были написаны тысячи лет назад.

«Германия превыше всех»

Но вернемся к месопотамской археологии. В конце XIX века на равнины Месопотамии выходят ученые Германии, а вместе с ними начинают формироваться строго научные археологические методы полевых исследований. Эти события связаны с именами Роберта Кольдевей и Вальтера Андре. Обширную и целенаправленную программу археологических исследований в Месопотамии поддерживал Германский археологический институт и щедро финансировали Берлинский Музей народоведения и особенно Германское Восточное Общество. Германия к концу XIX в. стала одной из великих держав Европы, и немцы не хотели отставать от англичан и французов даже в такой необычной области, как месопотамская археология. К этому, несомненно, примешивались также существенные экономические и политические интересы промышленно-финансовых кругов Германии в ближневосточном регионе.

В 1898 г. Роберт Кольдевей начал раскопки Вавилона. Ему исполнилось в тот момент 43 года, и он уже отнюдь не был новичком в археологии. Он получил великолепное образование в Берлине, Мюнхене и Вене, изучая там архитектуру, историю искусства и археологию. До тридцати лет он успел принять участие в раскопках многих античных и древневосточных поселений на островах Эгейского моря, в Италии, на Сицилии и в Месопотамии (Сюргул и Эль-Хибба в Ираке и ряд мест в Сирии).

«Кольдевей, — пишет известный немецкий историк К.В. Керам, — был необычным человеком, а по сравнению с коллегами по профессии — и необычным ученым. Любовь к археологии, к науке, которая выглядит в публикациях специалистов весьма скучной, не мешала ему наблюдать людей, изучать страну, все видеть, все подмечать, на все реагировать». Кольдевей давно мечтал «подступиться» к грандиозным руинам Вавилона, находившимся в 90 км к югу от Багдада в пустынной местности. Однако он прекрасно понимал и все трудности этого необычного проекта — четыре огромных холма из щебня, земли и мусора. В них уже прежде неоднократно пытались проникнуть многие европейцы — Френель, Опперт, Лэйярд, Рассэм и Роулинсон. Все они знали, что под этими искусственными горами должен лежать легендарный Вавилон, но без гигантских по масштабам раскопок доказать это было невозможно. Город, даже если судить по описаниям «отца истории» Геродота, побывавшего

2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

в нем в V в. до н.э., имел огромные размеры. Попытки проникнуть в его тайны требовали намного больше сил и средств, чем стоили раскопки всех уже открытых в Месопотамии древних городов. И Кольдевей добился от своих спонсоров выделения для экспедиции колоссальной по тем временам суммы в 500 000 золотых марок и проведения в течение пяти лет археологических работ в Вавилоне. Он проработал там почти 19 полевых сезонов, до 1917 г., и покинул свой экспедиционный лагерь только после того, как английские войска захватили Багдад. Первая мировая война близилась к концу, и немцы и их союзники терпели поражения на всех фронтах. В марте 1898 г. Роберт Кольдевей отправился из Германии в далекий путь не один: его сопровождала целая группа архитекторов, ассириологов и лингвистов. На месте, в деревушке Квейреш, стоявшей прямо на руинах Вавилона, было нанято более 200 арабских рабочих. И работа закипела. Первым объектом раскопок стала искусственная гора щебня, которую местные жители называли Каср (арабск. «крепость, замок»). Немцам неслыханно повезло. «Уже при первых пробных шурфах на Касре они нашли улицу, вымощенную большими плитами, часть которых была покрыта надписями. Это были надписи царя Навуходоносора, свидетельствующие о том, что археологи обнаружили здесь священную дорогу процессий — улицу для торжественных шествий в честь Мардука — «божественного господина Вавилона». Повсеместно попадающиеся кирпичи, покрытые цветной эмалью и рельефами, ясно говорили о том, что именно здесь и находилась эта искусно построенная «дорога». По описаниям античных авторов и древних клинописных табличек эта улица являлась основным «нервом» религиозной, социальной и политической жизни огромного города. Теперь, после ее открытия, легче было вести поиски и остальных важнейших объектов Вавилона — царских дворцов и храмов.

Однако успехи успехами, но и трудностей тоже появилось немало. Во-первых, несмотря на многочисленность рабочих, выносивших из раскопок мусор в корзинах, дело шло очень медленно, если учитывать гигантские размеры телля Каср. Пришлось выписать из Германии узкоколейную железную дорогу с вагонетками. И проблема вывоза мусора и земли была решена. Во-вторых, много неприятных сюрпризов преподносила археологам и местная погода: дикая летняя жара (до 52°C в тени), тучи мух и комаров, пыль, грязь, песчаные бури с Аравийского полуострова, отсутствие хорошей питьевой воды.

Тем не менее, с чисто немецкой пунктуальностью Кольдевей упорно осуществлял намеченный план изучения Вавилона. Были открыты царские дворцы (дворец Навуходоносора II), «Висячие сады», фундамент «Вавилонской башни», руины храмового комплекса главного городского божества — Мардука, могучие оборонительные стены. Особую радость вызвала находка знамени-

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОД

тых ворот богини Иштар, открывающих доступ к «Дороге Процессий» и сплошь облицованных глазурованными голубыми кирпичами, на которых рельефом изображены быки и фантастические звери. Однако в конце концов выяснилось, что немецкая экспедиция за многие годы раскопок вскрыла лишь центральную часть Вавилона VII-VI вв. до н.э. Путь к более ранним слоям (а город существовал по крайней мере с конца III тыс. до н.э.) преграждали подпочвенные грунтовые воды. Видимо, их уровень сильно повысился по сравнению с древностью.

Германское Восточное Общество (промышленников) оказало щедрую финансовую поддержку и другому выдающемуся немецкому археологу — Вальтеру Андре. Он в течение 12 лет (1902-1914 гг.) исследовал руины первой столицы Ассирийской державы — Ашшура. Древний город расположен на излучине Тигра, на скалистом утесе вблизи современного иракского городка Калат Шергат. Надо сказать, что хотя к концу XIX века благодаря предшествующим раскопкам местонахождение двух более поздних ассирийских столиц — Нимруда и Ниневии — было уже хорошо известно ученому миру, где именно искать самый ранний и почитаемый центр ассирийцев — Ашшур, названный так в честь главного бога (а это, в свою очередь, определило название страны и название народа: Ассирия, ассирийцы), никто не имел ни малейшего представления. Вальтер Андре, как и Кольдевей, архитектор по образованию, еще в молодости увлекся археологией. С 1899 г. он работал вместе с Кольдевеем в Вавилоне. Его можно отнести уже к третьему поколению ученых, которые ломали голову над бесчисленными тайнами древних месопотамских теллей. И именно он во многом разработал и успешно применил на практике ту строго научную методику полевых исследований в Месопотамии, которая там используется (естественно, с соответствующими модификациями) до сих пор. Для него при знакомстве с месопотамскими реалиями вскоре стало ясно, что не так уж важно раскопать среди древних развалин как можно большее число экспонатов, которыми потом в прохладных залах музеев будут по воскресеньям любоваться посетители. Гораздо важнее наблюдать в самой земле за ходом развития культуры и истории данного поселения или города. И главное, что понял Андре, — это необходимость уметь различать на фоне желто-коричневой месо-потамской земли (лесса, аллювия) стены древних построек, сложенных из сырцового кирпича — той же желто-коричневой глины. Другой важнейший постулат новой методики — копать постепенно, по слоям, двигаясь от вершины телля к его основанию.

Начиная раскопки безымянного городища у селения Калат Шергат, Андре не знал еще, что перед ним — руины древнего Ашшура. Но очень скоро фортуна улыбнулась ему. На культовом каменном столбе, датируемом XIII в. до н.э.,

12. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

археолог прочитал написанное клинописью имя ассирийского царя Тукульти Нинурты I. Здесь же были изображены человеческие фигуры, несущие знамена. Затем были найдены стены дворцов, облицованные большими алебастровыми плитами и окрашенные в пурпурно-красный цвет. На рельефах изображены крылатые существа с орлиными и человеческими головами. На головах — бычьи рога.

В течение тех долгих лет, которые Вальтер Андре провел на выжженных солнцем скалах Ашшура, постепенно выявился план застройки древнего города. Здесь была своя ступенчатая башня-зиккурат. К ней примыкала пристройка, тянувшаяся до берега Тигра. Там находились священные ладьи, на которые в праздник Нового года во время торжеств приносили статуи всех богов из храмов города. На ладьях боги покидали Ашшур, чтобы через несколько дней вновь вернуться в свои святилища. Для этой цели от берега Тифа до храмов была проложена, как и в Вавилоне, «дорога процессий».

Были раскопаны также храмы главного бога Ассирии — Ашшура и весьма почитаемой богини Иштар. Но особое потрясение испытал Андре при открытии склепов нескольких поколений ассирийских монархов, находившихся в подземных камерах с куполообразными потолками. Стены были облицованы каменными пластинами, на которых 18 раз выбито клинописью имя соответствующего царя. Но все склепы оказались пустыми: их ограбили еще в древности. Лишь в одном из них археолог нашел разбитый на куски каменный гроб. Он собрал все фрагменты и отправил в Берлин. Там гроб с трудом восстановили. Некогда он состоял из единой 18-тонной каменной глыбы длиной 3,85 и шириной около 2 метров. Высота — примерно 2 метра. Как же,

каким образом и кто мог разрушить этот колоссальный саркофаг? «Очевидно, — пишет Э. Церен, - его облили нефтью, а затем подожгли, чтобы раскалить камень. Потом лили на него холодную воду, и гроб раскололся... После того как в Берлине восстановили царский гроб, ученые Берлинского музея прочитали последнюю из начертанных на нем надписей: «Дворец Ашшурна-сирпала, царя Вселенной, царя Ашшура». Вероятно, гробница была ограблена в период крушения ассирийской державы в конце VII в. до н.э., царский труп сожгли или бросили в Тигр, гроб взорвали и сам склеп в конце концов разрушили». В таком виде, разграбленными и разрушенными, нашел Андре гробницы многих ассирийских царей, перед которыми когда-то трепетал весь мир. Sic transit gloria mundi! «Так проходит былая слава!»*. Нужно напомнить и о том, в каких тяжелейших условиях приходилось работать здесь немецкой

* Уже в наши дни, в 1989-1990 гг., иракские археологи нашли в Нимруде полностью сохранившиеся гробницы двух ассирийских цариц с неисчислимыми сокровищами. См. об этом ниже в этой же главе.

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ,

экспедиции. «Скопища мух днем и скопища комаров ночью, — жаловался Андре, - сразу же отравляют жизнь в этом краю, лишенном растительности. Только изредка проходят здесь караваны из Мосула или из Багдада. Кто хочет жить и работать в этой пустыне, должен запастись терпением и проявлять огромный интерес к своей работе. Он должен научиться переносить весной, летом и осенью мучительные укусы песчаных мух, вызывающие сильный зуд; он должен преодолеть возникающую от этих укусов лихорадку, которая сопровождается болями в суставах, сильной потливостью и температурой выше 40 градусов».

А ведь Ашшур - это еще не настоящая пустыня, и прямо под остатками его стен течет полноводный Тигр! Что же говорить о юге Месопотамии, где находились древнейшие центры месопотамской цивилизации — города шумеров.

И здесь мы переходим к третьему эпизоду германской археологической эпопеи в Ираке — раскопкам одного из самых ранних шумерских городов — Урука (Варки). Работы начались в 1912 г., но их вскоре прервала Первая мировая война. Лишь через 14 лет вернулись сюда немецкие археологи, и, если не считать перерыва на Вторую мировую войну (1939-1946 гг.), они копают местные древности до сих пор. В разное время этой экспедицией руководили разные люди. Среди них можно упомянуть имена Юлиуса Иордана, Конрада Прейсера, Вильгельма Кенша, Юлиуса Ленцмана.

Уже первые траншеи, заложенные на теллях Варки, дали клинописные таблички с именем погребенного города — Урук. Библия называет его Эрех, упоминая сразу же после Вавилона. Древние греки знали об Эрехе, называя его Орхон. Потом это имя исчезло из истории. В III в. н.э. Урук был покинут своими жителями и больше не возродился.

Что же дали науке многолетние раскопки немецкой экспедиции в Уруке? Они, прежде всего, показали, что Урук был городом, где свершилось самое значительное событие в истории человеческой культуры — на урукской земле впервые обозначился порог, через который шагнули люди из тьмы веков до-письменного периода в жизнь, освещенную уже светом письменности.

Действительно, именно в Уруке в конце IV тыс. до н.э. впервые появилось клинописное архаическое письмо (протописьменный период в истории Месопотамии). Однако все эти годы немцы копали лишь несколько храмовых комплексов в самом центре города — комплексы святилищ богов Ану (бога неба) и Инанны-Иштар (богини любви и плодородия), оставляя в стороне жилые кварталы и укрепления Урука. Тем не менее многометровые напластования построек на исследованном участке и содержащиеся в них предметы позволили ученым проследить первые этапы зарождения шумерской цивилизации: культовая архитектура, цилиндрические резные печати, каменные сосуды с рельефными

ЗА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

изображениями, мраморная голова богини Инанны и т. д. и т. п. К тому же следует напомнить и об ужасных природно-климатических условиях юга Месопотамии — плоской, выжженной солнцем лёссовой равнины.

Раскопки в Уре (Леонард Вулли)

Впрочем, все эти «прелести» местной жизни сполна испытал на себе и английский археолог - сэр Леонард Вулли. В течение долгих 12 полевых сезонов, каждый из которых длился по 5-6 месяцев, он вел раскопки самого южного шумерского города - Ура, расположенного неподалеку от современного иракского города Насирия на Евфрате. Ур заметно выделяется даже на фоне других известных шумерских городов. Начать с того, что он существовал необычайно долго — от первых шумерских царей (начало III тыс. до н.э.) и до эпохи Дария и Александра Македонского. Ни бесчисленные вражеские нашествия, ни стихийные бедствия не могли заставить его жителей

покинуть веками насиженное место. Но то, чего не сумели сделать полчища завоевателей, сделала природа. Евфрат внезапно изменил свое русло и ушел почти на 16 километров к востоку от городских стен. Без воды на этой раскаленной равнине нельзя было прожить и дня. И блистательный город превратился в скопление безликих холмов, окрашенных в серо-желтые цвета пустыни. Со временем было забыто и его местонахождение. Еще совсем недавно наши сведения об Уре ограничивались лишь несколькими туманными цитатами из Библии да ассиرو-вавилонскими клинописными текстами, созданными много веков спустя после гибели цивилизации шумеров. Мы знаем, например, из позднейших надписей, что в XVIII в. до н.э. вавилонский царь Хаммурапи подверг восставший город ужасающему разгрому. Видимо, именно в это время и покинули поверженный Ур библейский патриарх Авраам и его семья. С тех пор даже Библия больше не упоминает об Уре. Город пришлось отыскивать заново уже в XIX столетии. В 1854 г. Д.Е.Тейлор, английский консул в Басре, впервые установил: скопление руин, известное среди местных бедуинов под названием Телль-аль-Муккайир («Смоляной Холм»), — это и есть древний Ур, что подтверждали найденные здесь же клинописные глиняные таблички. Однако к широким раскопкам на городище смогли приступить лишь много лет спустя. В 1922 г. эту задачу начал осуществлять англичанин Леонард Вулли. Целых двенадцать лет велись здесь раскопки. Археологу удалось добиться многого. Пышные дворцовые ансамбли, массивные стены храмов, ступенчатая башня зиккурата и, наконец, фантастические по богатству царские захоронения появлялись из глубин земли с завидным постоянством. Но, возможно, самое главное — это то, что и Вулли удалось, наконец, в отличие от других

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОР

Илл. 14. Л. 1

своих коллег, оторваться от притягательного религиозно-административного центра городища и приступить к изучению жилых городских кварталов. Поэтому, есть все основания считать, что только после работ Леонарда Вулли в городе Уре древняя цивилизация шумеров предстала перед взорами человечества во всем своем блеске и величии.

Почти в те же годы (20-40-е гг. XX в.) француз Андре Парро вел раскопки в Мари (Сирия), американцы - в Ниппуре, Нузи и Тепе-Гавре, англичане — в Ниневии, Убейде, Арпачии и, вместе с американцами, — в Кише и Джемдет-Насре, а немцы продолжали методично изучать центр Урука. Это был «золотой век» месопотамской археологии.

Один за другим большие и малые телли Месопотамии после раскопок открывали людям свои тайны. Фрагмент за фрагментом выявлялись основные этапы богатейшей и длительной месопотамской истории. Постепенно ученые осознали, что за блестящим фасадом шумеро-аккадской культуры скрываются какие-то более ранние и более скромные предшественники.

У ИСТОКОВ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Еще каких-нибудь 40-50 лет назад почти все солидные научные монографии и статьи по археологии Месопотамии хранили полное молчание о начальных этапах дошумерской, дописьменной истории Ирака и Сирии. Археологические работы традиционно велись главным образом на юге страны, на месопотамской равнине, то есть там, где древнейшие находки, если они имелись, были погребены под толстыми аллювиальными отложениями. Следуя логике рассуждений географов, ботаников и зоологов, истоки ранних культур с земле-дельческо-

скотоводческим хозяйством нужно было искать на севере региона, в горных и предгорных районах.

Археологи долго не обращали внимания на Северную Месопотамию. А ведь именно там, в горах и предгорьях Загроса, Тавра и Синджара, произрастали дикие предки пшеницы и ячменя, а также паслись на привольных лугах дикие козы — предки одомашненных позднее овец и коз. И вот, уже после Второй мировой войны, в 50-е годы, ученые стали изучать и эти забытые края. Прежде всего их привлекли следы обитания человеческих общин,

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРЮДОВ

находившихся на стадии перехода от мезолита к неолиту, то есть коллективов с зачатками земледелия и скотоводства, но еще в пределах охотничье-собира-тельского хозяйства. На севере Ирака, в горах Курдистана, американские археологи Роберт Брейдвуд и Ральф Солецки начали интенсивные обследования наиболее перспективных районов. И вот Солецки после сенсационных открытий неандертальских захоронений в пещере Шанидар обнаружил неподалеку от входа в эту самую пещеру открытую стоянку — Зеви-Чеми-Шани-дар. Она относилась, по данным радиоуглеродных анализов, примерно к IX тыс. до н.э. Исследователь обратил внимание на необычайное обилие костей животных в слое стоянки — лабораторный анализ показал, что подавляющее их большинство принадлежит овцам. Причем три пятых всех особей были моложе одного года. Это свидетельствовало о том, что овцы были уже домашними: молодых ягнят забивали, чтобы можно было доить маток. Большой интерес представляют и каменные орудия из Зеви-Чеми-Шанидара: грубые каменные зернотерки, шлифованные топоры, серпы в виде кремневых ножевидных пластин-вкладышей, прикрепленных к костяной рукояти с помощью битума или смолы. Мы не знаем, какие именно злаковые растения жали этими серпами обитатели стоянки. Неизвестно и то, были ли эти злаки дикими или культурными. Тем не менее первые шаги в формировании новой производящей экономики земледельческо-скотоводческого типа представлены здесь достаточно хорошо.

Еще более важными оказались результаты многолетних работ большой археолого-ботанической экспедиции во главе с Робертом Брейдвудом (США) в Иракском Курдистане (так называемый проект «Ирак-Джармо»). Впервые в истории ближневосточной археологии геологи, зоологи, ботаники и климатологи предприняли совместно с археологами комплексное исследование природной среды, окружавшей местного первобытного человека. Их открытия позволили сделать вывод о том, что экология того времени существенно не отличалась от современной. Особо важное значение для дальнейшего развития месопотамской археологии имели раскопки экспедиции Р. Брейдвуда на двух археологических памятниках иракского Курдистана — в Карим-Шахире и Джармо. Древнее поселение Карим-Шахир расположено к северу от городка Чамчамалия в Киркукском губернаторстве. Точно определить его время не удалось. Но судя по аналогиям с находками из самих ранних слоев Иерихона (Палестина) Карим-Шахир относится к мезолитическому периоду (IX тыс. до н.э.) и представляет собой хотя и открытую, но временную, сезонную стоянку. Главными источниками питания местных жителей были охота, собирательство и рыбная ловля. Наличие серпов с кремневыми вкладышами и грубых зернотерок в слое стоянки не может служить решающим аргументом в пользу появления земледелия. Присутствие таких орудий свидетельствует лишь

Илл. 15. Бригадир иракских рабочих Халаф Джасим с найденной им статуэткой

Илл. 16. Статуэтка-флакон богини плодородия. Халифская культура, Ярым-тепе 2. V тыс. до н.э.

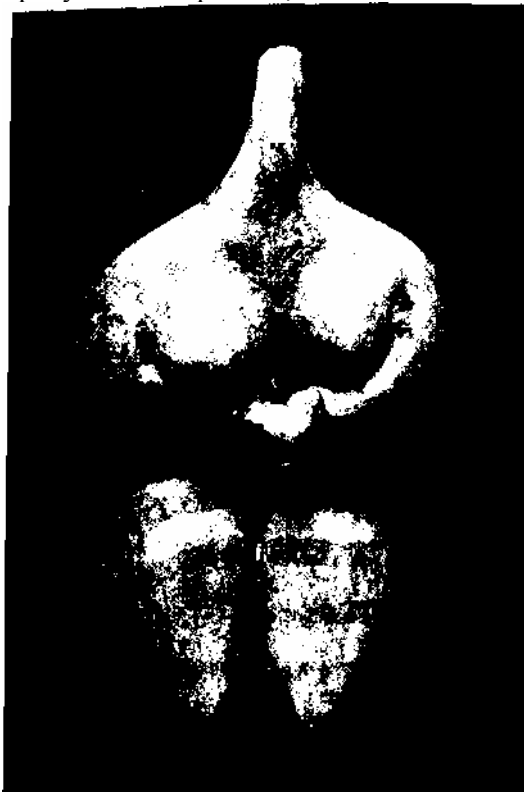
АВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

о переработке злаков, но не об их возделывании. К числу новых технических достижений обитателей Карим-Шахира нужно отнести появление шлифованных каменных топоров и грубых глиняных статуэток. Этот памятник — порог, с которого и начиналась в Месопотамии «неолитическая революция», то есть переход к земледелию и скотоводству как основе хозяйства. А явные следы более высокой ее стадии демонстрирует нам уже другое поселение — Джармо в Курдистане, относящееся к началу VII тыс. до н.э. Исследовал его Р. Брейд-вуд в 1949-1952 гг. По его словам, Джармо целиком подпадает уже под категорию «первичных, подлинно оседлых земледельческих общин Загроса». Само поселение занимает площадь около 1,2га, состоит из

глинобитных наземных домов и расположено на выступе горного плато, нависающем над глубоким ущельем. Толщина культурного слоя достигает 7,6 м. Обломки керамики встречаются лишь в верхней трети почти восьмиметровой толщи холма. Предположение о существовании в Джармо развитого земледелия основывается не столько на находках каменных орудий для жатвы и размалывания злаков, сколько на открытии там зерен культурных растений, в том числе — пшеницы Эммера и двухрядного ячменя.

Новые способы получения продуктов питания оставляли довольно много свободного времени у жителей Джармо и для других дел. Показательно появление именно в это время каменных и глиняных фишек для какой-то игры, а также культовых глиняных фигурок женщин и различных животных, что указывает на начало расцвета искусства неолитических племен Северной Месопотамии.

«Решающий рубеж, — отмечает И.М. Дьяконов, — в создании экономики воспроизводства продукта был пройден, и хотя еще медленно, но начинается

Илл. 17. Женская статуэтка «богиня плодородия». Телль-Халаф, "ирия. V тыс. до н.э.

Илл. 18. Керамические печи после расчистки

Халафская культура, Ярым-тепе J

V тыс. до и.;

процесс всестороннего использования открывшихся перспектив». И одним из наиболее ярких его проявлений стал широкий выход горцев Загроса и Синд-жара на просторы месопотамской равнины. Началось интенсивное освоение новых плодородных земель, заметно ускорившее весь ход культурного развития местных земледельческо-скотоводческих общин и вплотную приблизившее их к порогу цивилизации.

И совсем не случайно, что только после того, как ученые осознали всю значимость северных областей Месопотамии для понимания истоков местной Цивилизации, там, на севере, начались серьезные полевые исследования и тут же последовали важнейшие открытия.

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

В 1942-1945 гг. английский археолог Сетон Ллойд и иракский археолог Фуад Сафар раскопали в 25 км к югу от Мосула телль Хассуна, скрывавший внутри остатки поселка земледельцев и скотоводов VI тыс. до н.э. Этот первый исследованный памятник дал название всей оседлой раннеземледельческой культуре Северной Месопотамии — хассунская. Ее создатели изготавливали грубую, но практичную керамику, стилизованные женские статуэтки (культ плодородия), строили прямоугольные наземные жилища из блоков глины с примесью соломы. «Образ жизни первых поселенцев Хассуны, — пишет немецкий ученый Б. Брентъес, — делает понятным, почему их культура быстро распространилась на сотни километров. Вероятно, в результате многовековой обработки почва в горах истощилась или население увеличилось настолько, что люди были вынуждены покинуть свою страну и отправиться на поиски новых земель. Там, где им нравились пастбища и пахотные земли и где не было врагов, они оставались жить. В противном случае, собрав урожай, двигались дальше...»

Итак, широкое освоение месопотамской равнины начали именно хассунские племена. Но по мере продвижения к югу богарное (неполивное) земледелие стало давать серьезные сбои. И вот в Телль эс-Савване («Кремневый холм»), расположенном на правом берегу Тигра в 11 км к югу от Самарры, в 60-е годы XX в. археологи из Иракского департамента древностей открыли большое

поселение площадью 2,5 га, укрепленное глубоким рвом и глинобитной высокой стеной, возникшее в 5600 г. до н.э. Внутри стен было раскопано два здания: одно («Дом № 1») имело два этажа и 14 комнат, второе — еще больше. Часть «Дома № 1» занимал храм из четырех помещений. Среди самых многочисленных находок — фигурки мужчин и женщин из глины и алебаstra. Но самое главное — среди найденных хлебных злаков есть такие виды пшеницы и ячменя, возделывание которых возможно лишь при искусственном орошении. А это значит, что простейшие формы ирригации появились в Месопотамии уже в VI тыс. до н.э. Важные результаты принесли также многолетние исследования хассунского поселка Ярым-тепе 1 в Синджарской долине российскими археологами (1969-1976 гг.).

В начале V тыс. до н.э. хассунскую культуру сменяет (или вытесняет) на севере Месопотамии пришлая халафская. И хотя халафскую керамику впервые открыли совершенно случайно в Сирии еще в 30-е годы, целенаправленное изучение этой культуры началось лишь в 50-70-е годы, когда американские и английские археологи исследовали такие интересные халафские памятники, как Арпачия и Тепе-Гавра в районе Мосула, а российская экспедиция

Илл. 19. Круглая жилая постройка халафской культуры. Ярым-тепе 2.

V тыс. до н.э.

64

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

на широкой площади и на всю толщину 7-метрового культурного слоя раскопала халафский тель Ярым-тепе 2 (в 1969-1976 гг.). Халафцы создали самую изящную и разнообразную по формам керамику, украшенную великолепной росписью. Круглая в плане архитектура («толось») — жилая и культовая, развитая религиозная идеология с образом богини-матери (культ плодородия), земледелие и скотоводство как основа хозяйства характеризуют основные черты этой культуры. Где-то в конце VI — начале V тыс. до н.э. какие-то северомесопотамские племена достигли самого юга равнины и вышли к берегам Персидского залива. Сетон Ллойд и Фуад Сафар при раскопках городища Абу-Шахрайн (древний город Эреду) в начале 50-х годов обнаружили, что самые нижние его слои содержат керамику, очень похожую на позднехассунскую и датированную как раз концом VI — началом V тыс. до н.э.

Завершает цепочку дошумерских раннеземледельческих культур так называемая убейдская культура (вторая половина V — середина IV тыс. до н.э.). Впервые открыта в телле Эль-Убейд близ древнего Ура в Южном Ираке. В конце 20-х гг. там работали английские археологи. Исследуя этот тель, они обнаружили под остатками шумерского храма незнакомую расписную керамику — темно-зеленые, обожженные почти до стекловидного состояния черепки, украшенные четкими геометрическими рисунками, нанесенными темно-коричневой и черной краской. Позже здесь удалось вскрыть под наносами ила тростниковые хижины первых жителей поселка с точно такой же расписной посудой. Так в археологической летописи Месопотамии появилась еще одна неизвестная культура, которая по своему хронологическому положению уже непосредственно предшествовала великой шумерской цивилизации.

В 1940 г. иракские специалисты раскопали убейдский поселок в Телль-Укайре близ Багдада. Здесь выявлены добротные глинобитные дома из прямоугольных сырцовых кирпичей со стенами почти метровой высоты, расчищена довольно широкая улица. Основой хозяйства местных жителей служили земледелие, скотоводство и рыболовство (найденны глиняные модели лодок, каменные грузила для сетей и кости крупной рыбы). Убейдская культура (происхождение ее остается неизвестным) быстро распространилась по всей Месопотамии, вытеснив (или уничтожив) на севере великолепную халафскую культуру.

Открытия продолжают

Что касается памятников шумерской эпохи, то после Второй мировой войны немцы продолжили раскопки в Уруке, американцы — в Ниппуре и Кише, англичане (М. Мэллоун) вновь начали раскопки Нимруда.

66

JA2. В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ГОРОДОВ

Еще более интенсивные исследования археологов развернулись по всей Месопотамии в 60-70-е гг. XX в. Заметно расширился при этом и список стран-участниц этой грандиозной археологической эпопеи: к традиционным участни-кам _ Англии, Франции, Германии и США — присоединились Италия, Япония, Дания и Россия. Раскопкам подверглись сотни самых разных памятников всех эпох: от пещерных стоянок первобытного человека в горах Курдистана до громадных городов I тыс. до н.э. типа Ниневии и Вавилона (Иракский директорат древностей). Однако уже ирано-иракская война 1980-1989 гг. сильно сократила и число иностранных экспедиций в Ираке, и

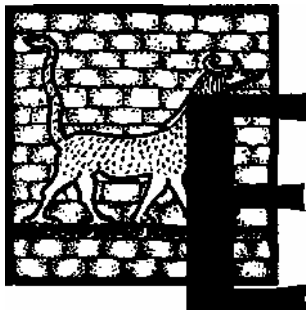
размах их исследовательской активности. Окончательный удар по археологическому изучению страны с участием иностранцев нанесла операция американцев и их союзников в 1991 г. — «Буря в пустыне». К тому же во время воздушных бомбардировок сильно пострадали многие всемирно известные памятники древности — например, знаменитый зиккурат Ур-Намму в Уре, построенный в III тыс. до н.э.

Тем не менее, археологическое изучение своей страны по мере возможности продолжали вести и в эти тяжелые годы иракские ученые. И об одном их замечательном открытии я и хочу здесь рассказать. В 1988 г. археолог Муза-хим Махмуд Хуссейн при раскопках в Нимруде в подземном склепе под полами дворца Ашшурназирпала II обнаружил каменные саркофаги двух ассирийских цариц, где, помимо останков самих высоких особ, находилось 20 кг золотых ювелирных украшений тончайшей работы — серьги, кольца, ожерелья, браслеты, булавки и т. д. По клинописным надписям на саркофагах удалось восстановить имена знатных покойниц: Аталия — жена царя Саргона II (721-705 гг. до н.э.) и Йабай — жена Тиглатпаласара III (744-727 гг. до н.э.). Таким образом, несметные сокровища ассирийских владык — не легенда, не вымысел, а реальность.

ГЛАВА 3 ;

У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПЛАНЕТЫ

История начинается в Шумере

еще в IX-VIII тыс. до н.э. Ирак стал ареной «неолитической революции» — самой важной из всех революций в истории человечества. В предгорьях Курдистана, увлажняемых каждую зиму дождями со Средиземного моря, человек перестал быть бродячим охотником, зависимым от капризов природы, и превратился в земледельца, привязанного к небольшому клочку земли, с которого получал теперь основные продукты питания. Из глины он построил себе жилище и изобрел новые виды орудий труда. Стада прирученных овец, коз и крупного рогатого скота дали ему постоянный и легко доступный источник мяса, молока, шерсти и кожи. Каждая большая семья, вероятно, соорудила свой собственный дом, обрабатывала свое поле, пасла свое стадо домашних животных. А несколько семей, объединившись вместе, образовывали деревню — зародыш социальной организации в виде сельской общины.

Позднее были и другие «революции»: металл вытеснил камень, деревни переросли в города, города объединились (часто не по своей воле) в царства, а царства — в империи. Но сама жизнь, труд человека, привязанного к матери-земле и зависящего от сезонных циклов природы, не менялись здесь с тех давних времен практически до наших дней.

За 5000 лет до рождения Христа предгорья Загроса и Синджара на севере Ирака были населены неолитическими земледельцами и скотоводами, обитавшими в небольших селениях и использовавшими орудия еще каменного века. Однако уже две тысячи лет спустя в Месопотамии начинается «эра истории», но начинается она в другом конце великой месопотамской равнины - в южной части долины Тигра и Евфрата, в Шумере. «История начинается в Шумере», - сказал однажды известный американский ученый-востоковед Сэмюэль Крамер, вынеся затем эту фразу в название одной из своих лучших научно-популярных книг. И это — истинная правда. Яркий свет письменной традиции (появление клинописи), вспыхнувший вдруг в междуречье Тигра и Евфрата более 50 веков назад, донес до нас из сумрака тысячелетий свидетельства о жизни и деяниях одного из величайших народов древности — шумеров.

О Шумер, великая земля среди всех земель Вселенной, залитая немеркнущим светом, определяющая божественные законы для всех народов от восхода до заката!.. —

воскликнул когда-то шумерский поэт, отражая в поэтической форме факт бесспорного культурного и военного превосходства обитателей Южной Месопотамии над их ближайшими соседями.

В действительности Шумер — очень небольшая страна. Ее площадь — чуть меньше современной Бельгии. Вся жизнь концентрировалась здесь вокруг рек и каналов. Поэтому «колыбель цивилизации» представляла собой длинную и узкую полосу земли, протянувшуюся от широты Багдада до гнилых болот на берегу Персидского залива. Эту территорию поделили между собой несколько шумерских городов-государств.

«Вскоре после 3000 г. до н.э. — отмечает известный английский археолог Г. Чайлд, — древнейшие письменные документы дают нам картину социальной и экономической организации Шумера... Страна была разделена между 15 городами-государствами, каждый из которых был политически автономен, но все они имели общую материальную культуру, религию, язык и все в значительной мере были связаны друг с другом экономически».

В раннединастический период (он начинается около 2800 г. до н.э.) клинописные таблички упоминают о 13 таких городах, более или менее точно привязанных к современной географической карте: Сиппар, Киш, Акшак, Ла-рак, Ниппур, Адаб, Умма, Лагаш, Бад-Тибера, Урук, Ларса, Ур и Эреду. Формально «хозяином», господином каждого шумерского города был бог, правивший через вождя, который, помимо политико-административных, выполнял еще и ряд важных культовых обязанностей. Земледелие, основанное на искусственном орошении, давало достаточно пищи, чтобы прокормить и тех людей, которые непосредственно ее не создавали: жрецов, чиновников, писцов, ремесленников, торговцев и профессиональных воинов из дружины правителя.

Широко использовалась письменность — в виде клинописи на глиняных табличках, были развиты архитектура (монументальные здания храмов, дворцы), скульптура и обработка металлов. Торговые караваны регулярно уходили вдаль от месопотамского оазиса, направляясь в горные районы за древесиной, слитками меди и олова, твердыми породами камня, драгоценными металлами и другими товарами, столь необходимыми для нормальной жизни только что зародившихся шумерских городов-государств.

Религия, безраздельно господствовавшая и в общественной, и в частной жизни, выработала сложнейший пантеон богов во главе с верховным божеством — Энлилем (богом воздуха). В раннюю эпоху вся хозяйственная жизнь города-государства была сосредоточена вокруг храма бога-покровителя данной территориальной общины.

Такова в общих чертах картина шумерской цивилизации в начале III тыс. до н.э. Стоит ли поэтому, удивляться, что те 20 веков (5000-3000 гг. до н.э.), которые являлись свидетелями зарождения и формирования этой цивилизации, представляют для нас исключительный интерес. История перехода от неолита к цивилизации не может быть рассказана во всех деталях, поскольку наши сведения об этом процессе все еще крайне скудны и отрывочны. Но мы, по крайней мере, знаем теперь, что он точно происходил в пределах самого Ирака. Широкие археологические исследования 50-80-х гг. опровергли старую теорию, согласно которой шумерская цивилизация зародилась первоначально в какой-то далекой и таинственной стране и уже потом в полностью сложившемся виде была принесена в Месопотамию. Сейчас мы в состоянии проследить путь развития многих из ее элементов на протяжении долгих веков. И если одни черты цивилизации действительно были принесены извне, в ходе иноземных вторжений или иноземных культурных влияний, то другие имели такие глубокие корни в иракском прошлом, что мы можем назвать их местными. Вероятно, как и все другие древние цивилизации, шумерская была продуктом слияния самых разных культурных потоков и черт. Известно, что две главные этнические группы, резко отличавшиеся друг от друга по языку, — шумеры и аккадцы-семиты — жили в Месопотамии бок о бок еще в начале исторической эпохи (на рубеже IV и III тыс. до н.э.). Хотя мы не можем пока с уверенностью сказать, когда именно они появились на месопотамской сцене и какую роль каждый из этих народов сыграл в становлении местной цивилизации. Увы, единственным источником для решения наших проблем по поискам истоков шумерской культуры в дошумерские времена остаются археологические находки. Но они практически бесполезны при реконструкции политических событий и передвижений различных племен и народов.

Тот долгий период, когда Месопотамия была «беременна цивилизацией», зарубежные археологи называют обычно «протоисторией». «Протоистория»,

ЛАВА 3. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

в свою очередь, подразделяется на пять этапов (или культур), каждый из которых назван по тому

памятнику древности, каковой был для данной культуры изучен впервые. Вот перечень этих этапов в хронологическом порядке:

1. Хассуна-Самарра (VI тыс. до н.э.)
2. Халаф (V тыс. до н.э.)
3. Убейд (сер. V — сер. IV тыс. до н.э.)
4. Урук (3500-3100 гг. до н.э.)
5. Джемдет-Наср («протописьменный») (3100-2800 гг. до н.э.)

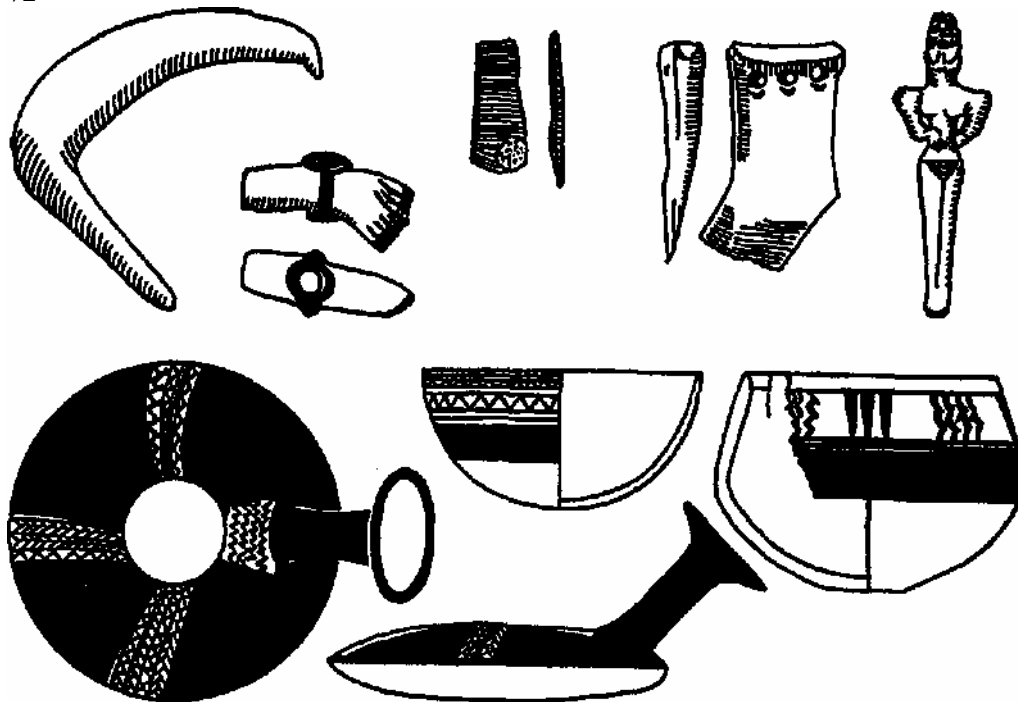
Загадки Убейда

Первые две культуры (Хассуна и Халаф) существовали только на севере Месопотамии, Убейд распространился по всей стране. Последние же этапы «доистории» представлены только на юге Двуречья. Именно там и вспыхнул яркий свет первой месопотамской цивилизации. Для этого имелись вполне объективные причины. Низовья Тигра и Евфрата, вместе с Персидским заливом, служили удобными и широкими воротами для проникновения культурных влияний даже из таких дальних стран, как Индия и Сомали. Реки (вместе с их протоками и руслами) и каналы в какой-то мере служили защитой южной части Ирака от опустошительных набегов кочевников Аравийской пустыни и горцев Ирана. Но самый главный фактор — это создание огромной и сложной сети оросительных каналов, что указывает на существование здесь еще в IV тыс. до н.э. довольно сильной центральной власти, способной сосредоточить в своих руках достаточно сил и средств для того, чтобы управлять сельскими общинами и использовать их труд на строительстве ирригационных систем. Но были ли обитатели юга Месопотамии уже во времена господства убейдской культуры шумерами? В чем реально выражается эта культурная преемственность между убейдцами и шумерами, мы увидим ниже. А сейчас необходимо кратко описать характерные черты самой убейдской культуры.

Как отмечалось выше, важнейшими исследованными ее памятниками остаются до сих пор Эль-Убейд, Телль-Укайр, Эреду — на юге и Тепе-Гавра — на севере Месопотамии.

Особо важные результаты принесли раскопки в древнейшем городе Двуречья — Эреду (Абу-Шахрайн). Под одним из углов зиккурата шумерского периода было обнаружено гигантское наслоение из 17 храмов, последовательно сменявших друг друга на этом месте, начиная с незапамятных времен. Восемь верхних святилищ (храмы I-VIII) представляли собой внушительные здания урукского и, частично, позднеубейдского периодов. Хуже сохранившиеся остатки храмов IX-XIV, лежавших ниже, содержали как убейдскую, так и более раннюю керамику (конец VI — начало V тыс. до н.э.). Наконец, еще

72

Илл. 21. Убейдская культура, сер. V — сер. IV тыс. Эс Характерные формы керамики, статуэток и орудий

раньше появились крохотные «часовенки» — храмы XV-XVII. Эти древнейшие ритуальные

сооружения Южного Двуречья интересны для нас во многих отношениях. Уже первое знакомство с данной архитектурой позволяет прийти к заключению о непрерывном и преемственном развитии одной и той же религиозной традиции в Эреду с конца VI тыс. до н.э. и вплоть до шумерской эпохи. Прототипом храма XVI была постройка с единственным крохотным помещением площадью не более трех квадратных метров. Однако и оно уже имеет культовую нишу в стене и центральный жертвенный столик — черты, которые начиная с этого времени неизменно присутствуют в архитектуре ме-сопотамских храмов. В слоях XI-IX этот храм перестраивается уже с ббльшим размахом: возводятся центральное святилище и боковые крылья. На сей раз

ГЛАВА 3. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

его тонкие кирпичные стены укрепили контрфорсами, возможно, напоминающими о деталях конструкции древних тростниковых построек. Затем следует ряд более основательных и искусно построенных храмов (слои VIII-VI), которыми и завершается убейдский период на городище. В прямоугольное помещение центрального святилища по-прежнему входили через боковую камеру, но уже созданы и дополнительные церемониальные входы на одном конце и алтарь на возвышении — на другом. Здесь есть и стоящее посреди храма возвышение для ритуальных приношений, включавших, вероятно, и рыбу, так как рыбы кости были обнаружены в соседней комнате. Кстати, в последние годы целый ряд исследователей пришел к выводу о том, что в шумерском искусстве был широко распространен мотив «рыбочеловека».

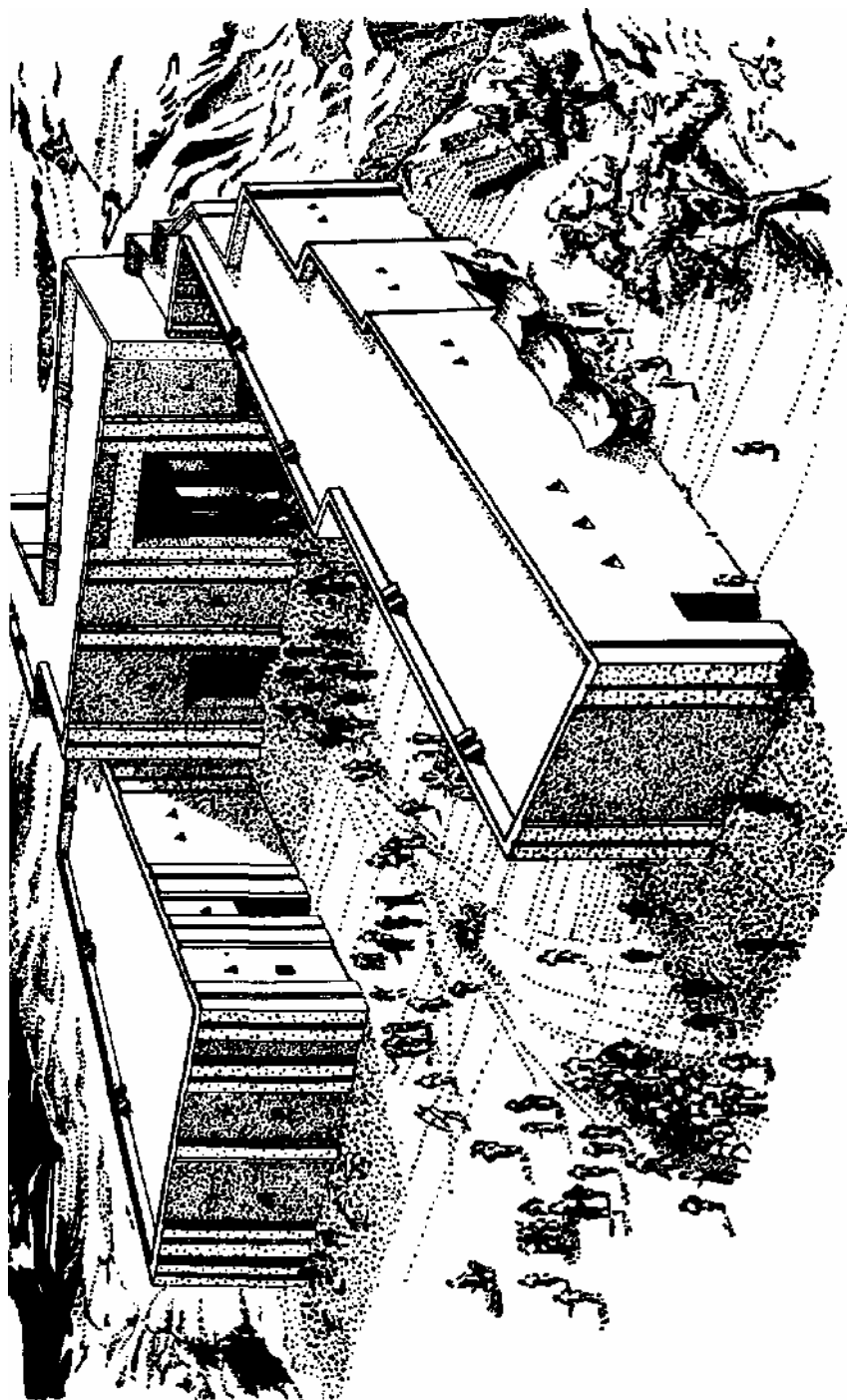
Культовые ниши и фасады с контрфорсами стали с этого времени характернейшей чертой храмовой архитектуры Двуречья.

Итак, очевидно, что центрами многих крупных убейдских селений были монументальные храмы на платформах, возможно, уже игравшие роль организаторов хозяйственной деятельности и управления делами общины. Храмы Эреду достигают особенно больших размеров и сложной внутренней планировки во времена позднего Убейда (в первой половине IV тыс. до н.э.). Так, храм VI, стоявший на высокой платформе, имел размеры 26,5 x 16 м. Люди, жившие в хижинах вокруг святилища, кормились рыболовством и охотой, сеяли эммер (полбу), ячмень, лен, сезам (кунжут), выращивали финиковую пальму, разводили овец, коз, свиней, ослов и крупный рогатый скот. Борясь с ежегодным разливом рек и используя воду, оставшуюся после него в мелководных озерах, они еще в доубейдское время впервые применили здесь, на юге Ирака, новый метод земледелия — они рыли в мягком лёссовом грунте небольшие водоотводные каналы.

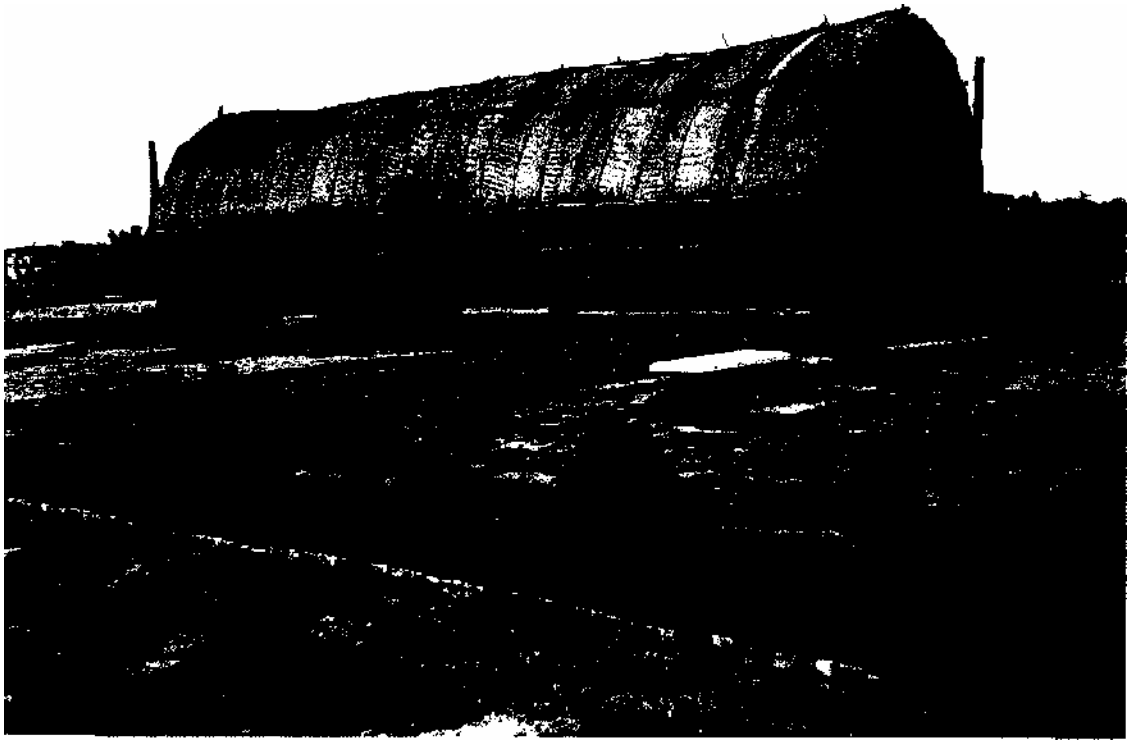
Исключительно тяжелые условия жизни в катастрофически жарком климате, между знойной пустыней и гнилыми болотами дельты Тигра и Евфрата, отчасти искупались для них невероятным плодородием почвы и обилием урожая.

В убейдских селениях параллельно с развитием земледелия и скотоводства бурно развивались ремесла. Превосходная убейдская керамика, часто особого, зеленоватого-оттенка (из-за чрезмерного обжига), с коричневой или черной росписью отличается стандартными формами и явно производилась специалистами-гончарами. Для обжига глиняной посуды использовались специальные печи сложной двухъярусной конструкции, где поддерживалась постоянная температура свыше 1200°C. Появляются новые типы посуды —

Илл 22. Глиняная статуэтка богини-матери с головой ящера-варана и ребенком на руках. Убейдская культура, Урук. 4000 г. до н.э.

Илл 23. Реконструкция храма в Тене-Гавра близ г. Мосула, Ирак. Убейдский период. IV тыс. до н.э.

*Илл 24. Тростниковый жилой дом убейдского периода. Современная реконструкция.
Национальный парк г. Ктесифона*

«чайники», черпаки с длинными ручками, колоколовидные чаши и т. д. В конце убейдского периода был изобретен гончарный круг. В ряде могил обнаружены глиняные модели лодок, в том числе и парусных. Бесспорен прогресс в металлообработке, хотя металл на юге был редкостью и металлических предметов там пока найдено немного (медные рыболовные крючки, шилья и др.). Развивался обмен товарами и сырьем с соседними областями. Obsидиан привозили с Армянского нагорья, кремль — из Сирии, лес и твердые породы камня — с гор Загроса, лазурит — из Афганистана.

К 3500 г. до н.э. убейдские племена занимали уже всю Месопотамию, Северную Сирию, Киликию (в Турции) и горные районы Загроса.

В течение большей части убейдского периода поселения представляли собой сравнительно небольшие земледельческие поселки, широко разбросанные по месопотамской равнине вблизи естественных источников воды (реки, озера, каналы). Каких-либо особых различий между ними в это время не наблюдалось.

77

У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

Ситуация заметно изменилась лишь к концу Убейда, то есть в середине IV тыс. до н.э. Как показали исследования известного американского археолога Роберта Мак Адамса в районе Урука (Варки), именно тогда Урук из простого поселка земледельцев превращается в важный религиозный и политико-административный центр окружающей его территории, где, в свою очередь, выделяются более крупные поселения — «городки» и тяготеющие к ним группы деревень. Однако решающие перемены в характере поселений Южного Двуречья происходят лишь в последующих урукском и протописьменном периодах.

Убейдские археологические материалы наглядно показывают, как постепенно возрастала роль храмов в жизни сельских общин, как они стали главными центрами экономической и социальной жизни в нарождающихся месопотамских городах. Здесь уместно опять вернуться к вопросу о соотношении убейдской культуры и шумерской цивилизации: можно ли рассматривать первую как родоначальницу второй? Однозначно ответить на него совсем не просто. Слишком мало мы еще знаем об этом переходном периоде (речь идет не только об археологических материалах, но и о письменных документах, данных антропологии, палеоботаники, палеозоологии и т. д.). И тем не менее многие компетентные исследователи высказываются в пользу преемственности этих двух культур.

К.К. Ламберг-Карловски (США) считает, что хотя убейдскую культуру преждевременно называть шумерской, все же она должна была подготовить почву для последней. Появление социальных слоев, развитие торговли и рост населения, основание новых поселков и городов — все это

отличает Убейд от более ранних неолитических культур.

Близкой точки зрения придерживается и наш соотечественник И.М. Дьяконов. «Кто бы ни были подлинные создатели убейдской культуры, — отмечает он, — достигнутый ими уровень развития постепенно начинал выводить общество за рамки первобытного строя». Общины, руководимые храмовой организацией, объединялись для создания и поддержания все более сложных оросительных систем. Развитие экономики, торговли и обмена способствовало имущественному расслоению общества.

Все археологи говорят о культурной преемственности Убеида с Шумером в культовой архитектуре, керамике, домостроительстве, хозяйственных навыках и приемах, в предметах быта. Не случайно, видимо, и то, что все главные шумерские города возникли на месте прежних убейдских поселений. По словам И.М. Дьяконова, материальные памятники свидетельствуют о том, что создатели убейдской культуры на юге Двуречья конца V — начала IV тыс. до н.э. были безусловно шумерами, а «с возникновением иероглифической письменности на грани IV и III тысячелетий до н.э. мы имеем уже бесспорные доказательства, что население Нижней Месопотамии было шумерским».

ГЛАВА 3. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

Итак, к концу убейдского периода Месопотамия существенно изменяется.

Переход от деревни к протогороду и от первобытно-общинного строя к государству и цивилизации совпал в Ираке с появлением новых форм керамики, изобретением гончарного круга, заменой плоских печатей из камня цилиндрическими и с рядом других достижений, кульминацией которых было изобретение письменности незадолго до 3000 г. до н.э. Археологические данные показывают полную преемственность в архитектурных и религиозных традициях с предыдущей эпохой. Поэтому мы, скорее всего, имеем здесь дело не с внезапной революцией, а с финальным этапом эволюции, начавшейся в Месопотамии за много столетий до этого.

Период, отражающий все эти новые условия, представлен лишь в немногих теллях Южного Ирака. Наиболее важным из них до сих пор остается Урук (Варка). Вот почему и время столь радикальных перемен названо урукским.

Урукская культура

В последние века IV тыс. до н.э. культурное развитие Месопотамии резко ускорилось, и кульминацией этого процесса стало возникновение шумерской цивилизации. Эти времена по городу Уруку (Варке) носят название урукского периода (ок. 3500–3100 гг. до н.э.). В шумерских текстах III тыс. до н.э. Урук признается одним из главных центров Шумера. В это время здесь активно развиваются городские центры и, согласно исследованиям Р. Мак Адамса, происходят важные демографические изменения. За триста лет — с 3500 по 3200 гг. до н.э. — население этого региона значительно возросло. «Возможно, — отмечает К.К. Ламберг-Карловски, — это объясняется переходом кочевых племен к оседлости... и эмиграцией из сельских районов во все более урбанизирующиеся районы Южной Месопотамии, скорее всего, тем и другим вместе». Этот достаточно медленный процесс перемен в жизни месопотамского общества Г. Чайлд назвал «городской революцией». Он включал в себя появление письменности и развитие монументального стиля архитектуры, наиболее ярко выраженного в храмовых постройках. Чем же объясняются те глубокие изменения, которые произошли в Южном Ираке в конце IV тыс. до н.э.? Существует множество гипотез. Некоторые ученые считают, что перемены в Месопотамии осуществлялись столь стремительно, что наверняка не обошлось без влияния каких-то чужеземцев. И действительно, за считанные столетия на юге месопотамской равнины имел место подлинный переворот: переселение людей из деревень в города, зарождение новых форм керамики, изобретение письменности и появление цилиндрических каменных печатей как показателя утверждения частной собственности.

79

ВАЗ. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

Но считать причиной крупных социально-экономических перемен в Двуречье вторжение каких-то иноземцев было бы слишком большой натяжкой. К тому же эта гипотеза опровергается археологическими данными, свидетельствующими о четкой преемственности, начиная с убейдских времен, в архитектуре, религиозных верованиях и технологических традициях. Другая гипотеза, претендующая на вскрытие истоков «городской революции», основана на том, что в развитии государств (и цивилизации) исключительную роль сыграла ирригация — искусственное орошение земель с помощью каналов, плотин и дамб. Ее автор, Карл Виттфогель, в своей работе «Восточный деспотизм» прямо увязал появление сложных ирригационных систем с наличием сильной центральной власти, обеспечивающей необходимую для строительства и

содержания каналов рабочую силу. Согласно Виттфогелю, ирригация Месопотамии была ключевым фактором развития ее городской цивилизации. Гипотеза подверглась острой, но справедливой критике. Например, Р. Мак Адаме доказал, что сложные политические и экономические институты существовали в Южном Ираке задолго до того, как там была создана сложная сеть ирригационных сооружений. Разумнее считать ирригацию лишь одной из причин появления шумерской цивилизации, но не обязательно главной.

Еще одна гипотеза объясняет возникновение городов-государств Шумера взаимодействием оседлого земледельческого населения Месопотамии и кочевых племен окружающих территорий. Видимо, данный фактор также следует принять во внимание, но и он не может быть единственным, хотя, конечно, такие контакты вполне могли играть роль катализатора в становлении государства. Если судить по письменным источникам, относящимся к более позднему времени, то отношения между оседлыми общинами и кочевниками строились на взаимной подозрительности, а то и открытой вражде и военных столкновениях. Такие отношения, отраженные в клинописных текстах III-II тыс. до н.э., сохранялись вплоть до недавнего времени. «И все-таки, — отмечает К.К. Ламберг-Карловски, — несмотря на враждебность во взаимоотношениях кочевники благодаря мобильности, пастушескому образу жизни были необходимы жителям земледельческих поселений для общения, торговли и разведения домашнего скота, в частности, овец и коз. Номады обладали ценной информацией. Благодаря постоянным миграциям они всегда знали, где можно найти те или иные ресурсы, и были в курсе политических событий в разных районах. Эти миграции также позволяли им выступать в роли посредников в обмене товарами и идеями между оседлыми жителями горных областей и обитателями месопотамской равнины».

Итак, первая цивилизация в истории человечества зародилась, по всей вероятности, в Южной Месопотамии, и начальный этап ее развития лучше всего документирован раскопками в Уруке (Варке).

ГЛАВА 3. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕ

Урук (Эрех) — заря цивилизации

Грандиозные и величественные руины Урука находятся в пустынном районе на полпути между Багдадом и Басрой, неподалеку от современного иракского городка Варка. С 1912 года и по сей день здесь работают немецкие археологи, и благодаря их раскопкам мы имеем довольно полное представление об этом древнейшем шумерском городе.

Урук был впервые заселен около 4200 г. до н.э. носителями убейдской культуры и в своих нижних слоях представляет собой типичное убейдское поселение. Однако приблизительно с 3500 г. до н.э. здесь происходят огромные изменения, которые одни ученые связывают с приходом чужеземцев, а другие — с внутренним развитием самой убейдской культуры. Последний тезис пока более убедителен.

Характерный облик шумерской цивилизации оформился именно в период Урука. Его отличительные черты особенно ярко выражаются в трех основных сферах культуры: в строительстве монументальных храмов, изготовлении высокохудожественных цилиндрических печатей и в развитии клинописного письма.

В древности Урук был посвящен двум великим божествам шумерского пантеона — это АН (или Ану), бог неба, и богиня любви Инанна (аккадская Иштар). В центральной части гигантского городища (общая площадь его свыше 400 га) вокруг построенного из сырцового кирпича зиккурата стоит храм этой богини, Э-Анна («Небесный Дом»), — обширный комплекс зданий и внутренних двориков, который постоянно расширялся и перестраивался с убейдских времен до персидского завоевания в VI в. до н.э. Храм бога Ану, гораздо более скромный по размерам и внешнему облику, находится в другой части города.

Ранние храмы Урука очень похожи по своей планировке на храмы убейдского периода в Эреду: фасад с контрфорсами, длинный зал, окруженный небольшими вспомогательными помещениями. Наличие дверей на длинной стороне храма также говорит о преемственности архитектурных традиций, религиозных верований и обрядов. В Э-Анна были открыты шесть таких святилищ. Они попарно размещались в трех последовательно сменяющих друг друга слоях, что позволило немецкому археологу Г. Ленцману предположить, будто они посвящались не только Инанне, но и ее супругу — богу плодородия Думузи.

Особенно интересными оказались сооружения из самых нижних слоев — огромные храмы на платформах. Один из них, «Белый Храм», гордо возвышался на высоком фундаменте из белых известняковых плит и имел впечатляющие размеры: 78 x 33 м. Совершенно изумительна его

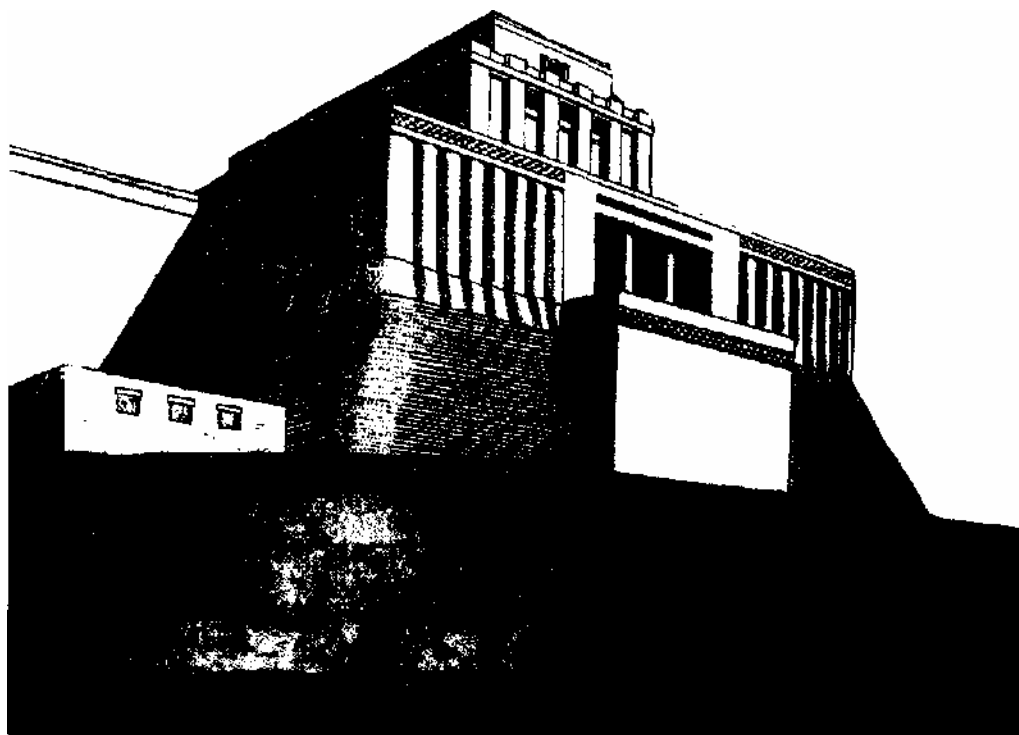
внутренняя мозаичная отделка. Другой храм состоял из большого двора между двумя святилищами

3. У истоков первой цивилизации планеты

ut 25. Избиение пленных. Оттиск с цилиндрической печати отописьменного периода. Урук. 2900-2800 гг. до н.э.

и имел портик с восемью массивными колоннами из сырцового кирпича (каждая — 2,4 м в диаметре), расположенными в два ряда. Боковые стены двора, сами колонны и платформа, на которой они стояли, были сплошь покрыты цветной геометрической мозаикой, образуемой шляпками глиняных конусов в 7,5-10 см длиной, которые были окрашены в черный, красный и белый цвета и затем вбиты в глиняную штукатурку. Этот оригинальный и очень эффективный способ орнаментации архитектуры получил широкое распространение в течение урукского и последующего «протописьменного» периодов. Здесь уместно привести мнение отечественного ученого И.М. Дьяконова относительно одного интересного сооружения в самом центре Урука. «На более низко расположенной примыкающей террасе, — пишет он, — находился еще один весьма интересный архитектурный комплекс — так называемое Красное здание. Это большой, замкнутый стеной, двор (около 600 кв. м), с двумя узкими обороняемыми входами, со стенами, украшенными трехцветной орнаментальной мозаикой, имитирующей плетеную циновку. Перед двором расположена своего рода возвышающаяся площадка из сырцового кирпича, как бы эстрада, вероятно крытая, на которой водружены приземистые круглые столбы или колонны, также с цветной мозаикой. Раскапывавшие Варку археологи не дали этому ансамблю никакого истолкования; он довольно неопределенно представлялся им „культовым“. Однако, может быть, перед нами место для народных собраний (двор) и заседаний общинного совета старейшин (приподнятая площадка-возвышение, или „эстрада“). Обстановка совершенно согласуется с тем, как рисуются эти органы самоуправления общины в позднейших

Илл 26. «Белый храм» в Уруке (Ваг. Реконструкция. Урукский пеј.

шумерских литературных памятниках: правитель-жрец отдельно совещается с советом, а народ при этом лишь присутствует — видимо, в некотором отдалении — и, когда к нему обращаются, поддерживает предложение правителя криком „дэо“ — „да будет“¹¹. Но мог провозгласить и „наам“ — „да не будет“».

В верхнем слое Урука в комплексе Э-Анна мы вновь видим остатки двух храмов примерно на том же самом месте и того же самого плана, но с другой ориентировкой. По радиоуглеродному анализу один из них датируется около 2815 г. до н.э. Однако между храмами не было ни двора народного собрания, ни возвышения для совета. Наступили иные времена и иные порядки: власть все более концентрировалась в руках правителя, а роль народного собрания в решении важных дел жизни общины была сведена к минимуму.

АВАЗ. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

Следует подчеркнуть, что все описанные выше храмы покоились (как и святилища Убеида в Эреду) на низких кирпичных платформах. Но со временем платформа-фундамент становилась все выше и выше, уже превосходя по своим размерам само храмовое здание. Видимо, именно здесь и надо искать истоки знаменитого месопотамского зиккурата — ступенчатой башни, на плоской вершине которой возводилось святилище наиболее почитаемого в данном городе божества. Эта постепенная эволюция в архитектуре хорошо иллюстрируется храмом бога Ану из Урука-Варки, где шесть последовательно сменявших друг друга святилищ были, в конце концов, включены в общую монументальную платформу в 15 м высотой. На ее вершине находятся прекрасно сохранившиеся остатки храма позднеурукского периода. Поэтому даже сейчас, в наши дни, можно войти внутрь его стен и молча постоять в том самом месте, где 5000 лет назад шумерские жрецы возносили к небесам свои молитвы.

Помимо великолепной архитектуры урукский период отмечен широким распространением резных печатей — этих маленьких шедевров раннего месопотамского искусства. Каждая такая печать — это небольшой цилиндр, сделанный обычно из полудрагоценных пород камня и имеющий длину от 2,5 до 7,5 см и толщину от размеров пальца руки до параметров современного карандаша. Внутри, по центру, шел тонкий канал — для того, чтобы печать можно было (продев шнурок) носить на шее. На поверхности вырезан рисунок, который, когда его прокатывали по сырой глине, мог служить своего рода «удостоверением личности» владельца, или, скорее, его личной «подписью». Мотивы рисунков разнообразны. Наиболее распространенными были фризы из животных и растений, мифологические существа и боги, сцены из повседневной жизни.

Рождение клинописи

Именно с урукским временем связано и еще одно, возможно, самое важное и эпохальное изобретение — создание клинописи. К концу периода в архаических храмах комплекса Э-Анна в Уруке появляются первые глиняные таблички с пиктографической письменностью. Письменность

Месопотамии была первоначально — как и все примитивные системы древнего письма — собранием маленьких стилизованных рисунков, или пиктограмм. Самые ранние тексты из Урука и других мест Двуречья уже слишком сложны по своему характеру, чтобы представлять собой первую попытку человека по выражению на глине своих идей. Видимо, первые пиктограммы вырезались на дереве или писались на пальмовых листьях и коже. Однако попытки найти эти ранние опыты клинописи при раскопках вряд ли могут увенчаться успехом, если

84

Или 27. Табличка с ранними шумерскими пиктограммами? так называемый монумент Блау. Урукский период. 3400 г. до н.э.

учесть особенности местного климата. Единственное, что мы имеем, — это рисунки на глине. Процесс написания текста был довольно простым. Писец брал комок хорошо отмытой глины и делал из него небольшую гладкую «лепешку» овальной формы в 7,5-15 см длиной. Затем концом остро заточенной тростниковой палочки он чертил линии, разделяющие поверхность таблички на квадраты, и заполнял каждый из них рисунками-пиктограммами. Табличка далее или обжигалась, или оставлялась в сыром виде. Обожженные таблички тверды как камень и практически становятся вечными; с другой стороны, необожженные таблички, также часто находимые при раскопках, при неосторожном обращении мгновенно рассыпаются в пыль, поэтому их нужно очень аккуратно высушить в тени, позволить немного затвердеть, а потом обжечь в печи. С течением времени месопотамское письмо постепенно теряло свои пиктографические очертания. Знаки стали наноситься по горизонтальным линиям (а не по квадратам) или же в вертикальных столбцах. Они уменьшились в размерах и в конце концов «стилизовались», потеряв всякое сходство с предметами, которые изображали. К середине III тыс. до н.э. эта медленная эволюция завершилась, и появилась стандартная клинопись.

Древнейшие тексты, обнаруженные археологами в Уруке, были написаны на шумерском языке. Письменность основывалась, как и в древнекитайской иероглифике, на принципе: один предмет или одна идея равны одному знаку и

28. Таблица древнейших шумерских пиктографических знаков одному звуку. Эти первые образцы клинописи имели множество знаков — более 2000. Некоторые

из них представляют конкретные предметы, легко поддающиеся отождествлению, такие, например, как земледельческие орудия (мотыга), лодки, головы животных, части человеческого тела (рука, нога, голова), в то время как другие были чисто условными.

Но поскольку абстрактную идею трудно выразить графически, то одна пиктограмма иногда использовалась для выражения нескольких слов и могла быть прочитана несколькими способами. Например, ступня ноги означала не только саму ступню (на шумерском это звучит как *Зу*), но и идеи, имеющие отношение к ноге (ступне), такие как «стоять» (*зуб*), «идти» (*гин*), «приходить» (*тум*). Более того, некоторые понятия, абсолютно не связанные между собой по смыслу, произносились с помощью одного и того же звука и группировались вокруг одного знака. Так, знак лука (вид оружия) использовался для обозначения слова «стрела» (*ти*), а также для совершенно иного слова — «жить» (*ти, тил*). В классическом шумерском языке правильное чтение знака обычно определялось или с помощью общего контекста, или с помощью других знаков, называемых «детерминативами». Однако в архаических текстах ничего подобного нет. По этой причине ученые до сих пор не могут читать пиктографические урукские таблички. Улавливается лишь общий их смысл. И все, что нам может сказать сегодня современная лингвистика, — это то, что данные

	I	II	III	IV
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				

Илл. 29. Таблица ранних шумерских пиктограмм

ГЛАВА 3. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

таблички содержат тексты хозяйственного характера: списки храмовых работников, товаров, изделий ремесленников и т. д.

Итак, общий характерный облик шумерской цивилизации оформился именно в урукский период. Его отличительные черты особенно ярко проявляются в трех основных направлениях развития культуры — строительстве монументальных храмов, изготовлении высокохудожественных каменных цилиндрических печатей и в изобретении письменности. На смену Уруку пришел «протописьменный» (Джемдет-Наср) период, длившийся примерно с 3100 до 2800 (2750) г. до н.э.

Протописьменный период

Материальная культура Южной Месопотамии протописьменного периода получила название культуры Джемдет-Наср — по поселению, лежавшему между Багдадом и Вавилоном, при раскопках которого были обнаружены оригинальные изделия расписной керамики этого времени. Период Джемдет-Наср, по сути дела, мало чем отличается от эпохи Урука: религиозные и светские сюжеты, изображаемые на цилиндрических печатях того и другого времени, идентичны;

монументальная архитектура Джемдет-Насра сохраняет оформление интерьера и функции, свойственные архитектуре предшествующего периода; керамика в основном продолжает заложенные в урукские времена традиции. Единственное, что отличает керамику Джемдет-Насра от урукской, это мотивы росписи. Она (роспись) имеет геометрический или реалистический (люди, животные, растения и т. д.) характер и нанесена черной и красной краской прямо на бурую поверхность глиняных сосудов.

Таким образом, между культурами протописьменного и урукского периодов нет никаких существенных различий, а есть простые вариации по стилю и по качеству. Архитектурные сооружения встречаются при раскопках довольно редко, но их вполне достаточно для того, чтобы доказать отсутствие резких изменений в планировке и орнаментации храмов, хотя основное внимание уделяется теперь размерам и отделке храмовых платформ, и мозаичная орнаментация из конусов с цветными шляпками наносится уже не по всей поверхности стен, а выборочно, по горизонтальным панелям. Цилиндрические печати содержат те же самые мифологические и светские сцены, хотя появляется отчетливая тенденция к их условности, стилизации и стандартизации.

Письменность используется в жизни общества гораздо шире, пиктограммы стали еще малочисленнее и абстрактнее. Колесо и плуг, изображаемые на глиняных табличках, были наверняка изобретены еще раньше, а великолепные каменные и металлические сосуды явились, вероятно, продуктом развития давно существовавшей местной традиции.

Илл 30. Керамика ДжС а) глиняный расти с человеческими фигурами. Наср. Рубеж IV-III к б) сосуд с рельефным изо львов и быков. Урук, период Наср. Нач. Ш і
ГЛАВА 3. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

Появляется практически неизвестная прежде каменная скульптура: львы, атакующие быков, герои, укрощающие хищных зверей, дикие кабаны и мирные овечки вырезаны в рельефе на каменных плитах или представлены в виде круглой скульптуры. Особенно впечатляют внушительных размеров (более метра в высоту) размеров каменные вазы и чаши с резьбой на самые разные, в основном культовые, темы.

Тогда же впервые в храмах находят votивные статуэтки богомольцев. В Уруке в ходе раскопок обнаружили довольно грубую стелу из базальта, на которой изображены двое бородатых мужчин, убивающих львов с помощью лука и стрел. Есть и еще две находки с этого городища — они могут соперничать с любыми шедеврами искусства той же эпохи. Одна из них — высокая алебастровая ваза, украшенная изящной низкорельефной резьбой, главным мотивом которой является фигура богини Инанны, принимающей дары от жреца или правителя. Другая находка — мраморная маска, изображающая почти в натуральную величину прекрасное женское лицо. К сожалению, вставные

(сделанные, видимо, из драгоценных камней) глаза не сохранились, но черты лица смоделированы великолепно — смесь тонкого реализма и чувственности, и аналогов ему в древности нет, вплоть до появления классической греческой скульптуры.

Хотя шумерская иероглифическая письменность протописьменного периода — еще не вполне письменность, и мы еще не можем читать любой отдельно взятый шумерский документ того времени, но из всей совокупности таких текстов, в сочетании с изображениями на печатях и рельефах, можно извлечь немало общеисторической информации. Так, например, дешифровка и первые попытки «чтения» протописьменных табличек, осуществленные петербургским ученым А.А. Вайманом, дали историкам древней Месопотамии очень многое. Мы узнали, что шумеры наряду с ячменем сеяли много эммера и пшеницы. Искусственное орошение еще не привело, как произошло позже, к засолению почвы, которое плохо переносит пшеница, а значит, урожаи были очень высокими. Кое-где сажали финиковую пальму, хотя широкое ее распространение на юге Ирака относится к более позднему времени. Разводили крупный рогатый скот, собак, овец, коз, свиней и ослов. Большое значение в хозяйстве имело рыболовство в реках, каналах и соленых лагунах. Охота отступает на второй план (охотились на газелей, оленей и диких быков-туров и даже на львов). Иероглифы клинописи в виде глиняных горшков перекликаются с керамикой, находимой археологами в месопотамских телях. Но здесь мы узнаем, какие именно сосуды предназначались для молока, какие — для пива, для благовоний,

Илл. 31. Мраморная маска богини Инанны из Урука. Протописьменный период.

Рубеж IV и III тыс. до н.э.

ГЛАВА 3. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

для сыпучих тел, для жертвенных возлияний. Пиктограммы сохранили также рисунки разнообразных металлических орудий и горнов, находимых при раскопках археологами. И самое главное — они донесли до нас внешний вид предметов, сделанных из органических материалов и, следовательно, давно исчезнувших: прялок, лопат, мотыг с деревянными рукоятями, примитивного плуга, саней для перетаскивания грузов по заболоченным местам, четырехколесных повозок на сплошных колесах из дерева, канатов, рулонов ткани, тростниковых ладей с высоко загнутыми носами и многое другое. Исследование содержания документов, насколько оно нам доступно, свидетельствует, что мы имеем дело с обществом, уже прошедшим не только первое разделение труда (на земледельцев и пастухов), но и второе (выделение из общей массы земледельческого населения ремесленников и профессиональных торговцев). Хозяйственные документы храмовых архивов из Э-Анны в Уруке (Варке) протописьменного периода представлены теми же типами, что и раньше. Но впервые появляются записи о выдаче

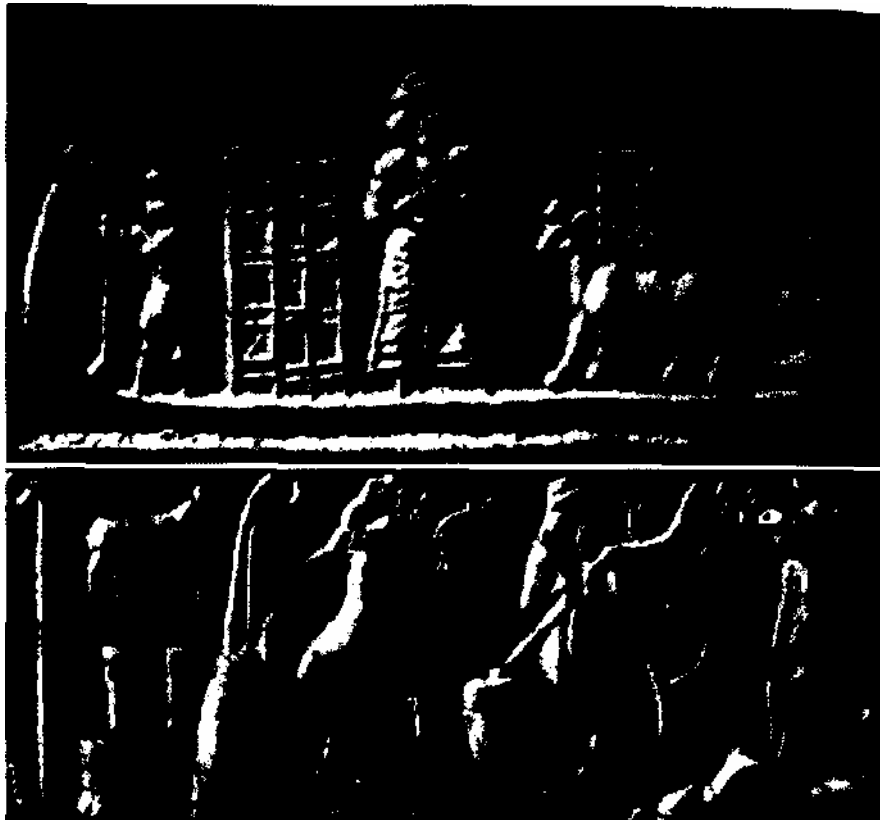
земельных наделов. Часть таких текстов была недавно расшифрована сотрудником Эрмитажа А.А. Вайманом. В одном из них говорится о распределении лежащих вдоль канала земель общей площадью 233 «бур», или, если считать, что меры земельной площади имели в этот период то же значение, что и в более позднем Шумере, около 1500 га; две трети земель, около 1000 га, были выделены верховному правителю-жрецу (*эвен*, позже *эн*); оставшаяся треть — около 500 га — предоставлена пяти лицам: верховной жрице (по старошумерски, вероятно, *эвенмин*) — около 122 га, затем второму по старшинству жрецу — прорицателю (*ишиб*) — около 64 га, главному торговому посреднику (*шаб-галь*) ~ около 103 га, главному судье (*кин-Би*) — около 95 га и еще около 100 га, возможно, военачальнику. По имеющимся данным, с таких площадей держатели наделов должны были получать ежегодные урожаи соответственно порядка 2 млн литров (около 12 000 центнеров) на верховного правителя-жреца и от 1800 центнеров до 980 центнеров на остальных должностных лиц.

Быстрый расцвет Шумера в протописьменный период и переход его обществом грани, за которой начинаются цивилизация, классовое общество и государство, были во многом обусловлены созданием и правильной эксплуатацией больших магистральных каналов с соответствующей системой бассейнов и плотин.

Откуда пришли шумеры?

Если даже считать, что шумерами были уже носители убейдской культуры, то все равно остается без ответа вопрос, откуда пришли эти шумеры-убейдцы. «Откуда появились сами шумеры, — отмечает И.М. Дьяконов, — до сих пор

92

Илл. 32. Оттиски цилиндрических печатей периода Джэмов а) печать с изображением свяирино б) печать из храма Инанны Нач. III

ГЛАВА 3. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

остается еще совершенно неясным. Их собственные предания заставляют думать о восточном или юго-восточном происхождении: древнейшим своим поселением они считали Эреду — на шумерском „Эре-ду" — „Добрый город", самый южный из городов Двуречья, ныне городище Абу-Шахрайн; место возникновения человечества и его культурных достижений шумеры относили к острову Дильмун (возможно, Бахрейн в Персидском заливе); важную роль в их религии играли культы, связанные с горой. С археологической точки зрения вероятно связь древнейших шумеров с территорией Элама (юго-западный Иран)».

Об антропологическом типе шумеров можно до известной степени судить по костным остаткам, но не по их скульптуре, как полагали ученые в прошлом, так как она, видимо, сильно стилизована

и подчеркивание некоторых черт лица (большие уши, большие глаза, нос) объясняется не физическими чертами народа, а требованиями культа*. Изучение скелетов позволяет заключить, что шумеры ГУ-Штыс. до н.э. принадлежали к антропологическому типу, который всегда господствовал в Месопотамии, то есть к средиземноморской малой группе европеоидной большой расы. Если у шумеров в Южном Двуречье существовали предшественники, то, очевидно, и они принадлежали к тому же антропологическому типу. Это и не удивительно: в истории очень редко случается так, чтобы новые пришельцы полностью истребляли старых жителей; гораздо чаще они брали жен из местного населения. Пришельцев могло быть и меньше, чем местных жителей. Поэтому, даже если шумеры в действительности пришли издалека и издалека же принесли свой язык, это могло почти никак не отразиться на антропологическом типе древнего населения Нижней Месопотамии.

Что касается языка шумеров, то он продолжает пока оставаться загадкой, хотя мало есть языков на свете, с которыми не пытались бы установить его родство: тут и суданские, и индоевропейские, и кавказские, и малайско-полинезийские, и венгерский, и многие другие. Долгое время распространена была теория, относившая шумерский к числу тюрко-монгольских языков, однако довольно многочисленные приводившиеся сопоставления (например, тюрк. *тэнгри* «небо, бог» и шумерск. *дингир* «бог») были в конце концов отвергнуты как случайные совпадения. Также не был принят наукой и длинный список предлагавшихся шумеро-грузинских сопоставлений. Нет никакого родства и между шумерским и его сверстниками в древней Передней Азии — эламским, хурритским и др.

Кто же такие шумеры — народ, который прочно занял арену месопотамской истории на добрую тысячу лет (3000-2000 гг. до н.э.)? Действительно ли

94

* Большие уши и глаза были у шумеров символами мудрости.

Илл. 33. Каменный сосуд с цветными инкрустациями. Урук (*
Кон. IV тыс.

ГЛАВА 3. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

они представляют очень древний пласт доисторического населения Ирака, или же они пришли из какой-то другой страны? И если это так, то откуда именно и когда привела судьба в Месопотамию «черноголовых» (самоназвание шумеров — *санг-нгиг*, -«черноголовые»)? Эта важная проблема вот уже свыше 150 лет дебатруется в научных кругах, но пока до окончательного ее решения еще очень далеко. Большинство ученых тем не менее считает, что предки шумеров впервые появились в Южном Двуречье в убейдские времена и, таким образом, шумеры — народ пришлый.

«Бесспорно одно, — пишет польский историк М. Белицкий, — это был народ, этнически, по языку и культуре чуждый семитским племенам, заселившим Северную Месопотамию приблизительно в то же время... Говоря о происхождении шумеров, не следует забывать об этом обстоятельстве.

Многолетние поиски более или менее значительной языковой группы, родственной языку шумеров, ни к чему не привели, хотя искали повсюду — от Центральной Азии до островов Океании».

Свидетельством того, что шумеры пришли в Двуречье из какой-то горной страны, является их способ постройки храмов, которые возводились на искусственных насыпях или на сложенных из

сырцового кирпича террасах. Едва ли подобный способ мог возникнуть у обитателей равнины. Его, вместе с верованиями, должны были принести со своей прародины горцы, воздававшие богам почести на горных вершинах. Более того, в шумерском языке слова «страна» и «гора» пишутся одинаково.

Сами шумеры о своем происхождении ничего не говорят. Древнейшие мифы начинают историю сотворения мира с отдельных городов, «и всегда это тот город, — отмечает российский историк В.В. Емельянов, — где создавался текст (Лагаш), или священные культовые центры шумеров (Ниппур, Эреду)». Тексты начала II тыс. называют в качестве места зарождения жизни остров Дильмун, но составлены они как раз в эпоху активных торгово-политических контактов с Дильмуном, поэтому в качестве исторического свидетельства их воспринимать не стоит. Куда серьезнее сведения, содержащиеся в древнейшем эпосе — «Энмеркар и владыка Аратты». В нем говорится о споре двух правителей за поселение в своем городе богини Инанны. Оба правителя в равной степени почитают Инанну, но один живет на юге Двуречья, в шумерском Уруке, а другой — на востоке, в стране Аратта, славящейся своими искусными мастерами. При том оба правителя носят шумерские имена — Энмеркар и Энсукешданна. Не говорят ли эти факты о восточном, ирано-индийском (конечно, доарийском) происхождении шумеров?

Илл. 34. Сосуд с изображением животных. Сузы. Кон. IV тыс. до н.э.

УАЗ. У ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ

Еще одно свидетельство эпоса. Ниппурский бог Нинурта, сражаясь на Иранском нагорье с некими чудищами, стремящимися узурпировать шумерский престол, называет их «дети Ана», а между тем хорошо известно, что АН — самый почтенный и старый бог шумеров, и, стало быть, Нинурта состоит со своими противниками в родстве. Таким образом, эпические тексты позволяют определить если не сам район происхождения шумеров, то, по крайней мере, восточное, ирано-индийское направление миграции шумеров в Южное Двуречье. Откуда же, спросите вы, в таком случае взялось слово «Шумер», и по какому праву мы именуем народ шумерами? Подобно большинству вопросов шумерологии, и этот вопрос остается пока открытым.

Несемитский народ Месопотамии — шумеры — был назван так своим первооткрывателем Ю. Оппертом на основании ассирийских царских надписей, в которых северная часть страны названа

«Аккад», а южная «Шумер». Опперт знал, что на севере жили в основном семиты, а их центром был город Аккад, — значит, на юге должны были жить люди несемитского происхождения, и именоваться они должны шумерами. И он отождествил название территории с самоназванием народа. Как выяснилось впоследствии, эта гипотеза оказалась неверной. Что же касается слова «Шумер», то существует несколько версий его происхождения. Согласно гипотезе ассириолога А. Фалькенштейна, слово это является фонетически измененным термином *Ки-эн-ги(р)* — названием местности, в которой находился храм общешумерского бога Энлиля. Впоследствии это название распространилось на южную и центральную часть Двуречья и уже в эпоху Аккада в устах семитских правителей страны исказилось до *Шу-ме-ру*. Датский шумеролог А. Вестенхольц предлагает понимать «Шумер» как искажение словосочетания *ки-эме-гир* — «земля благородного языка» (так называли свой язык сами шумеры). Существуют и иные, менее убедительные гипотезы. Тем не менее, термин «Шумер» давно уже получил права гражданства и в специальной, и в популярной литературе, и менять его никто пока не собирается.

И это все, что можно сказать сейчас об истоках шумерской цивилизации. Как выразился один из маститых ассириологов, «чем больше мы обсуждаем проблему происхождения шумеров, тем сильнее она превращается в химеру».

Итак, к началу III тыс. до н.э. Южная Месопотамия (от широты Багдада до Персидского залива) стала местом рождения примерно полутора десятков автономных городов-государств, или «номов». Они уже с момента своего появления вели ожесточенную борьбу за господство в этом регионе. В северной части месопотамской равнины (Двуречья) самой влиятельной силой были правители города Киша, на юге лидерство попеременно захватывали то Урук, то Ур. И тем не менее «несмотря на отсутствие полного культурного единства (что проявляется в существовании местных культов, местных мифологических

ГЛАВА 3. V ИСТОКОВ ПЕРВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЛАН!

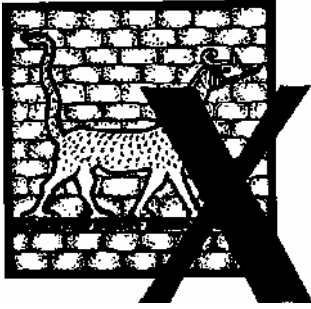
циклов, местных и часто сильно различающихся школ в скульптуре, глиптике художественном ремесле и др.) есть и черты культурной общности всей страны... К этим чертам принадлежат общее самоназвание - „черноголовые" (*санг-нига*)... общий для всего Двуречья культ верховного бога Энлиля в Ниппуре, с которым были постепенно соотнесены все местные общинные культы и все генеалогии божеств; общий язык; распространение резных цилиндрических печатей с реалистическими изображениями охоты, религиозных процессов, умерщвления пленных и т. п.; известные общие черты стиля в глиптике вообще, а также в скульптуре. Наиболее интересно, что система шумерской письменности, при всей ее сложности и при разобщенности отдельных политических центров, практически тождественна по всей Месопотамии. Тождественны и использовавшиеся учебные пособия - перечни знаков, без изменения переписывавшиеся вплоть до второй половины III тыс. до н.э. Создается впечатление, что письменность была изобретена одновременно, в одном центре, а оттуда в готовом и неизменном виде распространена по отдельным „номам" Двуречья».

Центром культового союза всех шумеров был Ниппур (шумер. Нибуру, совр. Ниффер). Здесь находился Э-кур — храм общешумерского бога Энлиля. Энлиль чтился как верховный бог еще в течение тысячелетия всеми шумерами и восточными семитами-аккадцами. И хотя Ниппур никогда не представлял собой важного политико-административного центра, зато он всегда был «священной» столицей всех «черноголовых». Ни один правитель города-государства («нома») не считался легитимным, если он не получал благословления на власть в главном храме Энлиля в Ниппуре.

Кто же правил шумерами на заре их истории? Как звали их царей и вождей? Каков был их общественный статус? Какими делами они занимались? У жителей древней Месопотамии, как и у греков, германцев, индусов, славян, был свой собственный «героический век» — время существования полубогов, полугероев, храбрых воинов и могущественных царей, которые стояли почти вровень с богами и совершали необыкновенные подвиги, доказывая свою удаль и величие. И только сейчас мы начинаем понимать, что, по крайней мере, часть этих героев — отнюдь не мифические персонажи из старых сказок, а вполне реальные исторические лица.

ГЛАВА 4

ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

отя около 3000 г. до н.э. на юге Месопотамии засиял свет письменной цивилизации, к сожалению, большинство дошедших до нас ранних клинописных текстов носят чисто экономический характер и почти ничего не рассказывают о политической истории шумеров. Лишь около 2600 г. до н.э. начинают появляться административные и религиозные документы, из которых можно извлечь сведения политического и военного характера. Таблички с клинописью дополняются надписями на скульптурах, каменных и металлических предметах. Надписи содержат имена царей, построивших те или иные храмы и святилища, и богов и богинь, которым посвящены эти сооружения.¹

Для нас же наиболее ценным из «исторических» документов является, бесспорно, шумерский «Царский список», в котором зафиксированы смены царей и продолжительность их правления. Считается, что данный список был составлен и записан в городе Уре в самом конце III тыс. до н.э. Правда, начинается он с явного вымысла: например, первые властители правили, если верить списку, тысячи и тысячи лет!!! В «Царском списке» упоминаются четыре знаменитых правителя Урука, герои более позднего шумерского эпоса - Эн-меркар, Лугальбанда, Думузи и Гильгамеш. Подобно героям Гомера, они были (кроме Думузи) историческими личностями, героизированными последующими поколениями. Несмотря на то что в «Царском списке»

подлинная древняя

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРС

история Месопотамии перемешана с легендами, в ряде случаев он может служить надежным источником информации.

Период месопотамской истории, охватывающий время с 2800 по 2371 г. до н.э., называют обычно Раннединастическим. И единственным нашим путеводителем по темным векам начала шумерской эпохи остается (помимо археологических материалов) «Царский список» — причудливая смесь из мифов и исторических фактов. Но каким же образом можно отделить одно от другого? Да и есть ли вообще что-нибудь заслуживающее нашего внимания в этом пресловутом «Списке»?

К счастью, ученые уже овладели сейчас сложным искусством поиска реалий шумерского прошлого в густом тумане фантазий и мифов, который окутывает самые ранние страницы истории Шумера. Их метод действий был прост, но надежен. Они настойчиво искали среди археологических находок подтверждения того, что имена царей, перечисленных в «Царском списке», — не вымысел и что они принадлежали вполне реальным историческим персонажам. Долгое время такие поиски не приносили успеха. И это понятно. Ведь до 1914 г. все наши сведения о раннем Шумере основывались на результатах раскопок французов в Лагаше (Телло) — большом шумерском городище близ современного селения Шатт-эль-Гарраф, в 50 км к северу от Насирии на Евфрате. Помимо великолепных произведений искусства эти работы дали ассириологии и множество глиняных табличек с клинописью, которые позволили довольно подробно реконструировать историю Лагаша и составить список его правителей от 2700 до 2000 г. до н.э. К сожалению, вся полученная из текстов информация относилась только к прошлому одного шумерского города. И, кроме того, хотя в нашем распоряжении оказался теперь перечень реальных лагашских царей, в «Списке»- они ни разу не упоминались. Однако археологи не теряли надежды на успех.

Весной 1922 г. англичанин Леонард Вулли вел раскопки в Эль-Убейде, близ Ура, на поселении, которое дало название одному из важнейших дошу-мерских периодов в истории Месопотамии — убейдскому. Кроме ранних построек и могил там нашли платформу из сырцового кирпича и остатки пышно украшенного храма, когда-то стоявшего на ней. И хотя еще в древности неведомые враги варварски уничтожили святилище, многие элементы декора (включая чудесные бронзовые скульптуры и рельефы) были просто сброшены вниз и пролежали под толстым слоем земли и песка в целости и сохранности вплоть до XX века. И вот, разбирая эти замечательные находки, Вулли неожиданно увидел небольшую мраморную табличку с клинописью. Текст был краток. Он

гласил: «[Богине] Нинхурсаг А-анне-падда, царь Ура, сын Мес-анне-иадды, царя Ура, для Нинхурсаг построил данный храм». Первый персонаж (А-анне-падда) был до сих пор неизвестен науке, но зато его отца —

ГЛАВА А. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

Мес-анне-падду, основателя I династии Ура и упоминаемого в «Царском списке», идентифицировать не составляло особого труда. Таким образом, впервые один из тех ранних шумерских правителей, которые прежде рассматривались в науке как чисто легендарные, оказался реально существовавшим историческим лицом.

В 60-е годы XX в. немецкий ассириолог Д. Эдзарт, работая с коллекциями Багдадского музея, обнаружил фрагмент большого алебастрового предмета неизвестного происхождения, с короткой, очень архаичной по стилю надписью следующего содержания: «Ме-бараг-си, царь Киша». Как впоследствии доказал ученый, данный монарх был не кем иным, как Эн-ме-бараг-си из шумерского «Царского списка». «Эн» — это титул ранних шумерских правителей-жрецов — в первом случае был просто опущен. Эн-ме-бараг-си был двадцать вторым царем I династии Киша и отцом Аги, который, как нам известно из знаменитого шумерского эпоса («О все видавшем», или «Эпос о Гильгаме-ше»), неудачно воевал с правителем Урука — Гильгамешем. А потом известный американский востоковед С.Н. Крамер, прочитав клинописный текст под названием «Табличка из Туммалья», установил, что Гильгамеш — современник Мес-анне-падды из Ура.

Из всего вышесказанного мы можем заключить, что, во-первых, Гильгамеш, пятый правитель Урука и герой знаменитой эпической поэмы, по всей вероятности, был реальным лицом; а во-вторых, Эн-ме-бараг-си — царь Киша, отец Аги и отдаленный потомок Этапы (древнейшего легендарного правителя Киша) — был одним из самых ранних исторически установленных монархов Шумера. «Царский список» говорит по этому поводу следующее: «Этана, пастух, поднявшийся на небо, стал царем, 1500 лет правил» и «Эн-ме-бараг-си, который согнул оружие Элама, стал царем [Киша], 900 лет правил». Естественно, фантастические цифры лет правления следует решительно отбросить. Но стоящие за ними владыки — это вполне реальные исторические фигуры.

В целом «Царский список» дает нам достаточно полное представление о царских династиях двух крупнейших (и политически значимых) городов Шумера: Киша на севере и Урука (Ура) на юге Месопотамии. «Список», как уже отмечалось выше, был составлен не позднее конца III тыс. до н.э., в эпоху правления так называемой III династии Ура. Составляя его, переписчики, несомненно, пользовались династическими списками, которые на протяжении многих столетий велись в отдельных шумерских городах-государствах. Не исключено, что имевшиеся в их распоряжении клинописные тексты о царских

102

Илл. 35. Статуя сановника Эбих-иля из Мари. Мари, Сирия.

Сер. III тыс. до н.э.

ГЛАВА А. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

династиях иногда также представляли собой компиляцию. Вполне вероятно и то, что шумерские писцы не все понимали в трудах своих предшественников. «Что поделаешь, — пишет М. Белицкий, — шумерские писцы не были ни историками, ни летописцами в нашем понимании. Их целью было прославить свой город или народ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что легенда превращалась в историю, а история — в легенду».

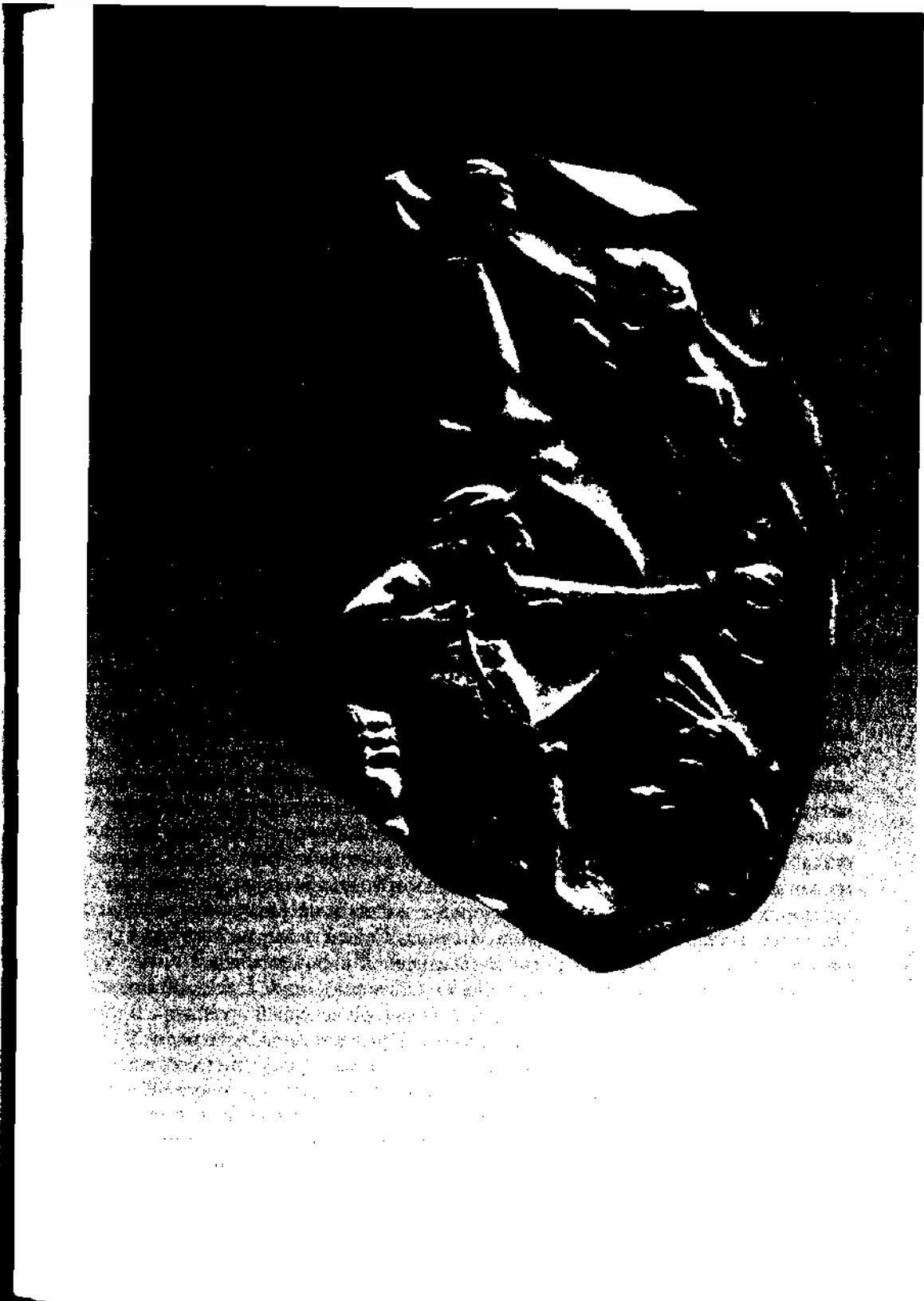
В «Царском списке» перечислены самые первые шумерские города, считавшиеся в древней Месопотамии священными: Эреду (здесь находился дворец бога Энки — божества пресной воды и океанской бездны, воздвигнутый на дне моря), Бад-Тибера, Ларак, Сиппар и Шуруппак. Согласно легенде, все они в эпоху «до потопа» были столицами Шумера. Однако археологические материалы, полученные при раскопках этих городов, никак не подтверждают того, что они имели в древности большое политическое, военное, экономическое, религиозное или культурное значение в жизни шумерского общества.

И напротив, раскопки выявили подлинные города-лидеры Шумера — Киш, Урук, Ур и священную столицу «черноголовых», Ниппур, с его общешумерским святилищем главы пантеона — бога воздуха Энлиля. Но, прежде чем обратиться к этим действительно ведущим городским центрам, во многом определявшим всю политическую ситуацию в Месопотамии, нам необходимо дать разъяснения по поводу упомянутого выше (в «Царском списке») потопа, служившего важной разделительной вехой между царями, которые правили до него и после него. Любопытно, что не только до потопа цари жили и царствовали неправдоподобно долго. Представители первых династий после потопа тоже правили по несколько тысяч лет. Может быть, таким образом

подчеркивалась принадлежность этих легендарных монархов к богам?

Итак, обратимся к вопросу о всемирном потопе (шумерскую версию мифа об этом событии я расскажу ниже). «Обнаруженный Л. Вулли трехметровый слой чистого песка без каких-либо следов человеческой деятельности, внезапно прерывающий культурные слои Ура, — пишет К. Керам, — является бесспорным доказательством того, что около середины IV тыс. до н.э. здесь имел место мощный катаклизм, охвативший территорию — по тем представлениям, огромную, чуть ли не весь мир. В городах, расположенных дальше к северу, толщина слоя чистых речных отложений не так велика, как в Уре: около полутора метров в Уруке, около полутора метров в Кише. На основании этих данных Вулли составил карту территории, захваченной потопом. Более поздние исследования показали, что многие города Месопотамии сохранили следы наводнений, происходивших в разное время: обнаруженные слои речных наносов

Илл. 36. Охота на львов. Камень. Раннединастический период

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

относятся к различным периодам. Это открытие нанесло ощутимый удар идее общемесопотамского потопа.

Однако, проблема великого наводнения, увековеченного месопотамской традицией, продолжает существовать. Ученые утверждают, что во время самой грандиозной из этих катастроф селения, расположенные на более возвышенных местах, уцелели. А раз уцелели населенные пункты, уцелели и люди, которые сохранили и передали последующим поколениям память о катастрофе. Если даже предположить, что во время наводнения, затопившего Ур в убейдскую эпоху, шумеров здесь еще не было, то крупные наводнения следующего периода, Джемдет-Насра, происходили

уже при них. Об одних они слышали, другие пережили сами. Несомненно одно: в этой заимствованной и распространенной Библией шумерской легенде заключено зерно исторической правды».

Итак, вернемся к шумерским городам и прежде всего обратим внимание на Урук, библейский Эрех (современная Варка), на юге Ирака.

Урук, год 2800 (2700) до н.э.

В начале III тыс. до н.э. наиболее влиятельными городами-государствами в Шумере попеременно выступали то Киш (находится неподалеку от Багдада), то Урук (или Ур) — на юге месопотамской равнины. Сначала — об Уруке. Давайте посмотрим на этот город глазами немецкого ученого Х. Шмёкеля, нарисовавшего в своей книге «Ур, Ассирия и Вавилон» такую красочную картину: «На долину Евфрата опускаются короткие сумерки. С лугов, покрытых зеленой, сочной травой, возвращаются храмовые стада. Их погоняют нагие пастухи. Медленно бредут сытые отяжелевшие животные. Лишь молодняк — шаловливые козлята и ягнята — нарушают чинный строй. До чего хороши стада! Вдоволь будет молока, много шерсти отнесут работники на склады храма, когда наступит время стрижки. Немало потрудятся и пряжи, работающие в храмовых мастерских. Овцы, козы, коровы входят в широкие ворота Урука. Их гонят в хлева и овчарни храма Инанны. Сейчас пастухи поручат стада скотникам, а сами пойдут на склад за ежедневной порцией хлеба и пива. На улицах города, в жилых районах, движение, шум, суета. Кончился знойный душный день. Настала пора долгожданной вечерней прохлады. Вдоль глухих глиняных стен, однообразие которых нарушают лишь небольшие проемы, ведущие внутрь домов, возвращаясь из своих мастерских в храм, шагают кузнецы и гончары, оружейники и скульпторы, каменщики и резчики. Женщины несут воду в высоких кувшинах. Они спешат домой, чтобы поскорее приготовить ужин для мужей и ребятишек. Тут и там в толпе прохожих можно увидеть воинов... Медленно, словно боясь уронить свое достоинство, идут по

106

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И FEF

улицам жрецы, дворцовые чиновники, писцы. Нарядные юбочки делают их заметными в толпе. В социальной иерархии они стоят значительно выше ремесленников, земледельцев и пастухов. Шумные, озорные мальчишки после бесконечно длинного дня изнурительной учебы в храмовой школе писцов побросали наконец свои таблички и с беззаботным смехом провожают караван ослов, несущих корзины с товарами с кораблей, которые только что разгрузились на пристани. Вдруг откуда-то издали доносится крик, потом другой, третий... Крики приближаются... Толпа расступается, образуя широкий коридор, люди смиренно склоняют головы: по направлению к храму едет „энси" (правитель. — *BT.*), Вместе со своей семьей и придворными он весь день работал на строительстве нового оросительного канала и теперь после трудового дня возвращается во дворец, который находится рядом с храмом. Воздвигнутый на высокой платформе, опоясанный широкими, ведущими на самый верх лестницами, этот храм является гордостью жителей Урука. Вдоль его внутреннего двора длиной 62 и шириной 12 метров протянулись одиннадцать залов. А внизу, в хозяйственных помещениях, там, где находятся кладовые, амбары и склады, жрецы приводят в порядок таблички с зафиксированными на них жертвоприношениями, с утра совершенными в храме, все поступившие в казну доходы минувшего дня, которые еще более увеличили богатство бога — владыки и повелителя города. А „энси", князь-жрец, правитель Урука, — лишь слуга бога, на чьем попечении находятся принадлежащие богу земельные угодья, богатства и люди».

Не будем вдаваться в детали нарисованной выше картины. Достаточно того, что мы получили общее представление об обычном дне шумерского города, о его внешнем виде и о занятиях жителей. Все это может в равной степени относиться и к другим шумерским городам — Эреду, Уру, Кишу и т.д. Но вернемся вновь к Уруку. Этот древнейший шумерский город возник еще в конце IV тыс. до н.э., а окончательно прииел в запустение в III в. н.э. Таким образом, время, прошедшее от возведения первой городской стены (эту трудную задачу, согласно преданию, успешно решил правитель Урука — получеловек, полубог Гильгамеш) и до бегства жителей из города, исчисляется более чем тремя тысячелетиями. В мире еще не было города, который бы просуществовал так долго. Даже Рим и Вавилон не могли в этом отношении соперничать с Уруком.

В середине III тыс. до н.э. Урук имел площадь свыше 400 га и был окружен двойными стенами из сырцовых кирпичей, протянувшимися почти на 10 км. Там имелось свыше 800 сторожевых башен, сооруженных через каждые 10 метров. В город можно было попасть лишь через двое больших

ворот: на севере и на юге. Его население, по разным подсчетам, доходило от 80 000 до 120 000 человек. Но кто же управлял этими массами людей? Кто планировал

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

и осуществлял грандиозные общественные работы по строительству каналов, плотин и дамб, по возведению величественных дворцов и храмов, по сооружению оборонительных укреплений? Кто вставал во главе городского ополчения в случае нападения врага?

Совершенно очевидно, что это были правители городов-государств (или «номов» по египетскому образцу), носившие в разные времена разные титулы: «эн», «энси», «лугаль». На основе сведений, почерпнутых из «Царского списка», эпических шумерских поэм и преданий, а также из археологических материалов, мы довольно хорошо знаем имена (а иногда и дела) правителей I династии Урука. Открывает местный династический список явно мифическая фигура Мескиаггашера — сына бога Солнца, Уту, брата богини Инан-ны, культ которой получил широкое распространение именно в этом городе. Согласно «Царскому списку», он был одновременно и царем, и верховным жрецом:

Мескиаггашер,

Сын Уту,

стал верховным жрецом и царем и царствовал 324 года.

В то время когда основатель династии пришел к власти, города как такового еще не было.

Существовал только храмовый комплекс Э-Анна (посвященный главному городскому божеству — Инанне) и жилые поселки вокруг него. Урук превратил в настоящий город следующий правитель — Энмеркар:

Энмеркар, сын Мескиаггашера,

царь Урука, тот, кто построил

Урук,

стал царем

и царствовал 420 лет.

Этот второй (пока еще остающийся легендарным, а не реальным лицом) правитель Урука вообще является одним из самых популярных героев шумерских мифов. В эпической поэме, условно названной С.Н. Крамером «Энмеркар и правитель Аратты», рассказывается об остром политическом конфликте двух далеко отстоящих друг от друга государств. «Поэма повествует о том, как в давние времена... городом-государством Уруком, расположенным в Южной Месопотамии, правил славный шумерский герой Энмеркар. А далеко на севере от Урука, в Иране, находился другой город-государство, называвшийся Арат-той. Он был отделен от Урука семью горными хребтами и стоял так высоко, что добраться до него было почти невозможно.

Аратта славилась своими богатствами — всевозможными металлами и строительным камнем, то есть именно тем, чего так не хватало городу Уруку,

108

Ялл. 37. Гильгамеш с убитым львом. Ассирийский рельеф

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

расположенному на плоской безлесной равнине Двуречья. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Энмеркар с вожделием взирал на Аратту и ее сокровища. Он решил во что бы то ни стало подчинить себе народ Аратты и ее правителя и с этой целью начал против них своего рода „войну нервов“. Ему удалось настолько запугать владыку Аратты и ее жителей, что те подчинились Уруку».

Вот образец этого психологического давления пятитысячелетней давности (с перечнем тех бед и напастей, которые испытают на себе непокорные жители горной страны):

Я (Энмеркар. — *ВТ.*) обращу в бегство жителей города, и они разлетятся подобно птицам, покидающим свое дерево,

Я обращу их в бегство, и они улетят, как улетает птица в другое гнездо,

Я опустошу ее (Аратту), как место...
Я разрушу без всякой пощады город,
И Аратта покроется пылью, как город, проклятый богом Энки.
Да, я разрушу город, и он обратится в ничто!

С правителем Энмеркаром связано еще немало преданий. И все они вращаются вокруг одной темы — вокруг постоянно напряженных отношений между Уруком и Араттой, далекой страной, отдаленной от Шумера « семью горами » и находившейся, вероятно, на юго-западе современного Ирана. В одной из этих легенд говорится о тех огромных трудностях, с которыми сталкивался Энмеркар, добывая золото, серебро, бирюзу и драгоценные камни у правителя Аратту, либо угрозами, либо в обмен на зерно. Эта ситуация должна была повторяться в истории лишенной многих природных ресурсов Месопотамии снова и снова. Именно она, вне всякого сомнения, лежит в основе бесчисленных войн между шумерами и Эламом (Иран).

Далее, мифы об Энмеркаре тесно переплетаются с повествованием о его сыне и преемнике — Лугальбанде. Текст данного произведения очень труден для понимания. « Оказавшись в далекой стране Забу, Лугальбанда горячо желает вернуться в свой родной город Урук. Ради этого он старается завоевать расположение и добиться поддержки могущественной птицы Имдугуд, которая определяет судьбы людей и всего живого и выносит каждому окончательный приговор. Ее решения никто и ничто не в силах изменить. Однажды, воспользовавшись отсутствием Имдугуд, Лугальбанда приближается к ее гнезду и щедро одаривает ее птенцов жиром, медом и хлебом, подкрашивает им лица и надевает на головы короны. Увидев, какие божественные почести оказаны ее

Илл. 38, Статуя Курлиля — начальника житниц Урука. Урук. Раннединастический период, III тыс. до н.э.

ЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

детям, Имдугуд обещает помощь и покровительство тому, кто это сделал, будь то бог или человек. Лугальбанда предстает перед могущественной птицей, и та восхваляет его доброе имя, называя героем, благословляет в путь, предсказывая благополучное путешествие и дает ряд советов, которые он должен сохранить в тайне. Воспользовавшись поддержкой Имдугуд, урукский принц преодолевает все ждавшие его в пути трудности и благополучно возвращается в родной город. Но Урук (и его монарх Энмеркар) находился в тот момент в очень трудном положении. Город осадили воинственные кочевые племена *мар-ту* (это, видимо, амореи из Сирийской пустыни). Лугальбанда, по просьбе отца, вновь отправляется в дальнюю дорогу — в уже знакомую нам страну Аратту, где в тот момент находилась могущественная богиня Инанна — покровительница Урука. Только ее прямое вмешательство могло спасти город и его жителей от гибели. Лугальбанда с честью выполнил это задание, и Урук, благодаря божественной помощи, избавился от нашествия безжалостных номадов.

Но вернемся к «Царскому списку» и урукскому генеалогическому дереву. После Энмеркара и Лугальбанды (о последнем говорится, что он царствовал 1200 лет) на трон сел «божественный Думузи» — покровитель растительности и плодородия, муж Инанны, отправленный ею же в «Кур», или «Нергал», — царство мертвых, загробный мир, «Страну без возврата». Это явно

легендарная фигура. В мифологии шумеров с ним был связан культ умирающего и воскресающего бога. Думузи, до своего изгнания в ад, правил Уруком, согласно «Списку», 100 лет.

Наконец, мы переходим к Гильгамешу, пятому царю I династии Урука и верховному жрецу Куллаба (священный участок города, где находился храмовый комплекс Э-Анна). Гильгамеш, подвиги которого очень напоминают деяния греческих героев Геракла, Улисса и Тесея, был самым популярным персонажем у жителей Месопотамии на протяжении нескольких тысяч лет. Они представляли его в виде могучего бородатого мужчины, сражающегося с быками, львами и неведомыми чудовищами. Подобные сцены во множестве запечатлены на разного рода памятниках — от цилиндрических резных печатей протописьменного периода до скульптурных рельефов ассирийских дворцов. Подобно Энмеркару и Лугальбанде, Гильгамеш имел в Шумере свой собственный цикл легенд и преданий, далеко не всегда отражающих реальные эпизоды его жизни. Уже после заката шумерских городов-государств, в начале II тыс. до н.э., месопотамские писцы составили и записали большую эпическую поэму, куда вошли и некоторые старые шумерские мифы и новые материалы. В итоге «Эпос о Гильгамеше» («О все видавшем») дошел до нас почти целиком и является, вне сомнения, подлинным шедевром ассиро-вавилонской литературы и одним из самых чудесных эпических преданий древнего мира. Ниже

12

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И Г1

приводится лишь та информация из упомянутого эпоса, на основе которой можно судить о Гильгамеше как реальном правителе Урука.

Но прежде всего о происхождении Гильгамеша (Бильгамеса). По преданию, он был сыном демона-лилли и второстепенной богини Нинсун, являясь поэтому «на две трети богом, на одну треть — человеком». Ему «Царский список» отводит на царствование 126 лет. Гильгамеш обнес Урук мощной двойной оборонительной стеной. Но его приход к власти — сплошная загадка. Во-первых, ни один наш источник не рискует приписать Гильгамешу какие-либо родственные связи с предшествующим правителем — несчастным Думузи. Во-вторых, «следует обратить особое внимание на тот факт, — пишет В.В. Емельянов, — что лугалем (царем. — В.Г.) Гильгамеша называет собрание воинов. О чем это говорит? О том, что он стал лугалем без воли богов, не пройдя обряда интронизации в Ниппуре и даже не получив право на такую интронизацию». Таким образом, не исключено, что Гильгамеш был узурпатором и захватил верховную власть в Уруке с помощью военной силы. Помимо своего буйного нрава и богатырской силы, он совершил и ряд полезных для своего города дел. Одним из самых важных его мероприятий явилось строительство урукских крепостных стен:

Стеной обнес Урук огражденный Светлый амбар Эанны священной. Осмотри стену, чьи зубцы как из меди, Погляди на вал, что не знает подобья... Поднимись и пройди по стенам Урука, Обозри основанье, кирпичи ощупай...

Другой подвиг Гильгамеша — успешный поход в горы Сирии и Ливана за «зелеными кедрами», т.е. за строительной древесиной, так необходимой для возведения храмов и дворцов.

И, наконец, этот правитель интересен для нас не только своими победами над различными чудовищами и тщетными поисками секрета бессмертия, но и тем, что именно с ним связаны первые дошедшие до наших дней сведения о сложной политической ситуации в Шумере начала III тыс. до н.э. и о жестоком соперничестве двух могущественных шумерских «номов» — Киша и Урука — за контроль над югом Двуречья. Согласно эпической поэме «Гильгамеш и Ага», Ага (или Ака) — правитель Киша, получивший верховную власть над страной из рук богов сразу же после «потопа», потребовал от Урука покорности, конкретным выражением которой должно было стать участие урукцев в строительстве большого ирригационного канала в окрестностях Киша.

Гильгамеш отказался подчиниться диктату. Исчерпав все средства дипломатического давления на соперника, Ага с большим войском спустился на лодках вниз по Евфрату и

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРС

осадил Урук. Наступил решающий момент. Шумерские «энси» и «лугали» не были еще единовластными правителями. В особо важных случаях они обращались за советом к коллегии старейшин, а если требовалось — то и к народному собранию (в лице свободных мужчин, способных носить оружие). Так сделал и Гильгамеш. Обратимся к тексту поэмы. Она начинается с прибытия в Урук послов Аги. Они вручают местному царю ультиматум. Прежде чем дать им ответ, царь обращается за поддержкой к старейшинам города, заклиная их не покоряться врагу и сражаться до конца. Но «мудрые старцы» не разделяют воинственного пыла молодого вождя: они предпочитают уступить Аге и сохранить мир. Гильгамеш приходит в ярость и повторяет свой призыв уже перед собранием вооруженных мужчин города. И на этот раз призыв правителя был

воспринят с одобрением:

Собрание мужей города Урука

Гильгамешу отвечает:

«О стоящие, о сидящие!

За военным вождем идущие!

Бока осла сжимающие! —

Кто для защиты города дышит? —

Перед Кишем главы не склоним,

Киш оружием сразим!

Урук — божьих рук работа,

Эана — храм, спустившийся с неба:

Великие боги его создавали!

Мощной стены, коснувшейся грозных туч,

Могучего города, достигшего небесных круч,

Отныне хранитель, военный вождь-предводитель — ты!»

Эта всенародная поддержка вдохновила Гильгамеша на решающую битву с воинством Киша. Враг был разбит, Ага взят в плен. А гегемония над югом Месопотамии перешла на время от властителей Киша к властителям Урука.

Но вернемся опять к вопросам хронологии. На основании анализа текста описанной выше поэмы ученые пришли к выводу о том, что Гильгамеш и Ага, т. е. пятый правитель I династии Урука и последний представитель I династии Киша, жили в одно и то же время, иначе говоря, были современниками. Но, согласно «Царскому списку», после «потопа» царская власть опять «спустилась с небес», на этот раз — в Кише, городе, находящемся на севере Шумера. I династия Киша насчитывала 23 царствования общей продолжительностью 23 000 лет, по 1000 лет на одного властителя. Интересно, что из этих 23 монархов 12 носят чисто аккадские (семитские) имена или клички, такие как Кальбум («собака»), Калуму («ягненок») или Зукакип («скорпион»); шесть

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

человек имеют шумерские имена и пять — имена неизвестного происхождения. Данный факт свидетельствует о смешении этнических групп в Южном Ираке уже в очень раннее время. Есть все основания считать, что данная династия была, по крайней мере частично, исторической и около 2800 г. до н.э. ее сменила другая. Однако один из наиболее заметных правителей I династии Киша — «Этапа, пастух, человек, который поднялся на небеса» — был, вероятно, фигурой чисто мифической. Скучные шумерские сведения о нем дополняются вавилонскими и ассирийскими текстами, так что мы можем в общих чертах реконструировать данный миф.

Легенда об Этане начинается как басня или небылица. Змея и орел мирно жили на одном и том же дереве и помогали друг другу во всем как добрые соседи. Но однажды орел случайно проглотил одного юного змееныша. Тогда разгневанная змея-мать отправилась к богу солнца Шамашу с жалобой на обидчика. Бог предложил следующий алан мести: змея спрячется в брюхе мертвого осла, и, когда орел прилетит поклевать эту тушу, рептилия отомстит ему. Так и случилось. Змея схватила огромную птицу, сломала ей лапу, ощипала перья и бросила в глубокую яму. Потом некий Этана, который не имел детей и которому необходимо было достать поэтому волшебное «растение деторождения», имевшееся лишь на небесах, тоже воззвал к лучезарному Шамашу. Тот посоветовал ему спасти орла, завоевать его дружбу и использовать могучую птицу в качестве летательного аппарата для достижения небесной сферы. Этана выполнил наказ божества, вылечил орла, и новоявленные друзья отправились в путь. «На орлиную грудь он положил свою грудь, на перья крыльев птицы он поместил свои ладони, на птичьих бока он положил свои руки». И в такой неудобной позе Этана отправился в этот небезопасный полет. Постепенно, по мере подъема ввысь, «земля уменьшилась до размеров борозды», а море — «до размеров корзинки для хлеба». Но когда земля и море вообще исчезли из виду, то Этану охватил безумный страх. Он стал умолять орла вернуться на землю, забыв о своем намерении добыть чудесное растение небес. К сожалению, на этом ключевом моменте текст прерывается. Но мы можем предполагать, что, в конце концов, Этана заполучил нужную ему панацею от своих бед, поскольку, согласно «Царскому списку», он жил 1560 лет и имел сына и наследника по имени Балих.

А вот что говорится в «Списке» о предпоследнем правителе I династии Киша:

Илл. 40. Терракотовая фигура шумерского

божества, Телло (Лагаш),

III тыс. до н.э.

1А4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

Энмебаргеси,

тот, кто захватил в качестве трофея

оружие страны Элам,

стал царем и царствовал 900 лет.

Смысл этих слов вполне ясен: Эн-ме-бараге-си победил Элам. И закончилось все на Аге, который проиграл войну с Уруком:

Киш был поражен оружием, Его царство в Эану Было перенесено...

А теперь, для упорядочения хронологии всех перечисленных выше династий шумерских правителей, обратимся к так называемой «Надписи из Туммаля» — клинописной глиняной табличке, обнаруженной археологом Арно Пебе-лем в 1914 г. Туммаль — это район священного города Ниппура, посвященный богине Нинлиль, супруге главы пантеона — Энлиля. В Туммале находился главный храм Нинлиль. «Эта надпись, составленная в I столетии II тысячелетия до н.э.,

— пишет М. Белицкий, — была сделана при основателе первой, уже послешумерской династии Исица царе Ишби-Эрре (2017-1985 гг. до н.э.). Судя по содержанию надписи, Ишби-Эрре решил подвести итог всему тому, что было построено на протяжении прошедших столетий в ансамбле храмов Энлиля (в Ниппуре. — *ВТ.*), и в особенности рассказать об истории многократно восстановленного Туммалья, принадлежащего богине Нинлиль». Вот полный текст надписи из Туммалья:

- (1) Энмебарагеси, царь,
- (2) в этом месте (т. е. в Ниппуре) построил Дом Энлиля;
- (3) Ака (Ага), сын Энмебарагеси,
- (4) сделал Туммаль величественным,
- (5) ввел Нинлиль в Туммаль.
- (6) Первый раз Туммаль был разрушен,
- (7) Месанепада построил Буршушна Дома Энлиля,
- (8) Мескиагнуна, сын Месанепады,
- (9) сделал Туммаль величественным,
- (10) ввел Нинлиль в Туммаль.
- (11) Второй раз Туммаль был разрушен.
- (12) Гильгамеш построил Нумунбурра Дома Энлиля.
- (13) Урлугаль, сын Гильгамеша,
- (14) сделал Туммаль величественным,
- (15) ввел Нинлиль в Туммаль.
- (16) Третий раз Туммаль был разрушен.
- (17) Нанне построил «Высокий Парк» Дома Энлиля,
- (18) Мескиагнуна, сын Нанне,

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРО

- (19) сделал Туммаль величественным,
- (20) ввел Нинлиль в Туммаль.
- (21) Четвертый раз Туммаль был разрушен.
- (22) Ур-Намму построил Экур,
- (23) Шульги, сын Ур-Намму,
- (24) сделал Туммаль величественным.
- (25) Ввел Нинлиль в Туммаль.
- (26) Пятый раз Туммаль был разрушен...

Если мы отнесемся к «Надписи из Туммалья» как к достоверному историческому документу, то ход событий на политической арене раннего Шумера может, вероятно, выглядеть следующим образом. В борьбе за господство над всей страной, которую вели между собой правящие династии отдельных шумерских «номов», первый из царей Ура, Мес-анне-падда, победил последнего представителя I династии Киша — Агу — и установил свой контроль над священным городом Ниппуром. По-видимому, Мес-анне-падда напал и на Киш, овладел городом и сверг Агу, положив конец местной царской династии. Подобное понимание развития событий позволяет объяснить и загадку печати Мес-анне-падды, который в данной надписи именуется не царем Ура, а владыкой Киша, намекая тем самым на то, что он претендует на гегемонию над всем Шумером. Это случилось, когда урский монарх был уже далеко не молодым человеком: ему хватило времени лишь на то, чтобы построить одно новое здание, Буршушна, в комплексе храмов Энлиля в Ниппуре. Строительство Туммалья довел до конца лишь сын Мес-анне-падды. Однако в этот момент против гегемонии Ура восстал амбициозный правитель Урука — Гильгамеш. Он разгромил войска соперника и захватил власть над Шумером. Символом этой власти был реальный контроль над «священной столицей» страны — Ниппуром. В молодые годы Гильгамеш, как и его соседи из Ура, довольно успешно сражался с Агой из Киша («Эпос о Гильгамеше») за господство над Южной Месопотамией. Но своей цели «все выдавший» герой шумерского эпоса (и он же — реальный и весьма хитроумный правитель Урука) достиг лишь на закате своей жизни.

Царь I династии У|

После разгрома войск Аги I династия Киша фактически прекратила свое существование. Однако вопреки ожиданиям роль ведущего государства на юге Месопотамии перешла не к Уруку, а к соседнему городу Уру. На оттисках печатей, найденных в Уре, есть надписи, в которых местный властитель Мес-анне-падда называет себя «Царем Киша», а его сын, вероятно, владел и священной столицей шумеров — Ниппуром, поскольку он с большим размахом реставри-

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

ровал главный городской храм в честь общешумерского бога Энлиля. Богатство и могущество предшественников Мес-анне-падды лучше всего подтверждаются пышными гробницами «Царского кладбища» Ура, где покоились реальные правители I династии города и члены их

семей. В одном из склепов Л. Вулли обнаружил роскошное захоронение «лугаля» Мескаламдуга, а в другом — не менее пышную могилу царицы (верховой жрицы? жены «лугаля»?) по имени Пу-аби. Выше уже говорилось о том, как тот же Л. Вулли нашел при раскопках шумерского храма в Эль-Убейде (близ Ура) мраморную табличку с надписью о царе Ура — Аанепадде — внуке Мес-анне-падды. Если Мес-анне-падда упоминался и в «Царском списке», то его внук — нет. Это показывает, что в указанном «Списке» имеются пропуски. Вероятно, не в одном данном случае писцы конца III тыс. до н.э. пользовались испорченными оригиналами или не могли прочитать более ранние таблички с клинописью. В Уре были найдены и дополнительные доказательства реального существования Мес-анне-падды в качестве правителя этого города-государства. На основании ряда надписей мы знаем, что у него была жена по имени Нинтур. Сын Мес-анне-падды, Мес-киагнунка, царствовал 36 лет, и его имя упомянуто в «Царском списке». Подробнее о городе Уре мы расскажем ниже, а сейчас обратимся к еще одному важному «ному» Шумера — Лагашу.

«Плач» о Лагаше

Ур господствовал на юге Двуречья недолго — меньше ста лет. С гор, окружавших Месопотамию с востока, спустились орды эламитов, и две чужеземные династии, Аван и Хамази, навязали свою власть по крайней мере части Шумера. Это был не первый эпизод в долгой серии войн между шумерами и Эламом, длившихся затем более двух тысяч лет: в «Царском списке» сказано, что Эн-ме-бараге-си из Урука «унес как добычу оружие Элама», а истории Энмер-кара и Лугальбанды (в связи с горной страной Аратта) намекают на то, что данный конфликт уходит своими корнями еще в доисторические времена.

И здесь начинается «золотой век» Лагаша. Один из его правителей — Эаннатум — сыграл большую роль в истории Шумера — стране, глубоко потрясенной вторжениями воинственных горцев-эламитов. Он, «энси» Лагаша (около 2550 г. до н.э.), был, подобно своему деду Ур-Нанше, великим строителем каналов и храмов. Но обстоятельства сделали его и великим воином. Он очистил весь Шумер от эламитских банд и обеспечил безопасность восточной границы страны путем завоевания нескольких городов на границе с Эламом. Он же разгромил соперников — Ур и Урук — и добавил к «царственности» Лагаша «царственность» Киша. Правда, основные боевые действия Эаннатум вел против своего ближайшего соседа — города-государства Уммы, находив-

Илл. 41. Фаланга тяжеловооруженных шумерских воинов. «Стела
Фрагмент. III

ГЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

шегося всего лишь в 29 км от Лагаша. Причиной конфликта явилось одно плодородное поле — «Гу-эдин», которое лежало как раз на стыке границ этих двух государств и на которое претендовали оба из них. Еще за несколько поколений до Эаннатумы Месилим — царь Киша — выступил в качестве арбитра и посредника в данном споре и поставил свою именную стелу в качестве пограничного знака на этом спорном участке. Но короткие дни относительного спокойствия прошли, и «энси Уммы, под руководством его бога, совершил набег и захватил Гу-эдин, орошаемую землю, любимое поле Нингирсу... Он удалил стелу и вступил на территории Лагаша...». Эаннатум немедленно двинулся навстречу врагу. Пехота Лагаша, вооруженная длинными копьями и защищенная тяжелыми прямоугольными щитами, встретилась на поле битвы с отрядами ополченцев Уммы. Лагашцы оказались сильнее. «По слову Энлиля, он (Эаннатум. — В.Г.) набросил огромную сеть на врагов и нагромоздил на равнине груды вражеских тел... Уцелевшие обратились к Эаннатуму с мольбой, они просили пощадить их, они рыдали». Война закончилась мирным договором. Энеи Лагаша «разметил границу вместе с Энакалли — энси Уммы; он поставил на прежнее место стелу Меси-лима и наложил на Умму тяжелую дань ячменем». Но, согласно клинописным текстам, побеждали и проигрывали не люди, а боги: бог

Лагаша Нингирсу победил бога Шару — покровителя Уммы. Это драматическое событие было увековечено одним шедевром ранней месопотамской скульптуры — «Стелой Коршунов», к сожалению, найденной во фрагментах. Свое название этот памятник получил благодаря изображению хищных птиц, клюющих трупы убитых врагов.

К концу своего правления Эаннатум вынужден был с переменным успехом вести борьбу с только что возникшей коалицией городов-государств Киша, Мари и Акшака. И хотя повелитель Лагаша объявил о своей полной победе, почти никто не сомневается в том, что данная военная кампания означала крах имперских амбиций лагашского монарха.

Столетие, последовавшее после смерти Эаннатума, предстает как весьма смутное время. Эн-Шакуш-анне, царь Урука, и Лугаль-анне-мунду, царь Ада-ба, объединив свои армии, без особых усилий захватили Киш и Ниппур и объявили себя владыками Шумера. Но вскоре им бросили вызов правители Мари (город-государство, находившееся на территории современной Сирии, в Верхней Месопотамии). Согласно «Царскому списку», шесть царей Мари правили Шумером в течение 136 лет. Эта цифра, безусловно, намного преувеличена, но тот факт, что монархи царства, расположенного так далеко на северо-западе региона, вообще могли осуществить свой контроль на юге Двуречья, достаточно красноречиво указывает на состояние распада и анархии, которое преобладало тогда среди шумерских «номов».

122

Илл. 42. Правитель Ур-Нанше в роли строителя. Камень Лагаш. I

ЛАВА 4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

При внуке Эаннатума, Энтемене, вновь вспыхнула война между Лагашем и Уммой. Последнюю, судя по клинописным текстам, поддерживали какие-то «иноземные цари», возможно, цари Мари. В длинной надписи, запечатленной на двух глиняных цилиндрах, лагашский «лугаль» Энтемена напоминает о предыстории конфликта и рассказывает нам, как он «загнал войска Уммы в самую

Умму», а затем отверг претензии нового энси Уммы — «этого грабителя полей и усадеб, этого воплощения зла». А для окончательного решения спора победоносный лугаль выкопал глубокий ров для определения постоянной границы между двумя государствами. Мы также знаем из текстов глиняных табличек, что в целях усиления своего влияния Энтемена заключил «договор братства» со своим могущественным соседом — Лугалем-кинише-дуду, правителем объединенного государства Ура и Урука. Все это позволило ему закончить свое царствование «в мире и процветании».

Однако уже через несколько лет после его смерти ситуация в Лагаше вновь резко ухудшилась. Жрецы храма Нингирсу захватили царский трон и удерживали его около двух десятилетий, намного увеличив свои собственные состояния за счет храмовых земель и богатств. Узурпаторов удалось ниспровергнуть Урукагине — царю-реформатору, заметно укрепившему внешнее и внутреннее положение Лагаша. Но он правил только восемь лет. Энергичный и честолюбивый энси Уммы, Лугальзагеси, реорганизовав свою армию, напал на Лагаш, захватил его и разрушил до основания, отомстив таким образом за двухсотлетние поражения своих предшественников. Стоя на еще дымящихся руинах города, неизвестный нам автор написал «плач» о гибели родного Лагаша:

Люди Уммы подожгли храм Антасурра,
они унесли серебро и драгоценные камни...
Они пролили кровь в храме Э-Энгур богини Нанше;
они унесли серебро и драгоценные камни...
Люди Уммы, разрушением Лагаша, совершили прегрешение
против бога Нингирсу... Что касается Лугальзагеси, энси
Уммы, то пусть его богиня Нидаба обрушит его смертный
грех на его же голову!

Правда, это проклятие не возымело немедленного эффекта. После Лагаша владыка Уммы захватил Урук и объявил себя царем и этого города. Затем он решил завоевать и весь остальной Шумер и вполне преуспел в своих планах. Так, в надписи на вазе, посвященной богу Энлилю и найденной в Нипиуре, он заявил о своих победах следующим образом: «Когда Энлиль, царь всех суверенных стран, дал ему царствование над народом Шумера, направил на него взоры народа, заставил, чтобы все суверенные страны ожидали его... Все суверенные страны лежат как коровы на пастбище перед ним... Все зависимые

Или. 43. Статуя жреца или правителя из храма богини Иштар в III тыс.

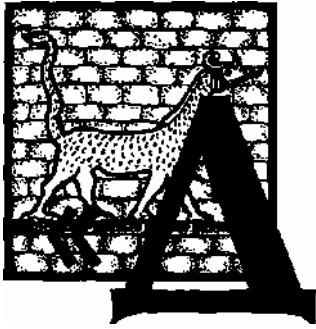
4. ЭПОХА БОГОВ И ГЕРОЕВ

правители Шумера и энси всех независимых стран склонились перед его судебным учреждением в Уруке...» Далее в тексте говорится, что Лугальзагеси овладел всеми землями — от Нижнего моря (Персидский залив) до Верхнего моря (Средиземное море).

Трудно поверить, что правитель Уммы действительно смог создать империю подобных размеров. Скорее это лишь претензии честолюбивого монарха на господство над всей Месопотамией, проявление синдрома гигантомании. Но, как бы то ни было, «псевдоимперия» Лугальзагеси просуществовала совсем недолго — всего 25 лет. На политической арене Месопотамии появилась новая внушительная фигура — Саргон Аккадский. Именно он нанес смертельный удар властолюбивому «энси» Уммы.

ГЛАВА 5

НОВЫЕ ВЛАДЫКИ: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

ля последующих времен личность основателя царства Аккада — Шаррумкена (в современной историографии обычно называемого Саргоном Древним) — была окутана сказочной дымкой преданий; нам и сейчас нелегко отделить легенду от истории, хотя от Саргона дошли и подлинные надписи, к сожалению, довольно скудные по содержанию», — отмечает И.М. Дьяконов. Отдельные упоминания об этом правителе есть и в «Царском списке».

Согласно легенде, мать Саргона, жрица по профессии, тайно положила только что родившегося младенца в корзину и пустила ее вниз по течению Евфрата. Дело в том, что она была *энтум* (*энтум*) — «жрица священного брака». И весь трагизм ее положения состоял в том, что ребенок был зачат не в храме и не богом (роль которого в действительности исполнял правитель города), а вне храма и смертным человеком. Разоблачение столь вопиющего нарушения незыблемых религиозных правил грозило жрице смертью, и она поспешила избавиться от опасной «улики». Корзину подобрал Акки — водонос и садовник царя Киша, он же и усыновил младенца.

«Садовник обучил приемного сына своему ремеслу, но когда Саргон достиг юношеской зрелости, на него загляделась богиня любви Иш-тар (Инанна. — *В.Г.*). Он так понравился ей, что она пообещала оказывать ему свою особую милость, с помощью которой он должен был попасть прямо

127

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

на царский трон Киша». Так говорят о Саргоне эпические поэмы. Но из более надежных источников мы знаем, что человек, называющий себя Шаррумкеном, имел очень простое происхождение. Во времена правления в Кише Ур-Забабы (лугаль IV династии этого города) он занимал должности царского садовника и чашеносца. «Мы едва ли вправе сомневаться в том, что либо Саргон действительно вышел из народа (собственно, из членов персонала царско-храмового хозяйства), либо в его деятельности или в сопутствовавшей ей исторической обстановке было нечто, позволившее сложиться такому мнению о нем, — подчеркивает И.М. Дьяконов. — Столь неожиданное возвышение могло произойти в критической обстановке крушения царств, народного восстания или общей смуты, но едва ли просто вследствие одного из тех дворцовых переворотов, десятки которых история Двуречья знала и до и после Саргона. Поскольку, по „Царскому списку“, Саргон был слугой Ур-Забабы, царя Киша, постольку его внезапное возвышение кажется возможным связать с поражением Киша, понесенным от Лугальзагеси. Во всяком случае, в течение некоторого времени Саргон правил одновременно с Лугальзагеси из Уммы».

Настоящее имя Саргона неизвестно, а имя Шаррумкен, что означает по-восточносемитски «царь истинен», он, по всей вероятности, принял уже по восшествии на престол. Поздняя аккадская поэма, известная под названием «Легенда о Саргоне», сообщает, что родиной его был Азупирану («Шафрановый городок», или «Городок крокусов») на Евфрате. Точное местонахождение его неизвестно, но предполагается, что он располагался где-то в среднем течении этой реки (в совр. Сирии). Во всяком случае, Саргон, судя по его имени, был восточным семитом, а возвысился он в Кише, на севере Шумера.

«Многие историки, — отмечает И.М. Дьяконов, — придают непомерное значение восточносемитскому происхождению Саргона и полагают, что тем самым с Саргона начинается некий новый, а именно семитский (аккадский. — *В.Г.*) период в истории Двуречья. Это, однако, не так; в Верхней и в северной части Нижней Месопотамии... задолго до этого преобладал, по-видимому, восточносемитский язык; уже династия Акшака и II-IV династии Киша были в основном семитоязычными; писали клинописью по-восточносемитски раньше времени правления Саргона, например, в Мари... и даже в Уре... Саргон, естественно, приближал к себе своих земляков-северян, среди которых было много семитов, и потому при нем стал шире входить в официальное употребление восточносемитский (аккадский. — *В.Г.*) язык; однако и шумерский

продолжал употребляться как в быту, так и в делопроизводстве».

Илл. 44. Бронзовая голова Саргона Аккадского,

III тыс. до. н.э.

128

АВАС. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Овладев, правдами и неправдами, царским трон в Кише, Саргон сумел захватить сначала Верхнюю Месопотамию — «до Верхнего (Средиземного) моря», а затем «обратил свои взоры» на юг - на Нижнюю Месопотамию. Но здесь его честолюбивым устремлениям попытался помешать весьма могущественный противник — Лугальзагеси, царь Уммы и завоеватель большинства городов Шумера.

«Противостояние Лугальзагеси и Саргана, — пишет В.В. Емельянов, — первая серьезная развилка в истории Южного Двуречья. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией выбора пути, и путь этот пролегает в противоположные стороны. Документы, дошедшие от времени Лугальзагеси, позволяют сделать вывод о традиционности его „политической программы“. Завоевав Южное Двуречье, уммий-ский царь перебрался в военный центр шумеров Урук, добился, чтобы его избрали лугалем в Ниипуре, и поставил свою власть на службу общинной олигархии. Если бы на его

пути не возник Саргон, можно было бы ожидать традиционного шумерского стремления к выделению своего города из числа других, иерархии „центр“-„провинция“, „старший город“-„младший город“, перераспределения благ в пользу общинных авторитетов и высшего храмового жречества... То есть, даже захватив всю территорию Двуречья, Лугальзагеси не смог бы ничего сделать для объединения страны и для обеспечения согласованного единства в работе местных ирригационных систем. В результате возникли бы недовольные, по новому кругу пошли бы междоусобные войны городских правителей и требования вернуть страну в условия изначальной справедливости».

Совершенно иной путь был уготован Месопотамии при Саргоне... Политико-идеологические нововведения Саргона сводились к следующему:

1. Замена номовой олигархии чиновниками, назначаемыми царем, создание условий для воспроизводства царской бюрократии.
2. Создание массовой армии, набираемой из свободных земледельцев-общинников.
3. Благоприятствование развитию торговли и ростовщичества, покровительство людям этих профессий.
4. Сращивание жреческой и царской власти путем выдвижения своих родственников и приближенных на высшие жреческие должности в шумерских храмах, а также через пользование храмовой землей.
5. Введение единой системы мер и весов (в серебре и зерне ячменя) и попытки введения единого календаря.
6. В области искусства появляется невиданный доселе жанр — скульптурный портрет правителя, что свидетельствует о тенденции к прославлению личности царя в эпоху Саргонидов.

А по словам И.М. Дьяконова, «победа Аккада для Месопотамии означала централизм, укрепление политического и экономического единства страны,

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИ

рациональное использование ирригационных систем, подчинение храмовых хозяйств царскому хозяйству, уничтожение традиционной олигархии, связанной с местными общинами и храмами, и выдвижение на первый план новой знати из предводителей царского войска и царской бюрократии».

Однако на пути к этим радикальным преобразованиям стоял Лугальзагеси — владыка Южной Месопотамии и покровитель традиционных порядков, олицетворяемых старой аристократией и старым жречеством. Недаром он сумел собрать для решающего столкновения с Сарганом Аккадским огромную армию, объединившую отряды ополченцев и дружины профессиональных воинов из 50 городов в-государств во главе с их энси (правителями).

Исход этой борьбы, наградой за победу в которой явилось бы господство над всем Двуречьем, решила военная организация и тактика войск обоих соперников. Армия шумерских «номов» состояла из трех родов войск: легкой пехоты, вооруженной дротиками, палицами и булавами; тяжеловооруженной пехоты в шлемах, с большими щитами и длинными копьями; колесниц, запряженных четверкой ослов. Эти солдаты выходили на битву сомкнутым строем, двигались только вперед и не могли по ходу сражения перестраиваться и маневрировать. Совсем другое дело — вооруженные силы Саргона. Основу его армии составляла многочисленная легкая пехота, действовавшая рассыпным строем и делившаяся на лучников, копейщиков и воинов, вооруженных секирами. В боях против неповоротливой тяжеловооруженной шумерской пехоты Лугальзагеси войска Саргона постоянно одерживали верх. Были захвачены Урук, Ур, Лагаш и, наконец, Умма. Ее незадачливый правитель попал в плен к северянам, был посажен в цепи в клетку и отправлен в Ниппур на потеху публики. «Власть шумерского царя должна заканчиваться там же, где и началась, — в священном Ниппуре. Поэтому Лугальзагеси в медных оковах был проведен через ниппурские „ворота Энлиля“, после чего лишился власти и был отдан под суд самого Энлиля, точнее — его жрецов, скорее всего, приговоривших уммийского гегемона к смерти».

Показательно, что, выбирая столицу для своего быстро растущего царства, Саргон решил не жить ни в одном из старых северных центров вроде Киша, Акшака или Мари, а нашел захудалый город без традиций, почти безвестный, где-то в пределах «нома» Сиппар. Город назывался Аккад. По нему и весь север Месопотамии стал называться Аккадом, а восточносемитский язык — аккадским. К сожалению, руины этого города до сих пор не найдены.

Саргон был весьма амбициозным правителем. Завоевав Шумер, он сделал важный символический жест: он омыл свой меч в «Нижнем Море», то есть в Персидском заливе. Клинописные тексты сообщают, что Саргон правил 55 лет (2316-2261 гг. до н.э.) и провел 34 крупных и удачных для

него сражения. За эти годы он совершил множество победоносных походов на запад — в район

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Сирии и Малой Азии и на восток — в область Элама (Юго-Западный Иран). После победы над Лугальзагеси власть аккадского монарха простиралась от восточного побережья Средиземного моря и до Персидского залива, от Иранских гор и до Аравийской пустыни. Это было самое большое из существовавших до тех пор в Месопотамии государств. Недаром многие современные исследователи называют державу Саргона Аккадского *империей*.

Бывший садовник, став «владыкой полумира», мог бы удовлетворить свое честолюбие, приняв обычный для шумерской практики престижный титул «Лугаль (царь) Киша». Но Саргону этого явно было мало. Поверженный аккадским воинством Лугальзагеси ввел ранее в употребление новый титул — «Царь страны». Правда, на деле это были лишь претензии самоуверенного властителя сравнительно небольшого государства на юге Двуречья, претензии, так и не воплотившиеся в жизнь. Однако политические замыслы Лугальзагеси скоро стали реальной программой действий Саргона, впервые объединившего в одних руках власть над всей Месопотамией. И данный факт немедленно нашел отражение в царской титулатуре. Повелитель Шумера и Аккада присвоил себе пышное наименование «Повелитель четырех сторон света», которое применялось прежде только по отношению к богам.

И все же самое крупное нововведение этого монарха — установленное им фактическое превосходство семитов (аккадцев) над шумерами. Аккадские губернаторы были посланы во все главные шумерские «номы», а аккадский язык стал официальным для делопроизводства. Но традиционные религиозные порядки и учреждения Шумера неизменно уважались: так, дочь Саргона стала жрицей Наины — бога луны в Уре, а сам монарх называл себя «помазанным жрецом бога Ану» и «великим энси Энлиля».

Укрепив свою власть в Месопотамии и значительно увеличив размеры своей армии, Саргон осуществил несколько больших военных кампаний в двух направлениях: за Тигр, в сторону Ирана и также вдоль Евфрата, на Сирию. Правда, на востоке он встретил ожесточенное сопротивление объединенных сил четырех правителей Юго-Западного Ирана, возглавляемых царем Авана. В конце концов, враги были наголову разбиты, ряд городов был опустошен победителями. После этого многие правители и цари Элама и соседних областей изъявили желание признать себя вассалами Аккада.

Затем начался поход на северо-запад — в Сирию и Ливан. Саргону покорились, хотя и не без борьбы, Мари, Ибла и Ярмути, а также страны «Кедровый Лес» и «Серебряная Гора». Первые три города определенно находились

Илл. 45. Войска шумерских городов-государств (пехота и колесницы). Рисунок-реконструкция современного художника

132

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

в Северной Сирии, «Кедровый Лес» — в Ливане, а «Серебряная Гора» — в горах Тавра (Турция). Уже из одних этих названий можно предположить, что Саргон обеспечил себя запасами древесины и серебра, каковые спокойно сплавлялись теперь на плотах и лодках вниз по Евфрату — в Аккад и Шумер. Успешные рейды провели аккадские войска в Курдистан и на побережье Персидского залива, вплоть до Омана.

Славное царствование Саргона Аккадского длилось не менее 55 лет, до 2261 г. до н.э. И, как сообщает нам довольно поздняя вавилонская хроника, «в его старости все земли взбунтовались против него, и осадили его в Аккаде». Но старый лев все еще имел острые зубы и когти: «он вышел из ворот города и разбил их; он смел их с лица земли и уничтожил их огромную армию».

События, которые омрачили последние годы жизни Саргона Древнего, во всей своей полноте проявили себя после его смерти: началось всеобщее восстание недовольных новыми порядками как в Шумере, так и в Эламе. Сын и наследник Саргона, Римуш, жестоко расправился с бунтовщиками и восстановил в пределах Аккадской империи относительный порядок. Но опасность подстерегла его на девятом году правления (2261-2252 гг. до н.э.) внутри собственного дома. «Его слуги, — сообщает один вавилонский источник, — убили его своими глиняными табличками». Вот уж истинный парадокс: глиняная обожженная табличка с клинописью — источник знаний — может, оказывается, превращаться иногда и в смертоносное оружие.

Римуша сменил на престоле Маништусу, его брат-близнец. Одним из наиболее ярких событий его царствования (2252-2238 гг. до н.э.) была военная экспедиция в район Персидского залива. Она описана в источниках в следующих словах: «Маништусу, царь Киша, когда он покорил Аншан и Ширикун (области в Северо-Западном Иране. — *В.Г.*), он пересек на кораблях Нижнее Море

(Персидский залив. — В.Г.). Цари городов на другой стороне моря, 32 из них, собрались вместе для битвы. Он разгромил их и подчинил себе их города; он ниспроверг их владык и захватил всю страну вплоть до серебряных рудников. Горы позади Нижнего Моря — их камни он забрал с собой, сделал свою статую и вручил ее Энлилю».

Но здесь взбунтовались все северные и восточные племена и народы: лул-лубеи, кутии (гутии), хурриты, эламиты. Все проходы в горах, ведущие из Турции, Армении и Азербайджана в Месопотамию, были перерезаны. «Бронзовые дороги» (то есть пути доставки слитков бронзы и изделий из нее) оказались наглухо закрытыми. У аккадцев существовало два выхода из этой острой

острой

134

Илл. 46. Стела Нарам-суэна с изображением его победы над луллубеями.

Известняк, Сузы

ЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

ситуации: либо воевать с племенами на севере и силой проложить дорогу к источникам олова и меди, либо послать экспедицию за металлом в Оман и на юго-восток Ирана. Сын Маништусу, Нарам-суэн («Возлюбленный богом Си-ном»), предпочел войну на севере и вскоре добился в ней успеха. К своему титулу «Царь Аккада» он поспешил добавить такие громкие эпитеты, как «Повелитель четырех сторон света» и «Царь Вселенной». Кроме того, его имени предшествовал в надписях знак звезды — идеограммы для обозначения бога (шумерск. «дингир», аккадск. «илу»). Нарам-суэн был человеком той же закваски, что и его дед Саргон, и, подобно ему, с давних пор стал героем многих легенд и преданий. Его долгое, 36-летнее царствование (2252-2216 гг. до н.э.) было почти целиком заполнено военными походами, и все они имели место на периферии Месопотамии. На западе Нарам-суэн разгромил города Арман (Алеппо?) и Иблу (Эбла) и оккупировал «Кедровую Гору» (Ливан). На севере была проведена успешная операция против хурритского Намара. Для утверждения своего престижа в этом беспокойном регионе аккадский монарх приказал построить свою летнюю резиденцию в Телль-Браке — ключевом пункте в самом сердце долины реки Хабур, который контролировал все дороги, ведущие в Джезиру. На крайнем юге «империи» взбунтовался Маган (Оман), и Нарам-суэн устремился немедленно туда, усмирил мятежников и лично захватил в плен местного царька Манданну. Однако главный свой удар он направил против могущественных горцев-луллубеев. Аккадские победы над ними увековечены наскальным рельефом в Дарбанд-и-Гавре (Иран) и шедевром месопотамской монументальной скульптуры — знаменитой «стелой из Суз». На ней Нарам-суэн, вооруженный луком и стрелами, в рогатой тиаре бога на голове, изображен карабкающимся по крутой горе по трупам поверженных врагов. Его пехота, показанная в гораздо меньшем масштабе, следует непосредственно за ним. Нет никаких сомнений в том, что Нарам-суэн был последним великим монархом Аккадской династии. Но не успел он испустить последний вздох, как давление на внешние границы империи стало приобретать угрожающий характер. Пока на престоле Аккада был талантливый внук Саргана, отношения между Двуречьем и Эламом были мирными и дружественными. Однако уже при преемнике Нарам-суэна, Шар-кали-шарре, царь Элама Пузур-Иншу-шинак объявил свою страну независимой, отказался от аккадского языка в пользу эламитского и принял титул «Царь Вселенной». А правитель Аккада, имя которого, по иронии судьбы, означало «Царь всех царей», был бессилен помешать этому, так как занимался подавлением мятежей в Шумере и войнами с луллубеями, кутиями и номадами Сирии. Вскоре сам Шар-кал и-шарри стал жертвой дворцового заговора, и Аккадская империя исчезла с исторической сцены так же быстро, как когда-то и появилась. Анархия и смута поразили

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

буквально всю Месопотамию. Следуя примеру Урука, несколько шумерских «номов» объявили о своем полном суверенитете. Пузур-Иншушинак совершил из Элама молниеносный бросок на Месопотамию и достиг ближайших окрестностей столичного города Аккада. Оживились и луллубеи. Однако в конечном счете свое господство в стране установили не эламиты и не луллубеи, а кутии. Последние аккадские цари стали простыми марионетками при новых господах, и в течение почти ста лет шумеры и аккадцы должны были повиноваться вождям кочевников-кутиев, носившим такие странные для месопотамцев имена, как Инимагабеш или Джарлагаб. Расцвет и падение Аккадской империи наглядно демонстрируют нам механизм появления и гибели всех последующих крупных месопотамских держав: за быстрой экспансией следуют бесконечные мятежи, дворцовые перевороты, постоянные войны на границах и, в конце концов, последний смертельный удар, наносимый горцами — сейчас кутиями, завтра — эламитами, индийцами или персами.

Цивилизация, основанная на земледелии и металлообработке, в такой стране, как Месопотамия, требует для своего существования наличия по крайней мере двух условий: четкой кооперации между различными этническими и социально-политическими группами внутри самой страны и дружеского или хотя бы нейтрального отношения к ней со стороны ее соседей. К сожалению, месо-потамцы не имели на сколько-нибудь продолжительное время ни первого, ни второго. И в Шумере, и в Аккаде никогда не было ни внутреннего согласия, ни единства всех слоев и групп населения, как правило, смешанного и разнородного. С другой стороны, богатства, накапливаемые в процветающих городах месоиотамской равнины, всегда манили к себе и бедных пастухов предгорий, и кочевые племена степей. Поэтому и те, и другие не упускали удобного случая для грабительских набегов на Двуречье.

Месопотамцы же, в свою очередь, должны были завоевывать и подчинять себе горные и степные племена с тем, чтобы обеспечить торговые пути для доставки жизненно важных для себя товаров — древесины, металлов, строительного камня, золота и серебра. В этой бесконечной войне на два фронта цари Аккада, как позднее и цари Ура, Вавилона и Ассирии, использовали только голую силу, и, рано или поздно, империи рушились. Смерть Шар-кали-шарри (2176 г. до н.э.) практически означала завершение Аккадского периода. Но как бы короток этот период ни был, он оказал глубокое и длительное воздействие на всю историю Месопотамии. Узкий географический горизонт Шумера был заметно расширен. Семитский язык аккадцев получил более широкую аудиторию. А первые две исторические народности Двуречья (шумеры и аккадцы) тесно сплелись друг с другом в единой судьбе. Шумеро-аккадская культура и ее главная опора — клинописная письменность — были восприняты

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

не только населением Северной Месопотамии, но и далекими хурритами, лул-лубеями и эламитами. Иран (Элам), Бахрейн (Дильмун), Оман (Маган) и весь бассейн Персидского залива оказались в сфере могучего влияния высокой и яркой цивилизации Месопотамии.

В политическом плане этот период объединил небольшие автономные города-государства и возвестил о наступлении эпохи больших и централизованных царств. Что касается социально-экономической сферы, то аккадские реформы привели к разрушению старых фундаментальных принципов существования шумерского города-храма и к созданию крупных царских поместий, активизации торгово-ремесленной деятельности, развитию частной инициативы и краху традиционной общинной аристократии. Интересно, что даже «шумерский переворот» конца III тыс. до н.э., последовавший через короткое время вслед за Аккадским периодом, не смог полностью реставрировать старые «номовые» порядки. Во многом цари III династии Ура следовали по уже проторенным путям, которые проложили для них Саргон Древний и его династия.

Шумерский ренессанс

Что касается кутиев, которые ниспровергли Аккадскую империю и правили всей Месопотамией почти сто лет, то мы не знаем о них практически ничего. «Кутии (гутии), — пишет И.М. Дьяконов, — были племенем или группой племен западной части Иранского нагорья; они представляли одну из ветвей энео-литических культур расписной керамики». Точный район их расселения нам неизвестен. Что побудило их вторгнуться в Двуречье — желание пограбить богатые по тем временам города или что-то еще, мы не знаем. Первые упомянутые в «Царском списке» цари кутиев были современниками аккадского царя Шар-кал и-шарри; они не владели еще всем Двуречьем, но, вероятно, уже захватили окраины Аккадской державы. Есть основания полагать, что первоначально они осели на среднем Евфрате и его притоке Хабуре и здесь быстро «аккадизировались», хотя и сохраняли память о своем особом происхождении очень долго. Группы/кутиев имелись, возможно, и в долине Диялы, не говоря уже о том, что основная их масса, как кажется, вообще не участвовала в набеге на Месопотамию и осталась на нагорье Ирана. После смерти Шар-кал и-шарри в стране началась междоусобная борьба за власть, в результате которой победил кутийский вождь Элулумеш. И Месо-

Илл. 47. Каменная статуя Гудеа — правителя Лагаша.

Лагаш (Телло). XXII в. до н.э.

138

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

потамия окончательно оказалась под контролем воинственных иранских горцев. Шумерский «Царский список» отводит «ордам кутиев» 21 царя, но только пять из них оставили после себя какие-то надписи, что (помноженное на молчание других видов источников) указывает, по-видимому, на период политической нестабильности и упадка культуры в Двуречье. Скорее всего,

численно захватчиков было не так уж и много. Они ограбили всю страну, разрушили город Аккад — столицу империи — и оккупировали Ниппур, а также несколько других стратегически важных пунктов. Однако многие города должны были иметь почти полную свободу, сохраняя дух национального сопротивления, что, в конечном счете, и привело к освобождению Шумера и Аккада от чужеземного ига.

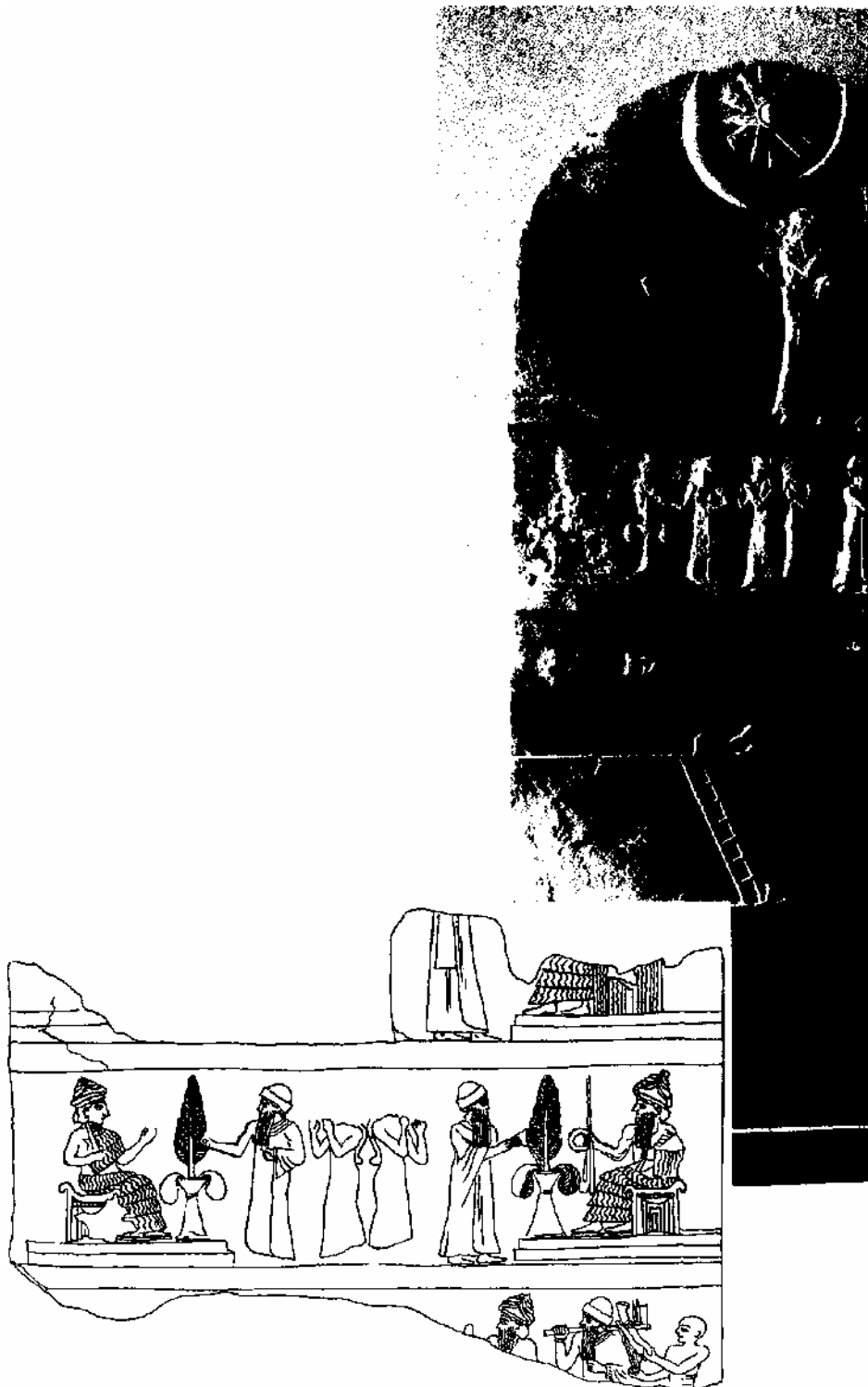
Около 2116г. до н.э. энси Урука, Утухенгаль, при поддержке нескольких других правителей городов Южного Двуречья открыто выступил против засилья кутиев. Утухенгаль — фигура, во многом напоминающая Саргона Древнего. Подобно ему, он выступает в дошедших до нас источниках как человек из народа, бывший прежде вялильщиком рыбы. В надписи-поэме, составленной от его имени, говорится, что своим решением пойти войной на кутиев он «обрадовал граждан Урука; город его, как один человек, встал за ним». В уста Утухенгалья вложены такие слова о своем враге — племени кутиев: «жалящий змей гор, насильник против богов, унесший лугальство Шумера в горы, наполнивший Шумер враждой, отнимавший супругу у супруга, отнимавший дитя у родителей, возбуждавший вражду и распрю в Стране».

Выступление шумеров было приурочено к моменту смены правителя у кутиев, так что, согласно письменной традиции, последний кутийский царь, Тирикан, просидел на троне всего 40 дней. В решающем сражении ненавистные чужеземцы были разбиты. Их царь Тирикан пытался бежать с поля боя, но был схвачен и приведен в шатер победителя. В древнем тексте так говорится об этом: «Утухенгаль сел в кресло; Тирикан лежал у его ног. Он поставил свою ногу на его шею, и независимость Шумера он восстановил собственными руками».

Вскоре был освобожден священный Ниппур, а Урук, всегда игравший важную роль в истории Южной Месопотамии, вновь встал во главе городов-государств Шумера. Но V династия Урука оказалась весьма недолговечной. После семи лет правления Утухенгаль погиб при довольно странных обстоятельствах: он случайно утонул при осмотре строившейся плотины (около 2109 г. до н.э.). А власть над Шумером, правда, не без борьбы, перешла к Ур-Намму — правителю города Ура. «Царский список» повествует об этом кратко, но выразительно: «Город Урук был поражен оружием, царственность его перешла к городу Уру». Так появилась на свет III династия Ура (ок. 2109-2006 гг. до н.э.). Ур-Намму поспешил присвоить себе самые пышные титулы, имевшие когда-

140

Илл. 48. Стела Ур-Намму (с прорисовкой фрагмента). Ур-Намму в роли строителя. Известняк. Ур. 2100 г. до н.э.

15. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ
 либо хождение в стране, — «Царь Ура», «Царь Шумера и Аккада», «Повелитель четырех сторон света».

Начался короткий, но самый блестящий период в истории древней Месопотамии. Ур-Намму и его наследники не только восстановили Аккадскую империю в ее прежних границах, но и подарили стране столетие относительного мира и процветания, что способствовало возрождению и прогрессу во всех сферах экономики, искусства и литературы Двуречья.

По сравнению с Саргоновским периодом время III династии Ура удивительно бедно на исторические надписи, так что в сведениях о нем мы имеем слишком много досадных лакун. После установления своего господства над всей Месопотамией Ур-Намму целиком посвятил себя упорядочению внутренних дел: восстановлению порядка в стране, оживлению хозяйственной деятельности, заботе о богах. Как гласят клинописные документы, «Ур-Намму освободил страну

от воров, разбойников и мятежников» и создал то, что можно считать самым древним собранием законов в мире. Он также оживил земледелие и ремесла, улучшил пути сообщения, выкопав ряд новых больших каналов; торговля с Маганом (Оманом), замершая в годы господства кутиев, возобновилась вновь; города были дополнительно укреплены в преддверии будущих войн; и самое главное с огромным размахом осуществлялась программа реставрации старых и строительства новых святилищ и храмов.

Однако в кругах современных ученых имя Ур-Намму навсегда связано с зиккуратами, которые он соорудил в Уре, Уруке, Эреду, Нипуре и в ряде других городов и которые до сих пор остаются наиболее впечатляющими архитектурными постройками той далекой эпохи. В качестве наглядного примера таких зиккуратов может служить лучше всего сохранившаяся до наших дней ступенчатая башня города Ура. Построенная из сырцовых глиняных блоков, но облицованная снаружи «панцирем» из обожженного кирпича толщиной в 2,5 м, скрепленного битумом, она имеет основание 45 x 60 м. В древности (а он построен в III тыс. до н.э.) зиккурат имел не менее трех ярусов, или этажей-ступеней. Но сейчас уцелел лишь первый и часть второго. Его современная высота — около 17 м. Однако эта огромная масса создает впечатление легкости и изящества, отчасти благодаря совершенству своих пропорций, а отчасти из-за того, что все линии слегка закруглены — прием, долго считавшийся изобретением греков и впервые примененный ими при строительстве Парфенона, то есть на 2000 лет позднее шумеров. Зиккурат стоял на высокой террасе в самом сердце «священного участка»-теменоса, обнесенного стенами и отведенного только для богов и царей. Он отбрасывал свою тень на большой двор храмового комплекса Наина — бога луны и главного божества-покровителя города. Заметно возвышаясь даже над мощными крепостными

Илл. 49. Зиккурат в Агар-Куфе. III тыс. до н. Современный в

стенами Ура, зиккурат отражался в зеленоватых водах Евфрата. Даже сейчас эта красновато-коричневая пирамида образует довольно заметный элемент местного пейзажа, видимый на много километров вокруг. А в шумерскую эпоху ступенчатая башня Ур-Намму смотрелась еще более

эффектно. Дело в том, что на свободной площади ступеней-террас зиккурата были когда-то посажены деревья, кустарники и цветы. Для этого наверх принесли слой плодородной земли и сделали специальные водоотводные сооружения для полива растительности дождевой и приносимой водой. Зеленая гора, высоко вздымавшаяся над зубцами городских стен, была видна издалека, четко выделяясь на желто-сером фоне унылой Месопотамской равнины. Зиккурат Ур-Намму —

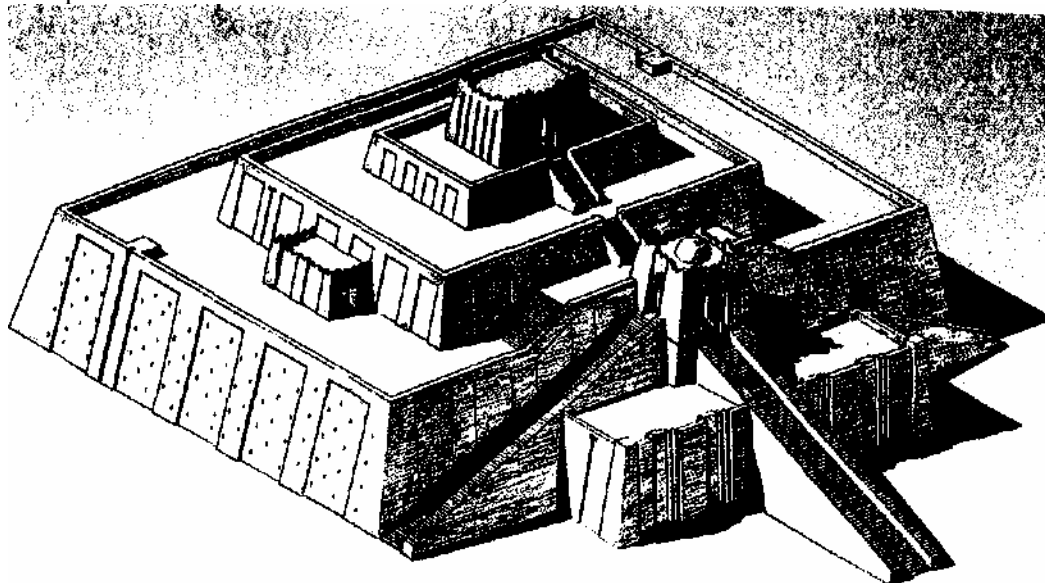
1-

НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

один из немногих уцелевших до наших дней прямых свидетелей далекого прошлого. Все яростные вихри истории оставили на нем свой приметный след. Все правители Ура внесли посильную лепту в его сооружение и отделку. Чтобы документально увековечить свой строительный пыл, каждый местный царь спешил замуровать в толще стен ступенчатой башни клинописную табличку или цилиндр с перечнем своих заслуг перед богами: «Во славу владыки своего Наина, славнейшего из сыновей Энлиля, могучий муж Ур-Намму, правитель Урука, царь Ура, царь Шумера и Аккада, воздвиг Этеменигуру возлюбленный им храм».

Зиккураты других шумерских городов сохранились не так хорошо и, кроме того, они отличаются от зиккурата Ура в ряде деталей отделки. Однако их форма, ориентировка и их расположение по отношению к главным храмам остаются по сути своей теми же самыми.

Но для чего сооружались эти гигантские ступенчатые башни? Пионеры месопотамской археологии наивно полагали, что зиккураты были астрономическими обсерваториями для «халдейских» звездочетов или же башнями, где «жрецы бога Бэла могли проводить ночи, избавляя себя от жары и москитов». Не думаю, что это может служить единственно разумным объяснением функционального назначения зиккуратов. Следует подчеркнуть, что зиккураты, в отличие от египетских пирамид, никогда не имели внутри гробниц и вообще каких-либо помещений. Филология также не проливает света на эту проблему, поскольку слово *зиккурат* происходит от глагола *закару*, который означает просто «строить высоко», и данный термин ничего для нас не проясняет. Некоторые авторы считают, что шумеры первоначально обитали в горах и поклонялись своим богам на горных вершинах, и поэтому строительство высоких ступенчатых башен обеспечивало возведение искусственных «гор» на плоской месопотамской равнине. Другие, отвергая данное объяснение, выдвигают предположение, будто цель возведения этих храмовых башен состояла только в том, чтобы возвысить, вознести главного бога данного города над другими богами и защитить его от осквернения со стороны простого люда. Третья группа ученых видит в столь гигантском культовом сооружении своеобразный «мост» между нижними храмами, где отправлялись обыденные и рутинные обряды, и верхним святилищем главного «номового» божества, стоящим на полпути между небом и землей, где могли при определенных обстоятельствах встретиться люди и боги. Но самое лучшее определение зиккурата, видимо, дано в Библии, где сказано, что «Башня Вавилон» (т. е. зиккурат Вавилона) предназначена для того, «чтобы достичь небес». В глубоко мифологизированном сознании шумеров и аккадцев эти громадные сооружения были, скорее всего, как бы «молитвами в кирпиче», точно так же, как европейские готические соборы являются «молитвами в камне», а наши

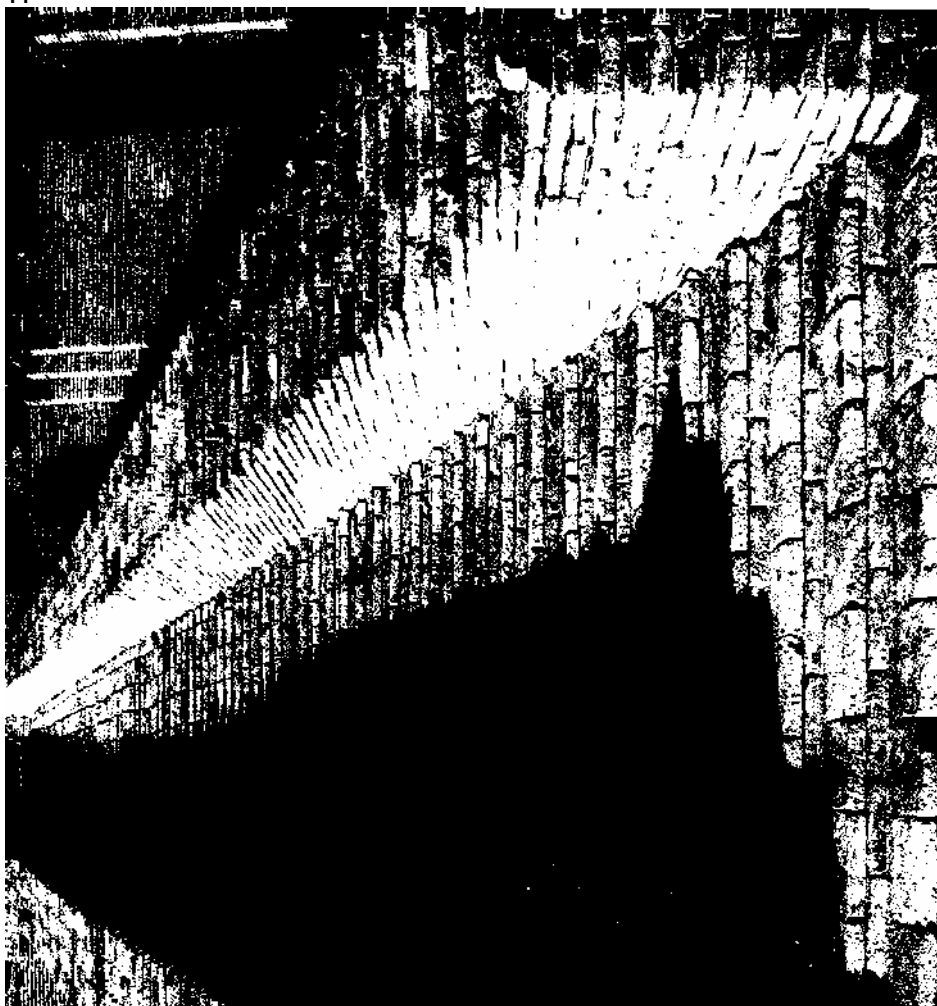
Или. 50. Реконструкция зиккурата в Ур

северные православные церкви — «молитвами в дереве». Все они посылают богам приглашение спуститься на грешную землю. И в то же время они выражают одну из наиболее примечательных попыток человека вырваться из оков жалких условий своего существования и установить более тесные контакты с божеством.

Но строили и реставрировали храмы в Месопотамии не только всемогущие правители Ура. В ту же самую эпоху не менее ярко проявил себя на этом поприще и энси Лагаша — Гудеа.

Из предыдущего рассказа мы знаем, что Лугальзагеси из Уммы (до того как он стал пленником Саргона Аккадского) решил в свою пользу длительный конфликт между его городом и Лагашем. Победив в скоротечной войне, он предал огню все архитектурные памятники и жилые дома Лагаша, превратив этот многолюдный населенный пункт в груды дымящихся развалин. Однако на Древнем Востоке города редко разрушались до основания и навсегда прекращали свою жизнь, как это можно прочесть в клинописных текстах. Точно так же каким-то чудом выжил после данного погрома и Лагаш. К концу периода владычества кутиев им правили энергичные и ловкие цари, во многом сумевшие возродить родной город и восстановить его независимость. Одним из них был Гудеа — современник Ур-Намму из Ура.

14

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Гудеа строил и перестраивал более 15 храмов в Лагаше, но особое внимание он уделял Э-нинну, храму Нингирсу — бога-покровителя города. На двух больших глиняных цилиндрах и на некоторых из своих статуй он оставил надписи, в которых объясняет, почему и как он заботился о храме Нингирсу. Для шумерского менталитета было свойственно воспринимать сооружение храма не как акт воли самого царя, а как исполнение желания бога, выраженного в форме пророческого сна или видения. Точно так же было и у Гудеа. Повинуясь божьей воле, он приступил к строительству и украшению святилища Нингирсу.

До нас дошло 17 статуй Гудеа, высеченных из твердых пород камня (в основном — из привозного черного диорита) и отличающихся реализмом и экспрессией.

Но вернемся к правителям III династии Ура — фактическим властителям Двуречья. Ур-Намму —

основатель династии — погиб при неизвестных обстоятельствах на поле боя во время одной из многочисленных войн, которые он вел на востоке страны. Ему наследовал его сын Шульги («Сильный молодой человек»), который царствовал почти полвека — 47 лет. Первое время он был занят сугубо мирными делами: достраивал храмы и зиккураты, начатые еще его отцом, реформировал календарь, вводил новые экономические и административные порядки в государстве. Но во второй половине своего царствования Шульги оказался вовлеченным в длительные военные кампании на равнинах к северу от реки Диялы и в горах Курдистана. Зато в других регионах он проводил более дипломатичную политику: выдал своих дочерей замуж за правителей Бархаше и Аншана (области на юго-западе Ирана), а в Сузах, находившихся теперь под шумерским контролем, он построил храм для главных богов Элама. Следуя примеру Нарам-суэна, Шульги присвоил себе титул «Повелитель четырех сторон света», и ему поклонялись как богу и в течение его жизни и после его смерти. Дважды в месяц его статуям приносили жертвоприношения по всему царству, а в шумерском календаре одному месяцу даже было дано название «божественный Шульги».

Амар-зуэн, сын Шульги, правил только девять лет (2045-2037 гг. до н.э.) и потратил все эти годы на строительство храмов и на войны в северо-восточных районах империи. Похоже, он был еще более честолюбив и амбициозен, чем его предшественники. Он добился своего обожествления еще при жизни и называл себя «Богом, который дал жизнь стране» и «Богом-Солнцем». Согласно одному сравнительно позднему клинописному тексту, этот гордец умер от инфекции, возникшей от ссадины на ноге.

Илл. 51. Лестница зиккурата Ур-Намму. Ур. III тыс. до н.э.

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

И Шульги, и Амар-зуэн правили государством, имевшим примерно такие же размеры, как и Аккадская империя, но более крепким и сплоченным. Централизация управления и ведущее положение города-столицы Ура обязывало его царей всемерно заботиться о безопасности системы сухопутных коммуникаций. Вдоль главных дорог были построены крепости с сильными гарнизонами и специальные пункты, где царские курьеры получали двойную порцию пищи: «одну за их пребывание в городе», другую — «для дороги». Концентрация политической и экономической власти в руках правителей Ура привела к формированию общества, находившегося в значительной мере под государственным контролем и административно единого в пределах обширной территории. Владыкам Ура повиновались все области от Библа (Ливан) до Суз (Иран). В Шумере не было ни гражданских войн, ни дворцовых переворотов. Население росло. Повсюду строились новые города и села. Влияние великолепной шумеро-аккадской цивилизации на весь Ближний Восток достигло своего апогея. Современникам Шульги и Амар-зуэна эта месопотамская держава казалась, вероятно, большим, красивым и крепко скроенным зданием без каких-либо видимых изъянов.

Но шумерские воины, стоявшие на страже вдоль пыльных караванных дорог на границе с Сирийской пустыней, знали, что кочевые племена уже пришли в движение. Через Евфрат и Хабур они небольшими группами просачивались в цветущую Месопотамию и пытались закрепиться там. Это были лишь первые сполохи надвигающейся грозы. Очень скоро воинственные нома-ды-амореи бурным потоком хлынут на Двуречье, и ничто уже не сможет остановить их.

Паление Ура:

Шумер умер, да здравствует Шумер!

Первые признаки того, что дела обстоят не совсем хорошо, проявились на западной границе империи во время царствования Шу-Сина (2036-2028 гг. до н.э.), брата Амар-зуэна. Как и его предшественники, сначала он довольно успешно воевал в горах Загроса. Но на четвертом году правления в его надписях зазвучали новые, незнакомые ранее ноты. В этот год он построил крепость Марту, чтобы закрыть пути вторжения для кочевников с запада, из Сирии. Известно и имя воинственных сирийских номадов — амореи. «Амореи, которые не знают зерна... Амореи, которые не знают домов и городов, амореи — обитатели гор... Амореи, которые выкапывают съедобные коренья, которые

148

Илл. 52. Изображение Ламги-Мари. Камень. Мари

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

не преклоняют свои колени, чтобы возделывать землю, которые едят сырое мясо, ...которые не хоронят своих соплеменников после смерти...» Прежде против этих дикарей, нападавших на мирные селения и торговые караваны, часто осуществлялись полицейские карательные операции. Но иногда проводились и полномасштабные военные кампании: в некоторых шумерских текстах

упоминается об амореях-военнопленных. Однако теперь ситуация резко изменилась: уже шумеры вынуждены были перейти к обороне, укрывшись за прочными стенами своих крепостей. В 2028 г. до н.э. на царский трон воссел вместо умершего Шу-Сина его сын, Ибби-Син. Но не успел он взять бразды правления в свои руки, как его держава стала разваливаться на куски. Восточные провинции и города, в том числе Эшнунна и Сузы, объявили себя независимыми и разорвали с Уром все связи.

Одновременно усилили свой натиск на границы Месопотамии и амореи. Вскоре они прорвались сквозь защитные линии и проникли в самое сердце Шумера. В стране, в связи с перехватом кочевниками путей снабжения, разразился голод. Насколько критической стала здесь общая ситуация, красноречиво свидетельствуют два письма, которыми обменялись правитель Ибби-Син и его военачальник Ишби-Эрра, уроженец города Мари, которому было приказано закупить в Ниппуре большое количество зерна и отправить его в Ур. Но Ишби-Эрра заявил, что не может выполнить данное поручение, потому что страну наводнили «марту» (амореи), они перерезали все дороги, ведущие в столицу, и готовы атаковать Исин и Ниппур. Полководец просит поручить ему защиту этих двух городов, и царь соглашается на это.

Надо сказать, что вскоре сам Ибби-Син преуспел в борьбе с амореями. Но семена распада внутри государства уже дали пышные всходы. Начались мятежи, заговоры и восстания всех недовольных центральной властью. Тот же полководец Ишби-Эрра объявил себя, сидя в Исине, царем. Затем аморейский вождь Набланум захватил Ларсу, расположенную всего в 40 км от Ура.

Воспользовавшись удобной ситуацией, в Шумер вторглись эламиты из Ирана.

Покинутая союзниками и богами, страдающая от голода и анархии, атакованная врагами сразу с двух сторон и сократившаяся практически до размеров столицы и ее ближайших окрестностей, великая шумерская империя стала больше походить на тень бывшего могучего государства. Ибби-Син боролся до конца. Он попытался заключить союз с амореями против эламитов, но потерпел неудачу. В 2003 г. до н.э. эламиты подошли уже вплотную к стенам Ура, «подобным желтой горе». К тому же город с трех сторон окружала вода (русло Евфрата и канал). Но и это не помогло. После короткой осады Ур был захвачен, ограблен и сожжен. Несчастный Ибби-Син — последний император шумеров — попал в плен, был увезен в Иран, где и умер.

Илл. 53. Изображение древних шумеров из
воин с топором, правительственный чиновник,
военнопленный. Перл

НОВЫЕ ГОСПОДА: САРГОН АККАДСКИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Когда они (эламиты. — ВТ.) пришли, вокруг все истребляя,

Уничтожая все, как яростный поток,
За что, за что Шумер, тебе кара такая?

Из храма изгнаны священные владыки,

Разрушен город, алтари разбиты,

И всей страной владеют эламиты.

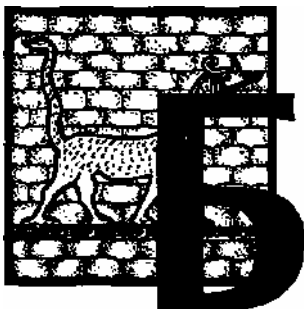
Шумерский гимн

С гибелью Ура закрылась одна из наиболее ярких и драматических страниц в истории Месопотамии — шумерская. После эламитского погрома и вторжения различных кочевых семитских племен Шумер никогда уже не смог снова встать на ноги. Его цивилизация погибла, народ растворился в массе чужеземцев, а язык исчез, оставшись лишь в клинописи.

Шумер умер, да здравствует Шумер!

ГЛАВА 6

СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

лагосостояние шумерского общества (и всех других месопотамских государств) в значительной мере зависело от главной отрасли его экономики — земледелия. Эффективность последнего находилась в прямой зависимости от развития ирригации, что, в свою очередь, требовало аппарата чиновников, которые смотрели бы за использованием воды в сети каналов, а также распоряжались распределением и хранением излишков сельскохозяйственной продукции.

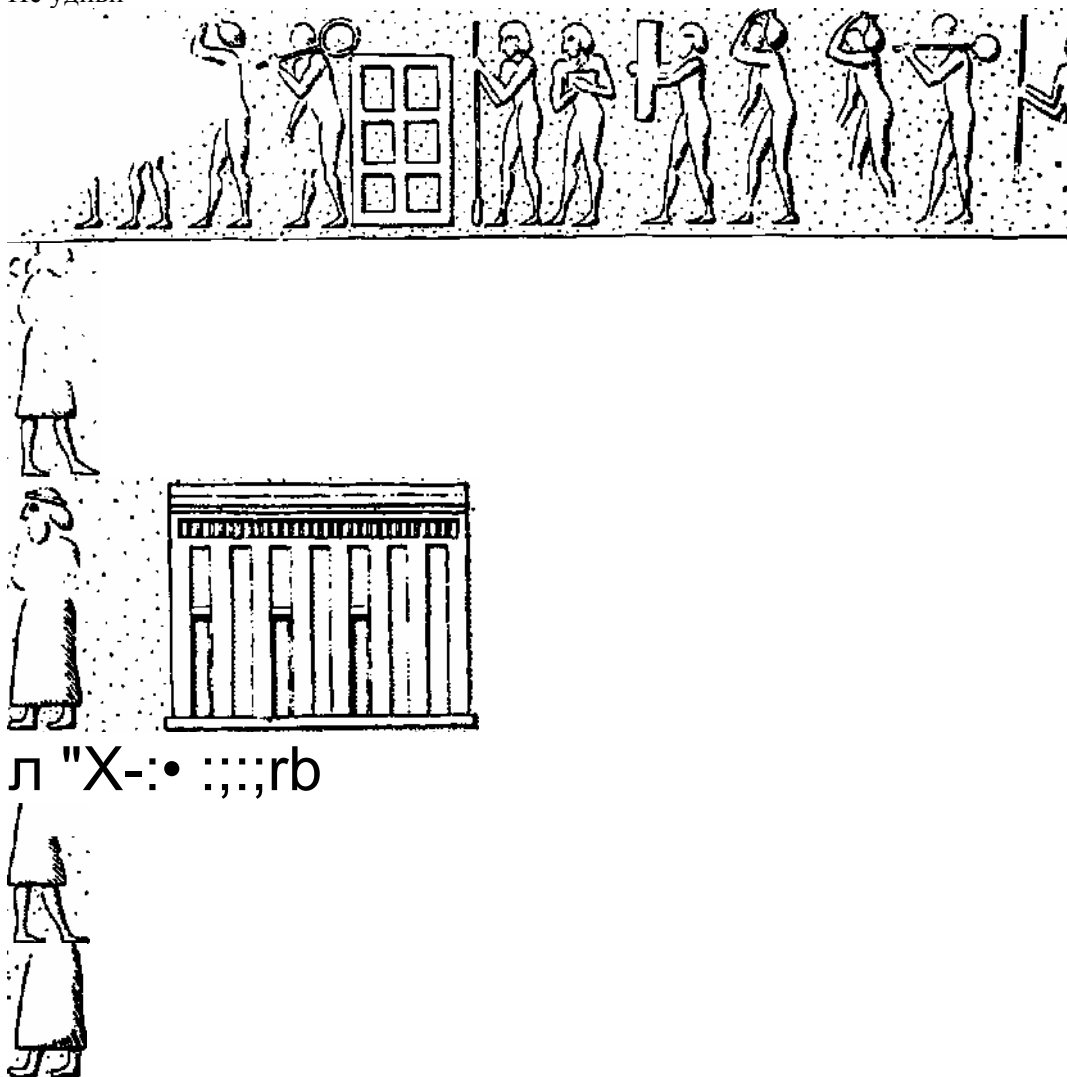
Вся территория Месопотамии в направлении с севера на юг делится на несколько природных областей. В пределах сухой субтропической зоны находится Верхняя Месопотамия. На севере этой области лежит холмистая местность, куда влажные ветры со Средиземного моря приносят довольно обильные дожди, достаточные для ведения богарного (неполивного) земледелия. Дальше к югу расположена область сухих степей, где имеется достаточно корма для скота (особенно зимой и весной), а вдоль речных долин и других источников воды можно сеять хлеб без или «почти без» искусственного орошения. Еще южнее, по обоим берегам Евфрата, на расстоянии около 200 км простирается «гипсовая пустыня», почти лишенная естественных ежегодных осадков. Примерно от широты Багдада и до Персидского залива лежит плоская аллювиальная, образованная наносами Тигра и Евфрата, равнина — собственно Двуречье. Эта область благодаря своим лёссовым почвам потенциально

153

АВА 6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ШВИЛИЗАЦИИ

очень плодородна, но давать хорошие урожаи она может лишь при хорошо налаженном искусственном орошении. И люди, пришедшие сюда где-то в конце VI — начале V тыс. до н.э., сумели со временем создать широкую и эффективную ирригационную сеть. Данные археологических раскопок свидетельствуют о существовании на юге Месопотамии системы искусственного орошения двух видов: бассейнов для накопления вод весеннего паводка Евфрата и магистральных каналов большой протяженности, с постоянными плотинами и дамбами. «Как и в остальных странах от Памира до Нила, — подчеркивает известный американский историк А. Лео Оппенгейм, — посев злаковых составлял основу оседлости, начиная с самых ранних поселений и вплоть до метрополий, относящихся к позднему периоду древнего Ближнего Востока. Сеяли ячмень, эммер, пшеницу и просо. В Месопотамии, в отличие от Индии и Африки, наименьшее значение имело просо, ячмень же использовался гораздо шире, чем пшеница. Оказывается, можно легко установить связь между излюбленными злаковыми и другими культурными растениями: Месопотамия была страной ячменя, пива и сезамового масла, тогда как к западу от нее находится „культурный круг“ пшеницы, вина и оливкового масла... Ячмень шел на приготовление пресного хлеба и разных блюд, пшеница — на дрожжевое тесто и сладкие кушанья. Возделывание сезама... обеспечивало население маслом с довольно острым вкусом, которое вместе с животными жирами (сало и что-то вроде сбитого масла) составляло существенную часть рациона жителей Месопотамии». Часто в текстах упоминаются разные сорта лука, чеснок; иногда встречается репа. Существенную часть рациона, по-видимому, составляли ароматические вещества и специи: горчица, тмин и кориандр. Последние добавлялись вместе с солью в однообразные кашеобразные блюда из злаковых. Что касается фруктовых деревьев, то первостепенное экономическое значение имела финиковая пальма — она давала жителям Месопотамии наиболее распространенный вид сладостей. Другие плодовые деревья сажали редко: в клинописных табличках упоминаются яблоки, фиги, груши, гранаты и какой-то сорт слив. Следует также отметить, что набор основных культурных растений оставался постоянным на протяжении всех трех тысяч лет месопотамской истории. Из всей совокупности имеющихся у нас сейчас источников совершенно очевидно, что уже в Раннединастическом периоде шумеры добились огромных успехов в развитии земледелия и связанных с ним областей. Создание сложной системы каналов, плотин, запруд и водохранилищ требовало высокого инженерного мастерства и знаний. Для проведения земельной съемки и подготовки плана работ требовались нивелировочные и измерительные инструменты, чертежи и карты. Земледелие превратилось в

сложную отрасль хозяйства, требующую предусмотрительности, трудолюбия, умения и знаний. Не удиви-

л "X-:• :;:rb

Илл. 54. Оттиски цилиндрических печен с сюжетами на хозяйственную тему, что уже на заре шумерской эпохи некие мудрецы составили «Календарь земледельца», в который входили разнообразные советы, призванные оказать практическую помощь земледельцу в проведении всех полевых работ, начиная от орошения поля в мае-июне и кончая обмолотом и веянием зерна, созревшего в апреле-мае следующего года.

«Календарь» представляет собой поучение отца своему сыну по важнейшим этапам земледельческого цикла, при этом, для пущей убедительности, учитель заявляет, что советы исходят не от него, а от бога Нинурты. Согласно же утверждениям шумерских богословов, Нинурта был «верным земледельцем Энлиля».

Далее приводится краткое содержание «Календаря» в изложении С.Н. Крамера. «Поскольку ирригация совершенно необходима для опаленной солнцем земли Шумера, наш древний ментор прежде всего говорит о затоплении поля: следует позаботиться о том, чтобы уровень воды не поднимался слишком высоко. Когда вода спадет, на мокрое поле надо выпустить волов с обвязанными копытами; они вытопчут сорняки и выровняют поверхность поля. Окончательное выравнивание поля следует доделать маленькими мотыгами. Поскольку волю оставят на влажной земле следы, человек, вооруженный мотыгой,

6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

должен пройти по всему полю и сравнить следы копыт. Рывины нужно сравнить бороной. Пока поле просыхает, земледельцу и его домочадцам должно заняться подготовкой инвентаря... Прежде чем окончательно возделывать землю, предлагается предварительно дважды вспахать поле двумя длиннолемешными плугами, трижды проборонить его, разровнять граблями и, наконец, разбить комья земли молотком... Затем можно приступить непосредственно к севу. Сев производится одновременно с пахотой, при помощи плуга со специальным приспособлением, через

которое семена попадают в борозды. Земледельцу советуют делать восемь борозд на каждом „гаруше" (*саруш* — полоса земли шириной 6-7 м. — В.Г.). Он должен следить за тем, чтобы семена попадали в землю на глубину „в два пальца". Если семена не попадают достаточно глубоко, земледелец должен переменить лемех — „язык плуга"... Приступая к севу, необходимо разбить все комья земли на поле и выровнять его поверхность, с тем чтобы ничто не препятствовало росту молодых всходов ячменя. После того как молодые побеги пробьются сквозь поверхность земли... земледельцу следует вознести молитву богине Нинкилим, покровительнице полевых мышей и прочих вредителей, дабы они не испортили всходы. Земледелец должен также отгонять от поля птиц. Когда ячмень подрастет и сравняется с узкой нижней частью борозды, это значит, что наступило время для его полива. Когда ячмень „стоит высоко, словно (солома) циновки в середине лодки", наступает время для вторичного полива. В третий раз земледельцу предлагается полить „царский" ячмень — то есть ячмень, достигший полной высоты. Если при этом земледелец увидит, что влажные зерна ячменя начинают краснеть, это означает появление опасной болезни, которая может погубить урожай. Если же ячмень в хорошем состоянии, земледелец должен полить его в четвертый раз; тем самым он увеличит урожай примерно на десять процентов.

Наступает время сбора урожая. Земледельца предупреждают, чтобы он не ждал, пока ячмень склонится под собственной тяжестью, а приступил к жатве „в день его силы", не упустив нужный момент. Работников надо распределить по три человека, чтобы один жал, второй вязал снопы, а третий складывал их... Молотьба, которая начинается сразу же после уборки урожая, производится в два приема. Сначала пять дней подряд по колосьям возят взад и вперед повозку, а потом молотилку в виде салазок, сделанную из брусчатых перекладин и зубьев, которые привязываются ремнями и скрепляются битумом».

Скотоводство в Шумере было отгонным: скот содержался в загонах и хлевах и ежедневно выгонялся на пастбище. Из клинописных табличек мы знаем о наличии пастухов-козопасов, пастухов овечьих и коровьих стад. Пас-¹У^xи, упоминаемые в храмовых текстах, или состоят в штате работников храма, или наемники, или исполняют повинность. «Что касается домашних жи-

ГЛАВА 6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
вотных, — отмечает А. Лео Оппенгейм, — то они служили постоянным источником мяса. Уже в ранний период упоминаются козы, овцы, свиньи и другие животные... Козы и овцы давали не только мясо, но и шерсть (овцы) и пух (козы)», а также молоко. Коз и овец содержали под присмотром пастухов большими стадами, принадлежавшими храмам или дворцу. Крупный рогатый скот первоначально использовали как тягловую силу при обработке земли, реже при перевозках, а также при молотьбе. Стадами они содержались только в дворцовых и храмовых хозяйствах, очевидно, из-за необходимости перегонять на зимние пастбища. В текстах часто упоминается молоко, из которого изготавливали разные виды масла и сыров.

Наиболее популярными вьючными животными были ослы, но для верховой езды их использовали редко. Начиная со II тыс. до н.э. есть сведения о появлении лошади. Чаще всего лошадей впрягали в боевые колесницы. Еще большее значение приобрели лошади после появления в Ассирии кавалерии как особого, весьма эффективного рода войск.

Шумеры разводили гусей и уток. Рыба речная и морская широко употреблялась в пищу не только в свежем, но и в сушеном и соленом виде.

Ремесло и торговля в Шумере развились очень рано. Списки имен храмовых ремесленников сохранили термины для обозначения профессий кузнеца, медника, плотника, ювелира, шорника, кожевенника, гончара, ткача. Все ремесленники были храмовыми работниками и получали за свой труд как натуральные пайки, так и наделы земли. Известны из клинописных табличек и торговые агенты, и корабельщики, перевозившие товары по Персидскому заливу для торговли с дальними странами (Индия, Африка). Но и они работали либо на храм, либо на дворец. К особой, привилегированной части ремесленников относились и писцы, работавшие в храме, дворце и школе и получавшие за свой труд большие натуральные выдачи.

Мы очень мало знаем о том, как велась торговля внутри месопотамских городов. Недвижимое имущество (дома, поля, сады) покупалось и продавалось, то же относилось и к доходам, которые получали от храмовых владений, к прибылям от эксплуатации рабов и т. д. Однако сделки с потребительскими товарами не регистрировались как продажа, и ни в одном тексте никогда не упоминаются продукты питания как предмет торговли.

Месопотамия в силу объективных причин (отсутствие собственных сырьевых ресурсов) с ранних времен вынуждена была всемерно развивать международную торговлю. Сведения о ней и о

важном влиянии, которое она оказывала на политику и экономику, имеются почти для каждого периода и района. А. Лео Оппенхейм считает, что следует различать два вида внешней торговли. «Первый вид — экспорт промышленных товаров, т. е. тканей, производимых в Месопотамии зависимыми ткачами в замкнутых хозяйствах храмов и дворцов.

15

ЗА 6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ УИВИЛИЗАЦИИ

Взамен в страну импортировались необходимые металл, камень, древесина, специи и благовония. Второй — торговля с чужеземными городами, торговыми форпостами и варварскими племенами, у которых не было ни престижа, ни политической власти, ни инициативы, необходимой для того, чтобы завязывать торговые отношения на основе договоров. Оба вида торговли имели место в районе Персидского залива и в Малой Азии, а также вдоль течения Евфрата и по берегу Средиземного моря... В обоих случаях торговля прямо или косвенно способствовала повышению жизненного уровня населения Месопотамии и... помогала распространению влияния месопотамской цивилизации» по всему Ближнему Востоку.

В инвентарных записях профессиональных торговцев — *тамкару* часто говорится о ввозе в страну разнообразных предметов роскоши и основных видов сырья для обслуживания нужд храмов и дворца (царского двора). Торговля велась, по-видимому, на чисто административном уровне, а частная инициатива и связанные с нею доходы в шумерский период открыто не допускались. О международных торговых отношениях упоминается в текстах из города Мари (находился в Сирии). Торговля связывала Персидский залив с его островным торговым центром Дильмуном (совр. Бахрейн) через Евфрат, Алеппо и долину Оронта со Средиземным морем. Город Мари, вероятно, служил перевалочным пунктом на пути торговли оловом (между горными областями и Месопотамией). Олово было крайне необходимо для производства бронзы, а находилось оно в местах, весьма удаленных от месопотамской равнины. «Торговля Мари, — подчеркивает А. Лео Оппенхейм, — отличалась от торговли Ура и Каниша; караваны находились под царской защитой, и чужеземные купцы путешествовали от двора к двору, причем пользовались статусом, подобным дипломатическому».

Вместе с тем, не следует рисовать по поводу ситуации с международной торговлей и уж слишком идиллическую картину. У нас есть немало документов разных времен и из разных областей Ближнего Востока, где сообщается о нередких случаях нападения на торговые караваны и даже убийствах купцов. Особенно грешили этим кочевые племена Сирийской пустыни и горцы Загроса. Таким образом, в целом месопотамскую (в данном случае шумерскую) экономику можно рассматривать как земледельческо-скотоводческую, с подчиненным положением ремесла и торговли. В основе ее — натуральное хозяйство, кормившее только жителей города-государства и «власть предержавших». Лишь довольно скромная часть излишков сельскохозяйственной продукции и производимых в самой Месопотамии товаров (ткани и др.) шла на обмен с другими областями. Но осуществлялась эта внешняя торговля под контролем (и на средства) храма и дворца.

Идея. 55. Жрец в храмовой кладовс Оттиск цилиндрической печат

Выше уже говорилось о том, что в III тыс. до н.э. (прежде всего, в Ранне-династический период) вся территория древней Месопотамии от Багдада до Персидского залива была поделена между полутора десятками автономных «номов», или городов-государств.

Какова же была внутренняя структура этих маленьких примитивных государств — первых в истории человечества? «В Передней Азии периода ранней древности, — отмечает И.М.Дьяконов, — пределом общинно-государственной интеграции являлось то, что я, по египетскому образцу, в

1950 г. предложил называть „номом": это территория, которая, включая один, реже — два-три города... с их округой, ограничена определенными естественными условиями сравнительно небольшого масштаба». И далее, раскрывая внутреннюю структуру «номов» древней Месопотамии, он подчеркивает, что «территориальные общины, подобно домашним, входили в определенные иерархические структуры; несколько территориальных общин составляли общину-государство или группировались вокруг центральной общины-города; последняя имела то же самое административное устройство (народное собрание, совет старейшин, выборный вожьд-правитель города. — В.Г.)». Таким образом, по И.М. Дьяконову, основной территориально-политической единицей в эпоху ранней истории Ближнего Востока был «ном» — город и его населенная округа. «Территория, принадлежавшая городу-государству (или «ному». — В.Г.), — подчеркивает немецкий историк А. Шнейдер, — включала в себя земли от подножия холмов, где обосновались селения, до границ с другим ближайшим городом-государством, отмеченных с помощью рвов и пограничных знаков. Эта территория

ВА6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

частично представляла собой пахотную землю, частично пустые зоны в виде степных и болотистых участков. Каждое из селений данного города-государства имело свой храм; обычно главный храм находился в центре города... Известно, что Лагаш с глубокой древности имел около 20 храмов».

Типичный шумерский «ном» состоял из собственно города-столицы и его округи, которая включала в себя ряд подчиненных ему земледельческих селений различной величины, а также определенную территорию с садами, огородами, каналами, возделанными полями, пастбищами и пустошами в виде болотистых и степных участков.

Город, или столица «нома», — это, прежде всего, место пребывания правителя и его двора, местонахождение храма главного городского божества и обслуживающего его жречества, место сосредоточения знати, чиновников, воинов и обслуживающих их ремесленников и торговцев. Округа столицы не превышала в Шумере, судя по наблюдениям археологов в районе Урука, расстояния, которое может пройти за день в оба конца пешеход, т. е. в среднем 15 км. Границы «номов» оберегались от посягательств извне и были отмечены особыми знаками и сооружениями — памятными стелами, деревянными и каменными столбами, храмами и даже рвами. Вдоль пограничной линии часто оставляли пустынные полосы земли. В некоторых случаях такие границы проходили через своеобразные «буферные зоны» между соседними городами-государствами: непроходимые болота, обширные степные пространства, безводные участки пустыни и т. д. Если исходить из приведенных выше данных, то средняя территория «нома» составила бы около 900-1000 кв. км. Однако в действительности размеры известных нам по письменным источникам городов-государств были несколько больше. Правда, пока мы располагаем более или менее полными и надежными сведениями только для Лагаша. Это автономное государство занимало, по подсчетам И.М. Дьяконова, территорию до 3000 кв. км (из них — 1000 кв. км искусственно орошаемых земель) и состояло, помимо столицы, еще из 10 значительных селений и ряда более мелких. Максимальное их удаление от метрополии составляло до 45 км.

Два сектора экономики и три класса шумерского общества

Для понимания структуры древнемесопотамского общества большое значение имеют вопросы собственности и, прежде всего, собственности на землю — основную производительную базу архаичных государств. На Ближнем Востоке III-II тыс. до н.э. представлены обычно два различных сектора экономики: государственный и общинно-частный. К государственному сектору относились обширные хозяйства царя и храмов. «Хозяйство „государственного" сек-

ГЛАВА6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

тора велось на земле, хотя и принадлежавшей первоначально общинам в целом, но очень рано вычленившейся и превратившейся в прямую собственность царя и храмов... Первоначально задачей подобных хозяйств было создание общинного обменного и страхового фонда, и лишь позже они превращаются в основном в источник дохода царя и царской бюрократии. В этих хозяйствах применялся труд лиц, лишенных собственности на средства производства в пределах данного хозяйства и эксплуатируемых путем внеэкономического принуждения».

В состав государственного сектора экономики, помимо трудящихся, непосредственно создававших материальные блага, входили также царские служащие, профессиональные воины, мастера-ремесленники, чиновники. Многие из них могли практически достичь очень высокого положения в обществе, но пока они являлись только царскими служащими, они не обладали

гражданским полноправием.

Другой крупный сектор, противостоящий государственному, — «это сектор общинный, если рассматривать его с точки зрения собственности, или частный, если рассматривать его с точки зрения ведения хозяйства... Собственность общин и их членов была вполне независима от собственности государства».

Известно, что город на древнем Ближнем Востоке возникает и развивается из соседской общины. Следовательно, эволюция общины — этой важнейшей социально-экономической ячейки всего архаического общества — имеет существенное значение и для исследования истории города.

Ниже приведены наиболее важные выводы отечественных ученых (и прежде всего, И.М. Дьяконова) по поводу древневосточных общин.

1. Родоплеменная организация по мере развития производительных сил и разделения труда постепенно разлагается, распадаясь на «домовые» (больше-семейные) общины.
2. «Домовая» община — это хозяйство большой семьи, составляющей патриархальный род или входящей в таковой как его часть.
3. Однако, будучи недостаточно мощной единицей для самостоятельного существования на том уровне развития производства, «домовая» община входит, как правило, в более крупное общинное объединение, основанное на принципах соседства, в сельскую общину (шумерское *уру*, аккадское *аду*). Любопытно, что в Шумере и город, и любой, даже самый маленький, населенный пункт также назывались «уру», подобно сельской общине.
4. «Домовая» община является обязательной хозяйственной формой существования патриархальной семьи (или рода) и поэтому существует столько же времени, сколько и патриархальная семья (род), в том числе, и даже главным образом, в классовом обществе.

А 6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

5. «Домовая» община *владела* своими средствами производства, и власть в ней осуществлял патриарх — глава дома; но право *собственности* на землю осуществляла только сельская община. Это выражалось, во-первых, в регулярных переделах наделов земли внутри общины и, во-вторых, в участии представителей «домовых» общин во всех сделках по поводу земли.
6. Соседская (сельская) община управлялась собранием глав больших семейств («домовых» общин). «Впрочем, общинное самоуправление в условиях классового общества (и даже еще раньше...) обычно видоизменяется в том направлении, что существует совет старейшин, в который чаще всего входят уже не все главы домовых общин, а лишь главы наиболее богатых родов (родовая знать). Наряду с советом существует общее собрание всех свободных, носящих оружие. Оно, впрочем, играет обычно довольно пассивную роль при совете старейшин, поскольку большинство воинов находится в патриархальной зависимости от родовой знати».
7. Государство первоначально возникает в пределах общины или тесно связанных между собой общин. Сначала оно продолжает по форме управляться так, как община управлялась и раньше, — советом старейшин при участии народного собрания совместно с выборными вождем-жрецом и вождем-военачальником. Со временем военачальник постепенно узурпирует должность жреца и превращается в единовластного правителя, царя.
8. «Древняя сельская или городская община (это лишь формы одной организации) есть прежде всего гражданская организация полноправных свободных».

Что касается классового деления шумерского общества, то население типичного «нома» можно разделить на три основных группы, или класса: класс людей, владеющих средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других; класс людей, владеющих средствами производства и занятых производительным трудом; класс людей, не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом.

К первому классу относятся крупная знать (шумерск. *саг-суг*), высшее жречество и администрация общины (члены совета старейшин). «Эти люди обладали в порядке семейно-общинного или родового, а отчасти и индивидуального владения десятками и сотнями гектаров общинной земли, эксплуатируя клиентов и рабов. Особо следует отметить правителя (*энси, лугалья*), постепенно захватывавшего и храмовые земли».

Второй класс составляли свободные граждане (для III-II тыс. до н.э. в основном крестьянство) — члены домашних и территориальных общин, непосредственно и лично участвующие в

производстве и обладающие всеми гражданскими правами. Свободные общинники выделяли из своих рядов как представителей господствующего класса, так и обедневших и разорившихся людей,

ГЛАВА 6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

пополнявших класс эксплуатируемых. И.М. Дьяконов считает, что эта часть населения в целом

эксплуатации не подвергалась, а только платила обычные налоги и участвовала в общественных работах и повинностях.

К третьему классу относятся «древние подневольные люди рабского типа», куда, помимо собственно рабов, входили патриархально-зависимые лица (младшие родичи, клиенты), должники, царские работники («государственные илоты» — например, «гуруши» III династии Ура, получавшие натуральное довольствие и эксплуатировавшиеся на рабских началах, но не являвшиеся рабами юридически). Это класс, лишенный собственности на средства производства и эксплуатируемый внеэкономическим путем.

Экономика и общество Месопотамии в эпоху III династии Ура

Для более глубокого понимания сути экономических и социальных процессов в Месопотамии III тыс. до н.э. интересно ознакомиться с материалами периода III династии Ура — финальной эпохи в истории Шумера.

Первый властитель нового государства — Ур-Намму (21127-2094/93 гг. до н.э.) начал с организации ирригационных работ, в которых так нуждалась только что пережившая тяжелый кризис страна. Были построены новые мелиоративные и оросительные каналы в Уре, Эреду, Ниппуре и Лагаше.

Однако подлинным создателем экономической и государственной системы шумерского царства стал его сын — Шульги (2093-2046 гг. до н.э.). «Для царей новой династии — III династии Ура, — отмечает И.М. Дьяконов, — консолидация деспотической монархии облегчалась не только тем, что страна нуждалась в восстановлении и упорядочении оросительной системы, но и рядом исторических обстоятельств, связанных с предшествующим владычеством Аккадской династии и господством кутиев... На пути нового государства уже не стояли традиционные олигархические порядки в отдельных „номах" и традиционные династии правителей: в большинстве случаев к моменту прихода к власти Ур-Намму здесь правили назначенные сверху чиновники, а внехрамовая общинная структура была настолько расшатана и сами общинники настолько разорены, что воссоздание твердой системы государственного хозяйства должно было казаться крайне желательным, ее воссоздание было не только экономической необходимостью для возрождения страны; оно позволило бы обеспечить политическое и материальное благополучие для множества людей, которые могли надеяться на замещение должностей многочисленных администраторов, ремесленников или надзирателей царско-храмовых имений. Отсюда — широкая поддержка, которой, несомненно, пользовались как Уту-хенгаль, так и Ур-Намму и Шульги».

1ВА6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ УВИЛИЗИЛИИМ

Основой внутренней политики новой монархии стали принцип безусловной собственности царя на все храмовые и правительственные земли и принцип централизованного управления всеми областями страны. «Энеи» в это время превращается в назначаемого и сменяемого царского чиновника.

В государственно-правовом отношении держава III династии Ура представляла собой типичную древневосточную деспотию. Во главе ее стоял царь. Как владыки всей Месопотамии, цари III династии Ура были почти абсолютными монархами. Никакой независимый законный орган не стоял рядом с ними. Их окружали лишь чиновники, свободно сменяемые и назначаемые по царскому усмотрению. Само территориальное деление страны стало определяться не традициями «номовых» общин, а чисто административным удобством. Очертания каналов подсказывали разграничение административных областей, но теперь это были уже не «номы», а просто округа или наместничества, а их границы вовсе не обязательно должны были совпадать с границами прежних «номов».

Есть основания предполагать, что Шульги вообще попытался ликвидировать всякие следы общинного самоуправления. При нем все сколько-нибудь существенные судебные дела решал единолично царский чиновник — «энси». Но община сохранилась. Сохранился в целом и общинный фонд земель, годных для обработки, хотя он, конечно, не мог идти ни в какое сравнение с царской земельной собственностью, достигшей при III династии Ура колоссальных размеров (сюда входили и храмовые земли, полностью перешедшие под контроль царя). «Организация царского хозяйства при III династии Ура, — отмечает И.М. Дьяконов, — являла картину удивительно развитого и четкого бухгалтерского учета и контроля: до нас дошли десятки тысяч учетных документов, а архивы царских имений этого времени представляют настоящий триумф бюрократизма. Вся земля страны была определена по своему качеству, обмерена и сведена в земельные кадастры по округам, границы которых были точнейшим образом обозначены. В то же время государственные хозяйства или имения отдельных округов должны были поддерживать

между собой тесные связи и контролироваться из Ура. По рекам и каналам бурлаки тащили из города в город бесчисленные высоконосные тростниковые баржи с хлебом, мукой, связками тростника, сеном, финиками, лесом, камнем, кожами, тушами животных и т. п. По мере надобности из города в город перебрасывались и отряды царских работников. Постоянно разъезжали „посланцы", „вестники" и „гонцы" различных рангов, возившие с собой крошечные глиняные продовольственные аттестаты с записью полагавшегося им пайка в хлебе, масле, зелени и т. п.; разъезжали с царскими поручениями и „энси". Речь идет здесь не о торговле (которая была в основном международной), а о распределении и перераспре-

ГАВА6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ 1.ИВИЛИЗАЦ

делении продукции самих государственных хозяйств; при этом совершенно исчезает разнообразная номенклатура подневольных лиц Раннединастическо-го периода. Теперь все работники мужского пола обозначаются как „молодцы" (*гуруши*), или как „люди, объединенные в отряды" (*эрен*), а все работницы назывались „рабынями" (*теме*). И лишь внутри общей категории *гурушей* выделяются старшие полевые работники (*ангар*), виноградари, садовники, хлебопеки, мясники, ткачи, носильщики, смотрители за рощами и т. д. и т. п. и даже воины или стражники (*ага-уш*)...»

Помимо постоянной рабочей силы в лице *гурушей* государственное хозяйство пользовалось и трудом наемных работников, рекрутируемых, очевидно, из обедневших общинников. Но применение наемного труда было невыгодно: наемнику приходилось содержать семью, и его плата в ячмене была в 3-4 раза выше пайка *гуруша*. Поэтому наемников использовали только на срочных, временных работах, например на жатве.

Царские хозяйства обладали множеством больших мастерских, устроенных по принципу простой кооперации. Из документов известны мастерские кузнецов, золотых дел мастеров, плотников, резчиков по дереву, кожевников, ткачей, портных, корзинщиков, гончаров, пивоваров, хлебопек. В одном Лагаше насчитывалось 816 рабынь-ткачих, подчиненных четырем надзирателям, и действовали три мукомольни; на одной из них работало 325 *гурушей*. В особые государственные мастерские были объединены и художники, скульпторы, резчики по камню. Итак, важнейшую роль в экономической, политической, общественной и культурной жизни шумерского города-государства играли храм и дворец — две «великие организации», по выражению А. Лео Оппенгейма. «Основным источником дохода и дворца и храма, — подчеркивает он, — была земля. Доходы получали либо непосредственно, либо путем выплат в форме ренты и налогов. Кроме того, и ремесленные мастерские также приносили доходы. Немало их поступало в виде даров от верующих. Из уважения и страха перед царем союзники и данники вручали ему подарки. В руках центральной организации оказывались все доходы, и она распоряжалась ими. То, что не откладывалось на хранение, администрация распределяла в соответствии с порядком, который диктовался дворцу политическими соображениями, а храму — обычаями. Как храмовая, так и дворцовая администрация выделяла известную часть продуктов питания, а также одежду и другие вещи мелкому административному персоналу, который направлял, управлял и контролировал работы, поставки и платежи... И храм и дворец оставались хозяйствами: храм — бога, а дворец — царя. Считалось, что божество живет в своем храме: его нужно кормить, одевать и о нем нужно заботиться точно так же, как и о царе, который находится во дворце. Царь, так же, как и божество, был окружен своим штатом. Это

ВА6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ИВИЛИЗА1_1ИИ

соответственно были придворные или жрецы. Все они считали себя рабами своего повелителя».

На ранних этапах истории Шумера храмы и их хозяйства значительно превосходили по размерам и богатству царские владения. Их земельные угодья были огромными. Однако в действительности эти «великие организации» — храм и дворец — владели лишь частью земли, которую они сдавали в аренду исполщикам. Остальная земля была частной собственностью свободных граждан-общинников. «В древности, — отмечает С.Н. Крамер, — политическая власть сосредоточивалась в руках этих свободных граждан, и городской глава (правитель. — *В.Г.*), известный как „энси", был не более чем равный среди равных. В случае принятия жизненно важных для города решений эти свободные граждане созывались на „двухпалатную ассамблею", состоящую из верхней палаты „старейшин" и нижней палаты „мужей". По мере того как борьба между городами становилась все более жестокой, а также в связи со все большим давлением со стороны варварских племен к востоку и западу от Шумера, военное руководство стало насущной необходимостью, и царь, или, как он звался по-шумерски *лугваль* — „большой человек", — занял ведущую позицию. Первоначально, вероятно, это была выборная должность, и ассамблея назначала его для исполнения особых военных предприятий в критические для государства моменты. Но постепенно царская

власть с ее привилегиями и прерогативами стала наследственным институтом... Цари основали регулярную армию, где колесница — древний „танк" — служила главным орудием нападения, а тяжеловооруженная пехота атаковала в сомкнутом строю (фаланга). Поэтому с течением времени дворец стал соперничать с храмом в богатстве и влиянии».

Однако жрецы, цари с их персоналом, солдаты и чиновники составляли в конечном счете лишь малую часть городского населения. В основном же оно включало в себя земледельцев и скотоводов, корабелов и рыбаков, ремесленников и торговцев, врачей, архитекторов, строителей и др.

«Наиболее трудолюбивые мастера... — пишет С.Н. Крамер, — продавали изделия ручного труда на свободном городском рынке, взимая плату либо товаром, либо „деньгами", представлявшими собой, как правило, диски или кольца из серебра стандартного веса. Купцы вели бойкую торговлю, переезжая из города в город, а также путешествуя в прилежащие земли по морю». И какая-то часть таких купцов была, вероятно, частниками-одиночками, а не торговыми агентами храмов и дворцов.

Положение о том, что шумерская экономика была относительно свободной и что частная собственность — скорее правило, чем исключение, явно противоречит мнению некоторых зарубежных ученых о том, что «шумерский город-государство был тоталитарной теократией под началом храма, владевшего всей землей и полностью контролировавшего всю экономику. Тот факт,

ГЛАВА 6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

что подавляющее большинство табличек из Шумера досаргоновского периода (около 2400 г. до н.э.) представляют собой документы храмов Лагаша, содержащие инвентаризацию храмовых земель и персонала, привел ученых к неоправданному выводу о том, что вся земля Лагаша, как, по-видимому, и остальных городов-государств, являлась храмовой собственностью. Но справедливо и то, что есть целый ряд документов из Лагаша и прочих городов с четким указанием на то, что граждане городов-государств могли покупать и продавать свои поля и дома, не говоря уже о всякого рода движимой собственности. Так, например, в Фара и Бисмае были найдены несколько документов приблизительно 2500 г. до н.э. с записями о продаже недвижимости частными лицами, и это, несомненно, лишь малая толика того, что осталось в земле. Родом из Лагаша и каменная табличка, содержащая акт о продаже земли Эн-хегалю, царю Лагаша... из которой явствует, что даже царь не только не мог просто отобрать собственность по своей прихоти, но обязан был платить за нее... Из текста реформ Урукагины видно, что даже бедные и низкие сословия имели собственные дома, сады и пруды с рыбой».

«Что касается земли, не принадлежавшей храму... — отмечает С.Н. Крамер, — то документы показывают, что основной ее частью владела знать, то есть правители, их семьи и царская администрация. Этим знатым семьям часто принадлежали огромные поместья площадью в сотни гектаров и своим происхождением обязанные скупке земли у менее удачливых горожан. Обработка угодий велась клиентами или иждивенцами. Остальной землей, той, что не принадлежала ни храму, ни знати, владели обычные горожане, составляющие, вероятно, более половины населения. Эти свободные граждане составляли большие патриархальные семьи, патриархальные кланы и городские общины. Наследованная земля, находящаяся в собственности патриархальных семей с древнейших времен, могла быть отчуждена и продана, но только членом или членами семьи (не обязательно ее главой), действовавшими в качестве избранных представителей семейного сообщества».

Основной единицей шумерского общества была семья, члены которой были тесно связаны друг с другом узами любви, уважения и общими обязанностями. Брак организовывали родители, и помолвка считалась состоявшейся, как только жених подносил отцу невесты свадебный подарок. Помолвка часто подтверждалась контрактом, записанным на табличке. Хотя брак таким образом сводился к практической сделке, есть свидетельства того, что шумерам были не чужды и добрачные любовные связи. Женщина в Шумере наделялась определенными правами: она могла владеть собственностью, участвовать в делах, быть свидетелем. Но ее муж мог достаточно просто развестись с ней, а если она оказывалась бездетной, имел право завести вторую жену. Дети полностью подчинялись воле родителей, которые могли лишить их наследства и даже

ГЛАВА 6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

продать в рабство. Но в случае нормального хода событий их беззаветно любили и баловали, и после смерти родителей они наследовали всю их собственность. Если суммировать все сказанное выше о социальной и экономической организации, можно увидеть, что закон играл в шумерском городе большую роль. Начиная с 2700г. до н.э. мы находим акты о продажах, в том числе полей,

домов и рабов. От 2350 г. до н.э., то есть времени царствования Урука-гины в Лагаше, до нас дошел наиболее ценный и показательный документ истории человека и его постоянной и неуклонной борьбы за освобождение от тирании и угнетения. Это запись тотальной реформы всех бытовавших в то время наказаний, по большей части обязанных своим появлением вездесущей зловредной бюрократии, начиная с правителя и его придворных. В то же время документ разворачивает мрачную, зловещую картину человеческой жестокости по отношению к человеку на всех уровнях — социальном, экономическом, политическом и психологическом.

В ходе жестоких междоусобных войн между шумерскими «номами» и в результате их трагических последствий граждане Лагаша лишились многих своих политических прав и свобод, поскольку правители города ради высоких «государственных» интересов сочли необходимым урезать личные права каждого отдельного гражданина и задавить его бесчисленными налогами и поборами. «Ссылаясь на войну, — пишет С.Н. Крамер, — они избежали серьезного сопротивления. А овладев положением, дворцовая камарилья проявила крайнее нежелание расставаться с государственным контролем, даже в мирное время, ибо это оказалось крайне выгодно.

Действительно, эти древние бюрократы нашли множество источников дохода и обогащения, налогов и пошлин — поистине на зависть их современным коллегам. Граждан бросали в тюрьму под ничтожным предлогом: за долги, неуплату налогов или по сфабрикованным обвинениям в краже и убийстве».

И вот новый правитель Лагаша Урукагина и его соратники провели радикальную реформу по исправлению допущенных перекосов в социально-политической и экономической жизни своего города. «До Урукагины... — говорится в древнешумерском тексте, — дворцовые распорядители практиковали такие оскорбления, как захват, вероятно безо всяких на то прав и полномочий, собственности граждан Лагаша: их ослов, овец и рыбы. С других граждан неким косвенным образом взимали поборы с товаров и имущества, вынуждая мерить свое продовольствие во дворце к их крайне невыгоде... Если человек разводился с женой, *энси* получал пять шекелей, а его визирь — один. Если парфюмер готовил средство на масле, *энси* получал пять шекелей, визирь — один, а *абгаль* (дворцовый управляющий) — еще один шекель. Что касается храма и его имущества, *энси* забирал его себе... Даже смерть не могла уберечь от налогов и пошлин. Когда покойника

приносили на кладбище для погребения (было два
ГЛАВА 6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

вида кладбищ — обычное и так называемое „травы Энки“), находилось достаточно чиновников и паразитов, сделавших статью дохода свое присутствие, чтобы избавить семью усопшего от некоторого количества ячменя, хлеба, финикового вина и кое-каких предметов. По всей стране, из конца в конец, сновали сборщики налогов...» Неудивительно поэтому, что дворец правителя (*энси*) поражал своей роскошью и богатством.

Народ испытывал неимоверные страдания. Ремесленники и их подмастерья впали в крайнюю нищету и были вынуждены просить подаяния. Слепых — военнопленных и рабов — хватили и заставляли с утра до вечера работать на полях, а нищи давали ровно столько, чтобы они не умерли. «Те, кто обладали властью и влиянием, уничтожали нищих, бедняков, сирот и вдов и лишали тем или иным путем той малости, что у них еще оставалась».

И здесь, в самый драматический момент, явился спаситель — Урукагина. По мнению современников, он своими реформами лишь выполнял волю и пожелания покровителя Лагаша — бога Нингирсу. Он прекратил произвол чиновников и сборщиков налогов, положил конец несправедливости и эксплуатации по отношению к бедным. Урукагина амнистировал и освободил граждан города, помещенных в тюрьмы за долги или невозможность уплатить налоги или по сфабрикованным обвинениям в краже и убийстве. Наконец, в указах Урукагины мы видим несколько положений, имеющих большое значение для истории нрава. «Там сказано, что особый упор делался в шумерских судах на необходимость оформления всех дел в письменной форме с указанием вины, за которую человек понес наказание. Так, вора и двуженную жену следовало побивать камнями... женщине, согрешившей тем, что сказала мужу что-то такое, чего не должна была говорить... следовало выбить зубы об обожженный кирпич, на котором, предположительно, была изложена ее провинность».

Следующим законодателем, от которого остались какие-то письменные свидетельства, был Ур-Намму — основатель III династии Ура, пришедший к власти около 2105 г. до н.э. Из этих документов следует, что в конце III тыс. до н.э. принципы «око за око» и «зуб за зуб» уступили место гораздо более гуманному подходу, когда в качестве наказания взимался денежный штраф. Например: «Если человек отсек... инструментом стопу другого человека... он платит 10 шекелей

серебром».

Несмотря на то что Шумер был практически лишен металла, камня и леса, его ремесленники были самыми искусными в древнем мире той эпохи. Мы имеем достаточно полное представление о том, как работали шумерские художники и ремесленники, благодаря одной клинописной табличке, найденной Л. Вулли в Уре. На ней перечислены восемь мастерских: это «дома» скульптора, ювелира, огранщика, плотника, кузнеца, кожевника, ткача и изготовителя

ВА6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

корзин. «Первым по списку значится скульптор, чьей работой было выполнение фигурок и других небольших предметов из слоновой кости и ценных пород древесины». В течение одного года только на такие изделия, как статуэтки людей, маленьких птичек, шкатулок и колец, было потрачено почти 10 кг слоновой кости. «Ювелир работал в основном по золоту и серебру, хотя имел дело также с самоцветами, такими как ляпис-лазурь, сердолик и топаз. Он превосходно выполнял металлоплавильные работы с трех- и четырехчастными формами и чеканил металлические листы, наложенные на деревянную основу, исполняя рельеф или штампую. Он знал, как соединить кусочки серебра или золота при помощи штифтов, клепки и пайки, и был экспертом по филиграну и зерни...

Плотники всегда были многочисленны в Шумере, ибо, несмотря на дороговизну древесины, ее широко использовали для изготовления всевозможной мебели, а также судов, повозок и колесниц». Для своих изделий плотники-столяры использовали самые различные породы деревьев: дуб, пихта, ива, кедр, шелковица, тamarиск и платан.

«В перечень металлов, использовавшихся в кузнице, согласно нашей табличке, входят почти все известные в то время металлы: золото, серебро, олово, свинец, медь, бронза... Работы по меди были чрезвычайно развиты уже в начале III тысячелетия до н.э. Знали не только медное литье, но и другие техники, как, например, чеканку, филигрань, зернь. Кузнец, мастер по металлу, имел в своем распоряжении особые мехи, ручные или ножные, для поднятия температуры в горне до градуса плавления меди. В качестве топлива использовали дерево и тростник, и, чтобы расплавить фунт меди (400 г), требовалось два фунта дерева и три „вязанки" тростника, либо шесть „вязанок" тростника, если не было дерева. Самыми распространенными предметами из бронзы и меди были инструменты — мотыги, топоры, резцы, ножи и пилы; оружие — наконечники для стрел, пики, мечи, кинжалы... кроме того, изготавливались сосуды, гвозди, булавки, кольца и зеркала». Изготовление тканей было, вероятно, самым развитым видом ремесленной деятельности в Шумере и самым важным с коммерческой точки зрения. Именно за свои шерстяные ткани и зерно шумеры и получали необходимые им виды сырья из ближних и дальних областей. Громадные стада овец и коз выращивались для получения шерсти. Для ее прядения имелись прялки. Ткали на горизонтальных и вертикальных станках. Работа была довольно трудоемкой. Например, для изготовления куска ткани размером 3,5 x 4 м группа из трех женщин должна была трудиться не менее восьми дней.

Транспортные средства шумеров состояли из вьючных животных, повозок, саней и судов. Сани использовались, вероятно, для перевозки очень тяжелых грузов, таких, как большие каменные глыбы. Повозки были и четырехко-

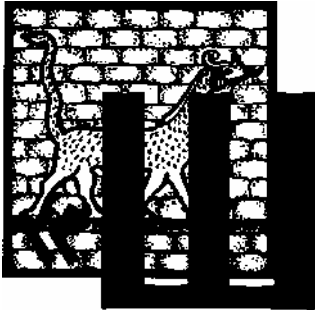
ГЛАВА6. СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

лесные и двухколесные, и везли их обычно вола. Колесницы были довольно тяжелы, малы по размеру, и тянули их онагра. Легка и эффективна была доставка грузов на судах: одна ладья весом чуть более пяти тонн могла вместить груз весом сто *мин* (10 тонн). Были также очень большие суда, которые строили из дерева на специальных верфях, и использовались они для дальних морских путешествий в Мелухху (Индия?) и Дильмун (Бахрейн).

Таким образом, экономическая жизнь шумерского города зависела в основном от трудолюбия и мастерства земледельцев, ремесленников и торговцев, словом — от рядовых горожан.

ГЛАВА 7

ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

умерская цивилизация, — отмечает С.Н. Крамер, — по характеру была преимущественно городской, хотя и основывалась скорее на сельском хозяйстве, нежели на промышленности». Страна Шумер в III тыс. до н.э. состояла из дюжины городов-государств, в каждом из которых был обнесенный высокой стеной город, окруженный прилегающими деревнями и поселениями. Отличительной особенностью каждого города был главный храм, расположенный на высокой террасе, постепенно перерастающей в массивную башню с уступами, зиккурат, самый характерный шумерский вклад в культовую архитектуру.

Таким образом, город в Шумере находился в самом центре всей экономической, социальной, политической и религиозной жизни страны.

Вместе с тем, нужно еще раз подчеркнуть специфический характер этих ранних городов, так не похожих на современные. «Следует учитывать, — пишет И.М. Дьяконов, — что город в древности всегда был центром не только и даже не столько ремесла и торговли, сколько сельскохозяйственного производства». Если исходить из шумерских мифов и преданий, то строительство первых городов было делом рук богов. И совсем не удивительно, что первые пять таких городских центров, появившихся столь необычным способом («божьих рук работа»), названы в древних текстах «святилищами», где отправляли культы важнейших богов шумерского пантеона:

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР >

Когда... царская власть спустилась с небес, Когда возвышенная тиара и царский трон спустились с небес, Он (бог Энлиль. — *В.Г.*) создал обряды и высшие божественные законы...

Он основал пять городов в... священных местах.

Он дал им имена и сделал их главными святилищами.

Как же все обстояло в действительности? Каким образом и когда появились первые города Шумера?

К сожалению, проследить в деталях процесс урбанизации как таковой в древней Месопотамии мы пока не можем. Города возникли там очень рано, и ряд их названий восходят к языку, на котором в этом регионе говорили еще до появления шумеров и аккадцев. Города вырастали вокруг царских резиденций, торговых поселений и портов, некоторых святилищ и источников воды.

Определяющим фактором для дальнейшего социально-экономического развития страны и особенно для процесса урбанизации послужило, по мнению И.М. Дьяконова, окончательное сложение в Шумере сети магистральных каналов, которая сохранялась в Месопотамии без коренных изменений до середины II тыс. до н.э. «С сетью главных каналов были связаны и основные центры образования государств — „города“. Они вырастали на месте первоначальных групп деревень, которые концентрировались на отдельных осушенных и орошенных площадях, отвоєванных у болот и пустыни еще в предшествующие тысячелетия. „Города“ образовывались путем сселения жителей покидаемых деревень в центр. Однако до полного переселения всей округи в один „город“ дело чаще всего не доходило, так как жители такого „города“ не могли бы обрабатывать поля в радиусе более чем 15 км и уже освоенную землю, лежавшую за этими пределами, пришлось бы бросить. Поэтому в одной округе возникало обычно три-четыре или более связанных между собой „города“, но один из них всегда был главным: здесь располагались центр общих культов и администрация всей округи. Такую округу по образцу соответствующего греческого термина, привившегося в египтологии, можно условно назвать „номом“; по-шумерски она называлась „ки“».

Таким образом, основной территориально-политической единицей в эпоху ранней древности в Месопотамии был «ном» — город и его населенная округа. Город при этом всегда выступал как хозяйственный, политико-административный и культовый центр определенного района или округи. Округа «нома» всегда была населенной и включала в себя не только «пустые» земли (пашни, сады, угодья), но и зависимые от столицы земледельческие поселки и даже более крупные

населенные пункты. Так, на землях «нома» Лагаш помимо столицы имелось еще свыше десятка крупных, обнесенных стенами селений и большое число мелких деревень.

АВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР

Однако исследователи не могут пока выделить из общей массы шумерских поселений иные города, нежели столицы «номов». И это, видимо, не случайно. В древней Месопотамии все населенные пункты, от гигантских городов-метрополий до крохотной деревушки из нескольких домов, обозначались одним термином (шумерск. *иги* — «уру», аккадск. *alu* — «алу»), служившим, вероятно, эквивалентом понятия сельской общины. По данной причине И.М. Дьяконов типологически, в качестве городов, предлагает выделить пока лишь те более крупные центры (*иги*, *алу*), которые имели вокруг себя группу других подчиненных селений меньшего значения и меньшей величины.

Городу как таковому всегда свойственно отправление разного рода специфических функций для определенной, более широкой, чем он сам, территории — функций управленческой, культовой, торговой и др. Но суть состоит в том, что на ранних стадиях развития города все эти функции были, по-видимому, неотделимы друг от друга и сосредоточивались, как правило, в пределах одного столичного («номового») центра.

Как уже отмечалось выше, главным архитектурным объектом любого шумерского города был храм бога-покровителя данного «нома». Но думать на этом основании, что единственной функцией городских центров шумеров была культовая, значит впасть в глубокое заблуждение. Прямо по соседству с главным городским храмом, на «священном участке» (теменосе), располагался хорошо укрепленный и обширный царский дворец. А вокруг этого политико-административного, хозяйственного и культового ядра (храм-дворец) города теснились кварталы глинобитных домов — место обитания рядовых горожан: земледельцев, рыбаков, ремесленников, торговцев и др.

Разнообразные функции шумерского города хорошо отражены в древних мифах, гимнах и поэмах, посвященных древнему городу Ниппуру.

Это, во-первых, функция военная, оборонительная (город — крепость, убежище):

Город! Лик его излучает ужас!

Его степы! К ним и бог не подступится!

За стенами — гул, кличи жаждущих битвы,

Кличи военного становища!

Он — западня для стран враждебных,

он ловит их ловушкой и сетью!

Это, во-вторых, функция административная, управленческая — поскольку город был резиденцией правителя (*энси*, *лугалья*), чиновников, судей, органов городского самоуправления и т. д.

Спорщикам он (город. — *В.Г.*) не продлит жизни,

В суде хулы не позволит молвить,

⁴⁹

!»

И внутри, и снаружи — речей неверных-Слов вражды, нарушений, споров, злобных судей и угнетенья, злобных взглядов, насилия, доносов, наглости, измены слову — подобной мерзости не знает город...

И, наконец, бесспорно, функция ритуального центра, функция культовая:

Принимают там жертвы, грехи отпускают! Верховный жрец возвеличен с храмом, Источники храма сильны в исцеленье, Его жрецы совершенны в обрядах, Его служители чисты в молитвах...

Город как столица город а-государства («нома») был и местом расположения храма верховного божества — покровителя всех членов городской общины и государства в целом:

В городе, священном селенье Энлиля,

В Ниппуре, святая святых Отца, Могучего Утеса,

Цветущее капище, Экур, храм лазурный,

Из праха вознес он, как гору высокую,

На чистом месте его возвел...

Меньше всего, естественно, должна была отразиться в подобного рода источниках (мифы, гимны, предания, эпические поэмы) экономическая сторона жизни шумерского города. Но исходя из всей совокупности имеющихся на сегодняшний день данных можно говорить о том, что город служил и важным хозяйственным центром своего «нома» как место концентрации и перераспределения излишков сельскохозяйственной продукции и как средоточие ремесла и торговли (обслуживавших, правда, в основном лишь верхушку шумерского общества). «Городов как центров ремесленной и торговой деятельности на Древнем Востоке было мало, — пишет грузинский историк Т.В. Коранашви-ли. — Часть их возникала на международных торговых путях; в основном же города были резиденциями деспотов, жрецов, чиновничества, армии».

В условиях отсутствия денег и товарного производства горожане вынуждены были в основном кормить себя сами — с приусадебных участков и окружающих город полей. «Это были города, — отмечает известный археолог из США Р. Мак Адаме, — того рода, какой редко встретишь сейчас: они существовали за счет сельскохозяйственной продукции, которую в основном давало их же собственное население».

Важную роль в процессе формирования древних городов Месопотамии сыграли храм (и стоящее за ним жречество) и дворец (царская власть).

ВА7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

Планировка и структура месопотамского города

В каждой цивилизации урбанизация как социальное явление порождает характерный для этой цивилизации тип городского поселения.

Наиболее полное описание планировки древнемесопотамского города приводит в одной из своих работ А. Лео Оппенгейм: «Типично шумерский город и, вероятно, большинство городов, созданных в позднейший период, состоял из трех частей. Прежде всего — из самого города».

Это была окруженная стеной территория, на которой находились храм или храмы, дворец с резиденциями придворных и жилища горожан. Центр управления городом находился у «ворот» (в больших городах их было несколько), где происходили собрания горожан или собрания жителей данного квартала и отправлял свои обязанности градоправитель. К каждому «воротам» был приписан определенный квартал города.

Далее шел «пригород», по-шумерски «внешний город», с домами, пастбищами, полями и садами, обеспечивавшими город продуктами питания и сырьем.

Третьей частью города был район пристани (*кар* — в шумерском и *кару* — в аккадском) — центр коммерческой деятельности, в особенности той, что была связана с внешней торговлей.

«Конечно, деление города на три части нельзя проследить везде; мы должны учитывать индивидуальные различия, создаваемые особыми обстоятельствами и поворотами истории.

Заслуживает внимания город Сиппар, находящийся на окраине зоны урбанизации и почитавшийся старейшим из вавилонских городов; он, вероятно, служил торговыми „воротами“, через которые кочевники-овцеводы из пустынь общались с жителями урбанизированного района, расположенного вдоль Евфрата. Кажется, наиболее важные кочевые племена имели постоянные стоянки возле Сиппара, а возможно, и сам город состоял первоначально из нескольких именно таких стоянок-„факторий“... Нетипичным был и Ниппур в центре Вавилонии, который, подобно Сиппару, никогда не был резиденцией какой-либо династии и не имел сколько-нибудь значительного правителя... Ниппур, особенно в ранний период, считался священным городом».

Наши знания о планировке раннего месопотамского города очень отрывочны и неполны.

Практически ни один город не был раскопан целиком или достаточно широкой площадью. Если учесть, что толщина отложений со следами человеческой деятельности («культурный слой») в таких городах составляет, как правило, 10, 15 и даже 20м, то такие работы потребовали бы слишком много времени и денег. Поэтому обычно в ходе исследований археологи раскапывают в городах лишь центральные их участки, где находились

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛД

наиболее важные общественные здания — храмы и дворцы. Именно в них и встречаются, как правило, самые эффектные находки — каменные рельефы, скульптура, архивы с клинописными табличками и т. д. С другой стороны, дома рядовых горожан, ремесленные мастерские, торговые лавки изучались лишь в единичных случаях. Учитывая эти обстоятельства, можно представить теперь почему ученые все еще не могут дать ответ на многие интересующие нас вопросы.

Поэтому особенно интересен дошедший до наших дней план города Нип-пура, сделанный на глиняной табличке еще около 1500 г. до н.э. На этом плане отчетливо показаны все важнейшие, по представлениям обитателей Месопотамии того времени, черты древнего города: крепостные стены, ворота, реки и каналы и важнейшие элементы архитектурной застройки — храмы и святилища.

Археологические исследования и клинописные тексты подтверждают, что в центре каждого шумерского города находился «священный участок» (*теме-нос*), специально огороженное, выделенное из общей застройки место, где были сосредоточены храмы наиболее почитаемых богов городской общины и дворец правителя. Вокруг *теменоса* группировались кварталы жилых домов основной массы горожан. Обычный шумерский дом был небольшой одноэтажной постройкой из сырцового кирпича, состоящей из нескольких комнат, которые обрамляли открытый внутренний дворик. Зажиточные горожане имели и двухэтажные дома с более чем десятком

комнат.

Характерно, что наиболее значимые пункты городской среды — стены, ворота, центральная площадь, храм и т. д. — в символической практике приобретают множество вариантов осмысления и оказываются способными замещать или олицетворять весь город в целом. «Стены городов на древнем Ближнем Востоке были не только демаркационной линией между городом и открытым пространством или заранее подготовленной линией обороны — ими определялся весь характер городской архитектуры. Высота, длина и расположение стен свидетельствовали о значении и могуществе города, а монументальность ворот демонстрировала его богатство. Размеры сооружений должны были производить большое впечатление на посетителя и внушать страх врагам. Тщательно ремонтируемые стены отдавались под защиту божества, и им давались длинные, призывающие божественную помощь названия. Монументальная конструкция ворот была связана также с тем, что возле них находился как бы „гражданский центр“. Здесь, вероятно, на примыкающей к воротам изнутри города площади, собиралось и принимало решения собрание, а градоправитель управлял городом, или по крайней мере той его частью, к которой примыкали ворота. На этом месте победоносный завоеватель обычно ставил свою статую, для того чтобы все помнили о необходимости хранить ему лояльность».

ГЛАВА 1. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

О внешнем виде и архитектурном силуэте месопотамского города можно сказать пока очень немного. Сохранилось мало изображений конкретных, поддающихся идентификации городов; большинство их на ассирийских рельефах безнадежно схематизировано и дает слишком мало материала. Но даже там прослеживается разница между городом, окруженным стеной, и более низкими домами пригорода; можно разглядеть монументальные ворота, стены с башнями и зубцами, часто образующие двойную систему укреплений. В редчайших случаях мы видим, что особенности конкретного города воспроизводятся с ценными деталями: например, общий вид Вавилона на поврежденной каменной плите или же рельеф с изображением захваченного ассирийцами Мусаси-ра — столицы Урарту.

Немногие города Месопотамии имеют яркие топографические отличия, такие, как, например, Ашшур, стоявший на скале, на которую приходилось подниматься по монументальной лестнице или же Вавилон, выделявшийся своими огромными размерами, мостом, перекинутым через Евфрат и высотой своей знаменитой ступенчатой башни. «Города, расположенные на равнине, и новые города с их одно- или двухэтажными домами, без окон, под плоскими крышами, с храмовыми башнями, верх которых покрывался голубой глазурью, и бесконечными кирпичными стенами, усеянными зубцами и башнями, коренным образом отличались от городов-цитаделей предгорных и горных районов, размещавшихся на вершинах холмов и окруженных сложными оборонительными сооружениями... Лабиринт улиц, переулков и тупиков внутри оборонительных стен был полон делового жужжания людей... Шум и оживление городского дня, непрерывное движение вечно спешащих людей давали поэтам возможность эффектно сравнивать дневную суету с тихими ночами, когда город погружался в сон за запертыми воротами под звездным небом. Только ночные сторожа обходили улицы». И хотя это описание А. Лео Оппенгейма относится к более поздним городам вавилонского и ассирийского времени, оно вполне применимо и к шумерскому городу, который по сути почти ничем не отличался от своих молодых собратьев.

Размеры и численность населения

Данные о численности населения городов Месопотамии, приводимые в древних текстах, столь неопределенны и противоречивы, что их никак нельзя признать надежными. Поэтому некоторые современные исследователи пытаются найти иные, основанные на конкретных показателях, пути для подобного рода расчетов. Так, американец Г. Фрэнкфорт установил, что в ходе раскопок жилых кварталов шумерских городов Ур, Эшнунна (совр. Телль-Асмар) и Хафадж выявилась следующая картина: на 1 га площади приходилось в

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР

среднем до 50 домов, и, следовательно, на один дом - 200 кв. м. Далее, исследователь предположил, что население каждого такого жилища составляло условно 6-10 человек, включая детей и слуг. Следовательно, средняя плотность населения в городе на 1 га застроенной площади будет равна 300-500 человек (средняя — 400). Чтобы усилить свои выводы, Г. Фрэнкфорт сослался и на пример двух современных ближневосточных городов, во многом сохранивших еще свой архаический средневековый облик, — Дамаск и Алеппо. Там средняя плотность населения составляла примерно 400 человек на 1 га что полностью совпадало с его прежними цифрами. По мнению этого американского ученого, мы можем поэтому, зная лишь общую площадь древнего города, приблизительно вычислить и количество населявших его когда-то людей (умножая

каждый гектар городской территории на 400 человек). Отсюда получается, что Ур, например, имел в конце III тыс. до н.э. площадь в 89 га и, следовательно, около 34 000 жителей (правда, у разных исследователей эта цифра колеблется от 360 000 до 10 000 человек). Город Лагаш имел 19 000 жителей, Умма - 16 000, Эшнунна - 9000. Самым крупным городом Шумера в Раннединастический период был, по-видимому, Урук с его обнесенной стенами территорией в 440 га. Правда, численность его населения в работах разных авторов разная: от 75 000 до 200 000 человек. Вся условность таких расчетов настолько очевидна, что вряд ли приходится принимать их серьезно во внимание. Без широких раскопок территории древних городов и без знания характера жилой застройки и общей планировки на каждом конкретном городище получить сколько-нибудь объективные цифры, конечно, нельзя. И.М. Дьяконов совершенно прав в своей критике подобных расчетов. «Данные, имевшиеся у Г. Фрэнкфорта, — пишет он, — недостаточны для того, чтобы судить о средней величине жилых домов в городе и их заселенности; неизвестно, какую площадь нужно отвести на дворцы и храмы и какое количество населения жило на их территории; плотность населения в кварталах, где находились тростниковые хижины, в которых, вероятно, ютились рабы, и в тех кварталах, где были расположены дома свободных, не могла быть одинаковой; наконец, невозможно определить сами границы этого города (Лагаша. — *ВТ.*) в древности. При этих условиях ошибка в расчетах может оказаться значительно более 100%». Российский же ученый, исходя из критического анализа сведений письменных источников, приводит нам примерные данные о численности населения двух шумерских «номов» — Лагаша и Шуруппака. Первый из них занимал в III тыс. до н.э. территорию до 3000 кв. км (в том числе до 1000 кв. км орошаемых земель). Общая численность свободного населения этого «нома» составляла от 120 000 до 180 000 человек.

В документах из Шуруппака имеются интересные данные и о численности его населения.

«Гурушей, ходящих на войну и входивших в состав... гарни-
ЗА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

зонов, размещенных по городам Урукского военного союза, было человек 670-680. Еда участникам народного собрания выдавалась на 1612 человек, но сюда входили и лица, сопровождавшие своих господ: 39 мальчиков, 47 слуг-оруженосцев и 39 рабынь; итого полноправных мужчин (возможно, глав семей) было 1487; вероятно, сюда не включены воины гарнизонов, хотя, как показывает один из документов, и они относились к числу „ходящих на народное собрание". Таким образом, общее число последних могло доходить до 2150 и более. В других документах приведены общие цифры гурушей — 6580 и 8970; это, вероятно, общее число мужчин, включая и не являвшихся самостоятельными хозяевами, а также храмовый персонал. Общее население „нома" обоего пола и всех возрастов должно было составлять *тысяч пятнадцать-двадцать*, из которых, несомненно, более половины было связано с храмом*.

Мне кажется вполне оправданным дать здесь более подробное описание одного хорошо изученного археологами шумерского города — Ура.

Ур халдеев

На фоне других шумерских городов звездой первой величины был, безусловно, Ур, расположенный в низовьях Евфрата, неподалеку от современного иракского города Эн-Насирийя. Не случайно его название так часто упоминается в эпических поэмах и гимнах III тыс. до н.э.:

О город, всем обеспеченный, Омываемый водами неиссякаемыми, Незыблемый бык,
Помост изобилия страны, Зеленая гора, Город, чьи судьбы определил Энки, Святилище Ур, да вознесешься ты до небес!

Но шли века. Евфрат изменил свое русло и ушел от городских стен почти на 16 км. Ур быстро захирел и превратился в груду развалин. Случилось это в IV в. до н.э.

Со временем были забыты не только многие яркие страницы истории города, но даже и его местонахождение. Еще совсем недавно наши сведения об Уре ограничивались лишь несколькими туманными цитатами из Библии, да ассиро-вавилонскими клинописными текстами, созданными много веков спустя после исчезновения шумеров. Мы знаем, например, что в XVIII в. до н.э. вавилонский царь Хаммурапи подверг восставший город ужасающему разгрому. «Скорбная песнь Ура», или «Плач об Уре» сообщает нам об этом печальном событии, сравнивая его с бурей, насланной на горожан богом Эн-лилем:

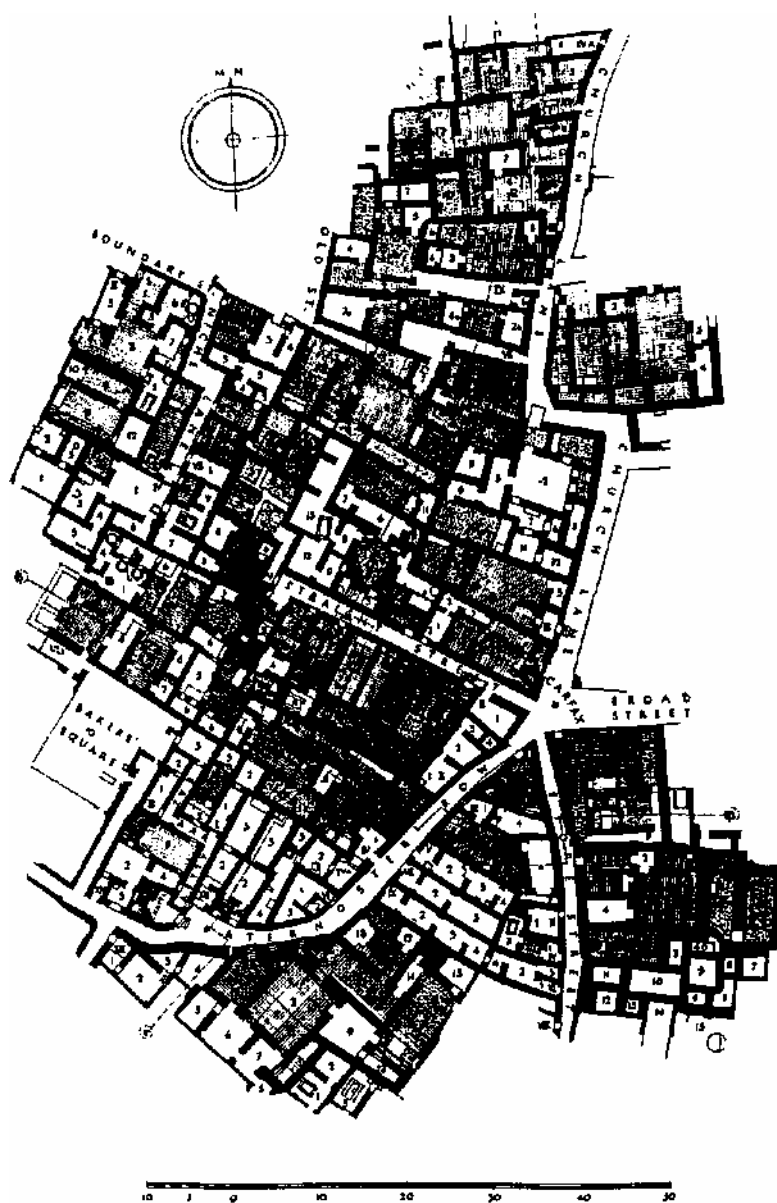

Илл. 56. Улица с жилыми домами в Уре. Вид после раскоп

Буря, вызванная разгневанным Энлилем,
Буря, уничтожившая страну,
Накрыла Ур словно платком, окутала его словно саваном...
О, отец Наина (бог Луны, покровитель Ура. — *В.Г.*), этот город
превратился в развалины!

Видимо, именно в эти годы покинули поверженный Ур Авраам и его семья. После этого эпизода Библия больше уже не упоминает об Уре. Город заново открыл в 1854 г. английский консул в Басре Д.Е. Тейлор. Однако к широким раскопкам древнего Ура археологи смогли приступить лишь много лет спустя: как уже говорилось выше, с 1922 по 1934 г. здесь успешно работал англичанин Леонард Вулли. Он изучал в основном центральную часть огромного городища. Драгоценные свидетельства былой жизни исчислялись многими тысячами. Большая их часть хранится ныне в Иракском музее Багдада, в специальном шумерском зале*. Мне неоднократно приходилось бывать там.

* О современной ситуации с коллекциями Иракского музея в Багдаде см. в заключительной главе данной книги.

Ялл. 57. Яла« раскопанных жилых кварталов в Уре
 ГЛАВА I. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

И каждый раз, глядя на сверкающую грудку золотых и серебряных изделий, укрытых за стеклами музейных витрин, я не мог отделаться от мысли, что все это археологическое богатство, вырванное из своего естественного окружения, выглядит как-то уж очень обыденно и статично. Теперь оставалось лишь гадать, как смотрелась та или иная вещь в сумраке только что вскрытой гробницы или в руинах глинобитного дома.

«Лучше один раз увидеть», — гласит известная поговорка. Ур является на сегодняшний день одним из самых археологически изученных шумерских городов. О нем говорится во многих текстах Ш-Птыс. до н.э. Поэтому мысль посетить этот древний город и увидеть его внушительные укрепления, пышные храмы и дворцы, о которых так красочно рассказывают глиняные клинописные таблички Двуречья, была вполне естественной.

И вот ранним мартовским утром наш экспедиционный ГАЗ-69, деловито пыхтя, вскарабкался на крутой глиняный откос за зеленой лентой Евфрата, и мы увидели, наконец, то, что осталось от древнего Ура. На голой желтовато-серой равнине смутными тенями маячило несколько групп больших и малых холмов; там и сям виднелись какие-то непонятные впадины, рытвины и ямы. Здесь не было и намека на некогда грозные оборонительные укрепления — зубчатые глинобитные стены и башни, «подобные желтой горе». Не было здесь и храмов с дворцами. Бесследно исчезли даже массивные купола кирпичных царских гробниц, раскопанных Леонардом Вулли несколько десятков лет назад.

Что и говорить, даже для искушенного специалиста-археолога зрелище явно непривлекательное! К тому же с юга, с Аравийского полуострова, задул знойный ветер хамсин, принося с собой тучи мельчайшего песка и пыли. Приближалась песчаная буря. Но мы решили не отступить и, развернув схематический план Ура, смело двинулись вперед, вслед за добровольным арабским гидом — местным сторожем Ахмедом. Экскурсия по древнему городу началась.

Священный участок Ура

Мы медленно поднимаемся по широкой лестнице из ста ступеней на плоскую вершину ступенчатой башни зиккурата — самого высокого здания города. Жарко и душно. Сквозь желтую завесу пыли нестерпимо печет полуденное солнце. Но зато отсюда, почти с двадцатиметровой высоты, открывается великолепный вид на всю территорию городища. Справа, у подножья зиккурата, хорошо видны фундаменты и стены дворцового комплекса правителя Шульги, жившего в конце III тыс. до н.э. Неподалеку — глубокий котлован старого раскопа Л. Вулли и район исследованных им же царских гробниц. А дальше, уже за пределами

183

ГЛАВА I. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

ритуально-административного центра Ура, или «священного участка» (темено-са), чуть заметной желтой массой выступают лабиринты жилых кварталов. Все видимые нами сейчас постройки относятся к разным эпохам: здесь и III и

II тыс. до н.э. Но большинство датируется концом III тыс. до н.э. — эпохой наивысшего расцвета Ура в период правления его III династии.

В течение столетия, с 2106 по 2003 гг. до н.э. Ур стал столицей обширного и могучего государства, включавшего в свои пределы почти всю Месопотамию и ряд соседних с ней областей. Сюда стекались захваченные в войнах богатства, а искусные мастера без устали возводили все новые храмы, дворцы и монументы. Правда, честь такого строительства всегда приписывали себе цари, и особенно самый известный из них — Ур-Найму: «Во славу владычицы своей Нингаль, Ур-Намму, могучий муж, царь Ура, царь Шумера и Аккада, воздвиг сей великолепный Гипар», — читаем мы на глиняном конусе клинописное посвящение в честь закладки нового храма. Его дело продолжали и другие представители III династии.

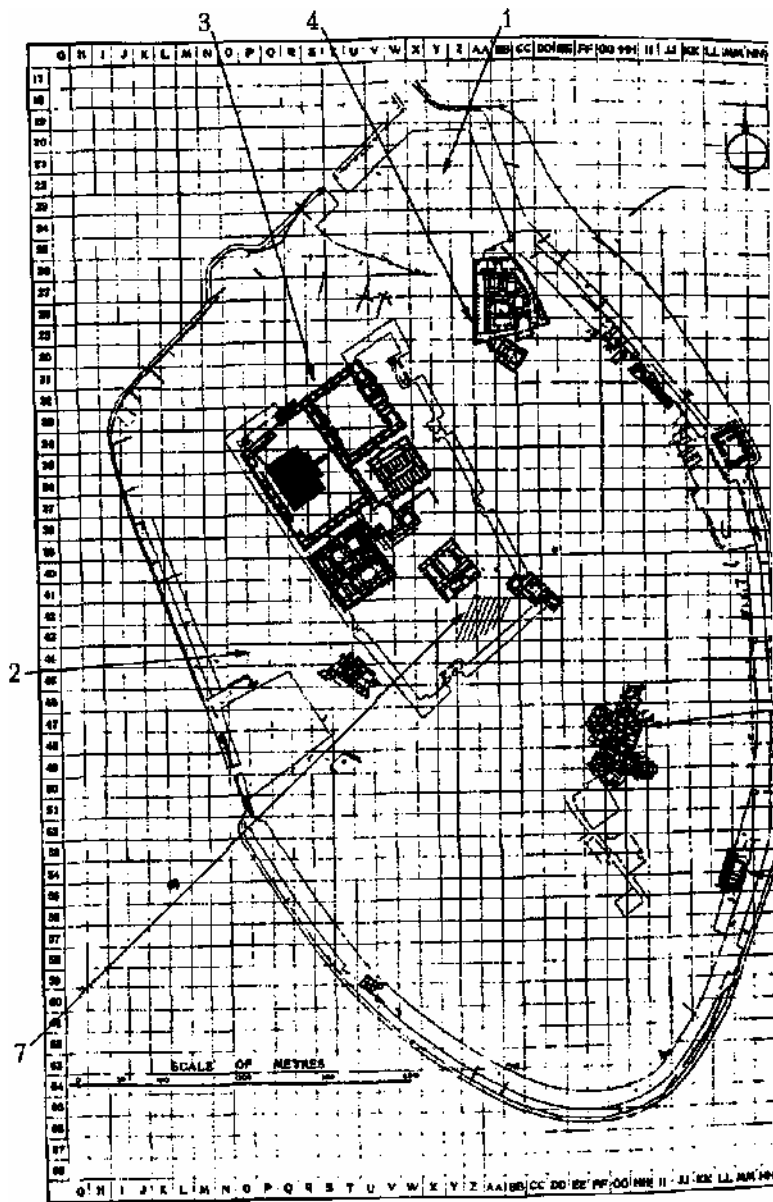
Поэтому не приходится удивляться, что к концу III тыс. до н.э. Ур был буквально заполнен великолепными архитектурными ансамблями. Надписи сообщают также, что Ур-Намму воздвиг стены Ура, «подобные желтой горе». В то время город представлял собой в плане овал длиной около километра и шириной до 700 м. Его окружала глинобитная стена с внешним откосом из кирпича-сырца. Воды Евфрата омывали эти стены с запада и севера, а восточную сторону защищал глубокий и широкий канал. Таким образом, с трех сторон Ур окружала вода и подойти к нему по суше можно было только с юга.

Но каковы же были истинные размеры Ура в эпоху его расцвета в конце

III тыс. до н.э.? Вся городская площадь в пределах стен занимала примерно 80 га. В пределах городского овала, по Л. Вулли, приходилось до 4250 домов, в которых, по его словам, жило до 35 000 человек (в действительности, возможно, и больше). Какое-то представление о количестве жителей Ура дают и размеры главных святилищ города, где в торжественных случаях собиралось почти все взрослое (мужское) население. Двор для верующих при большом храме бога Наины, божества-покровителя Ура, имел площадь порядка 4000 кв. м. Другой двор — перед зиккуратом. Даже если считать по два человека на квадратный метр, эти два двора едва ли могли вместить более 10 000 человек. Учитывая, что дети, старики и часть женщин не приходили на праздник, я думаю, мы не ошибемся, полагая, что общее население Ура в III — начале II тыс. до н.э. не превышало 50 000 человек.

Центр города занимал огромный священный участок, обнесенный стеной, с храмами и святилищами бога Луны Наины, покровителя Ура, и его супруги Нинлил. Вокруг храмов теснились жилища жрецов, склады, кладовые, мастерские и дворцы правителей. А уже вокруг теменоса концентрировались

184

Илл. 58. План *zi*

1. Северная гавань; 2. Западная гавань; 3. Теменос - священный участок квадрат слева - зиккурат Ур-Намму); 4. Дворец и храм; 5. Жилые (Ур III и позже); 6. Храм Эти; 7. Участок царю

ГЛАВА. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: VP ХАЛДЕЕВ

жилые кварталы. На севере и западе города, близ Евфрата, находились главные торговые пункты города — Северная и Западная гавани.

«Гавань и пространство вокруг нее называлось *кар* (*карум*), и это же слово означало „рынок" и „купеческую организацию" с ее управлением (вероятно, самоуправлением). Около главного урского *карума* — почти единственного места в городе, где была пресная вода, если не считать отдельных колодцев, — располагался принадлежавший храму сад с финиковыми насаждениями. На пристани *карума*, видимо, происходила торговля, мелкая и крупная; здесь же толклись „блудницы" — они назывались *кар-кид-(д)а* — „шляющаяся по рынку"».

Внутреннее устройство священного участка Ура во многом менялось от поколения к поколению.

Как обычно, он занимал в Уре наиболее древнюю и потому наиболее высокую часть города. Священный участок представлял собой, по-видимому, площадь в виде не совсем правильного прямоугольника длиной около 300 м и шириной около 200 м. Впоследствии несколько ворот с башнями и помещениями при входе охраняли священный участок; но от ворот II тыс. до н.э., времени Ларсы, сохранились только одни — когда-то высокие, с башней, ведущие за ограду многоярусного ступенчатого храма — зиккурата Э-теменнигуру.

В пределах ограждающей стены, образующей как бы крепость, находился главный храм городской общины — Э-кишнугаль, посвященный богу Луны, Наине, или Наннару (он же Суэн, или Син).

Позади него возвышалась громада зиккурата. Около него располагалась священная кухня на открытом воздухе — Гирмах, где жарились жертвенные ягнята, с колодцем и глиняным столом для разделки туш. С другой стороны была расположена пекарня. А между ними со входом из «Верхнего двора» помещался приемный и пиршественный зал бога Наины, через который осуществлялся вход на двор зиккурата. Близ зиккурата Э-теменнигуру находился «нижний храм», Э-кишнугаль, и здесь-то совершались основные моления и стояли статуи и эмблемы не только Наины, но и других божеств и царей, украшенные серебром, золотом и лазуритом. В «верхнем храме», наверху зиккурата, куда, вероятно, допускались только некоторые наиболее доверенные храмовые чины, бог, как считалось, иногда самолично спускался с небес. Между тем, пока я рассматривая с высоты зиккурата руины Ура, предаваясь размышлениям, погода окончательно изменилась в худшую сторону. Юго-западный ветер принес тучи мельчайшей пыли и песка. Солнце пропало в мутной дымке, но жара и духота от этого лишь усилились. Видимость резко сократилась. Вот уж действительно «буря... накрыла Ур словно платком, окутала его словно саваном...», как и писал об этом пять тысяч лет назад безымянный шумерский поэт.

Илл. 59. Голова богини Нинлиль - жены t

Внизу, у подножья лестницы зиккурата, слышны призывные крики нашего добровольного гида — Ахмеда. Он торопится: пока буря не набрала силу, нужно успеть показать нам хотя бы самые главные объекты. Спотыкаясь о куски сухой глины и обломки кирпичей, мы спешим к местным достопримечательностям. Ветер больно сечет лицо мелким песком, забивает пылью глаза, уши, рот.

На участке дворцов и храмов близ зиккурата видны лишь куцые обрубки низа глинобитных стен да недавно залитые укрепляющим раствором прямоугольные и квадратные полы бесчисленных комнат и помещений. Самые внушительные постройки также относятся ко времени III династии Ура. Здесь же были обнаружены апартаменты царей и жрецов. Отсюда осуществлялось руководство всей жизнью страны, награждались отличившиеся, наказывались виновные, принимались решения о войне и мире. И все это во имя великого Наины и его супруги Нинлиль.

Шествие мертвецов

Под завывание набирающей силу бури выходим на восточную часть теменоса, в районе царского могильника. Здесь Леонард Вулли раскопал 16 гробниц правителей города I династии Ура, царствовавших в первой половине III тыс. до н.э. Эти находки не только прославили имя исследователя, но и навечно внесли сокровища урских царей в анналы мировой археологии.

Правда, все найденные в могилах вещи находятся в данный момент в музеях Багдада, Лондона и Филадельфии. На месте же, в Уре, уцелело лишь несколько поздних (и, увы, ограбленных еще в древности) гробниц III династии со сводчатым перекрытием, сложенным из обожженного кирпича. От более древних захоронений остались лишь глубокие ямы.

Осторожно спускаемся по крутым кирпичным ступенькам внутрь одной из гробниц на глубину до 10 м. В погребальной камере пусто и сыро. Никаких следов былой роскоши и богатства. Но в памяти тут же возникают яркие описания раскопок царского кладбища в Уре из прочитанных прежде научных отчетов и книг.

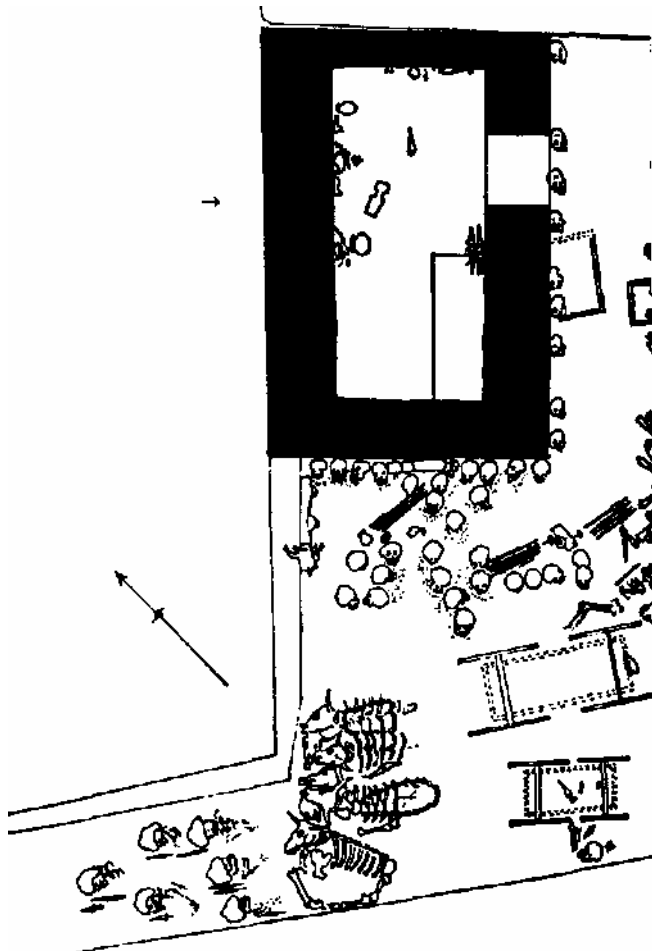
«Наиболее знамениты две гробницы I династии: гробница Мескаламдуга и гробница жрицы или царицы, имя которой мы не умеем еще с уверенностью прочитать; если читать его по-семитски, оно, вероятно, звучало бы Пу-аби*... Пу-аби была погребена в подземном сводчатом склепе, где она лежала... на деревянном ложе, в плаще из синих лазуритовых бус, в пышном головном уборе из золотых листьев, венков и заколок в виде цветов. Вокруг

* Прежде это имя ошибочно читалось как Шуб-ад.

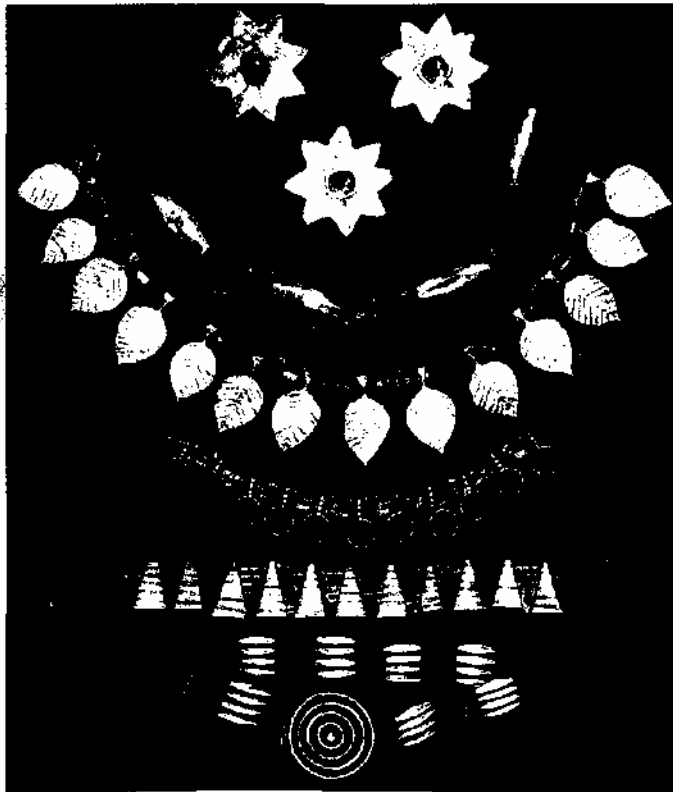
188

Гробница Пу-аби

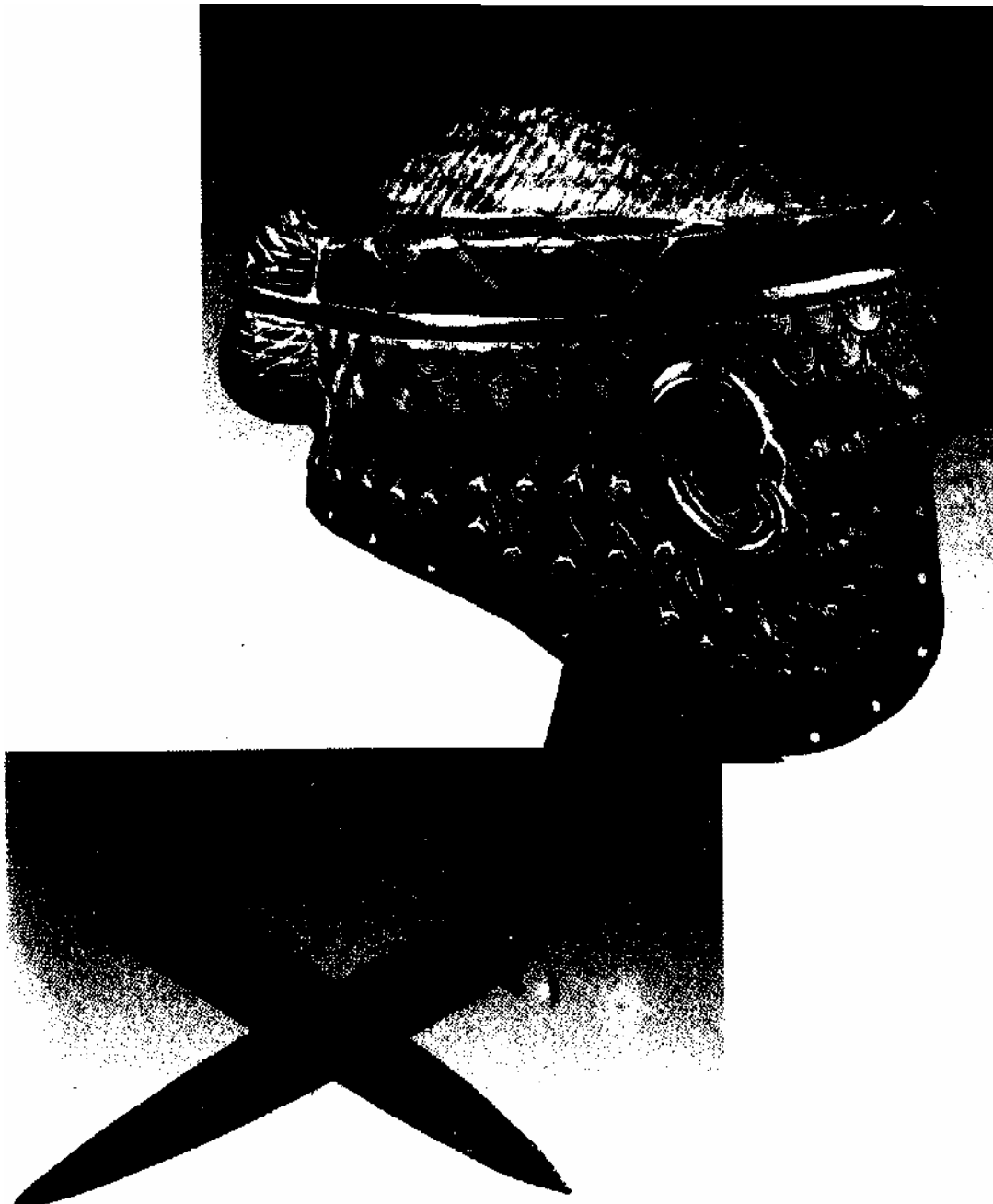
Царская гробница

Или. 60. План царской гробницы в Уре. Ш тыс.

л. 61. Женский головной убор и ожерелье из золота и драгоценных камней ишцы Пу-аби. Ур. III тыс. до н.э.

Илл. 62. Золотой шлем и золотой кинжал с ножнами из гробницы Мескаламд^А

Ур. III тыс. до

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

склепа было выкопано довольно обширное помещение, в котором с серебряными лентами в волосах и в цветных плащах сидели трупы десятков женщин из свиты, музыкантов, видимо, усыпленных или добровольно отравившихся. Тут же найдены поразительной работы арфы; к их резонаторам были приделаны золотые или серебряные головы быков с лазуритовой бородой (образ быка бога Луны Наина) или священной коровы богини Нингаль. Найдены также золотые туалетные приборы, доски для игры в кости (вроде нардов) и разная драгоценная утварь. В засыпанном землей пологом спуске-коридоре, ведущем с поверхности земли в склеп, были обнаружены повозки, скелеты волов и их погонщиков, а также воинов в шлемах-шишаках и с копьями, как бы охранявших вход. Все эти люди, сопровождавшие Пу-аби в загробный мир, вряд ли могли быть рабами и рабынями... Поскольку шумеры были убеждены в продолжении жизни и в загробном мире, перспектива остаться там в свите властителя или властительницы едва ли особенно удручала тех, кто обречен был следовать за ними и в смерти». Так описывает это захоронение И.М. Дьяконов.

Еще более поразительные находки ждали археологов в могиле Мескалам-дуга. «Тело, — вспоминает Л. Вулли, — лежало в обычной позе спящего на правом боку. Широкий серебряный пояс распался; к нему был подвешен золотой кинжал и оселок из лазурита на золотом кольце. На

уровне живота лежала целая куча золотых и лазуритовых бусин — их было несколько сот. Между руками покойного мы нашли чашу, а рядом — еще одну, овальную, тоже золотую, но крупнее. К правому плечу был прислонен двусторонний топор из сплава золота и серебра... Кости настолько разрушились, что от скелета осталась лишь коричневая пыль, по которой можно было определить положение тела. На этом фоне еще ярче сверкало золото, такое чистое, словно его сюда только что положили. Но ярче всего горел золотой шлем, который все еще покрывал истлевший череп. Шлем был выкован из золота в форме парика, который глубоко надвигался на голову и хорошо прикрывал лицо щечными пластинами. Завитки волос на нем вычеканены рельефом, а отдельные волоски изображены тонкими линиями... Локоны на щечных пластинах изображают бакенбарды... Если бы даже от шумерийского искусства ничего больше не осталось, достаточно одного этого шлема, чтобы отвести искусству древнего Шумера почетное место среди цивилизованных народов».

На двух золотых сосудах и на светильнике из могилы повторяется надпись: «Мескаламдуг. Герой Благодатной страны». Исключительное богатство погребения и почетное звание «Герой Благодатной страны» наводят на мысль, что Мескаламдуг был принцем из царского рода, а возможно, и правителем Ура.

Илл. 63. «Штандарт» из Ура

-ЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ
ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛ/

Одной из самых выдающихся находок при раскопках царского некрополя по праву считается так называемый «штандарт» — две деревянные прямоугольные пластины длиной 55 и шириной 22,5 см, инкрустированные фигурами из перламутра по синему фону из ляпис-лазури. Фигуры образуют сложные композиции со сценами мирной жизни (пиршество знати) и военных действий (царь на боевой колеснице, шествие пленных, бегство разбитого неприятеля и т. д.). Л. Вулли попытался восстановить все детали похоронной церемонии в Уре III тыс. до н.э. По его мнению, это происходило так. Когда умирал царь (или царица), прежде всего выкапывали большую прямоугольную яму глубиной девять-десять метров. У одной ее торцевой стороны сооружали наклонный спуск — вход в могилу. На дне, в углу ямы, строили затем усыпальницу: каменный склеп с крепким сводом из обожженного кирпича. Потом к могиле подходила траурная процессия с мертвым владыкой, лежащим на повозке, запряженной волами и с несколькими приближенными, которые занимали отведенные им места рядом с трупом внутри склепа. Этих людей, очевидно,

отравляли каким-то ядом. После завершения погребальной церемонии вход в гробницу замуровывали. Начинаясь второй акт ритуала. Похоронная процессия — придворные, слуги, возницы, воины стражи и женщины-музыкантши — подходила к яме и опускалась в нее по наклонному настилу, усыпанному цветами. Женщины были одеты в яркие красные одеяния, на которых сверкали драгоценности. Военачальники шли со всеми знаками отличия, музыкантши — с арфами и лирами. За ними въезжали повозки или сани, влекомые волами. На повозках сидели пажи или возницы, ездовые вели упряжки под уздцы. В конце концов все занимали заранее отведенные им места; дежурные воины, замыкая процессию, становились на страже у выхода. У всех мужчин и женщин в руках было но небольшой медной чаше — единственному предмету, необходимому для завершения обряда. Некоторые жертвы в последние минуты своей земной жизни должны были еще выполнять задания. По крайней мере, точно известно, что музыканты до самого конца играли на своих инструментах. И когда через тысячелетия гробница была вскрыта, их руки все еще судорожно сжимали струны арф или лир. В одной из гробниц археологи нашли посередине ямы большой медный горшок, в который, очевидно, был налит яд. По команде люди выпивали смертоносное зелье. После этого каждый садился на свое место в ожидании смерти и перехода в иную жизнь вместе с царем или царицей. Затем могильщики убивали жертвенных животных, клали лиры и арфы на тела умерших музыкантов и обрушивали сверху на еще борющихся со смертью людей груды земли, пока вся яма не оказывалась засыпанной.

В гостях у жителей V

И вновь повелительный голос Ахмеда торопит нас, так как буря усиливается и сквозь плотную завесу песка и пыли уже трудно что-либо разглядеть. Еще несколько торопливых шагов, и мы оказываемся на улочках древнего Ура, в его жилых кварталах. Во многих местах стены глинобитных домов сохранились на высоту до полутора метров. Улицы довольно прямые, но необычайно узкие. Я раскидываю руки в стороны и упираюсь ладонями в стены разделенных этой улочкой домов. Ощущение почти фантастическое: словно ты, промчавшись сквозь толщу времени, действительно стоишь в живом древнем городе. Вот высокий, тщательно побеленный порог; за ним — дверной проем с иодпяточным камнем в углу, а дальше — укромный внутренний дворик. В этих вылизанных ветрами и дождями руинах еще явственно чувствуется дыхание былой жизни. Но жилые кварталы Ура, лежащие к востоку от теменоса, представляют для нас особый интерес еще и потому, что это чуть ли не единственный достоверный источник, по которому можно судить о домоводной архитектуре древнего месопотамского города.

Во время полевого сезона 1930-31 гг. Л. Вулли решил вдруг переключиться с храмов и гробниц царей Ура на один из жилых кварталов города. На выбранном им участке раскопки вскрыли на диво хорошо сохранившиеся дома периода Ларсы и Исина, предшествовавшего разорению Ура вавилонским царем Хаммурапи в 1780 г. до н.э. Работы производились на площади около 8500 кв. м силами полутора сотен рабочих, так что удалось получить довольно полное представление о характере жилых построек города.

«Ур застраивался без всякого плана, — пишет Л. Вулли. — Узкие немощеные улицы извиваются между домами, неправильное расположение которых определялось прихотью частного владельца. Застроенные кварталы настолько обширны и здания стоят столь тесно, что добраться до домов, расположенных в центре квартала, возможно только тупиковыми переулками. Жилые здания в основном однотипны. Внутренний двор, соединенный с улицей коридором, окружен жилыми помещениями с лестницей, ведущей на второй этаж, — таков преобладающий характер построек самой различной величины и достаточно разнообразных форм. Среди жилых домов разбросаны строения меньшего размера, несомненно, лавки. Простейшая из них состоит всего из двух помещений; к улице обращено некое подобие торговой палатки, такой демонстрационный зал, подчас с открытым фасадом, а за ним — длинное складское помещение. Стены всех построек сложены из кирпича; в нижних рядах кладки кирпич обожженный, выше — сырец. Снаружи стены оштукатурены и побелены. Улицы не были мощеными, их покрывала утрамбованная глина. В дождливую

ГЛАВА. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

погоду она превращалась в непролазную грязь. Да и ширина улиц была такой, что по ним не смог бы проехать колесный экипаж. В городе грузы переносили люди или вьючные ослы. По сути дела Ур был типичным городом Востока. Правда, нечистоты не выливались здесь прямо на улицы, а вытекали в открытые каналы вдоль дорог, однако сухой мусор из домов выметали и выбрасывали прямо под ноги прохожим».

Всего Л. Вулли раскопал здесь около полусотни домов и лавок по обе стороны шести улиц.

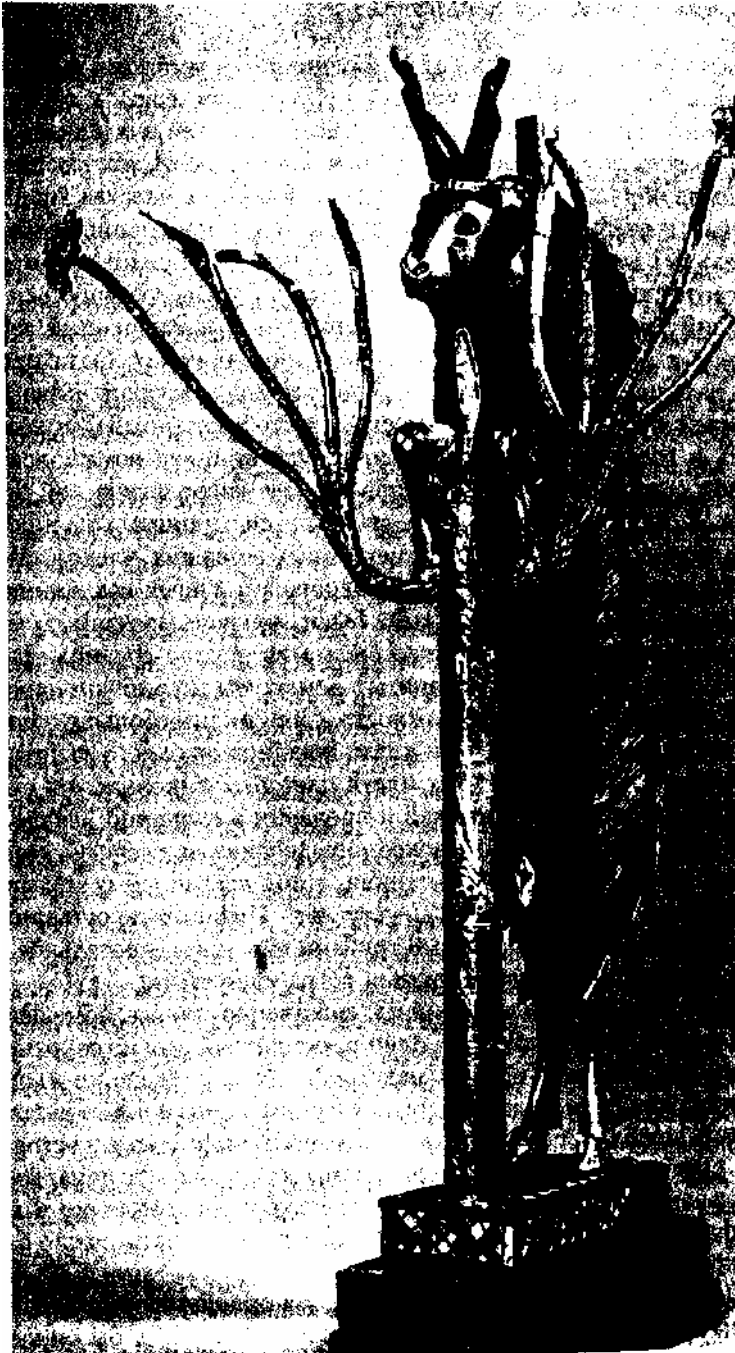
Принадлежали они, как выяснилось, средним горожанам — писцам, мелким торговцам и др. Установить это помогли глиняные таблички с клинописью, обнаруженные почти в каждом доме. В некоторых случаях благодаря текстам удалось определить имя и род занятий хозяина дома, его карьеру и даже его судьбу. Тут были и долговые книги ростовщиков, и школьные «тетради». Но была и деловая переписка торговых партнеров, например таблички из дома Эа-Насира (Эйаназира) — торговца медью.

«Вторые этажи и внутренние стены по большей части строились из кирпича-сырца серо-желтого цвета. Глухие стены построек — чаще двухэтажных, по крайней мере в известных нам кварталах, — только кое-где прерывались низенькими дверцами, да иногда виднелась под потолком маленькая отдушина-окошко... Крыши, вероятно, были, как и теперь на Ближнем Востоке, плоскими. Зелени, кроме как у речных затонов, в городе не было; не было и садов при домах» (Л. Вулли).

План дома зависел от того, какой формы место можно было выкроить между уже построенными домами; но почти все дома имели обязательные части. Если это было жилище более или менее состоятельного человека, то дверца с улицы вела в сени, где стоял небольшой сосуд с водой — для омовения ног, и, вероятно, здесь же хранился хозяйственный инвентарь. Отсюда, наискосок от уличной, другая дверь вела на внутренний дворик площадью метров до двадцати; он, как и сени, по возможности был мощен обожженным кирпичом; на двери у выхода из сеней мог висеть уберег от злого духа — головка демона; в середине дворика мог быть углубленный ниже уровня пола бассейн. На уровне второго этажа дворик был обнесен деревянной галерейкой (обыкновенно не круглой, а только с одной стороны). Со двора мог быть ход в людскую — помещение для рабов, в кладовку и в кухню. В кухне мог быть врытый в землю очаг, хлебная печь или кирпичная «плита», в ней были устроены углубления-«корытца» для раскаленных угольев, на которых разогревались вода и пища. Кладовка или кухня (или и то и другое) встречаются почти в каждом доме; здесь иногда находят орудия женского труда (зернотерки и т. п.).

Илл. 64. Часть арфы в виде деревянной позолоченной фигуры козла, стоящего на задних ногах.

Царское кладбище в Уре

17. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

«В любом доме, — пишет М. Белицкий, — напротив выхода из сеней обязательно была дверь в парадную горницу („гостевую“); горница могла быть различной длины, в зависимости от возможностей владельцев дома, но ширина ее во всех домах была стандартная: 2 м (4 локтя), так как здесь, по-видимому, после обрядового семейного или родового пиршества вповалку укладывали спать гостей. Лишь в очень редких домах при горнице была кладовая для постельных вещей (скорее всего циновок или ковриков) и умывальная. Чаще же всего если мылись, то просто во дворе. Сквозь горницу был ход во второй, меньший двор, недоступный посторонним и посвященный культу умерших родичей и предков. Часть этого двора, по-видимому, была крыта навесом, и здесь находился домашний алтарь с местом для сожжения посвященных божееству частей жертвы. Тут же стоял стол (часто кирпичный), на котором разделялась и готовилась жертва, а где-нибудь на стене помещался терракотовый образок с изображением божества или же мифологической либо обрядовой сцены. Л. Вулли называет такие дворики „святилищами“; в них же по возможности под полом хоронили и некоторых умерших членов семейства. Здесь покойные родичи получали от оставшихся в живых возлияния воды и жертвенную пищу. Погребения в доме были, конечно, связаны со множеством неудобств и опасностей, но таково было могущество древних традиций домашней общины, что обычай хоронить в домашнем „культовом дворике“

держался очень долго. Если была возможность, сооружали небольшую подземную гробницу с ложным сводом, куда и клали покойников одного за другим, но хоронили также в глиняных сосудах или в плетеных циновках. На дорогу в загробный мир давали немного вещей и провизии в глиняной посуде.

Вернемся теперь из заупокойного дворика на главный, основной дворик. Отсюда на галерейку вела лестница, а под лестницей всегда находилось еще одно очень нужное помещение — „туалет". Нечистот не оставляли в доме — их старались вывести дренажными трубами на улицу, — остальное было уже дело собак, коршунов, жгучего солнца и ветра из пустыни».

На втором этаже находились собственно жилые помещения; о них мы знаем меньше всего: почти ни один раскопанный дом не сохранился до уровня второго этажа. По-видимому, надстройка была меньше по площади, чем первый этаж; для размещения взрослых и детей семье обычно хватало одной-двух горниц площадью до 18-30 кв. м — имея в виду семью состоятельностью не ниже средней. Число обитателей дома могло быть и немалым — часто уже взрослые и создавшие собственную семью братья делили его только номинально, а фактически не расселялись из него; правда, спать можно было и во дворе и на крыше.

Поскольку до нас дошли и сами дома, и некоторая утварь из них, а также архивы документов, постольку, естественно, хотелось бы определить, в кото-

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

ром доме кто жил, каков был жизненный уровень семей, какова была история их жизни, какими вещами они пользовались.

В доме Эйанацера

Первый дом, в который мы «вступим», принадлежал состоятельному ремесленнику и торговцу Эйанацери. Более богатого дома в Уре пока не было найдено.

«Был Эйанацери купцом, „ходящим в Тельмун" (Дильмун), т.е., видимо, на Бахрейнские острова в Персидском заливе, где был рынок для обмена месо-потамских товаров на индийские и южноаравийские, а также на товары из нынешних Ирана и Афганистана. Он специализировался на закупке медной руды в Тельмуне, отчасти (и главным образом) для дворца (преимущественно, надо думать, для изготовления бронзового оружия воинам), отчасти для частных заказчиков и отчасти для себя. Он имел мастерскую для обогащения руды. Медь в основном закупалась на серебро, но также в обмен на сирийские благовония, двуреченские ткани и т. п. Как велико было богатство купцов, „ходивших в Тельмун" (уроженцев как Ура, так и Тельмуна), видно из налоговых приношений (десятины), которые они еще при первых царях Ларсы делали в храме; эти приношения включали разнообразные золотые и серебряные изделия, жемчуг, сердолик, слоновую кость и пр» (М. Белицкий).

В одном документе указано количество меди из Тельмуна, доставленное, по-видимому, купцами казне: некий Алассу должен был сдать почти 256 талантов (свыше 15 тонн) меди, знакомый нам Эйанацери — 2,14 тонны. Через руки Эйанацера проходило и много других ценностей (серебро, одежды, ткани).

В том же архиве Эйанацера встретилась опись овец: 24 барана, 44 овцы, 5 ягнят, 11 коз, 3 козла. Это уже наверняка собственное имущество Эйанацера. С 80 голов мелкого рогатого скота можно было в год настричь более 150 кг шерсти — явно больше собственных потребностей семьи.

«Старый дом Эйанацера — отмечает М. Белицкий, — был расположен в юго-восточной части города, примерно на полдороге от центрального священного храмового участка к храму бога Эи у края города...

В первоначальном виде постройка занимала примерно 220 кв. м по площади первого этажа, включая дворы. Из тупичка входим в достаточно просторные (около 12 кв. м) мощеные сени, со стоком для воды, поворачиваем и входим через вторую дверь в главный двор площадью около 36 кв. м, замощенный кирпичом-сырцом и обнесенный по второму этажу деревянной галерейкой на столбах. Направо из двора — дверь в парадную горницу 8 x 2 м. Далее — „культурный дворик" (культ предков). Прямо из главного двора — две двери: одна — в уборную, сообщавшуюся и с горницей, другая — в коридор, ведущий в „кухню" и в „людскую".

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

Дом постепенно расширялся за счет покупки соседних домов и участков. О характере имущества в таком богатом доме — свидетельствует, например, документ — опись приданого невесте по имени Рубатум, вышедшей замуж за Табилишу. Через руки жениха проходили десятки сиклей серебра, он был купцом-перевозчиком, владел несколькими домами в Уре.

Вот каково было приданое Рубатум: „3 мины серебра одним слитком, 5 рабов и рабынь, туалетный

стол, 2 медных котла, 1 медный кувшин, 10 бронзовых ложек, 2 бронзовых зеркала, 2 кувшина для засыпки зерна, 2 ступки, 1 черпак, 4 медных стула, 1 медная кровать, 10 деревянных чашек". Члены семьи Эйанацера имели средства следить за модами: длинные, бахромчатые, цветные *субату*, в которые поверх туник — может быть, даже льняных — завернуты мужчины и женщины; босые или обутое в сандалии ноги, длинные волосы и короткие бороды с выбритой верхней губой у мужчин, подвитые волосы, падающие на спину из-под матерчатого жгута или ленты надо лбом у женщин, обнаженные дети; рабы и рабыни в одних грубошерстных рубахах-туниках — все они двигаются по двору; открывают двери; поднимаются по деревянной лестнице в верхнее жилье. В отличие от мусульманского Востока, на Востоке древнем сидели на стульях, а не на полу. Что касается стола, то даже в парадной горнице жители древней Нижней Месопотамии за ним пировали редко — пища и посуда давались в руки. Но в доме братьев Ахатум стол был, а у Эйанацера их могло быть несколько... Шкафы, комоды, буфеты были неизвестны: продукты и многие вещи хранили в глиняных сосудах, хорошую одежду, бусы и другие украшения — в ларцах и корзинах, стоявших вдоль стен или в углах горниц"...

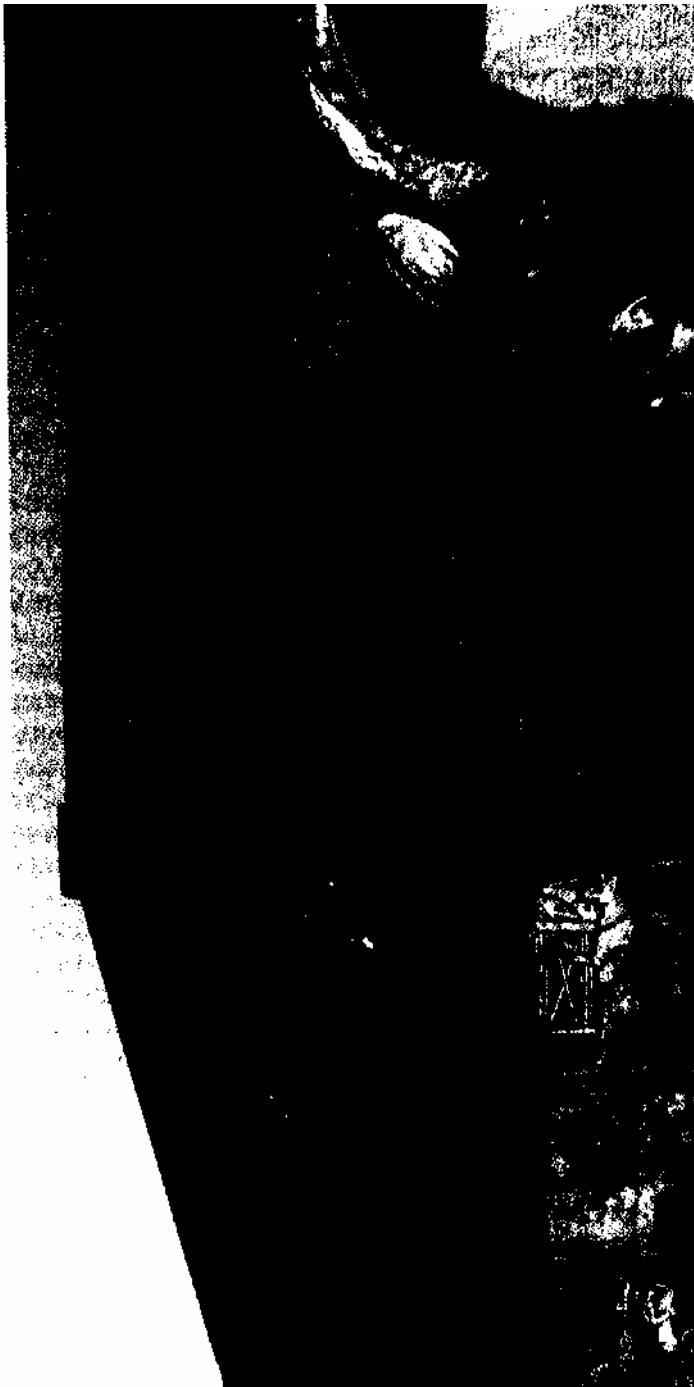
Очень распространены были маты и циновки из тростника».

Какая же посуда находилась в праздничной горнице Эйанацера? «В повседневном употреблении и у него, как и у других, конечно, были простые, глиняные, неглазурованные кубки и миски, но в таком богатом доме немудрено, если хозяину и почетным гостям подавали бронзовые и даже серебряные кубки и чаши».

Чем угощали гостей в парадной горнице? И это мы знаем: до нас дошло «меню» бога Шамаша из Сиппара в соседнем с Ларсой Вавилонском царстве в документе XVI в. до н.э. Это «меню» отличается от царского стола или стола знати не качественно, а только количественно (поскольку бог мыслился во всем подобным человеку и отличался лишь огромным ростом, могучей физической силой и долговечностью). Вот что шло в ежедневную трапезу богу

Или, 65. Позолоченная голова быка с арфы. Царское кладбище в Уре.

III тыс. до н.э.

7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

Шамашу: 1 теленок, 20 овец, 8 волов, 1950л ячменя, 1175л муки ячменной, столько же муки гороховой, столько же фиников, свыше 50 л масла высшего сорта для умощения и столько же молока снятого и столько же — цельного, столько же сыра (типа брынзы), свыше 20 л белой финиковой патоки и др. Известно также, что широко употреблялись чеснок, лук и порей. Меню за праздничным столом у Эйанацера было такое же (только каждый гость получал в сотни раз меньше!). Подавались мучные лепешки типа чурека или лаваша, мучная или гороховая похлебка с чесноком, может быть, ячменная каша; поскольку день был праздничный, прибавим еще к лепешкам сыр, жаренную на палочках или на угольях рыбу или баранину с чесноком и пахучими травами, финики и сласти из муки и финиковой патоки.

Ели, конечно, руками; если нужно, мясо резали, вероятно, кинжалом, но скорее всего его разрубали на куски еще на кухне, как шашлык; может быть, и подавали на вертеле...

Поднимемся теперь из праздничной горницы в верхнее жилье дома — личные покои семьи, куда, наверное, никто из посторонних никогда не допускался.

В доме Эйанацера было не менее трех горниц в верхнем жилье. Центральное место занимала, конечно, хозяйская опочивальня, а в ней — самый дорогой из предметов мебели — кровать. Это

ложе (изготовлением такой мебели особо славился Ур) было деревянным, с металлическими, костяными или другими украшениями; высоким ножкам иногда придавалась форма звериных лап; на раму кровати натягивались крест-накрест ремни, или веревки, или прочная циновка. В головной части кровати, между изголовьем и «сеткой», устанавливался род плоского ящика, где, видимо, укладывались набитые шерстью или волосом (?) кожаные подушки-валики. На «сетку» клался матрац из чесаной шерсти, войлока или пальмового волокна...

В опочивальне стоял хозяйкин туалетный столик или ларец с украшениями и косметическими принадлежностями, из которых важнейшими была сурьма и зеленая краска для подведения век. Среди туалетных принадлежностей были глиняные и каменные сосудики для благовоний и притираний, щипчики для выщипывания волосков, ложечка для притираний — все это, конечно, было в очень богатых домах (и в «царских могилах» Ура III тыс. до н.э.).

Деловую жизнь Эйанацера описал и проанализировал по его документам голландский ученый В.Ф. Лееманс, выводы которого мы и приводим ниже.

Как уже упоминалось, Эйанацера закупал на острове Тельмун медную руду для казны и частных заказчиков, привозил ее в Ур и там подвергал обогащению. Этой его деятельности посвящено несколько писем, найденных в его архиве, например, письма от Нанни, посланные в Тельмун и позже привезенные Эйанацером в Ур.

ГЛАВА I. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: Ур ХАЛДЕЕВ

1. Первое письмо — миролюбивое:

«Скажи Эйанацери и Илушуэллатсу — так говорит Нанни: (бог) Шамаш да сохранит вас в живых! К тому, что ты писал мне, — вот я посылаю к вам ИгмилСина, опечатай для него кошель(-капитал) мой и кошель ЭрибамСина, пусть доставит сюда. Дайте ему очищенной меди!..»

2. Но далее следует письмо раздраженное:

«Скажи Эйанацери, — так говорит Нанни: Вот, прибыв сюда, ты сказал так: „Я дам хорошие слитки ГимилСину (ИгмилСину)“; ты прибыл, сказал, но не сделал — ты предложил нехорошие слитки моему гонцу и сказал: „Хотите брать — берите, не хотите — уходите“. Как это ты обращаешься со мной и как ты проявляешь ко мне неуважение, и это — между (такими) порядочными людьми, как мы?..»

Школа в Шумере

Дом № 1 по «Широкой улице» принадлежал, по Вулли, некоему ИгмилСину. Вулли считал, что в этом доме была школа, или, по-шумерски, *э-дубба*. Это можно было заключить из того, что здесь, а также, по-видимому, по улице вокруг дома было найдено множество учебных и ученических текстов, а также текстов литературных — религиозных и дидактических, которые служили учебными пособиями.

Была школа и в доме «Тихая улица, 7». Подбор сочинений для школьного чтения («канон») был у него тот же самый, что и на «Широкой улице, 1», и тот же, что в священном Ниппуре. По словам французского историка Жака Руа, «Это, конечно, скорее всего указывает на то, что школьное дело было организовано из одного центра — *храмового* центра, поскольку Ниппур был центральным *храмовым* городом Шумера. Но надо учитывать и другое, а именно: *для кого* нужна была грамота. Для жрецов? В какой-то степени да. Однако гораздо нужнее грамота была для администраторов — храмовых и царских... Итак, школа в царстве Ларсы была единообразной, не замкнутой (только для жрецов); она, вероятно, была организована храмовой администрацией и поставляла в первую очередь светские кадры администраторов — хотя бы и администраторов храмового хозяйства. Конечно, доступность школы была относительной — одни и те же храмовые жреческие и административные должности столетиями сохранялись в одних и тех же семьях. Однако среди тысяч документов об оплате и содержании различных работников храмового хозяйства (и царского тоже) ни разу не встретилось документа об оплате учителей, из чего мы можем с уверенностью заключить, что труд учителей оплачивался родителями учеников. Это также могло способствовать известной „открытости“ шумерской школы».

20

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: Ур ХАЛДЕЕВ

В древнем Шуруппаке, родном городе шумерского Ноя (Утнапиштима-Зиусудры), было раскопано довольно большое количество школьных «учебников» примерно 2500 г. до н.э. со списками богов, животных, предметов, а также целый набор слов и фраз. Но только во второй половине III тыс. до н.э. шумерская школьная система достигла зрелости и расцвета. Найдены уже десятки тысяч глиняных табличек этого периода. Из них мы узнаём, что количество действовавших в те годы писцов исчислялось тысячами. Были писцы младшие и старшие, царские и храмовые, высокие профессионалы в конкретной административной деятельности и те, которые

становились ведущими официальными лицами государства и правительства. Поэтому есть все основания полагать, что многочисленные шумерские школы внушительных размеров и значимости процветали по всей стране.

От более позднего периода, первой половины II тыс. до н.э., археологи имеют сотни учебных табличек, испещренных всевозможными упражнениями учеников в качестве самостоятельных заданий в процессе ежедневной школьной практики. Среди них есть и беспомощные царапины «первоклашек», и элегантно начертанные знаки уже искушенных в деле студентов, готовых к выпуску. Косвенно эти древние «тетради» рассказывают нам немало о методах обучения в шумерской школе и о характере программы. Замечательно, что сами профессора и учителя любили описывать школьную жизнь, и было найдено несколько таких эссе, по крайней мере фрагментарно. Из всех этих источников мы получаем картину шумерской школы, ее целей и задач, студентов и факультетов, программы и техники обучения, что само по себе уникально для столь раннего периода истории человечества.

Шумерская школа известна как *э-дубба*, что означает «дом табличек». Ее изначальная задача была, по нашей терминологии, «профессиональной», то есть она была учреждена с целью обучения писцов для удовлетворения экономических и административных потребностей страны, в первую очередь, конечно, храмов и дворцов. Эти приоритеты не менялись на протяжении всего существования шумерской школы. Однако в ходе ее роста и развития, особенно как результат ее постоянно расширяющейся программы, она стала центром культуры и обучения в Шумере. В ее стенах процветал ученый-схоласт, человек, который занимался изучением теологии, ботаники, зоологии, географии, математики, грамматики и лингвистики на возможном по тем временам уровне, а порой делал и свой вклад в эти области знания.

Более того, в отличие от современных образовательных учреждений шумерская школа была также центром того, что можно назвать творческой писа-

*Илл. 66. Серебряные кольца для упряжи осла. Гробница царицы Пу-аби.
Ур. III тыс. до н.э.*

204

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

тельской деятельностью. Именно здесь изучались и копировались литературные сочинения прошлого, именно здесь создавались также и новые. И несмотря на то что подавляющее большинство выпускников шумерских школ становились писарями на храмовой и дворцовой службе, достигая при этом богатства и власти, были и такие, кто посвятил жизнь учительству и просветительству. Подобно профессорам современных университетов, многие из этих древних ученых жили на жалованье от своей преподавательской деятельности, а исследованиями и литературным трудом занимались в свободное время. Шумерская школа, начинавшаяся, по-видимому, как особая служба при храмах, со временем стала светским учреждением. Учителям платили, как мы понимаем, из взносов студентов. Программа тоже носила в основном светский характер.

«Глава шумерской школы, — продолжает Ж. Руа, — назывался *уммия*, „эксперт“, „профессор“, которого также называли „отцом школы“, ученика же называли „сыном школы“, а выпускника — „сыном школы прошлых дней“. Ассистент профессора значился „большим братом“, и в число его обязанностей входило составлять образцы табличек для копирования, проверять копии учеников, выслушивать задания наизусть. Другими членами факультета были, например, „ответственный за рисование“ и „ответственный за шумерский язык“. Там были также старосты, следящие за

посещением, и инспектора, ответственные за дисциплину...»

Клинописные таблички изготавливали так, чтобы держать их в левой ладони, когда пишешь, так что столы писцам были не нужны — разве что для того, чтобы положить оригинал, с которого копируешь. Ни в одной из найденных школ нет следов скамей или другой мебели; ученики сидели, скорее всего, на полу, на циновках.

Из текстов мы знаем, что ученики школы были приходящими. Ни о какой классной системе не было и речи: начинающие сидели, твердя свой урок или списывая прописи, рядом с великовозрастными, почти уже доучившимися писцами, имевшими свои, несравненно более сложные задания.

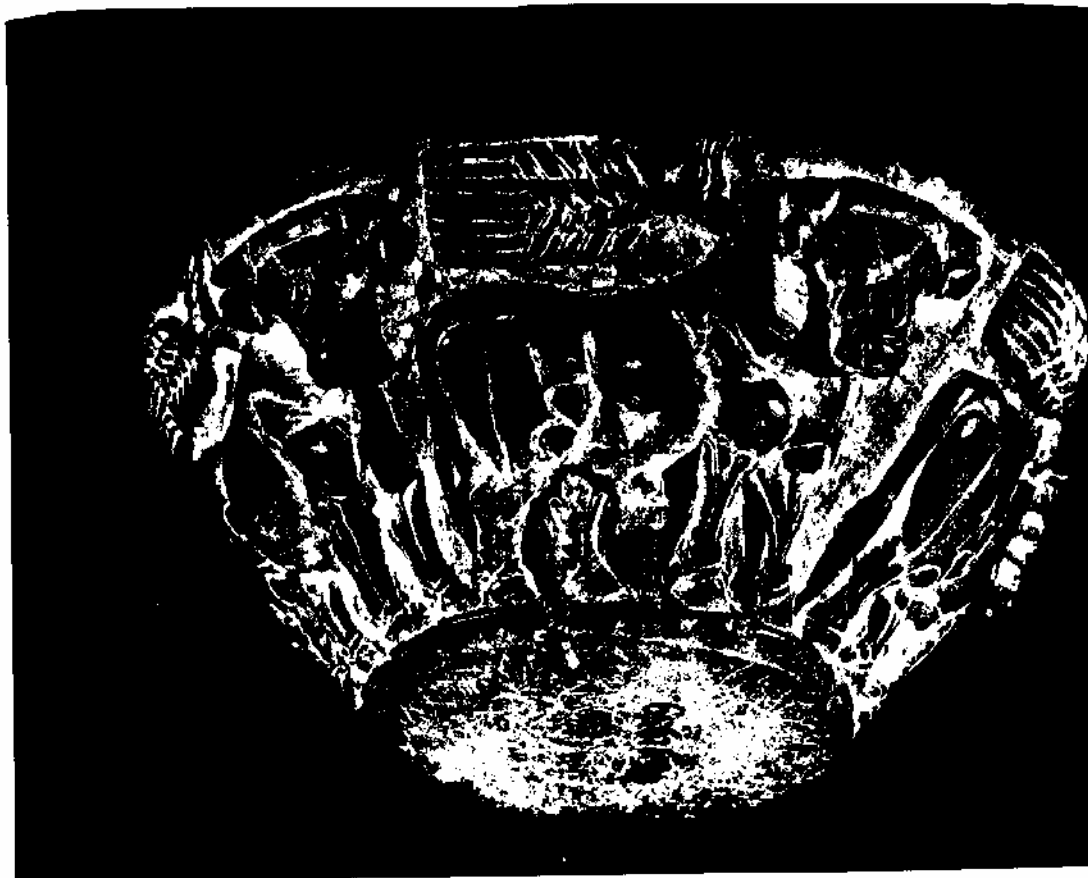
Все ученики назывались «коллегами» (шумерск. *ги-ме-а*) или «братьями» (шумерск. *шее*), но «старшие братья» были не только более продвинутыми учениками, но и помощниками учителя (*ум-ми-а*): без их помощи ему было бы трудно справиться с разношерстной, разновозрастной толпой ребят, которых надо было не только учить, но и держать в подчинении, для чего в ход шла трость.

Ниже приведен один из поучительных текстов шумерской школы — *э-дуббы* в переводе С.Н. Крамера:

«Ученик, куда ходил ты с раннего детства?»

Ученик отвечает:

«Я ходил в школу». — «Что ты делал в школе?» — продолжает автор...

Илл. 67. Каменная резная чаша 3 тыс.

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР ХАЛДЕЕВ

ГЛАВА 7. ШУМЕРСКИЕ ГОРОДА: УР Х

«Я пересказал наизусть мою табличку, я позавтракал, я приготовил новую табличку, я стал писать ее и ее закончил. Потом мне дали устное задание, а после полудня мне дали письменное задание. Из школы я вернулся домой, я вошел в дом, где сидел мой отец. Я рассказал отцу о моем письменном задании, потом прочитал ему наизусть свою табличку, и отец мой возрадовался...

На следующий день я отправился в школу. В школе наставник сказал мне: „Почему ты опоздал?“ — В страхе, с бьющимся сердцем, предстал я перед учителем и почтительно поклонился ему».

Однако почтительность не помогла: как видно, это был черный день для нашего ученика. Ему досталось от разных учителей и за болтовню, и за то, что он встал с места во время урока, и за то, что вышел за ворота школы. Но хуже всего было то, что учитель сказал ему: «Твоя рука (почерк) никуда не годится», — и снова побил его палкой. Похоже, что для ученика это было уже чересчур. Поэтому он внушает своему отцу мысль о том, что неплохо было бы пригласить учителя к ним в дом и задобрить каким-нибудь подарком.

Отец вянул словам ученика. Учителя пригласили в гости и, когда он вошел в дом, посадили на почетное место. Ученик стал ему прислуживать и хлопотать вокруг него и показывал отцу свои достижения в искусстве письма на табличках.

Отец хорошо угостил учителя, «облачил его в новое одеяние, преподнес ему подарок, надел ему на палец кольцо». Смягченный такой щедростью, учитель принялся в поэтических выражениях утешать будущего писца. Он говорил ему: «Юноша, ты не презрел мои слова и не забыл их; да сумеешь ты достигнуть совершенства в искусстве письма и постичь все его тонкости... Да будешь ты лучшим среди братьев своих и главным среди друзей своих, да займешь ты первое место среди всех учеников!.. Ты хорошо учился в школе, и вот ты стал ученым человеком».

В связи с тем, что к концу III династии Ура (2106-2003 гг. до н.э.) язык преподавания — шумерский — стал почти всюду мертвым, пришлось перестроить характер преподавания и пересмотреть набор бывших в ходу пособий. Принцип их составления в виде перечней (столбцов) и списков, подлежащих зазубриванию без участия логических умозаключений, сохранился, но списки усложнились и удлинились. Но при династиях Исина и Ларсы наблюдается явный расцвет шумерской школы — *э-дуббы*.

Другие постройки

Дом № 14 по «улице Патерностер» был разделен на части. Комнаты по юго-восточной стороне от его двора вошли в рыночную часовню, которая впоследствии была переделана в харчевню. Для этого на улицу прорубили широкое

окно, а сразу за ним поставили внутри кирпичный прилавок для приготовленных блюд. Одна из комнат превратилась в кухню: большую ее часть занял массивный кирпичный помост с углублениями для маленьких очагов, на которых готовилась еда. Рядом стояла круглая печь для лепешек. В целом все это весьма напоминает харчевни современных восточных базаров.

В доме № 3 по «Лабазной улице», принадлежавшем торговцу зерном, нас поразили большие кирпичные закрома под полами большинства комнат. Его оштукатуренные стены уходили вниз на глубину до двух метров. Мы удивлялись до тех пор, пока не увидели прилипшее к штукатурке зерно.

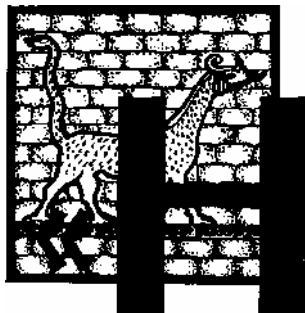
Изредка дома резко отклоняются от обычного типа. Таков дом № 11 по «улице Патерностер»: по всей вероятности, это было не частное жилище, а скорее *хан* — гостиница или постоялый двор. В некоторых нижних комнатах, очевидно, размещались стойла. Часть комнат занимал сам хозяин с семьей, а остальные предназначались для постояльцев. Стены этого дома необычайно толсты: возникает предположение, что гостиница была трехэтажной. Зато дом № 15 по «Церковной улице» имел всего один этаж: здесь нет лестницы. Владелец его, некий Ибкуадад, по-видимому, вел дела с Варадсином, сыном Лама-тумзы, проживавшим в доме № 3 по «улице Ниш», а также с неким Аттой, который, возможно, был отцом Нуратума, хозяина большого и богатого дома № 1 на «Лабазной улице». Интересно отметить, что другой, маленький и, очевидно, тоже одноэтажный домишко № 1 по «улице Ниш», самый скверный и бедный во всем квартале, принадлежал профессиональному ростовщику.

Да, история не пощадила подавляющее большинство архитектурных сооружений древнего Ура. Они погибли под воздействием природных стихий или же были разрушены вражескими армиями. Но и того немногочисленного, что осталось там до наших дней, вполне достаточно, чтобы познать красоту и богатство давно погибшей шумерской цивилизации.

208

ГЛАВА 8

КОСМОГОНΙΑ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

а протяжении III тысячелетия до н.э., — отмечает С.Н. Крамер, — шумеры выработали религиозные идеи и духовные концепции, которые оказали огромное влияние на современный мир, особенно через иудаизм, христианство и магометанство. На интеллектуальном уровне шумерские мыслители и святые отцы, в результате размышлений о происхождении и природе

вселенной и ее движущих силах, разработали космологию и теологию, которая была столь убедительна, что стала базовым кредо и догмой большей части Ближнего Востока».

Однако в дошедшем до нас литературном наследии создателей первой цивилизации Месопотамии нет ни одного документа, где шумерские мудрецы изложили бы полно и систематически свою философскую концепцию относительно общего устройства мира, управляющих им сил и предназначения человека в жизни земной и загробной. Не удивительно поэтому, что почти все сведения о шумерской философии, теологии и космологии нам приходится сегодня собирать по крупицам из отдельных дошедших до нас произведений — мифов, эпических сказаний и гимнов. К тому же до современной эпохи сохранилось не так уж много оригинальных шумерских документов на религиозную тему, относящихся к III тыс. до н.э. Большинство же произведений подобного рода были переписаны жрецами во II-I тыс. до н.э., уже после падения Шумера и полного исчезновения шумеров с исторической сцены, когда основные

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПО

положения шумерской религии были восприняты, усвоены и соответственно изменены для своих целей другими племенами и народами, преимущественно семитской языковой группы. И тот факт, что шумерские религиозные воззрения, шумерский пантеон богов и шумерский (уже мертвый, но использовавшийся как сакральный) язык широко применялись впоследствии другими, более поздними обитателями Двуречья, бесспорно свидетельствует о совершенстве и привлекательности теологических доктрин, созданных на протяжении тысячелетий жречеством Эреду, Урука, Ура, Ниппура, Киша и Лагаша.

Для шумерских философов главными элементами мироздания были земля и небо. Поэтому они называли вселенную *ан-ки*, что означает «небо-земля». Земля представлялась древним месопотамцам плоским диском, плавающим на поверхности пресного Мирового океана (*абзу* или *ансу*), из которого в колодцы просачиваются подпочвенные воды. Землю окружают цепи высоких гор. Небесный свод в виде полушария (вернее — семь ярусов неба), по которому двигаются Солнце, Луна, другие планеты и звезды, опирается на эти горы и отделяется от земли атмосферой (шумерск. *лилль* — «ветер», «воздух», «дуновение»). Сходное полушарие под землей образует Потусторонний мир, где обитают души умерших людей. Наконец, вся вселенная (*ан-ки* — «небо-земля») мыслится наподобие гигантского шара или круглого пузыря, окруженного со всех сторон бесконечным соленым первичным океаном.

Наиболее четкое изложение взглядов шумерских мудрецов на устройство вселенной можно найти в работах И.М. Дьяконова. Сакральное пространство шумерской культуры, отмечает он, имеет вертикальную и горизонтальную ориентацию. Его вертикаль состоит из трех частей: верхнего, среднего и нижнего миров.

Верхний мир (*ан*) состоит из семи ярусов небесного свода и управляется мудрым старейшиной богов, божеством Неба Аном, или Ану; он восседает на троне на седьмом небе и управляет всей вселенной. Верхний мир почитается как образец стабильности и порядка, которого так не хватает беспокойному среднему миру. Именно с небес исходят и законы мироздания.

Средний мир подразделяется на «нашу страну» (*калам*), «степь» (*эден*) и «чужие земли» (*кур*). Им управляет бог воздуха и ветра Энлиль.

«Наша страна» (*калам*) — это территория конкретного шумерского города-государства с храмом божества-покровителя в центре и с мощной глинобитной стеной, окружающей город. За пределами городских стен расстилается «степь» (на самом деле это пустыня или просто открытое место) — область не плохая и не хорошая, где могут действовать как добрые (боги), так и злые (демоны) силы.

Все чужие земли, лежащие за пределами «степи», называются так же, как и страна мертвых в нижнем мире, и причина этого состоит в том, что «чужие

земли» неведомы человеку «нашей страны», а законы их жизни ему просто непонятны.

Нижний мир образован двумя областями: областью пресных подземных вод (*абзу*, *ансу*) и областью мертвых (*кур*).

Область подземных вод подчиняется Энки, богу-мудрецу, создателю человечества, хранителю ремесел, искусства и знаний.

Область мира мертвых — место пребывания душ умерших, царство ужасной пары, бога и богини смерти Нергала и Эрешкигал; здесь же семь грозных богов Ануннаков вершат свой суд над людьми, зачитывая им окончательный приговор по «Книге Судеб».

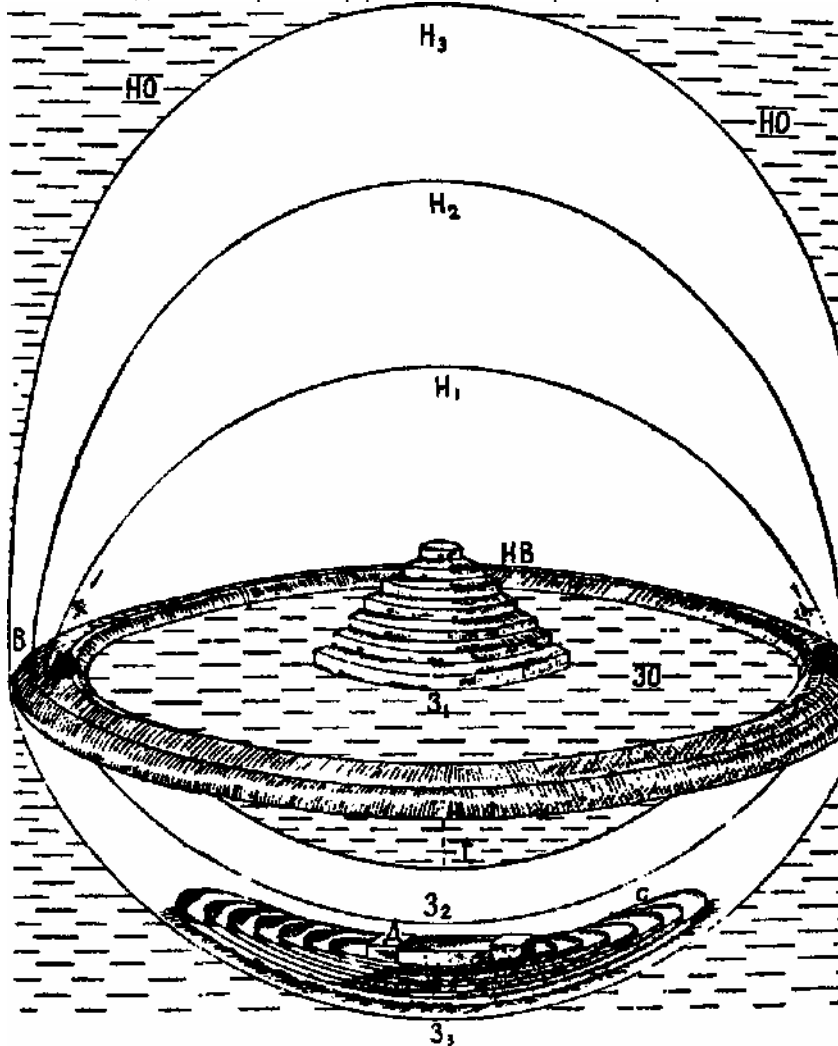
Сама земля (тот же обитаемый «Средний мир»), по представлениям древних шумеров, состоит только из Месопотамии и непосредственно примыкающих к ней областей. В центре ее — священный город

Ниппур (точно так же, как позднее таким центром стал уже Вавилон).

Но кто же создал вселенную и кто заставляет ее совершать свой круговорот день за днем, год за годом, на протяжении бесчисленных веков? Ответы на этот вопрос различны, поскольку каждый из них основан на определенной теологической традиции. Однако есть между ними и общие, объединяющие моменты.

Исходя из идей, касающихся структуры вселенной, шумерские богословы создали соответствующую космогонию. Во-первых, решили они, существовало первичное море (или океан) — первопричина и «перводвигатель» всех жизненных явлений и процессов в мире. «В этом первичном море, — отмечает С.Н. Крамер, — неким образом зародилась вселенная, то самое „земля“-„небо“, состоящая из куполообразного неба, водруженного над плоской землей и соединенного с ней. Между ними, однако, была подвижная и расширяющаяся атмосфера со светящимися небесными телами, луной, планетами и звездами. После разделения неба и земли и создания светящихся астральных объектов возникла растительная, животная и человеческая жизнь».

Управлял, руководил и надзирал за вселенной, как полагала шумерская теология, пантеон богов. Они «направляли и контролировали космос в соответствии с хорошо разработанным планом и предписанными законами. Великие сферы — небо, земля, море; главные небесные тела — солнце, луна и планеты; атмосферные явления — ветер, буря, ураган и пр.; наконец, на земле такие природные образования, как река, гора, равнина, такие культурные единства, как город и государство, а также плотина и канал, поле и ферма, и даже приспособления типа топора... и плуга, — все это находилось под покровительством того или иного антропоморфного, но сверхчеловеческого существа, направляющего их действия в соответствии с установленными правилами и руководствами... Каждое такое невидимое антропоморфное и в то же время сверх-

Илл. 68. План мироздания. Реконструкция космогонии древнего Вави.

(по М.В. Никольскому, 18)

Н[^] - f-е небо З₁ — 1-я (верхняя) земля

Н_у - 2-е небо З₂ - 2-я земля (1-е подземное царя

Н - 3-е небо З₃ - 3-я земля (2-е подземное царя

- небесный океан; У - утро (восток). Горы восхода Солнца; ЗО — земной он

вечер (запад). Горы захода Солнца; НВ - небесный вал; С - стены; Д - две Царство мертвых; Г — глубина и основание земного от

АВА 8. КОСМОГОНΙΑ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

человеческое бессмертное существо называлось у шумеров словом „дингир“, что переводится как „бог“».

Сотворение мира по разным версиям шумерских богословских школ происходило по-разному. Одна легенда гласит, что бог АН (Ану) создал небеса, а бог Энки — «бездну» (*ансу*), место своего обитания. Другое предание приписывает сотворение вселенной четверке великих богов (Ан, Энлиль, Энки и богиня-мать Нинхурсаг). Третья версия настаивает на том, что мир — это продукт творчества всех богов шумерского пантеона. Наконец, согласно еще одному преданию, акт «творения» осуществлялся последовательно и поэтапно: сначала АН создал небо, потом небо создало землю.

В целом же шумеры верили в то, что «первичный океан», персонифицированный в богине Намму, породил в одиночку небо мужского рода и землю рода женского, тесно соединенные друг с другом. Плодом их союза стал бог воздуха Энлиль, который насильственно отделил небо от земли и вместе с землей создал все живые существа.

Теория о том, что океан был основополагающим, первичным элементом, от которого родилась вселенная, и что форма последней произошла от насильственного отделения неба от земли третьей стороной (в данном случае Энлилем), была широко принята не только в Шумере, но и в Вавилонии и Ассирии.

Наиболее полно и логично версия генезиса изложена в вавилонском эпосе «Энума элиш», где этот процесс представлен как итог космической битвы — вечной борьбы между Добром и Злом, Порядком и Хаосом.

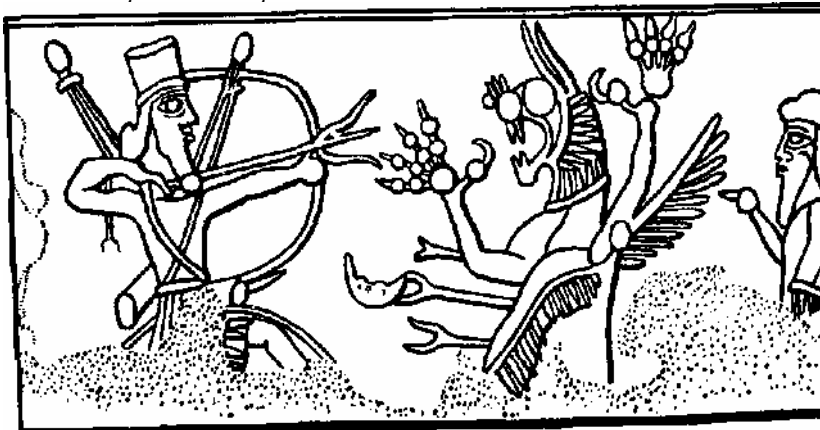
«Энума элиш» — длинная эпическая поэма, записанная на семи клинописных табличках. Первая ее версия была составлена в начале II тыс. до н.э., хотя все найденные до сих пор копии относятся к гораздо более позднему времени. В большинстве этих копий главную роль в космической борьбе играет Мардук —

п. 69. Бог Мардук. Прорисовка агмента поливного глиняного шндра вавилонского царя рдука -закира-шуми. t-819 гг. до н.э.

Илл. 70. Мифологическая сцена. В центре изображена жена фигура, поддерживающая крылатый диск — эмблему бога Аишу Оттиск с цилиндрической печати позднеассирийского пери

Илл. 71. Битва Мардука и Тиам

Оттиск с цилиндрической печати. Прорисо

ГЛАВА 8. КОСМОГОНΙΑ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

верховное божество Вавилона, но одна ассирийская табличка ставит на его место своего главного бога — Ашшура, а кроме того, в самой поэме (вавилонском ее варианте) Мардук дважды назван «Энлилем богов». И поскольку хорошо известно, что по мере возвышения Вавилона Мардук узурпировал ранг и прерогативы верховного шумерского бога Энлиля, то мы можем предполагать, что первоначальным героем данной поэмы был именно Энлиль и что наиболее ранняя ее версия родилась еще в Шумере.

Месопотамские мифотворцы получали главный импульс для своего вдохновения от созерцания окружающей их природы. Северное побережье Персидского залива, устье громадного потока Шатт-эль-Араб (слившиеся воедино Тигр и Евфрат), плоская лессовая равнина, низкие гряды облаков, постоянно висящих над горизонтом в «зимний», дождливый сезон. Все вокруг — море, реки, небо и земля — сливаются воедино в туманном водном хаосе. Именно так авторы «Энума элиш» (и шумеры, и вавилоняне), видимо, часто созерцавшие ранним утром эту впечатляющую картину, воображали себе начало мира. Когда еще ничего не было создано богами, когда ничто еще не имело своего имени, жрецы писали об Апсу (пресные воды), Тиамат (солёные воды) и Мумму (тучи, облака), которые все вместе образовывали одно гигантское аморфное тело. Но когда всходило солнце, из тумана возникали большие массивы суши, а четко видимая линия горизонта надежно отделяла небо от воды, а воды от земли. Так же, согласно мифу, прямо из хаоса появились и первые боги. Это были *Лахму* и *Лахаму*, олицетворявшие ил, грязь. Затем пришли *Аншар* и *Кишар* — двойники горизонтов неба и земли. Аншар и Кишар породили Ана, а АН, в свою очередь, создал Энки (Эа). Одновременно или немного позже от Апсу и Тиамат был рожден ряд

божеств меньшего ранга. Но о них поэма не говорит ничего, кроме упоминания о том, что они были грубыми, шумными и непоседливыми. Их шум и проделки настолько растрожили родителей, что те решили уничтожить свое потомство. Когда боги узнали об этом дьявольском замысле, они пришли в ужас. Однако Эа (Энки) — самый мудрый из них — вскоре нашел достойный выход из сложившейся ситуации. Он с помощью магического заклинания парализовал на время Мумму, а потом усыпил и убил Апсу. После столь блестящей двойной победы Эа удалился в свой дворец, построенный в бездне из пресных вод (*ancy*), где вместе со своей женой Дамкиной, произвел на свет сына — Мардука, обладавшего совершенно выдающимися способностями и качествами:

Илл. 72. Посвященные статуи из храмов Телль-Асмара

Сер. III тыс. до н.э.

216

ВАВ. КОСМОГОНΙΑ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Совершенны были его члены, непостижимы-Невозможны для понимания, трудны для восприятия. Четыре было у

него глаза, четыре уха; Когда он шевелил губами, изо рта его вылетал огонь. Огромны были его уши, И глаза, числом четыре, примечали все вещи вокруг. Он был самым высоким из богов, выдающимся был его рост; Его члены были огромны, он был исключительно высок.

Но Тиамат была еще жива и оставалась на свободе. Обезумев от ярости, она объявила всем богам войну на уничтожение. Для этого ею был создан ряд свирепых драконов и чудовищных по величине змей «с острейшими зубами, беспощадными клыками и с ядом вместо крови». Во главе этой армии монстров она поставила одного из своих сыновей — Кингу. Когда о грозящей им опасности узнали остальные боги, среди них началась паника. Никто не решался выйти на решающую битву с воинством Тиамат. Наконец, Мардук согласился, но при одном условии: если он победит, то станет владыкой и царем всех богов. Выбора у перетрусивших небожителей не было и, собравшись на пиршество и заметно опьянев от крепкого ячменного пива, они вручили храброму сыну Эа (Энки) царскую власть и царские инсигнии. Мардук, готовясь к битве, очень тщательно подобрал себе необходимые виды оружия: лук со стрелами, молнию, бурю-наводнение, четыре свирепых ветра и большую крепкую сеть. Он надел на себя «доспехи страха» и «тюрбан с ужасным сиянием», сел в свою боевую колесницу и отправился в одиночку сражаться с неисчислимыми силами Хаоса. Первая схватка Мардука с монстрами увенчалась полной его победой: змеи и драконы в страхе разбежались кто куда, а Кингу попал в плен. Настала очередь Тиамат. Мардук накинул на нее гигантскую сеть, и, когда она открыла свою ужасную пасть, чтобы проглотить героя, он запустил туда четыре свирепых ветра. Затем он пронзил сердце чудовища стрелой, разбил его череп булавой и, наконец, рассек гигантский труп на две части: одну половину он поднял вверх и создал небо, а другую поместил ниже поверхности земли.

После своей победы Мардук установил во вселенной строгий порядок. На новом небе было отрегулировано движение солнца, луны и звезд. Затем он решил сотворить человека:

Я создам дикаря (*луллу*), человек будет имя его. Воистину, дикий человек будет создан. Он будет заниматься службой богам, чтобы им легче жилось.

По совету Эа (Энки) пленного Кингу предали смерти, и из его крови Мардук и его отец сотворили первое человеческое существо на земле. В каче-

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

стве награды за победу благодарные боги построили Мардуку большой храм в Вавилоне — Эсагилу — и организовали грандиозное пиршество.

Как бы наивно ни звучала эта история, она имела для вавилонян (как ранее похожая версия с Энлилем для шумеров) очень большое значение. Для их глубоко мифологизированного сознания предлагалось иррациональное, но, тем не менее, вполне приемлемое и понятное «объяснение» происхождения и устройства вселенной. Помимо всех прочих вещей этот миф оправдывал и тот факт, что люди должны вечно быть слугами богов. Он имел громадное магическое значение: вавилоняне (как и все жители Месопотамии до них и после них) отчетливо чувствовали и понимали — великая космическая битва реально никогда не прекращалась и силы Хаоса всегда готовы бросить вызов установленному богам Порядку.

Пантеон богов Шумера и Аккад

В представлении древнего жителя Месопотамии мир был населен добрыми и злыми духами, а также могущественными божествами, управляющими всеми силами природы. Каждый род, община, город-государство в Шумере имели своих богов-покровителей, иногда считавшихся мифическими предками. Каждый человек имел своих персональных духов-хранителей — *шеду* и *ламассу* — и покровительствующих бога и богиню. Но, с другой стороны, жизни человека угрожали многочисленные злобные демоны — олицетворение болезни и смерти (*никуб*, *лилу*, *лиллит*). Судьба человека была записана клинописью у богов в «Таблице судеб», и в час смерти за ним приходила «Судьба» — бог Намтар («Похититель») — и уводила обреченного в царство смерти — подземный мир, где правили бог Нергал и богиня Эрешкигаль вместе с советом из семи богов земли — демонов Ануннаков. В преисподней душа умершего была обречена на жалкое существование в вечной темноте, голоде и жажде. При мысли о такой безрадостной посмертной судьбе человек мог утешать себя только тем, что в зависимости от рода смерти он получит более или менее милостивый приговор от суда Ануннаков и сможет пользоваться едой и питьем от тех жертвенных даров, которые приносили ему оставшиеся на земле родственники.

На небе также существовало свое «небесное» царство с советом богов. Главный из них — Энлиль, бог воздуха, повелитель земли («Среднего мира»), царь всех богов и покровитель земных царей. Его культ отправлялся в особом храме в священном городе Ниппуре, и чтили этого энергичного и всемогущего бога по всему Шумеру.

Не менее важен был в пантеоне и АН (Ану) — бог Неба, а также мудрый и очень благосклонный к

людям Энки (Эа), божество подземных вод и мирового Океана. Замыкает четверку «великих богов» богиня-мать Нинхурсаг.

ипп. 73. Бог Солнца Шамаш, плывущий на своей волиебной ладье. Трорисовка оттиска цилиндрической печати. Пелль-Асмар (Эинунна). Аккадский период

К сильнейшим богам относились также Уту (Шамаш) — бог Солнца, блюститель справедливости, открывающий людям будущее в гаданиях и предсказаниях оракулов; синевородый бог Луны — Нанна (Син); своенравная красавица Инанна (Иштар) — богиня планеты Венера, покровительница плотского вождения и любви, земного плодородия, но и одновременно богиня распрей и раздора.

Среди других значительных божеств можно назвать бога-громовника Адду, приносящего грозные тучи и ливневые дожди; воинственного сына Энлиля — бога войны, покровителя воинов Нинурту; бога чумы и болезней Эра.

В каждой общине, в каждом «номе» чтили своего местного бога (или богиню), рассматривая его (ее) прежде всего как божество плодородия. В Уру-ке такими главными божествами были бог Неба АН и его дочь — богиня Инанна (Иштар), в Уре — бог Луны Нанна и его супруга Нинлиль; в Сиппаре — бог Солнца Уту (Шамаш).

Итак, помимо местного «номового» божества-покровителя с его женой и свитой все жители Шумера почитали и четверку «великих», «космических»

Илл. 74. Гений с головой орла, держащий сосуд с чистой водой и сосно шишку. Он сопровождал человека в его повседневной лет и защищал от болезней и злых сил. Ним^

Ассирийский рельеф. 885 г. до

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

богов. Это были АН (Ану) - бог Неба, Энлиль - бог воздуха, Энки - бог подземных вод и, наконец, богиня-мать Нинхурсаг, носившая в разных шумерских «номах» разные имена (Нинхурсанг, Нинмах, Дингирмах). Именно они создали вселенную, землю, воду, каналы, растительность, животных и людей. Именно они занимали вершину месопотамского «Олимпа».

Лн (Ану) — царь небес

Считался самым могущественным божеством на небесах и занимал первое место в шумерском пантеоне. Он был отцом и предком всех других богов, а также множества демонов и злых духов. АН — первоисточник и носитель всякой власти: и родительской, и хозяйской, и царской.

«Ан, — пишет известный историк Торкильд Якобсон из США, — это сила, которая выводит существование из хаоса и анархии и превращает его в упорядоченное целое. Как строение покоится на фундаменте и выявляет заложенную в нем основу, так и древнемесопотамская вселенная поддержана созидательной волей Ана и отражает ее».

Однако АН, по крайней мере в классической шумерской мифологии, не играл сколько-нибудь важной и действенной роли в земных делах и всегда оставался от них в стороне, сидя в своих небесных чертогах и представляя собой величественную и несколько абстрактную фигуру.

Энлиль — владыка обитаемого мира

Его имя переводится как «Владыка Ветер» или «Господин Дуновение». Это божество со

множеством функций. Энлиль — повелитель воздуха и ветра, властитель мира, расположенного между небом и землей; он — второй глава Собрания богов, утверждающий царя на престоле; он — господин чужих стран; он — предводитель всех внешних сил; но он же — устроитель губительного потопа. Он — бог-покровитель царской власти, карающий царя за пренебрежение к древним праздникам и постоянным жертвам.

Со временем Энлиль сумел перехватить кормило верховной власти в содружестве богов даже у самого «владыки неба», главы пантеона — Ана.

Теологи Ниппура сделали, однако, Энлиля и повелителем всего человечества, «царем царей». Если Ан и сохранял еще формально инсигнии царской власти, то именно Энлиль выбирал и сажал на трон правителей Шумера и Аккада, «возлагая на их головы священную корону».

Следует также подчеркнуть, что не всякая деятельность Энлиля была благотворной для рода людского. Потенциальная враждебность Энлиля соотносится с двойственной природой ветра, бывающего и мягким освежающим зephyром и разрушительным ураганом. Именно в буре находят выражение свирепость и губительный нрав, присущие этому богу:

Илл. 75. Чудовище с головой льва, один из семи злых дел родившийся в Горе Востока и обитающий в ямах и развал. Он вызывает раздор и болезни среди людей. Гении, как так и добрые, играли большую роль в жизни вавилонян. 1 тыс. о

*Илл. 76. Энлиль
Коленапреклоненные божеества возле священного дерева, поднимающие руки в защитном жесте,
вероятно представляют Энлиля или Бала, бога земли. Рельеф из Нимруда. 900 г. до н.э.*

Могучий Энлиль,
слово его нерушимо,
он ураган, разрушающий хлев,
сметающий загон для овец.

Большое напряжение между светлой и темной сторонами природы Энли-ля отчетливо выявляется в мифе «Энлиль и Нинлиль», в котором рассказывается, как юная и прекрасная дева Нинлиль, послушавшись матери, купается одна в канале, а увидевший ее Энлиль насильно овладевает ею. За это преступление Собрание богов приговаривает его к изгнанию из Ниппура (где и произошло это событие) в Подземный мир. Энлиль, подчиняясь суровому вердикту, отправляется в Преисподнюю, а Нинлиль, зачавшая сына (бога Луны — Наину или Сина), следует за ним на некотором расстоянии. Не желая отдавать своего будущего сына демонам Нергала, Энлиль снова и снова убеждает Нинлиль возлечь с ним и каждый раз зачинает нового ребенка, который мог бы

занять место Наины в загробном царстве и избавить его от заточения в нем. Так родились еще три божества хтонического характера: Месламтаза, Ниназу и Эннуш.

Наконец, в «Мифе о потопах» (шумерская версия) и отчасти в «Эпосе о Гильгамеше» Энлиль неизменно пребывает в дурном расположении духа и подвержен вспышкам буйного гнева.

Именно он насылает на землю катастрофический потоп, призванный истребить все человечество.

Энки (Эа) — «Господин Земли» (и воды)

Имя этого важного божества шумерского пантеона переводится буквально как «Господин Земли», видимо, потому, что земля без воды в Месопотамии мертва, а Энки и был как раз богом пресной воды, которая текла в реках, ручьях и родниках, принося жизнь и процветание обитателям месопотамской равнины. Семиты называли его Эа, что можно перевести как «Дом (или Храм) Вод». В ведении Энки-Эа находились и воды Мирового Океана, на дне которого, близ древнего города Эреду (Энки — покровитель этого города), он построил свой неприступный и роскошный дворец.

Энки стоял выше других богов по своей учености и мудрости, был покровителем (и изобретателем) ремесел, искусств, науки и литературы, патроном магов и колдунов:

Большой Брат богов, который обеспечивает процветание, Который составляет отчеты о вселенной, Ухо и мозг всех земель и стран.

Именно Энки составил и хранил у себя *ме* — божественные законы, управляющие вселенной. Он заботится о плуге, ярме и бороне, назначает бога

225

л 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Энкимду для присмотра и ухода за этими орудиями. Он изобретает и вводит в культуру все злаки и плоды на земле.

Существует миф о том, что Энки был (вместе с богиней Нинхурсаг) главным участником акта сотворения человека. Повествование начинается с рассказа о тех трудностях, которые испытывали боги шумерского «Олимпа» в добывании себе пищи. Боги горько жалуются на свою незавидную участь. Но Энки, бог воды и, одновременно, бог мудрости, каковой и должен был, по логике вещей, помочь своим собратьям, спокойно поживает в своем дворце в морской пучине и не слышит этих жалоб и стонаний. Тогда его мать Нинхурсаг отправляется в *ансу* («бездну»), будит его и заставляет искать выход из сложившейся драматической ситуации. Вдвоем они изготовили из глины и божественной крови первых людей, но они получились не совсем удачными. Лишь вторая попытка увенчалась успехом, и люди приступили к своему главному призванию на земле — верно служить богам, обеспечивая их всем необходимым.

Энки, как отмечается в большинстве мифов, всегда был очень благосклонен по отношению к людям. Он не только создатель и покровитель человечества. Пытаясь передать людям некоторые секреты своей мудрости, Энки сначала обучает своим искусствам группу младших богов, с тем чтобы те принесли затем его премудрость роду человеческому. Энки — покровитель шумерских школ и патрон шумерских писцов. Он любил (наперекор Энлилю) преодолевать и даже нарушать естественный закон: именно его своевременный совет спасает семью праведника (Утнапиштима, Зиусудры) от губительного потопа. Энки лечит больных, помогает людям во всех добрых делах и начинаниях.

С именем Энки связаны и еще два важных шумерских мифа: «Энки и Инанна» и «История семи божественных растений».

Содержание первого мифа состоит в следующем: во времена глубокой древности богиня Инанна, «царица небес» и «царица Урука», желая возвеличить свое имя и умножить могущество своего города, задумала превратить Урук в центр всего Шумера. Для этого нужно было добром или обманом заполучить *ме* — чудесные глиняные таблички с записанными на них божественными законами жизни, которые со всем тщанием оберегал в своем подводном дворце Энки. И богиня отправляется в Эреду, в дом Властелина Мудрости, облачившись перед этим в свои лучшие одежды и надев самые дорогие украшения. Увидев ее еще издали, Энки призвал своего слугу Исимуда и сказал ему:

Впусти юную девушку в Абзу города Эреду, Впусти Инанну в Абзу города Эреду. Угости ее ячменной лепешкой с маслом. Налей ей холодной воды, освежающей сердце,

Илл. 77. Бог подземных вод, Эа или Энки, изображенный в центре с птицей Анз
Справа крылатая богиня Инанна с финиковой ветвью в руке и рождающийся в
Горы Востока солнечный бог Уту-Шамаш. I тыс. до н.

Напой ее пивом из кувшина,
За священным столом, за Столом Небес
Встреть Инанну словами приветствия.

Слуга выполнил все, что приказал его господин. Энки сел с красавицей Инанной за «священный стол», угостил ее и сам поглотил немало еды и хмельных напитков. Подвыпив и разомлев, бог легко поддается чарам «царицы Урука» и во время пира одну за другой отдает ей священные таблички *ме*, после чего крепко засыпает. Богиня спешно погрузила свою ценную добычу на «Небесную Барку» и отплыла в «милый ее сердцу Урук». Придя в себя, Энки замечает пропажу божественных законов и посылает за Инанной погоню — Исимуда и несколько морских чудовищ с приказом отнять «то, что принадлежит Абзу», утопить барку, а юную красавицу отпустить с миром: пусть она идет в свой город пешком. Однако с помощью богатыря Ниншубура Инанна сумела отбиться от преследователей и благополучно приплыла в Урук со своей драгоценной добычей — табличками *ме*.

В мифе «Энки и Нинхурсаг» говорится о том, как Повелитель Подземных Вод получил, вместе с богиней Нинхурсаг, во владение остров Дильмун (Тельмун). Но на острове совсем не было пресной воды, и Энки в изобилии

ГЛАВА 8. КОСМОГЕНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

дал ее, превратив этот пустынный и бесплодный прежде кусочек суши в чудесный райский уголок, утопающий в зелени садов и пальмовых рощ. Здесь же он построил для богини прекрасный просторный дом и однажды ночью попытался овладеть ею. Но, встретив решительный отпор, вынужден был сделать Нинхурсаг официальное предложение и вступить с нею в законный брак. Плодом их союза стала богиня Нинсар («Госпожа Растений»). Однажды, будучи уже взрослой девушкой, она гуляла по берегу моря, где ее встретил Энки. Похотливый бог соблазнил юную красавицу, и в итоге на свет появилась Утту — богиня ткачества. Девочка быстро росла, хорошела, и обеспокоенная Нинхурсаг решила оградить ее от посягательств распутного мужа. Она крепко-накрепко заперла ее в своем доме, запретив выходить наружу. Однако и здесь Энки ухитрился преодолеть все препятствия, выманил свою дочь наружу и овладел ею.

Затем он совершил еще одно тяжкое преступление: съел восемь волшебных растений, которые долго и заботливо выращивала Нинхурсаг. Узнав об этом, богиня пришла в дикую ярость и прокляла своего мужа: восемь растений превратились в чреве Энки в восемь смертельных болезней, и он стал медленно умирать в страшных мучениях. Сама же Нинхурсаг, зная, что ее будут искать другие боги, желающие помочь своему страдающему собрату, спряталась в самом глухом месте. Долго поиски не давали результата. Но вот в это дело вмешалась хитроумная лисица. Она нашла Нинхурсаг, передала ей просьбу Совета богов о помощи умирающему «Повелителю Пресных Вод», и успокоившаяся богиня быстро вылечила Энки.

Мифы о богине Инанне (Иштар)

Самой популярной и самой интересной фигурой в сонме шумерских богинь была Инанна, — по одной версии — дочь бога Неба Ану, а по другой — дочь бога Луны Наины (Сина) и богини Нинлиль, сестра бога Солнца Уту (Шамаша).

Мифологические словари называют ее «царицей небес», богиней любви, супругой бога-пастуха Думузи. Инанна представляет собой в высшей степени сложное божество шумеров. В далеком прошлом, далеком даже для авторов мифологических повествований, Инанна, считавшаяся покровительницей продовольствия, была символом обильных урожаев. При неизвестных нам обстоятельствах культ этой богини вытеснил в Уруке культ бога Ана. (Некоторые мифы даже называют Инанну дочерью Ана.) Заняв место Ана, бога-покровителя Урука, Инанна одновременно выполняла функции и богини победы, и богини урожая, и богини правосудия (поскольку она была обладательницей *me*), являлась покровительницей семейной жизни и т. д. С ней и с богом пастухов Думузи был связан культ умирания и возрождения жизни. Если судить по

228

Илл. 78. Разные аспекты богини Иштар (Инанны). Богиня изображена соответственно в повседневном виде, в аспекте разрушительницы и в астральном аспекте принятия поклонения. Оттиски цилиндрической печати. Ассирийский п

количеству мифов, гимнов и песен, посвященных Инанне, богине любви, она являлась несомненной любимицей шумерских ученых и поэтов; Инанна — прообраз вавилонской Иштар, сидонской Астарты, греческой Афродиты, римской Венеры.

Инанна и ее женихи

Дворец Инанны — самой прекрасной из всех богинь — находился на самом краю небесного свода, откуда каждое утро выезжал на своей колеснице ее брат — лучезарный бог Солнца — Уту. Сама Инанна сияла на небе яркой планетой (Венерой), но нередко опускалась с небес на землю, и от ее прикосновения почва покрывалась зеленеющей травой и цветами. Она — покровительница кладовых, где хранились зерно, финики, мясо и шерсть, то есть она — богиня плодородия. Она — богиня грозы и дождя:

Я ступаю по небесам, и дождь проливается вниз;

Я ступаю по земле, и травы и злаки идут в рост.

Но она же и богиня раздоров и распрей (у шумеров даже слово для обозначения битвы переводилось как «пляска Инанны»).

Поллюбили прекрасную Инанну добрые кормильцы богов и людей — божественный пастух

Думузи и божественный земледелец Энкимду. Они прихо-

ГЛАВА 8. КОСМОГОНΙΑ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

дили свататься к прелестной богине-деве, но она колебалась и не знала, кого из них предпочесть.

Ее брат Уту, могучий небесный герой, сверкающий своим огненным ликом, уговаривал ее склониться к мольбам кроткого Думузи.

«О моя сестра! — говорил он. — Становись женою божественного пастуха. Он будет поить тебя свежим овечьим молоком, и его ладони, которыми он обнимет твой стройный стан, будут чистыми и белыми, как сливки, что он станет тебе приносить». Но упрямая богиня долго не слушалась брата.

«Мне не люб твой пастух, — отвечала она. — Я не хочу носить тонкие ткани из овечьей шерсти, в которые он мечтает одеть меня. Мне гораздо милее земледелец Энкимду, покрывающий землю буйной зеленью, выращивающий спелые колосья!»

И вот пришел к Инанне сам божественный пастух Думузи и стал ее убеждать: «Чем я хуже земледельца Энкимду? Неужели он лучше, чем я, он — владелец канав и каналов, хозяин мотыг и плугов. Правда, он обещает тебе белоснежное полотно, но зато у меня много белых овец. Он сулит тебе темные ткани, но и у меня есть овцы с черной шерстью. Он делает из ячменя опьяняющее душу пиво, но молоко моих овец вкуснее и полезнее. Он предлагает тебе насыщающий тело хлеб и выращенные им бобы, а я приготовлю тебе лучшие сорта сыра, вкус которых приятнее меда».

Сладкими речами склонил он сердце богини, и она пригласила его прийти на другой день в дом ее божественной матери Нинлиль, чтобы та решила их судьбу.

Весело гулял весь вечер юный жених по берегу реки. И вдруг повстречал он своего соперника Энкимду. Смело двинулся он к нему и задорно крикнул: «Я не уступлю тебе прекрасную Инанну, о хозяин мутных каналов и грязных канав, я буду биться с тобой за обладание моей невестой!» Но добродушный Энкимду ответил ему: «О пастух овец, юный Думузи! Зачем нам сражаться? Если Инанна предпочла тебя, то владей ею. Мы станем добрыми друзьями, и ты не пожалеешь об этом. Твои овцы будут щипать траву на моих лугах. Твои козлята и ягнята будут пить воду из моих каналов. На полях Урука я выращу для них зерно. Как свадебный дар я принесу тебе и Инанне пшеницу, бобы и чечевицу!»

Радостно согласился Думузи на примирение с Энкимду, и оба соперника стали друзьями.

«На другой день пришел Думузи в дом богини Нингаль и постучал в ее дверь. Выглянула богиня-мать и увидела, что тело жениха белее овечьего молока и сливки капают с его рук. И сказала она дочери: „Скорее умойся и оденься получше, твой жених пришел за тобой!”

Послушалась Инанна совета матери и пошла в бассейн, вымылась там и оделась в самые чистые ткани, украсила себя драгоценными камнями,

230

Илл. 79. Статуя богини Иштар (Инанны). Мари. XVIII в. до н.э.

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

а радостный Думузи терпеливо дожидался за дверью. И открыла она ему дверь, и обняла его, и согласилась стать его супругой»*.

Инанна - олицетворение постоянно возрождающейся жизни, культ которой объединял пару Инанна — Думузи.

Мы можем согласиться с теми учеными, которые утверждают, что у истоков этого культа было соединение легендарного правителя Урука, пастуха Думузи, с богиней плодородия и урожаев, покровительницей его города Инанной. Только при условии, что обе эти силы, олицетворяющие мужское и женское начала, соединятся, можно ожидать достатка, хорошего урожая на полях, приумножения скота. Судя по всем имеющимся материалам, культ этой пары возник в Уруке. Завоевав в какой-то период шумерской истории главенствующее положение в стране, жрецы

Урука создали религиозно-политическую теорию, согласно которой один из древних царей Урука в давние времена женился на богине, чем обеспечил своему городу богатство и могущество. Поскольку эта концепция не противоречила верованиям и магическим обрядам других районов страны, она была принята повсеместно. Бракосочетание царя Шумера (в каком городе он правил, теперь уже не имело значения) с богиней Инанной превратилось в обряд, который в религиозной практике шумеров был представлен в виде мистерий, совершавшихся во время празднования Нового года. Возник сложный ритуал: царь торжественно вступал в брак с богиней; ее роль исполняла выбранная для этого жрица. Царь становился Думузи, жрица — Инанной. Что представлял собой этот магический обряд, нам известно из многочисленных текстов, отображающих этот важнейший (если не самый важный) религиозный акт шумеров, который установился, по-видимому, к середине III тыс.

Мы можем представить себе, с каким великолепием на протяжении столетий ежегодно совершалась эта церемония. «...У подножия храма теснится толпа, все взгляды устремлены вверх: там, на самом верху, куда ведет крутая лестница, свершится священный акт. Во дворах храмов собрались самые почетные граждане: дворцовые чиновники, надсмотрщики, военачальники. Под пение жрецов и жриц празднично одетый царь приближается к священному алькову. За дверями храма его ждет „богиня“. Жрица, которой выпало счастье играть роль богини, песней призывает жениха. Народ ждет. Жизнь всех этих людей зависит от того, что произойдет там, в святая святых храма, на роскошно убранном ложе, приготовленном для „богини“ и царя. Этим актом будет оказана помощь небесным силам, которые пробудят жизнь на земле. Оживут луга и поля, вырастет сочная трава для коров и овец, буйно заколосятся хлеба, созреют плоды на деревьях. Вот почему с таким благоговейным вниманием слушают собравшиеся пение жрецов».

* Миф изложен по версии Д.Г. Редера.

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАЛ

Примерно так проходили по всему Шумеру мистерии «священного бракосочетания». Вызванный ими экстаз имел не только религиозный характер, поэтические слова о любви и преданности были не только метафорой: царь и его невеста-богиня были людьми с пылкими сердцами. Если новогодние мистерии в Шумере были древнейшими в истории, то песни к богу Думузи представляют собой древнейшие в мировой литературе любовные стихи. К сожалению, они сохранились лишь в виде отрывков и прочитаны фрагментарно, но позволяют передать все очарование необузданной страсти, которая подсказала их поэтам и поэтессам Шумера.

...Мой любимый встретил меня,

Взял от меня наслаждение, радовался вместе со мной,

Мой брат ввел меня в его дом

И сделал так, что я легла на медовое ложе,

Возлюбленный мой прилег около моего сердца...

Или в другой песне:

Твой приход — это жизнь, Твое приближение к дому — изобилие, Лечь рядом с тобой — самая большая радость, Любимый-После того как справлена свадьба Инанны и Думузи, начинается главная, драматическая часть мифа: за любовь к прекрасной богине бога-пастуха ждет печальная судьба.

Инанна в царстве мертвых

Перед тем как перейти к содержанию мифа о нисхождении богини любви в Подземное царство, необходимо дать несколько пояснений по поводу его устройства.

Шумерский ад напоминает древнегреческий Аид. Страну умерших шумеры называли Кур.

Лингвистический анализ слова «кур», первоначально значившего «гора», показал, что это слово с течением времени приобрело более общее значение — «чужая страна». Произошло это потому, что племена, чаще других нападавшие на Шумер, жили в горах, в горных районах. Установить, каким образом Кур стал обозначать пустое пространство, отделяющее землю от первозданного океана, приют для теней умерших, царство богини Эрешки-галь, пока невозможно. Это страна, откуда нет возврата. Правда, как мы вскоре убедимся, случались исключения.

Подобно тому как в Аид можно было проникнуть лишь переплыв реку Стикс, так путь в Кур преграждала река, «поглощающая людей». Для переправы

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

существовали лодка и перевозчик, «человек лодки», удивительно напоминающий греческого Харона.

Ниже следует краткое содержание мифа в изложении известного российского историка-востоковеда Д.Г. Редера.

Не думал бедный Думузи, что долгожданный брак с прекрасной Инанной принесет ему столько бед и приведет его к гибели.

Властной и гордой оказалась Инанна. Мало ей было владычества на небесах и на земле, она захотела господствовать и в подземном мире, где царствовала ее старшая сестра Эрешкигаль. Хорошо знала Инанна, что никого из небесных богов не пускает ее сестра в свое царство, и решила хитростью проникнуть под землю и разведать о порядках страны, откуда нет возврата. Она узнала о том, что муж ее сестры, великий властитель Гугальянна, погиб и Эрешкигаль совершает погребальные обряды.

Задумала Инанна спуститься в гости к старшей сестре, чтобы выразить свое сочувствие. Неужели та откажется принять ее в такой день и не разделит свою скорбь с нею? Но все-таки опасалась Инанна, что ее свирепая сестра, безжалостная богиня смерти, не поверит ей и захочет ее погубить. И надумала она предупредить на всякий случай своего верного визиря Ниншубура: «Если я не вернусь через три дня и три ночи, будь готов выручить меня. Обратись за помощью к владыке богов Энлилю, к моему отцу Наннару и к премудрому Энки».

Распорядившись так, Инанна покинула небо и землю, где она была владычицей, и направилась ко входу в мрачный Подземный мир. Семь волшебных амулетов, заключающих в себе божественные законы, взяла она с собой. Она навесила их на свои руки и на свои ноги и считала, что теперь подземная страна будет ею покорена. Голову она украсила короной, а пряди густых волос опускались на ее лоб. В руки взяла она трость из лазурита, которой измеряются поля, крупные бусы из лазурита надела на шею, а мелким бисером украсила грудь. В левую руку взяла она золотой обруч, знак царской власти, защитила свое сердце чудесным нагрудником с надписью: «Входи, входи!» Свое прекрасное тело одела она покровами владычицы, а глаза умастила волшебной мазью, открывающей все двери.

Когда Инанна прибыла к огромному, как гора, дворцу Эрешкигаль, сложенному из кусков лазурита, ей преградил путь главный страж Нети и грозно закричал: «Кто ты такая? Зачем ты пришла?»

«Я — царица неба, я пришла с восточного края неба, откуда восходит мой брат Уту. Я хочу посетить мою старшую сестру Эрешкигаль и справить вместе с нею траурные обряды по ее супругу!»

«Погоди, Инанна, — ответил страж, узнав богиню, — я пойду и поговорю с моей царицей и узнаю ее волю!»

*Илл. 80. Богиня Иштар как персонификация богини т
и войны. Здесь она изображена в аспекте воинствующей бо
«Госпожи Битвы» со своим священным животным лг
Рельеф из Телль-Асмара. IX в. ос*

ЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Когда узнала Эрешкигаль о приходе младшей сестры, исполнилась она лютой злобы и в ярости укусила свой собственный палец. «Впусти Инанну, — повелела она стражу, — но поступи с ней по нашим законам, раздень ее, как раздеваешь всех проходящих к нам. Пусть предстанет она предо мной обнаженной!»

Послушался Нети приказа своей госпожи. Через семь ворот пропустил он Инанну и в каждом воротах снимал с нее украшения и амулеты, в которых таилась ее чудесная сила и власть, а под конец сорвал с нее одежду и голой привлек к трону Эрешкигаль.

Окруженная семь Ауннаками, судьями мертвецов, сидела на троне царица подземного мира. Грозно взглянула она на младшую сестру своими смертоносными глазами и громким, яростным голосом произнесла злобные слова. В один миг окоченело тело Инанны и превратилось в бездушный труп, и слуги Эрешкигаль пригвоздили его к столбу.

Прошло три дня и три ночи. Верный Ниншубур не дождался своей владычицы и отправился к богу Энлилю просить его о заступничестве. Но безучастно отнесся Энлиль к судьбе своей прекрасной внучки и не захотел ради нее ссориться со страшной Эрешкигаль.

Тогда отправился Ниншубур в город Ур к Наннару, родному отцу Инанны, но и этот бог продолжал спокойно озарять уснувшую землю своим мерцающим, успокаивающим сердца светом и не покинул небесного чертога, не двинулся на выручку дочери.

В отчаянье помчался Ниншубур вниз по течению Евфрата, к городу Эре-ду, где правил дядя

Инанны, бог Энки. Только этот бог, знающий все тайны вселенной, понял, какими бедами угрожает земле и небу удаление Инанны, дарующей почве плодородие. Только он решился выручить прекрасную богиню, таящую в себе чары, что побуждают все живое размножаться. Он вонзил свои ногти в почву и оторвал кусок мягкой глины. Из нее он создал двух вестников — Кургарру и Калатурру. Это были покорные и бесполое существа, они не были ни мужчинами, ни женщинами и бесстрастно выполняли волю божественного гончара, слепившего их. И дал премудрый Энки одному из них пищу жизни, а другому воду жизни и послал их в мрачный Подземный мир.

Спустившись в преисподнюю, вестники бога мудрости были внимательными и осторожными. Бесшумно продвигались они по подземным тропам, остерегались смачивать свои уста водой подземной реки и не проглотили ни одного зернышка, выросшего на ее берегах, чтобы не позабыть землю и не остаться навеки внизу.

Добравшись до трона Эрешкигаль, потребовали вестники божественного мудреца Энки именем своего владыки освобождения Инанны.

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТА*

Спокойно и насмешливо отвечала им повелительница преисподней, указывая на безжизненное тело, висящее на гвозде: «Вот она, ваша царица, забирайте ее, мне она не нужна!»

Тогда оба вестника сняли труп богини с гвоздя, и Кургарру осыпал ее зернами жизни, а Калатурру опрыскал ее водой жизни. И поднялась Инанна на свои прекрасные ноги и бодро двинулась к воротам Подземного мира. Но семеро Ануннаков, судей мертвецов, тут же бросились к ней.

«Никто еще не покидал нашего царства, не оставив кого-нибудь вместо себя!» — закричали они.

«Прочь с дороги! Пустите меня наверх, я пришлю себе замену!» — гордо воскликнула Инанна и величественным шагом прошла через семь ворот, облачаясь в свои наряды и оставленные у входа драгоценные амулеты, таящие в себе волшебную силу верховной власти.

Но хитрые Ануннаки не успокоились. Они послали следом за богиней целую толпу свирепых демонов. Самые маленькие из них были ростом с былинку, а самые большие напоминали гигантские тростники, растущие по краю болот. Это были страшные, бессердечные слуги свирепой Эрешкигаль. Нет у них плотских желаний, и чужды они сострадания. Никогда не вкушают они пищи и не пьют воды, но силы их остаются прежними и не чувствуют они усталости. Эти демоны похищают жену с ложа ее супруга и отрывают беспомощного младенца от груди кормилицы.

Под охраной чудовищ пришла Инанна в город Умму к богу Шаре и сказала ему: «О мой верный брат, спустись вместо меня в преисподнюю!»

Увидев уродливых и злобных демонов, окружающих богиню, испугался Шара, упал к ногам Инанны и жалобно молил о пощаде: «Другого, другого пошли, сестра моя, в страшный Подземный мир!»

И двинулась Инанна в Бад-Тибиру, к богу Латараку, но и тот с плачем умолял освободить его от ужасной участи и искать другую замену.

И решила Инанна, что только Думузи, которого она одарила всеми чарами своей страсти, сможет заменить ее в Подземном мире. Он не посмеет отказать от своего долга. За небывалые наслаждения на ложе прекраснейшей из богинь заплатит он жизнью.

И пришла Инанна в Куллаб, где сидел на троне ее супруг. Безжалостным взором взглянула она на него, и в ее ледяных глазах таилась смерть.

Все понял несчастный Думузи, мгновенно побледнел он и поднял руки к небу, залитому яркими солнечными лучами, моля о помощи Уту, брата своей беспощадной супруги. Но равнодушно и спокойно отвернулся лучезарный Уту, и темные тучи затмили небо. Без крика, без стона рухнул на землю беспомощный Думузи, и свирепые стражи Эрешкигаль повлекли его в царство своей повелительницы.

*ЧАВ8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Такова шумерская версия этого мифа.

Но есть и более поздний, вавилонский вариант этого предания.

Юный бог Думузи был любимым братом прекрасной богини Иштар (Инан-ны). Она воспылала к нему пылкой страстью и стала его супругой. Но недолго продолжалась их счастливая брачная жизнь. В жаркий летний день, в самом конце месяца симан, в часы летнего солнцестояния отправился Думузи в степь на охоту. Внезапно налетел буйный вихрь, и Думузи нал на землю, подобно надломленному тростнику.

Опечалилась прекрасная Иштар, узнав о гибели своего брата и супруга, и решила отправиться в подземный мир, в страну без возврата, в мрачное жилище зловещей Эрешкигаль и супруга ее

Нергала, не ведающих ни сострадания, ни справедливости. Быть может, думала она, удастся вывести из этой страны погибшего юного бога.

И вот она направила свои стопы к массивным воротам, ведущим в преисподнюю. Могучей дланью застучала она в медные створы, преграждавшие ей путь, жалобно зазвенели тяжелые засовы, и с потемневших замков посыпалась пыль.

«Эй, страж! — закричала она. — Открой мне немедленно ворота ипусти меня в подземный мир. Если ты будешь медлить, то я сломаю дверные створы, сокрушу косяки, собью замки с петель и выпущу на землю всех узников вашего царства, и на свете станет больше мертвецов, чем живых!»
«Погоди, о владычица! — испуганно воскликнул страж. — Я пойду и доложу о тебе моей госпоже Эрешкигаль!»

Узнав о приходе Иштар, царица Подземного мира пришла в ярость. Ее лицо потемнело от злости, губы почернели от ненависти, и, скрежеща зубами, молвила она стражу: «Впусти богиню, но поступи с ней по нашим законам!»

Вернулся страж ко входу в преисподнюю и распахнул створы первых ворот. Едва Иштар вступила в них, он сорвал золотую тиару с ее головы. Открыл он перед ней вторые ворота и, пока она проходила через них, снял драгоценные подвески с ее ушей. В третьих воротах он отнял у нее ожерелье из сверкающих камней, украшающее ее стройную шею, в четвертых воротах — круглые щитки с ее груди, а в пятых воротах развязал волшебный разноцветный пояс, стягивающий ее стан, в шестых же воротах стащил с ее нежных рук и изящных ног золотые браслеты. Наконец, когда богиня подошла к седьмым и последним воротам подземного мира, наглый страж сорвал поясок стыда, опоясывающий ее чресла, и нагая богиня очутилась в вечном мраке преисподней. Ощупью пробиралась она по бесчисленным путям и переходам. Вокруг летали мириады душ умерших, покрытые перьями, подобно птицам. Тяжело жилось им в беспросветной темноте, где они теснились в пыли, забыв о дневном свете, и питались прахом и глиной.

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТА

С трудом добралась Иштар до престола царицы Подземного мира Эрешкигаль. Обе богини обрушились друг на друга с бранью и язвительными насмешками. Призвала Эрешкигаль своего верного слугу, бога чумы Намтара, и он наслал на Иштар шестьдесят страшных болезней, поразивших ее сердце и печень, ее руки и ноги, ее глаза и уши.

С уходом богини Иштар, вселяющей в сердца страсть и возбуждающей у всех живых существ желание любить, замерла на земле жизнь и мертвящее равнодушие охватило все живое. Бык перестал подходить к корове, осел не покрывал ослицы, юные супруги расходились вечером по разным комнатам. Женщины не испытывали родовых мук, и не было слышно крика младенцев. Испугались боги безмолвия, охватившего землю. Они стали опасаться, что исчезнут вскоре все животные и птицы и вымрет человеческий род. И вот боги обратились за советом к мудрейшему в своей семье, властителю бездны Эа. И слепил он из глины евнуха Аспамира и послал его вестником в Подземный мир.

Бесстрастным голосом передал вестник великих богов требование об освобождении Иштар. Не испытывая ни гнева, ни испуга, смотрел он на страшную царицу подземного мира и спокойно повторял слово в слово то, что ему было сказано.

Эрешкигаль пылала неукротимой яростью, она била кулаками по бедрам и гневно кусала пальцы. Ужасными проклятиями осыпала она ни в чем не повинного вестника богов, желая ему всю жизнь валяться в грязных канавах, пить сточные воды и изнывать от голода. Но как ни ярилась злобная Эрешкигаль, не решилась она спорить с небесными богами и выполнила их волю.

Радостно прошла Иштар через все семь ворот, и унылый страж возвращал ей со вздохом все одежды и украшения, которые он отнял у нее. Жестокие боли и сердечное уныние, терзавшие богиню в подземном мире, исчезли без следа. В своих руках она держала сосуд с живой водой. Она возлила воду жизни на труп юного Думузи и набросила на него белоснежное одеяние. И поднялся ее прекрасный брат и супруг с ложа смерти, и вся земля возликовала. Всех животных, птиц и людей вновь охватила страсть. Это случилось в месяце нисан, в день весеннего равноденствия.

Однако вернемся к шумерским преданиям об участии Думузи. Согласно решению богини Инанны, Думузи (ее супруг) и Нгештинана (сестра бога-пастуха, пытавшаяся спасти его от гибели) поочередно отправляются в «Кур» — царство мертвых — и находятся там по полгода каждый. Другую половину года они проводят на земле.

«Отметим, — пишет И.М. Дьяконов, — что миф предполагает деление года на два полугодия: месяцы героя-пастуха Думузи, которые он проводит на земле, и месяцы сменяющей его на земле

богини растительности, его сестры

ЗА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Нгештинаны. Полугодие Думузи — это лето, время жары, от марта-апреля до августа-сентября. Это полугодие урожая и обилия зерна, которым кормили в древней Нижней Месопотамии, — время вегетации от месяца раннего сева до месяца в жатвы».

Подземное царство (Нергал)

Благодаря мифу о нисхождении Инанны в Подземное царство мы уже имеем некоторое представление о «стране, откуда нет возврата», где действуют непреложные законы, обязательные как для людей, так и для богов. Мы уже знаем, что путь в преисподнюю лежал через реку, на берегу которой сидел страж, что умерших перевозил на другой берег «человек лодки», что, прежде чем предстать перед ликом владычицы Подземного царства и выносящими приговоры семью Ануннаками, нужно было пройти через семь врат. Мы знаем имена различных божеств, связанных с преисподней. Среди них — сын Энли-ля Нергал, «господин больших пространств»; Нети, главный привратник; Эн-мешарра, один из богов, почитавшихся в земледельческих районах, после «смерти» ставший божеством царства смерти. Кроме того — а может быть, прежде всего — ад был местом пребывания демонов, больших и малых галла, тех, кто «вырывает жену из объятий мужа, кто отрывает дитя от груди кормилицы». О демонах и о том зле, которое они причиняли людям, мы поговорим позднее. А сейчас попробуем, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении тексты, заглянуть в шумерский Аид. Ведь все, что удастся узнать о царстве мертвых, становится бесценным материалом, помогающим изучению философии, представлений о человеческой судьбе, духовной жизни, чаяний и надежд народа, исчезнувшего четыре тысячелетия назад. Более того, подробности, касающиеся пребывания теней в Куре, обогащают наши представления о жизни и обычаях шумеров, так как они нередко воспроизводят повседневную жизнь людей (то же самое мы говорили по поводу образа жизни и обычаев богов).

Немало информации о преисподней содержится и в «Эпосе о Гильгаме-ше». Например, в эпизоде о путешествии Энкиду в Кур на поиски пропавших там волшебных вещей правителя Урука.

Гильгамеш согласился с этим планом и дал Энкиду несколько советов, которые должны были помочь тому спуститься в Кур и вернуться на землю. Он рассказал о законах царства мертвых, которые Энкиду ни в коем случае не должен был нарушать:

Если ты сейчас спустишься в подземное царство,

Я скажу тебе слово — внимай ему!

Я дам тебе совет — следуй ему!

Не надевай чистых одежд,

Иначе служители [ада] набросятся на тебя, как на врага.

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАЛА

Не умахайся благовонием из сосуда бур,

Иначе на запах его они сбегутся к тебе.

Не бросай метательную дубинку в Подземном царстве,

Иначе те, кого она заденет, столпятся вокруг тебя.

Не бери в руки посох,

Иначе тени слетятся к тебе.

Не надевай на ноги сандалий,

Не кричи громко в подземном царстве,

Не целуй свою любимую жену,

Не бей свою нелюбимую жену,

Не целуй любимого сына,

Не бей нелюбимого сына...

Энкиду пренебрег каким-то из этих советов, и «Кур захватил его». Он, правда, не заболел и не умер («не смог завладеть им Намтар» — демон смерти, «не смог завладеть им Асаг» — демон болезней), но, очутившись в преисподней, он не может оттуда выйти. Опечаленный Гильгамеш предстал перед Эн-лилем и со слезами рассказал ему о судьбе своего слуги. Здесь повторяется известная нам по другим мифам история: Энлиль отказывается помочь, и на помощь приходит добрый Энки, по приказу которого Уту проделывает отверстие в крыше подземного царства, через которое «тень Энкиду» сможет подняться из преисподней на землю, чтобы предстать перед Гильгамешем. Тень, но не живой Энкиду! Фрагментарно восстановленный, имеющий метафорический смысл текст беседы Гильгамеша с «тенью Энкиду» касается участи, которая уготована умершим в Куре.

Царство Эрешкигаль — страна теней, блуждающих без всякой надежды. Ад — не бездна, куда ввергаются одни лишь грешники, здесь встречаются хорошие и дурные люди, великие и ничтожные, благочестивые и нечестивцы. Это просто «другая страна», куда перейдет каждый

человек. Покорность и пессимизм, которыми проникнуты эти картины, являются естественным итогом представлений о роли и месте человека в окружающем мире. Человек, считали шумеры, создан для того, чтобы служить богам. Его обязанность — доставлять богам пищу и питье, умножать их богатства, воздвигать храмы для небожителей. Когда приходит смерть, он больше не может служить богам, становится ненужным, превращается в тень и уходит в «страну, из которой нет возврата», чтобы блуждать там без цели, без еды и питья. Никто не в силах избежать своей судьбы, уйти от того, что ему предначертано, можно лишь кое-что узнать о своем будущем из предсказаний жрецов, но изменить свою участь невозможно. Непреложна и непостижима воля богов.

Неотвратимость смерти и понимание того, что по ту сторону человека ничего не ждет, требовали разработки определенных нравственных норм. Чтобы боги послали «долгую жизнь» и удачу, позаботились о тебе и твоих близких,

ГЛАВА 8. КОСМОГОНΙΑ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

надо преданно и усердно им служить, выполнять их распоряжения, то есть слушаться их представителей на земле.

Хотя потусторонний мир считался обителью мертвых, там была и своего рода «жизнь». В музее Пенсильванского университета в Филадельфии сохранилась табличка, рассказывающая о приключениях шумерского царя в Подземном царстве. Содержание уцелевшего текста вкратце таково.

После своей смерти великий царь Ур-Намму прибывает в Кур. Сначала он приносит дары и жертвы семи подземным божествам, каждому в его дворце. Затем он приносит жертвы двум другим божествам — одно из них выполняет должность писца загробного мира, — чтобы заручиться их поддержкой. Наконец, тень Ур-Намму добирается до места, предназначенного для него священнослужителями Кура. Здесь его приветствуют другие обитатели Кура, стараясь, чтобы он почувствовал себя как дома. Герой Гильгамеш, ставший «судьей Подземного царства», объясняет Ур-Намму законы и правила Кура.

Но проходит «семь дней», проходит «десять дней», и до Ур-Намму доносятся «жалобы Шумера». Он вспоминает о стенах Ура, которые он оставил недостроенными, о своем новом дворце, который не успел освятить, о своей жене, которую не может больше обнять, о своем ребенке, которого некому покачать на коленях. Все это смущает его покой в потустороннем мире, и Ур-Намму раздражается долгими и горестными сетованиями.

В особых случаях тени мертвых могли на время «подниматься» на землю. В шумерской поэме «Гильгамеш, Энкиду и Подземное царство» тень Энкиду поднимается из Кура, чтобы обнять своего господина Гильгамеша и побеседовать с ним.

Хотя Кур предназначался для смертных, в нем пребывало немало различных бессмертных божеств. Сохранилось несколько мифов, объясняющих присутствие некоторых божеств в подземном царстве (миф об Энлиле, миф об Инанне и др.).

Судьба человека (жизнь и смерть в представлениях древних шумеров)

Кто же определял судьбы людей? Ответить на этот вопрос, как и на многие другие вопросы, связанные с религиозными верованиями шумеров, чрезвычайно трудно, тем более что мифология этого народа пока еще недостаточно хорошо изучена и многие выводы получены путем умозаключений. Ясно одно: у шумерских богов, в особенности у верховных, было слишком много обязанностей, чтобы они могли еще заниматься судьбами отдельных людей. Каждый человек имел своего бога-покровителя, который являлся посредником между ним и главными богами.

Сохранялась, если можно так выразиться, «служебная

242

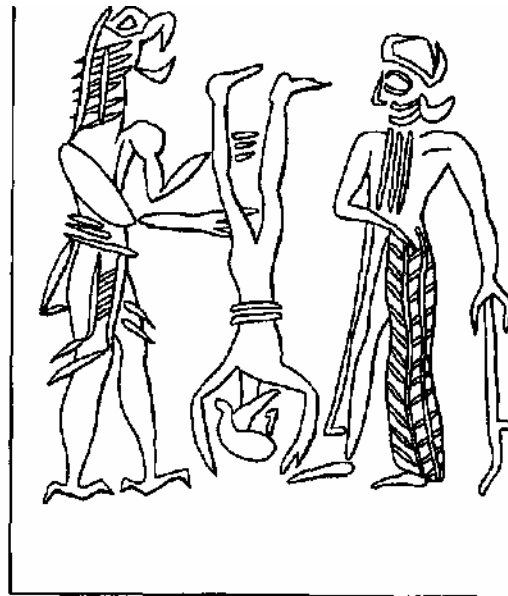
Илл. 81. Нергал, повелитель Подземного царства, дает указания демону по поводу наказания грешников. Прорисовка оттиска цилиндрической печати. Старовавилонский период

Илл. 82. Богиня Эрешкг

в зооморфном виде. Прорис

с глиняной табл

Аккадский пе

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

иерархия». Не каждый человек мог обратиться непосредственно к таким богам, как Ан, Энлиль, Энки, Инанна, Уту, Нанше. Такую возможность имели только правители, цари-жрецы и, вероятно, высшие чиновники. Выслушав просьбу своего подопечного, бог-покровитель передавал ее богу, в чью компетенцию входило разрешение того или иного вопроса. Но и боги-покровители не могли изменить того, что было предначертано человеку. После долгих споров историки и лингвисты пришли к мнению: судьбу человека определяли не сами боги. Судьба, точнее, сущность или нечто «детерминирующее предначертание» у шумеров называли «намтар»; так же звучало имя демона смерти — Намтар. Возможно, это он, как в греческой мифологии мойры, выносил решение о смерти человека, которого не могли отменить даже боги.

Среди шумерских притч есть несколько произведений, в которых речь идет о Намтаре, демоне смерти, или о намтар, предопределении. Торкильд Якобсон отнесся к этим притчам как к единому целому и исходя из этого перевел и интерпретировал их как одну притчу, названную им «Бедняк и его судьба». Интерпретация Якобсона оказалась чрезвычайно интересной, тем более что она дала возможность глубже проникнуть в фаталистическую концепцию судьбы и лучше понять представление шумеров о

предназначении как о высшей и неотвратимой силе. Текст притчи не вполне ясен, вокруг него ведутся лингвистические споры, но познакомиться с переводом этого необычайно ценного документа, бросающего свет на религиозные воззрения шумеров и многие другие вопросы, безусловно, стоит: Что определило мою судьбу, скажу — [хотя] только презрительными словами; Ту [которая сказала их], я заставлю появиться — [хотя] только там, где может пребывать дух; Что определило мою судьбу, скажу соседке: Это она [моя мать] подставила меня под [действие] презрительных слов; На зародыш [человека] смотрела, в который [таким образом] проникла моя судьба; В несчастный день я был рожден; Что определило мою судьбу, она сказала: она отказалась быть моей матерью! Познание... Соседка, которая вошла в дом, чтобы [помочь] моей матери, Она перенесла меня в жизнь, умастила меня. Как говорится, я человек, который стал подкидышем еще до того, как была определена его судьба; «Я опытный казначей, позволь тебе служить», — сказала она мне. Как говорится, я человек, который стал рабом (?) еще до того, как была определена его судьба;

244

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПО

«Я опытна в денежных и имущественных делах, позволь мне тебе служить», — сказала она мне. Судьба — это зверь, всегда готовый укусить. Как грязная одежда, она прилипает [говоря]:

ч Кто бы ни был мой господин, пусть знает: Судьба подобна той одежде [что на него надега], пеленает плотно среди пустыни.

Судьба — это [также] бешеный вихрь, несущийся над страной, Судьба — это пес, следующий за ним по пятам. Это трудный, усложненный текст, да и интерпретация, предложенная Т. Якобсоном, далеко не однозначна. Прежде всего обращают на себя внимание страх и ненависть по отношению к предопределению, хотя страх перед божеством (как-никак Намтар — один из богов «страны, откуда нет возврата») не мешает употреблять «презрительные слова»: судьба сравнивается с псом, с грязной одеждой. Против судьбы нельзя бунтовать, но бранить ее и осыпать проклятиями можно. Эпитеты и сравнения в этой поэме напоминают те, что использовались по адресу злых демонов. Это и не удивительно. Намтар считался демоном, притом одним из самых жестоких, ведь он нес смерть. Шумеры, вавилоняне и ассирийцы взирали на своих богов так, как слуги взирают на своих добрых хозяев: со смирением и страхом, но также с восхищением и любовью.

И для царей, и для общинников повиновение божественным приказам было величайшим из всех качеств, точно так же как служба богам была наиболее важной обязанностью. В то время как проведение различных празднеств и отправление сложных ритуалов культа были задачей жрецов, долгом каждого гражданина было посылать дары в храмы, присутствовать на главных религиозных церемониях, заботиться об умерших, молиться и получать наказания за грехи, а также соблюдать бесчисленные правила и табу, которые сопровождали почти каждый момент его жизни. Благоразумный человек «боялся богов» и скрупулезно следовал их предписаниям. Сделать что-либо неугодное богам было не только глупо, но и греховно, а грех — как знает каждый — приносит на голову человека самые страшные наказания. Однако было бы неверно думать, что месопотамская религия — это чисто формальное дело, когда гимны и молитвы скрывают самые деликатные чувства и подавляют глубинные эмоции. Месопотамцы доверяли своим богам; они полагались на них, как дети полагаются на своих родителей; они разговаривали с ними, как со своими «истинными отцами и матерями», которые могли обижаться и наказывать, но которые могли также успокаивать и прощать. Приношения, жертвы и соблюдение религиозных предписаний — это не все, чего требовали

месопотамские боги от своих поклонников. Милость богов
ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

доставалась тем, кто вел «добропорядочную жизнь», кто был хорошим родителем, хорошим соседом, хорошим гражданином и кто демонстрировал свои добродетели — доброту и сострадание, правдивость и искренность, справедливость, уважение к закону и установленному порядку.

В качестве награды за благочестие и хорошее поведение боги оказывали человеку помощь и защищали от опасности, даровали доброе здоровье, почетное положение в обществе, богатство, многочисленных детей, долгую жизнь, счастье.

Но только боги были бессмертными. Для людей смерть была неотвратимой, и это следовало понимать и принимать:

Только боги живут вечно под солнцем, Что же касается людей, то их дни сочтены...

Что же происходило с человеком после смерти? Тысячи могил с погребальным инвентарем подтверждают существование веры в загробную жизнь, где мертвые несли с собой некоторые свои вещи и получали пищу и воду от живых. Но детали месопотамской эсхатологии, которые мы можем извлечь из мифа «Сошествие Инанны в Подземный мир» или шумерского цикла о Гиль-

гамеше, являются очень скудными и часто противоречивыми.

«Страна, откуда нет возврата» была обширным пространством где-то под землей, с огромным дворцом, где царствовали Эрешкигаль, шумерская Персе-фона, и ее муж Нергал, бог войны и чумы, окруженные рядом ужасных демонов и стражей. Чтобы достичь этого дворца, души умерших должны были пересечь реку с помощью лодки и снять свои одежды. Впоследствии люди вели тоскливую и жалкую жизнь в месте,

Где пыль их пища, глина их питание; Где они не видят света и живут в темноте, Где они одеты как птицы в одежды из перьев, Где над дверью и засовом лежит пыль.

Однако мы знаем из других источников, что солнце освещало Подземный мир на своем пути вокруг земли и что бог Солнца Уту вершил суд над мертвыми; так что не со всеми из них поступали с одинаковой строгостью. Видимо, шумерская идея об аде была так же неопределенна, как и наша.

Однако смерть была не единственной заботой месопотамцев. Они имели, как и мы, свою долю болезней, бедности, разочарования и печали, и, подобно

246

Илл. 83. Жрец или герой, приближающийся к алтарю с цветами лотоса в руках.

Форт Шаласара, Ассирия

ЈАВ. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

нам, они удивлялись: как могло все это случиться, если боги управляют миром? Как могло *Зло* преобладать над *Добром*?..

Долина Тигра и Евфрата всегда была местом бурных и неожиданных изменений. Те же самые реки, которые приносили жизнь, могли также принести и беду. Зимы могли быть слишком холодными или без дождей, летние ветры слишком сухими для финиковых пальм. Грозовой ливень мог в один момент превратить сухую и пыльную равнину в море грязи, и в один «прекрасный» день песчаная буря могла внезапно закрыть небо и произвести всеобщее опустошение. Сталкиваясь с этими проявлениями сверхъестественных сил, древний месопотамец чувствовал себя жалким и беспомощным. Он был охвачен беспокойством и страхом. Ему казалось, что ни в чем вокруг нет стабильности. Нет уверенности в завтрашнем дне. Его собственная жизнь, жизнь его семьи, урожай с его полей и садов, поголовье скота, сезонные циклы природы и, фактически, само существование вселенной, — все находилось в постоянной опасности. И единственным спасением для человека было обращение к помощи богов. Поэтому каждую весну во многих городах Месопотамии (и особенно в Вавилоне) производилась торжественная и пышная церемония *акиту*, или новогодний праздник, сочетавший в себе священный брак богов, великую драму Сотворения мира и ежегодное утверждение царской власти. Праздник достигал своей кульминации в момент сбора всех богов, которые торжественно «объявляли всем людям их судьбы». Только после этого царь мог опять сесть на свой трон, пастух вернуться к своему стаду, а земледелец — к своему полю. Только тогда месопотамец получал небесное подтверждение свыше: мир будет существовать еще один год.

Мир в течение года описывает круг и «возвращается на свое место», то есть восстанавливается в прежнем целостном облике. «Возвращение на свое место» означает в шумеро-вавилонской культуре комплексное обновление мира.

Итак, по представлениям шумеров, каждый человек появляется на свет для работы на богов. На протяжении всей жизни он должен отдавать им часть своего урожая и скота, воевать за их храмы, услаждать их слух хвалебными песнопениями и тем самым оправдывать свое высшее предназначение в обитаемом мире. При рождении ребенку давали в руки предмет, магически закреплявший его половую идентификацию: мальчик получал в руки палку, девочка — веретено. После этого младенец обретал имя и «судьбу людей» (*нам-лу-улу*). В состав имени человека обязательно должно было входить имя божества, охранявшего здоровье и жизнь людей. Чаще всего это было имя или городского бога, или божества-покровителя семьи. В понятие «судьба людей» входит весь процесс жизни — от младенчества до старости. Каждый возраст отличается особым мироощущением и занимает определенное место в обществе. Ребенок должен беспрекословно подчиняться воле родителей и выпол-

ГМВАВ. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Илл. 84. Поклонение Мардуку и Ишт Оттиск с ассирийской печа

нять их приказы так же усердно, как взрослые выполняют повеления богов. Юноша должен пройти обряд инициации, после которого он покидает родительскую семью и становится воином. Молодые люди, не имевшие своей семьи, служили основной воинской силой в походах шумерских царей, они же входили в состав городского ополчения и имели голос в народном собрании. Вернувшись из похода с богатой добычей, человек обзаводился семьей, строил дом и получал статус взрослого (*лу* — «человек»). Он овладевает ремеслом, занимает определенное положение в обществе, характер его делается все более спокойным, а разум вбирает мудрость предков. И в четвертом возрасте — старческом (*аб-ба* — «старик») — человек является носителем традиции, ее преданий, ее норм и идеалов. Он уважаем в народном собрании, у него множество детей и внуков, большое хозяйство, и он вполне может рассчитывать на обильные жертвы после смерти. Такова судьба большинства жителей Шумера, усердно выполнявших свой долг перед жизнью и не имевших ни «судьбы царя», ни «судьбы писца».

Но наступало время умирать. Люди в условиях жаркого климата Месопотамии жили мало (в среднем 40-50 лет), а медицинские знания шумеров были не так высоки, как у древних египтян.

Лечили сложным набором трав, а чаще

ГЛАВА 8. КОСМОГОНΙΑ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

всего — магическими заклинаниями и заговорами. Смерть человека становилась событием для всей общины. Покойнику воздавались почести и приносились жертвы, а его родные должны были в знак великой скорби рвать на себе волосы, раздирать ногтями тело и рыдать в голос.

Перед погребением покойнику клали немного серебра, которое он должен был отдать в качестве платы за перевоз через «Реку смерти» «человеку с того берега» — шумерскому Харону.

Захоронение происходило или во внутреннем («культовом») дворике дома, или на кладбище, находившемся на краю города. Благополучно переправившись «на тот берег», человек через семь ворот попадал в обитель Подземного мира — большую темную пещеру, где не было ни пищи, ни питья, а только глина и мутная вода. Дальше начинались его загробные мучения. Если покойник имел благочестивых детей, то он мог рассчитывать на постоянные приношения и жертвы. Если же он был бездетен или забыт своими потомками, ему доставалась незавидная участь: не дождавшись от родных внимания, он выходил из-под земли и бродил по свету в образе голодного и злобного духа, приносившего большой вред всем встреченным им людям.

В погоне за бессмертием

Страх смерти, боязнь неизбежного перехода в «страну, откуда нет возврата», где, как рассказал Гильгамешу дух Энкиду, тень умершего, о которой некому позаботиться, «из горшков объедки, хлебные крошки, что на улице брошены, ест», — все это рождало не только смирение и покорность, но и протест, тоску об иной, лучшей и более достойной человека участи. Шумеры понимали, отмечает М. Белицкий, что вечная жизнь, являющаяся уделом одних только богов, недостижима для простых смертных, и все же мечтали о бессмертии. Эта мечта, кощунственная и святотатственная, тем не менее четко и смело сформулированная, увековечена в ряде произведений шумерской литературы. Одно из них — миф о потопе, повествующий, в частности, о Зиусудре, которому боги даровали бессмертие. О вечной жизни мечтал любимый герой шумерских поэтов — избранник богов Гильгамеш. Хотя обнаруженные до настоящего времени

шумерские литературные произведения, героем которых является этот легендарный правитель Урука, не содержат всех тем и сюжетных линий вавилонского «Эпоса о Гильгамеше», ученые убеждены, что основные мотивы этого эпоса, записанного на аккадском языке уже после падения Шумера, восходят к древнейшим мифам. Большая часть сказаний о Гильгамеше зародилась в Шумере. Поэтому мы, несмотря на отсутствие идентичного шумерского тек-

Илл. 85. Божество в образе человеко-быка с пальмой. Фрагмент рельефа из Суз. XIII в. до н.э.

250

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

ста, приведем те фрагменты из аккадского эпоса, в которых нашла выражение тоска Гильгамеша о бессмертии.

Когда умер верный друг и слуга Гильгамеша храбрый Энкиду, правителем Урука овладела глубокая скорбь:

Младший брат мой, гонитель онагров горных,
пантер пустыни.

С кем мы всех побеждали, поднимались в горы! Что за сон теперь овладел тобою... Стал ты темен и меня не слышишь!

Печаль и тоска не дают Гильгамешу покоя, и он решает отправиться в далекое путешествие через неприступные горы и «воды смерти», чтобы дойти до того места, где находится Утнапиштим (шумеро-аккадский Зиусудра). Этот правитель Шуруппака, которого боги одарили бессмертием, может помочь Гильгамешу, он может открыть ему тайну вечной жизни. Бесстрашный герой преодолевает горы и широкие долины, сражается с дикими зверями, страдает от голода и жажды. И вот, вконец измученный, он достигает «первозданного моря», переплывает «воды смерти» и предстает перед Утнапиштимом. Своим видом он совсем не похож на героя: исхудавший, изнуренный, одетый в звериные шкуры, грязный, с падающими на плечи спутанными волосами и растрепанной бородой, он напоминает жалкого нищего.

Все то время, пока он шел к Утнапиштиму, Гильгамеш размышлял о бессмертии. Пересекая равнину, он восклицал: «И сам я не так ли умру, как Энкиду?» Несмотря ни на что, надежда поддерживает его, он не может смириться:

Как же смолчу я, как успокоюсь? Друг мой любимый стал землею! Энкиду, друг мой любимый, стал землею! Так же как он, и я не лягу ль, Чтоб не встать во веки веков?

И вот Гильгамеш предстал перед Утнапиштимом. Утнапиштим рассказал ему о потопе и о том, как боги даровали ему и его жене бессмертие. Но чтобы сделать то же самое для Гильгамеша, нужно получить согласие всех до одного богов шумерского «Олимпа», что вряд ли возможно: Ты, Гильгамеш, — увещевает он героя, — исполнен тоскою, Плоть богов и людей в своем теле таится: Как отец и мать тебя создали, такова твоя доля-Ярая смерть не щадит человека: Разве навеки мы строим дбмы?

ГЛАВА 8. КОСМОГОНИЯ, ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Разве навеки мы ставим печати?

Разве навеки делятся братья?

Разве навеки ненависть в людях?

Разве навеки река несет полные воды?..

Взора, что вынес бы взоры Солнца,

С давних времен еще не бывало:

Спящий и мертвый друг с другом схожи —

Не смерти ли образ они являют?

Человек ли владыка? Когда близок он к смерти,

Ауннаки собираются, великие боги,

Мамет, создавшая судьбы, судьбу вместе с ними судит:

Они определили смерть и жизнь,

Смерти дня они ведать не дали...

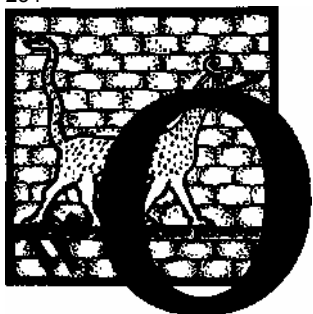
Властитель Урука понял, что у него нет никакой надежды получить бессмертие и стал собираться в обратный путь. Однако за Гильгамеша вступилась жена Утнапиштима. Поддавшись ее уговорам и просьбам, Утнапиштим рассказал герою о том, где и как можно достать со дна морской пучины «растение жизни». Гильгамеш тут же отправляется за «травой жизни». Он ныряет глубоко в

морскую пучину и достает чудесное растение. И все же решение богов непреложно: никто из смертных не будет жить вечно. Напрасно радовался Гильгамеш на обратном пути в Урук: боги следили за ним и в тот момент, когда он купался в речке, подосланная ими змея схватила и унесла «траву жизни».

Г

ГЛАВА 9 ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

254

дним из важнейших результатов археологических исследований в „библейских странах", — отмечает С.Н. Крамер, — были находки, проливающие новый яркий свет на первоосновы и происхождение самой Библии. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что этот литературный памятник возник вовсе не мгновенно — отнюдь не как некий искусственный цветок, выросший на пустом месте. Он уходит корнями в глубь веков, он впитал в себя соки всех соседних стран. И по форме, и по содержанию книги Библии имеют немалое сходство с литературными произведениями древнейших цивилизаций Ближнего Востока».

И главный, первоначальный источник этого благотворного влияния находился в Шумере. Поэтому еще с XIX в. одной из увлекательнейших сторон дешифровки и прочтения клинописных текстов древней Месопотамии было установление взаимосвязей между шумерскими и библейскими сюжетами. Совершенно очевидно, что сами шумеры, жившие в III тыс. до н.э., не могли оказать прямого воздействия на создателей Библии (как известно, Библию начали писать в XIII в. до н.э., а закончили во II в. н.э.), поскольку исчезли с арены мировой истории задолго до появления в ближневосточном регионе «избранного народа». Но нет никаких сомнений в том, что шумеры очень много дали хананеям, непосредственным предшественникам евреев в стране, которая позже стала Палестиной, а также соседним народам — ассирийцам, вавилонянам, хеттам и арамеям.

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕД

Хорошо известно, что Библия состоит из двух частей: Ветхого завета, сложившегося в дохристианскую эпоху на древнееврейском языке, и Нового завета, написанного идеологами раннего христианства на древнегреческом.

И хотя сами создатели Библии нигде не упоминают о заимствованиях в литературных традициях других народов, мы сейчас хорошо знаем, что многое в библейских сюжетах становится понятным через шумеро-аккадскую мифологию: эпосы, легенды и предания. Например, первая глава Ветхого завета — Бытие — имеет много красноречивых параллелей с шумерским «Эпосом о Гильгамеше».

Легенда о Рае

Убедительным примером таких параллелей может служить и известный шумерский миф «Энки и Нинхурсаг», посвященный раю для богов — Диль-муну.

«У современного человека, — пишет М. Белицкий, — сложилось весьма определенное представление о рае. Библия, живопись, литература рисуют перед нами прекрасный сад, где прогуливается первый человек Адам, в сопровождении Евы, созданной богом из его ребра; есть здесь и змей-искуситель, уговоривший Еву вкусить запретного плода».

Попробуем на какое-то время забыть все это и обратимся к глиняным табличкам шумеров, в которых они говорят о своем рае — «саде богов». Согласно легенде, шумерский рай находился в стране Дильмун. Одни исследователи считают, что это был Бахрейн, другие — Юго-Западный

Иран, третьи — Индия. В этой же стране Дильмун вавилонские мудрецы позже поместили свою «страну живых» — страну бессмертия, заимствовав для этого все основные элементы древнего шумерского мифа. Во всяком случае, Дильмун должен был находиться где-то к *востоку* или *юго-востоку* от Месопотамии. Есть ряд указаний на то, что библейский рай тоже располагался *на востоке* от Палестины, в Эдеме — там, откуда берут начало четыре величайшие реки, в том числе Тигр и Евфрат. «Похоже, — считает С.Н. Крамер, — что это был все тот же рай шумеров, страна Дильмун».

Шумерский рай не был предназначен для людей. Это было место, где могли пребывать только боги. Из первых фраз поэмы мы узнаем, что страна Дильмун священна, «страна Дильмун чиста», что здесь обитает бог Энки со своей супругой, потому что эта страна «чистая», «светлая», «непорочная».

В Дильмуне **ворон** не каркает. **Пяци-иттиду** не кричит. Лев не убивает, **Волк** не хватает ягненка,

ВАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Дикая собака, пожирательница козлят, здесь не живет, ...пожиратель зерна, здесь не живет. Вдов здесь нет...

Шумерский поэт яркими красками рисует страну, которой неизвестны печаль и смерть, жестокость и отчаяние, где ягненок не боится волка и не издает свой скорбный крик птица иттиду — вестник смерти. Прекрасна, полна чудес райская страна, где голубь не прячет голову,

Нет таких, которые бы говорили: «У меня болят глаза»,

Нет таких, которые бы говорили: «У меня болит голова»,

Нет старухи, которая бы говорила: «Я стара»,

Нет старика, который бы говорил: *Я стар».

В стране Дильмун нет ни старости, ни болезней, здесь живут вечно и никто не переходит реку смерти, а потому

вокруг него не ходят с рыданиями жрецы,

Певец не возносит жалоб,

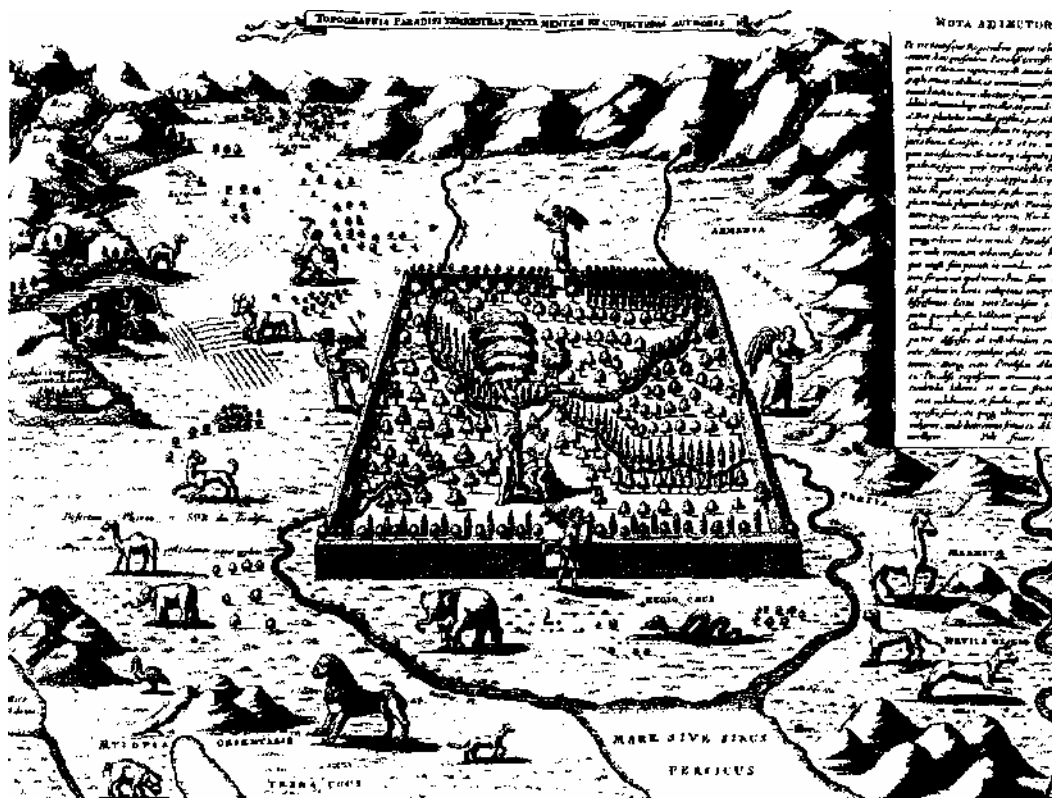
У стен города он не сетует и не плачет.

Одно плохо: в Дильмуне не хватает пресной воды. Когда богиня обратила на это внимание Энки, тот приказывает Уту, богу Солнца, доставить в Дильмун воду с земли.

Уту выполнил приказ Энки: «из уст земли» забил родник пресной воды, и все было так, как пожелал бог. Теперь ничто уже не мешало счастливой жизни в стране Дильмун, где расцвели деревья, зазеленели луга, налились зерном колосья хлебов, А довольный Энки прогуливался по райской стране.

А затем, видимо, заскучав, решает поразвлечься в этих чудесных райских куцах и поочередно овладевает то своей женой — богиней Нинхурсаг, то своими двумя дочерьми. Примечательный факт — все эти женщины рожают быстро и без мук. Далее неугомонный Энки съедает восемь волшебных растений, заботливо выращиваемых Нинхурсаг, заболевает и чудом спасается от смерти. Таков этот шумерский миф, часть которого была изложена еще в предыдущей главе. Читатели могут задать вопрос: что общего между нашими представлениями о рае, сложившимися на основе библейского предания, и шумерским мифом о безнравственных богах? Попробуем, опираясь на выводы различных исследователей, по возможности полно ответить на этот вопрос. Начнем с самого понятия рая. Поскольку не существует письменных данных о том, что какой-либо из развивавшихся одновременно с шумерской

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

56. Изображение и местоположенг райской земли по А. Кирхер (*«Ноев ковчег»*

культур (например, египетской) было известно это понятие, создателями легенды о «райском саде» принято считать шумеров. Шумерское представление о рае как о стране, где нет смерти, соответствует библейскому. За заимствование у шумеров библейской идеи божественного рая говорит и его местоположение.

Останавливаясь на шумерском происхождении легенды о рае, следует обратить внимание на реки, протекавшие в библейском раю. В Библии прямо указывается Евфрат, то есть район Месопотамии. Заметим, что, как в шумерском раю, так и в библейском, первостепенную роль играла проблема пресной воды.

2!

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Есть еще один момент, который особо подчеркивается в шумерском мифе: безболезненные роды. Ведь в Библии только из-за непослушания Адама и Евы на них было послано проклятие: «со скорбию рождашь будешь детей» (Быт. 3:16).

Интересно также сопоставить «преступление» Энки и «грех» первых людей. Желая познать «сердце» растений, Энки съедает их. Адам и Ева вкушают запретный плод, хотя бог сказал: «От дерева же познания добра и зла, от него не ешь» (Быт. 2:17). Итак, стремление к познанию явилось причиной того, что у шумеров по воле Нинхурсаг заболел Энки, а в Библии по приказанию бога из рая были изгнаны Адам и Ева.

И наконец, наиболее популярный библейский сюжет: сотворение Евы из Адамова ребра. Каковы его истоки? В шумерском мифе говорится, что Нинхурсаг, желая избавить Энки от боли в ребре, приказала родиться богине Нин-ти (это имя по-шумерски означает буквально «госпожа ребра»). Но поскольку шумерское *ти* означает также «жизнь», имя этой богини может быть переведено как «госпожа, [дающая] жизнь». Из этой игры слов, которой воспользовался шумерский поэт, родилось библейское: «И переустроил Господь Бог ребро, которое Он взял у человека, в жену...» (Быт. 2:22). Очевидно, игра слов оказалась забытой. Древнееврейские писцы, по-видимому, запомнили лишь одно значение шумерского *ти* — «ребро». Отсюда и родилось общеизвестное представление о создании женщины из ребра мужчины. Этим интереснейшим решением загадки библейского текста мы обязаны С.Н. Крамеру. Разумеется, шумерский и библейский рай отражают совершенно различные, исходящие из разных предпосылок этические концепции. Насколько же убедительна была нарисованная шумерами картина рая, если она, просуществовав тысячелетия, покорила воображение философов и священнослужителей — авторов Библии. В представлении шумерских теологов рай предназначался не для смертных людей, а для бессмертных богов. Впрочем, один смертный — но только один! — по словам шумерских

сказителей, все же был допущен в этот рай богов. Речь идет о шумерском «Ное». Здесь мы подходим к мифу о потопе, самой близкой и разительной параллели с библейским текстом во всей клинописной литературе.

«Всемирный» потоп

В 1872 г. Джордж Смит, пионер британской ассириологии, объявил изумленному миру о том, что он открыл среди многих клинописных табличек из библиотеки Ашшурбанапала в Ниневии текст с рассказом о потопе, поразительно похожим на библейскую легенду. История, которую он обнаружил, была лишь эпизодом из длинной поэмы, известной как «Эпос о Гильгамеше», или «О

все

258

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ

видавшем». Это была лишь поздняя ассиро-вавилонская версия предания. Сам же ассиро-вавилонский миф о потопе восходит к шумерскому первоисточнику. Шумерские былины о подвигах урукского царя-героя Гильгамеша появились, вероятно, еще до середины III тыс. до н.э., хотя дошедшие до нас записи эпоса на 800 лет моложе. Легенды о жизни и подвигах Гильгамеша записаны клинописью на глиняных табличках на четырех языках Древнего Востока — шумерском, аккадском (вавилонском), хурритском и хеттском. Древнейшие тексты — шумерские, в художественном же отношении наиболее важна аккадская версия эпоса, которой мы и будем далее следовать (эта версия блестяще переведена на русский язык И.М. Дьяконовым).

Начинается повествование с характеристики главного героя — Гильгамеша:

О все выдавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о все проникавшем:
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и вернулся,
Рассказ о трудах на камне высек...

После смерти своего ближайшего друга Энкиду, вместе с которым он совершил множество героических подвигов, царь Урука в поисках секрета бессмертия решил отправиться к Утнапиштиму (шумерскому Зиусудре, библейскому «Ною») — единственному человеку на земле, которому боги даровали вечную жизнь. Преодолев немыслимые трудности на своем долгом пути, Гильгамеш добирается, наконец, до места обитания праведника и выслушивает от него подробный рассказ о катастрофическом наводнении, уничтожившем весь род человеческий. Утнапиштим — сын Убар-Титу, царя города Шуруппака, одного из древнейших городов Шумера — всегда отличался миролюбивым нравом, добротой и благочестием и поэтому был любимцем богов, и особенно Энки (вавилонского Эа). И вот в один прекрасный день, когда грехи безмерно расплодившихся людей переполнили чашу терпения верховного бога Энлиля, он приказал уничтожить человечество с помощью гигантского потопа.

Но Энки-Эа и здесь нашел выход: он тайно поговорил с Утнапиштимом через тонкую стену тростниковой хижины, предупредив о грозящей беде и посоветовав построить большой корабль и погрузить туда «семя всех живых существ»:

Шуруппакец, сын Убар-Титу, Снеси жилище, построй корабль,
ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Покинь изобилье, заботься о жизни, Богатство презри, спасай свою душу! На свой корабль погрузи все живое. Тот корабль, который ты построишь, Очертаньем да будет четырехуголен, Равны да будут ширина с длиною, Как Океан, покрой его кровлей!

Правитель Шуруппака незамедлительно выполнил все советы божества. Был построен огромный семипалубный корабль квадратных очертаний, который при спуске на воду «погрузился на две трети».

Нагрузил его всем, что имел я, Нагрузил его всем, что имел серебра я, Нагрузил его всем, что имел я злата, Нагрузил его всем, что имел живой я твари, Поднял на корабль всю семью и род мой, Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял...

Когда погода стала резко ухудшаться и небо заволкли черные тучи, наш шумерский «Ной» понял, что время потопа пришло. Он взошел на корабль и засмолил его двери. Далее следует детальное описание разразившейся катастрофы:

Едва занялось сияние утра,
С основания небес встала черная туча.
Адду гремит в ее середине,
Шуллат и Ханиш идут перед нею,

Идут гонцы, горой и равниной.
Эрагаль вырывает мачты,
Идет Нинурта, гать прорывает,
Подняли факелы Ануннаки,
Чтоб их сияньем зажечь всю землю.
Из-за Адду цепенеет небо,
Что было светлым — во тьму обратилось,
Вся земля расколосась, как чаша.
Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, людей настигая.
Не видит один другого,
И с небес не видать людей...

Даже сами боги устрашились этого ужасного зрелища и стали сетовать по поводу того, что они натворили. Но остановить разгул стихий уже было нельзя.

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕД

Ходит ветер шесть дней, семь ночей,

Потопом буря покрывает землю.

При наступлении дня седьмого

Буря с потопом войну прекратили...

Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.

Утнапиштим-Зиусудра открыл люк, и на лицо его упал солнечный луч. Кругом царили тишина и покой. Но это была *мертвая* тишина:

Я взглянул на море — тишь настала, И все человечество стало глиной! Плоской, как крыша, сделалась равнина, Я пал на колени, сел и плачу, По лицу моему побежали слезы. Стал высматривать берег в открытом море — В двенадцати поприщах поднялся остров. У горы Нацир корабль остановился...

Ковчег Утнапиштима простоял у горы Нацир (Насир) шесть дней, но никакой другой суши на горизонте не было видно. Тогда наш «Ной» послал на разведку голубя, но тот вернулся ни с чем; потом ввысь взлетела ласточка и также не обнаружила земли; наконец в путь был отправлен ворон:

Ворон же, отправившись, спад воды увидел, Не вернулся; каркает, ест и гадит...

Тогда Утнапиштим вышел на вершину горы и вознес молитву богам, воскурив благовония из мирта, кедра и душистых трав. И «боги почуяли добрый запах», «как мухи, собрались к приносящему жертву и возрадовались, увидев, что хотя бы кто-то уцелел после всемирной катастрофы». Правда, довольными оказались не все. Грозный Энлиль, по приказу которого и был устроен потоп, страшно разгневался и нь. уцелевших людей, и на спасшего их Энки-Эа. Но недаром этот бог — «Повелитель Пресных Вод» — считался самым умным и находчивым в шумерском пантеоне. Он сумел убедить Энли-ля не делать зла Утнапиштиму и его семье:

Ты — герой, мудрец меж богами! Как же, как, не размыслив, потоп ты устроил? На согрешившего грех возложи ты, На виноватого вину возложи ты, — Удержись, да не будет погублен, утерпи, да не будет повержен!

Верховный небожитель внял уговорам и решил не только помиловать Утнапиштима, но и даровать ему и его жене бессмертие:

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Поднялся Энлиль, взошел на корабль,

Взял меня за руку, вывел наружу,

На колени поставил жену мою рядом,

К нашим лбам прикоснулся, встал между нами,

благословил нас:

Доселе Утнапишти был человеком, Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен, Пусть живет Утнапишти при устье рек, в отдаленье!

Стоит ли говорить, что в свое время публикация Дж. Смитом этого предания вызвала в Европе настоящую сенсацию. Однако когда стали доступны новые клинописные тексты, то были открыты другие версии легенды о Потопе, менее законченные, но более древние, чем версия Гильгамеша (написанная в Ниневии в VII в. до н.э.). Имя главного героя меняется. В шумерском тексте из Ниппура, датированном 1700 г. до н.э. его зовут Зиусудра, тогда как в вавилонском эпосе, немного более позднем по времени, он назван Атрахасис, «Исключительно Мудрый». Но несмотря на небольшие различия главное содержание мифа всегда одно и то же: гигантский Потоп опустошил землю, и все люди (кроме одного или двух) погибли. В длительной истории человечества потоп отмечает определенный перерыв и замену одной расы людей другой. Сходство с библейским преданием является, конечно, поразительным; поэтому вполне возможно, что иудеи заимствовали его из длительной и хорошо оформленной месопотамской письменной традиции.

Возникает, естественно, вопрос: есть ли реальные следы такой катастрофы на территории

Месопотамии?

Первым и до сих пор единственным археологом, позитивно ответившим на этот вопрос, был покойный сэр Леонард Вулли. Между 1929 и 1934 гг., в ходе своих блестящих раскопок в Уре, Вулли заложил несколько глубоких шурфов близ стены внутреннего города, в пределах знаменитого «Царского кладбища» (Раннединастический период). Пройдя несколько слоев со следами жизни человека, он наткнулся «на глубине 11 футов (3,3 м) на чистый, нанесенный водой, ил», практически свободный от находок любого рода. Непосредственно *выше* и *ниже* этого стерильного слоя лежали черепки керамики и различные предметы, относящиеся к Убейдской культуре, а на дне шурфов — материк.

«Одиннадцать футов (3,3 метра) ила, — рассуждал археолог, — означает, вероятно, наводнение не менее 7,5 м высотой; на этой плоской низколежащей земле Месопотамии наводнение такой силы могло накрыть площадь около

Илл. 87. Г. Доре. Всемирный потоп 262

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

480 км в длину и 160 км в ширину». Таким образом, это было свидетельство «о наводнении, не имевшем себе равных в любой другой, более поздний период месопотамской истории», и потоп, который накрыл в Уре поселение Убейдской культуры, был равен библейскому потопу. Это,

добавляет Вулли, не удивительно, поскольку мы знаем, что Авраам «ушел из Ура халдеев» и вполне мог принести с собой в Ханаан сагу о потопе, несомненно весьма популярную в Месопотамии его дней.

Это было слишком уж хорошо, чтобы быть правдой, и никто, кроме самого Вулли, в научных кругах не относится слишком серьезно к этому «открытию», потому что ни распространение, ни фактическая реальность наводнения не могут быть вычислены только на основании толщины глинистых отложений, находящихся на ограниченной площади. Согласно гипотезе Вулли, поверхность земли, покрытая водами потопа, должна была включать в себя практически весь южный Ирак. Однако Эреду, отстоящий всего на 24 км от Ура и расположенный даже в еще более низкой местности, не имеет никаких следов наводнения. Слои ила, это верно, были найдены и в ряде других мест, но они широко варьируют по толщине и по времени своего появления. «Слой потопа» в Кише, например, относится к Раннединастическому периоду, а не к Убейдскому, и то же самое применимо и к тонким аллювиальным отложениям, найденным в Уруке, Лагаше и в собственном городе Утнапиштима — Шуруппаке. Все эти «стерильные» слои интерпретируются как местные наводнения, а не как следы всеобщего потопа. Поэтому мы можем заключить, что археологические раскопки в Ираке не дали пока доказательств в пользу катастрофического потопа. Но что же тогда лежит в основе месопотамской легенды?

Для этого предлагались различные объяснения. Например, возможно, что легенда родилась в одном из нескольких городов, испытавших в то или иное время исключительно сильное наводнение, которое было восточным воображением возведено в ранг всемирного потопа. С другой стороны, можно сделать предположение и о какой-то иной крупной природной катастрофе, типа приливной волны (цунами) или мощного урагана, постигшей Месопотамию и сильно поразившей воображение ее обитателей. Эти гипотезы, однако, не объясняют двух важных фактов:

- а) шумеро-вавилонская, как и библейская, история делает упор на сильнейшие дожди, а не на разливы рек;
- б) легенда о Потопе не принадлежит только Ближнему Востоку, она существует в ряде других стран во всех частях света.

Илл. 88. Г. Доре. Ной выпускает голубя 264

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Мы имеем поэтому выбор между двумя объяснениями: или Потоп — чистый миф, изобретенный первобытными народами, чтобы закрыть большой срез прошлого, или Потоп реально имел место, но в очень ранние доисторические времена.

Итак, этот миф просуществовал тысячелетия. К шумерскому первоисточнику восходят вавилонский миф о потопе и многие другие. Легенда о потопе, возникшая у шумеров и впервые ими записанная, вошла в мифологию и религию многих народов. Через посредство Библии она стала достоянием всех монотеистических религий, где фигурирует в качестве одного из основных сюжетов. Читая в Библии о том, как бог, разгневанный прегрешениями людей, постановил: «...Через семь дней Я наведу дождь на землю сорок дней и сорок ночей и сотру с лица земли всякое существо, которое Я создал» (Быт. 74), следует помнить, что библейский рассказ о потопе — не оригинальная легенда. Его шумерский прототип возник за две тысячи лет до времени составления Библии.

Борьба с драконом, или Первый святой Георгий

Борьба с драконом — одна из самых распространенных тем у всех народов всех времен. В Греции, например, где было столько легенд о богах и героях, почти каждый из легендарных персонажей

убивал какое-нибудь чудовище (вспомним хотя бы самых прославленных героев — Персея и Геракла!). С возникновением христианства героические подвиги начали совершать святые, и тут появился св. Георгий со своим драконом. Но что лежало в основе всех этих легенд? Поскольку тема борьбы с драконом возникла в Шумере уже в III тыс. до н.э., мы имеем все основания предполагать, что многие детали этих легенд, как греческих, так и раннехристианских, восходят к шумерским источникам.

В настоящее время нам известны по крайней мере три варианта уничтожения дракона, существовавших у шумеров более 3500 лет назад. В первых двух вариантах противниками дракона выступают боги — бог воды Энки, весьма похожий на греческого Посейдона, и бог южного ветра Нинурта. Но в третьем мифе это смертный, герой Гильгамеш, далекий прообраз св. Георгия. Энки сражается с чудовищем, которое именуется Кур. Их единоборство происходит, очевидно, вскоре после отделения земли от неба. Насколько можно понять из сохранившихся отрывочных строк, поводом для этой битвы послужило злодейское похищение Куром богини небес — сюжет, весьма сходный с греческим мифом о похищении Персефоны. К сожалению, нам приходится

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИ

воссоздать эту легенду всего по дюжине строк, потому что ни одной табл. ки с более подробным текстом этого мифа до сих пор не найдено. Эта исто] кратко излагается в прологе к эпосу «Гильгамеш, Энкиду и Подземное ц ство». Интересующий нас отрывок следует непосредственно за строками, вествующими о сотворении мира- Содержания его таково.

После того как небо было отделено от земли, бог неба АН поднял неб< а бог воздуха Энлиль опустил землю. Тогда-то и произошло это злодея Богиня Эрешкигаль была похищена и стала добычей Кура. Кто похитил неясно; возможно, это сделал сам Кур. Бог Энки взошел на корабль и попл к Куру. О намерениях его также ничего не говорится, но можно предположи что он хотел покарать чудовище за похищение Эрешкигаль. Кур яростно щипался, отбиваясь камнями и обрушивая на корабль Энки волны перевозного океана, которые были ему подвластны. На этом отрывок кончается автор мифа «Гильгамеш, Энкиду и Подземное царство» спешит перейти к р сказу о самом Гильгамеше. Мы не знаем, чем кончается поединок, но ско всего победа осталась за Энки. Вполне вероятно, что этот эпизод попал в м о Гильгамеше лишь для того, чтобы объяснить, почему Энки считался мским богом, подобно греческому Посейдону, и почему его храм в Эреду на: вался Абзу, что означает по-шумерски «море», «бездна».

Вот этот отрывок из пролога, где рассказывается о битве бога с чу, вищем:

Когда Аи вознес небеса,

Когда Энлиль опустил землю,

Когда Эрешкигаль была унесена в царство Кура,

Когда он поставил парус, когда он поставил парус, Когда отец поставил парус (и отплыл) против Кура, Когда Энки поставил парус (и отплыл) против Кура, В царя Кур начал бросать маленькие (камни), В Энки Кур начал бросать большие (камни).

Маленькие — «камни руки»,

Большие — «камни пляшущего тростника»,

Раздавили киль барки Энки,

Обрушились, словно буря пошла на приступ.

Против царя воды хлынули на нос барки, Разрывая все, словно волки, Против Энки воды хлынули на корму барки, Ударили, словно лев.

Второй вариант битвы с драконом мы находим в длинной поэме, насчитывающей более 600 строк, которую можно озаглавить «Подвиги и деяния б<

266

ЗА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Нинурты». При восстановлении этой поэмы было использовано множество табличек и фрагментов, в большинстве своем еще не опубликованных.

На сей раз главным «злодеем» является не Кур, а демон болезней и немочей Асаг, обитавший в царстве Кура (то есть в подземном царстве). Герой легенды — Нинурта, бог южного ветра, считавшийся сыном бога воздуха Энлиля.

Вслед за вступительным гимном рассказ начинается с обращения Шару-ра — олицетворения оружия бога Нинурты — к своему владыке. По какой-то неясной причине Шарур возненавидел демона Асага. Поэтому он долго восхваляет доблесть и подвиги Нинурты, подбивая того уничтожить чудовище. Нинурта соглашается напасть на Асага и убить его. Но это, видимо, оказалось ему не по плечу, потому что он, спасаясь бегством, «летит как птица». Однако Шарур снова обращается к нему со словами ободрения. Нинурта обрушивается на Асага всей мощью своего оружия и уничтожает демона.

Но смерть Асага навлекает несчастье на весь Шумер. Разъяренные воды первозданного океана устремляются на землю. Они не дают пресной воде растекаться по полям и садам. Боги Шумера, «носившие мотыгу и корзину» (то есть следившие за орошением и обработкой земли), приходят в отчаяние. Река Тигр больше не разливается, в ней не осталось «хорошей» воды.

Голод был страшен, ничто не росло на полях. В речках никто не «омывал руки», Воды не поднимались в разлив. Поля не орошались,

Никто не рыл (оросительных) каналов, По всей стране ничто не росло,
Только сорные травы.

Тогда властелин раскинул могучим умом, Нинурта, сын бога Энлиля, сотворил великие дела.

Нинурта нагромождает груды камней, чтобы каменной стеной отгородить Шумер от «могучих вод» первозданного океана. А те воды, что уже успели затопить поля, Нинурта отводит в Тигр.

Река разливается и снова орошает поля. Поэт повествует об этом так:

То, что было рассеяно, он собрал.

То, что было выброшено из царства Кура,

Он отвел и сбросил в Тигр.

Высокие воды он (Тигр) излил на поля.

И тогда вес на земле

Возрадовались повсюду делам Нинурты, царя страны.

Поля дали зерна **в изобилии**.

Илл. 89. Бог Нинурта (Адад), сражающийся с чудовищем (Анзу или Ашаю)
Прорисовка оттиска печати. IX-VII вв. до

Виноградники и сады принесли свои плоды. (Урожай) громоздился горами в житницах и на холмах. Властелин избавил землю от печали, Он преисполнил радостью дух богов.

Затем Нинурта благословляет гору Хурсаг, чтобы на ней были всякие растения, вино и мед, всевозможные деревья, золото, серебро и бронза, крупный скот, овцы и прочие «четвероногие создания». Нинурта обращается к камням: он проклинает камни, которые были против него в поединке с демоном Аса-гом, и благословляет те, что сохранили ему верность. По своему стилю и настроению этот отрывок напоминает главу 49 библейской Книги Бытия, где Иаков благословляет некоторых своих сыновей и проклинает других. Завершается поэма длинным гимном, восхваляющим Нинурту.

В третьей легенде в поединок с драконом вступает, как уже говорилось, не бог, а человек — Гильгамеш, славнейший из героев Шумера. Чудовище, которое он убивает, — это Хувава, страж «Страны живых», охраняющий ее священные кедр.

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Легенда эта изложена в поэме, которую С.Н. Крамер озаглавил «Гильга-меш и Страна живых».

Содержание ее сводится к следующему.

«Властелин» Гильгамеш, царь Урука, сознает, что в свое время ему придется покинуть этот мир, как всем смертным. Но прежде чем наступит неизбежный конец, он хочет, по крайней мере, «возвысить свое имя». Для этого он решает отправиться в далекую Страну живых, очевидно, с намерением похитить ее священные кедр и перенести их в Урук. Он говорит об этом своему верному слуге и неразлучному спутнику Энкиду. Тот советует сначала поделиться своими планами с богом Солнца Уту, ибо Уту — хранитель страны кедров.

По совету Энкиду Гильгамеш приносит Уту жертвы и просит о помощи в предстоящем путешествии в Страну живых. Вначале Уту сомневается в способностях Гильгамеша, но тот повторяет свою просьбу в более убедительных словах. Проникнувшись к нему сочувствием, Уту решает помочь Гильгамешу. Насколько можно понять, он собирается каким-то образом обезвредить семерых страшных демонов, олицетворяющих разрушительные стихии, которые могут помешать Гильгамешу на его трудном пути через горы в Страну живых.

Герои в конце концов добрались до цели. Однако Энкиду умоляет Гильгамеша вернуться, ибо священные кедровые деревья сторожит ужасное чудовище Хувава, убивающее всех своих противников. Гильгамеш не обращает внимания на его предостережение. Веря, что с помощью Энкиду он преодолет все трудности и опасности, Гильгамеш убеждает своего соратника отбросить страх и идти вместе с ним.

Спрятавшись в своем кедровом доме, чудовище Хувава следит за пришельцами. В ярости оно пытается обратить их в бегство, но, видимо, безрезультатно. Здесь в тексте снова лагуна в несколько строк. Затем мы узнаем, что, срубив семь деревьев, Гильгамеш сталкивается лицом к лицу с Хуавой, но в самом начале поединка Хуаву охватывает необоримый страх. Он обращается с мольбой к богу Солнца Уту и просит Гильгамеша не убивать его. Герой склонен пощадить чудовище: в запутанных, темных выражениях он предлагает Энкиду отпустить Хуаву. Однако Энкиду, боясь всяких неожиданностей, возражает против столь неосторожного решения.

Чудовище возмущается

Иля. 90. Подвиги Гильгамеша:

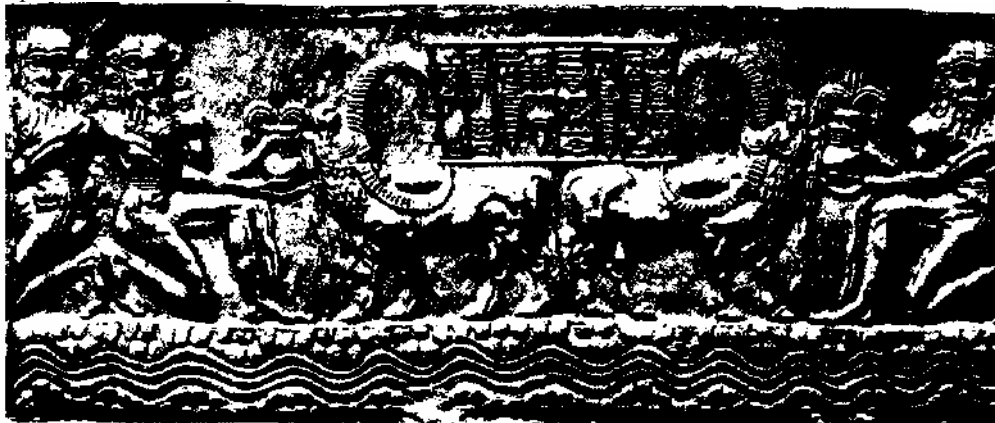
а) Гильгамеш, поящий быков. Оттиск с цилиндрической печати;

б) Гильгамеш, убивающий льва.

Прорисовка оттиска с цилиндрической печати;

в) подвиг Гильгамеша и Энкиду. Оттиск с цилиндрической печати.

Ассиро-вавилонский период

а)

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ

суровостью Энкиду, но тщетно. Герои отрубают ему голову. Затем они, по-видимому, относят труп Хувавы к Энлилю и богине Нинлиль.

Город Мари и Библия

В 1932 г. на территории Сирии в Мари (Телль-Харири) на среднем Евфрате французскими археологами было сделано поистине сенсационное открытие — был найден один из великолепных центров культуры Верхней Месопотамии конца III-II тыс. до н.э. Главным объектом исследований, длившихся почти четверть века (до 1957 г.), стал здесь огромный дворец местного царя Зимри-лима, который в XVIII в. до н.э. разрушил вавилонский царь Хаммурапи. С тех пор город так и не возродился. Поэтому археологам досталась богатая добыча. Дворец Зимрилима — обширный комплекс построек с внутренними дворами и с более чем 300 помещений. На стенах дворца сохранились остатки фресок, изображающих культовую процессию. На одном большом фрагменте еще можно разобрать сцену, где царь возводится на престол божеством. Это божество — властительница неба и покровительница плодородия Инанна (Иштар); она изображена стоящей на спине льва.

Наконец, в Мари удалось найти огромную библиотеку из клинописных глиняных табличек — 20 000 экземпляров. Бельгийский университет в Лютти-хе, пишет Э. Церен, взял на себя расшифровку и перевод многочисленных текстов из этого богатейшего собрания. И вот все знатоки Библии неожиданно получили из Мари большой сюрприз. Ибо найденные архивы содержали важные сведения для понимания библейской истории.

Так, в упомянутых клинописных табличках идет речь о племенах пустыни, кочевавших к северу от Мари, в районе Харрана; эти племена были воинственны и иногда занимались грабежом. Месоиотамские цари вербовали их в свои войска. Тексты из Мари называют эти племена пустыни «хабиру» или «хабири» — название, которое повторялось потом и в других источниках и которое обычно считается наименованием евреев. Среди этих «хабиру» из Харрана в литературе Мари упоминается особое племя «сынов юга», племя «веньямин». Но в Библии Веньямин — один из сыновей Иакова. Указание на город Харран, где жили «хабиру» и племя «веньямин», вызывает воспоминание не только о самом Иакове, который долгое время, как сообщает Библия, жил в Харране, но прежде всего о деде Иакова, Аврааме. Потому что Авраам вышел из Ура халдейского в Харран и только оттуда, из Харрана, пошел в Ханаан, в «землю обетованную».

Харран существует еще и сегодня. Его причисляют к одному из самых старых городов мира. В Харране сохранился древнейший храм бога Луны, к которому еще в позднеассирийское и потом в вавилонское время совершали

ГЛАВА 9. ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКИЕ

паломничества цари Месопотамии, чтобы получить там благословение и совет. Значит, там, судя по табличкам из Мари, должны были жить некоторые племена израильского народа. Только спустя многие столетия объединились они в Палестине, образовав государство Давида. По данным из Мари, эти события относятся к XVIII-XVII вв. до н.э. Это было почти то же самое время, в которое, согласно Библии, жили Авраам и его отец со своей семьей. Названия ряда мест вблизи Харрана соответствуют некоторым библейским именам. И прежде всего, имя одного из братьев Авраама — Арран. Совпадают также названия и имена Фарра, Нахор и Серух. Помимо Аррана бросается в глаза имя Фарра, которого Ветхий завет называет отцом Авраама: «Серух... родил Нахора... родил сынов и дочерей... Нахор... родил Фарру (отца Авраама. — В.Г.)... Фарра... родил Авраама, Нахора и Аррана».

Шумерский «след» в Библии заметен и в общей концепции о сотворении вселенной. Шумеры, как и древние евреи, полагали, что до сотворения существовало изначальное море. Вселенная,

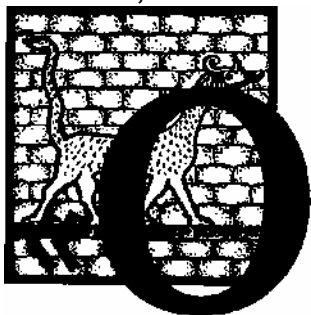
согласно шумерам, состояла из неба и земли, неким образом сплавленным в этом изначальном море, и бог воздуха Энлиль — не исключено, что это руах-элохим Бытия, — разделил небо и землю.

Человек, в соответствии и с шумерскими, и с еврейскими представлениями, был вылеплен из глины и наделен «дыханием жизни». Причина, по которой он был создан, — служение богам: или одному Яхве (как у евреев), или многим (как у шумеров).

Это сходство касается и концепции смерти и загробного мира. Библейский Шеол, а также Аид греков имеют свой аналог у шумеров — Кур. Как еврейский Шеол, Кур был темным, жутким обиталищем мертвых. Это была страна, откуда не возвращаются.

ГЛАВА 10

НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Искусство Шумера и Аккада

том, каким представляли себе мир древние люди, — пишет американский автор Джеймс Веллард, — мы можем узнать преимущественно по произведениям литературы и изобразительного искусства... Художник не способен оставаться вне окружающей жизни. Он не только отражает эту жизнь, но и обнажает ее сущность, проявляет ее характерные черты и, по возможности, ее внутренний смысл».

Однако шумерские и вавилонские художники вряд ли руководствовались этими соображениями. Им давали заказы храм и дворец, и они выполняли их, следуя жестким канонам. «Получив необходимые указания от властей, скульптор брал резец и принимался за работу. Ему нужно было изобразить бога или царя, которые должны были отличаться от простых людей, выглядеть могущественными повелителями, величественными и грозными. Понять ценность шумерских, вавилонских и ассирийских скульптур можно, только осознав, к чему стремились их создатели. Они изображали сверхчеловека согласно своим представлениям о нем — отсюда и огромные, широко раскрытые глаза, длинные бороды, волнами ниспадающие от сжатых, непреклонных губ, широкие плечи. Все это производит впечатление абсолютного спокойствия и величия...

Изображения царей передают представление об их земном могуществе; у них, как у представителей бога на земле, тоже длинные и пышные бороды, широкие плечи и т. д... Таким образом, изображая бога

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПО

или человека, древние мастера пытались найти не портретное сходство, а искали идеальный образ».

Это высказывание зарубежного автора может считаться приемлемым лишь в самом общем плане. Во-первых, в Раннединастическом периоде (особенно в раннюю эпоху — до середины III тыс. до н.э.) каждый «ном», каждый крупный городской центр имели ярко выраженные локальные особенности в архитектуре, скульптуре и иных областях искусства. Во-вторых, Аккадский период — время господства династии Саргонидов в Месопотамии — отличается многими важными нововведениями в официальном искусстве и идеологии. И наконец, времена правления царей III династии Ура также отличаются известным своеобразием в отношении многих видов искусства.

Архитеи

Если об искусстве Протописьменного периода мы могли судить главным образом по материалам раскопок в Уруке (Варке) и Джемдет-Насре, то памятники Раннединастического времени представлены уже довольно широким кругом археологических материалов.

Наиболее массовые находки дали раскопки на юге Месопотамии. В Уре и Эль-Убейде найдены скульптурные памятники, рельефы, глиптика, предметы ювелирного искусства (царские погребения I династии Ура); в Лагаше — скульптура; в Шуруппаке — глиптика. На севере, в Эшнунне (район реки Диялы), обнаружены многочисленные образцы скульптуры и глиптики. Из

Мари дошли скульптура, фрески, глиптика, из Киша — мозаичные инкрустации. И почти во всех упомянутых городских центрах найдены также памятники монументальной архитектуры. В ней окончательно утверждается тип храма на высокой платформе, обнесенного высокой стеной. Основной формой художественного оформления храмовой архитектуры было членение наружных стен выступами и нишами. Создается тип раннего синтетического искусства — органического сочетания архитектуры со скульптурой и живописью.

Основным строительным материалом шумерских зданий был кирпич — сырцовый (чаще) или обожженный,

«Исключительное значение не только для шумерской, но и для всей месо-потамской архитектуры в целом, — отмечает отечественный искусствовед И.М. Лосева, — имеет зиккурат. Зиккурат — это ступенчатая башня, сложенная из огромных масс кирпича-сырца. Она является необходимой частью всякой большой храмовой постройки и такой же неотъемлемой частью месо-потамской архитектуры, как пирамида — египетского зодчества. Вавилонский зиккурат («Вавилонская башня». — В.Г.) был одним из самых высоких в Передней Азии. Одним из наиболее древних был зиккурат города Ура».

274

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Необычный памятник архитектуры обнаружен в Кише — светское здание, представляющее собой первый известный образец соединения дворца и крепости в шумерском строительстве, причем характерно, что система оборонительных стен защищала дворец не только от врага вне города, но... и от самого города. Дворец строился и совершенствовался в течение длительного времени: более ранняя постройка (в плане прямоугольник 75 x 40 м) была обнесена крепостной стеной со слабовыраженными зубчатыми башнями; внутри, за небольшим квадратным двором (15 x 15 м), располагались жилые и хозяйственные помещения. Более поздняя постройка (55 x 30 м) имела своеобразную композицию: в западной ее части находился узкий зал (21,7 x 7,6 м) с четырьмя колоннами по центральной оси, служившими опорами крыши. В восточной части здания располагалась галерея с колоннами на парапете и с раковинной стеной мозаикой, изображавшей боевые сцены.

Скульптура

В начале III тыс. до н.э. в Шумере получила распространение мелкая скульптура, чаще всего имеющая культовый характер. «С точки зрения стиля, очень условно, — подчеркивает И.М. Дьяконов, — мы можем объединить дошедшие до нас памятники скульптуры в две основные группы — северную и южную. В большинстве своем все они представляют собой небольшие (25-40 см) фигурки из местного алебаstra и более мягких пород камня (известняка, песчаника и т. д.). Помещались они обычно в культовых нишах во внутреннем дворе храма. Для северной группы характерны преувеличенно вытянутые, для южной группы, напротив, преувеличенно укороченные пропорции...»

При всей разнице между скульптурой юга и севера бросается в глаза то общее, что объединяет их, — преднамеренное сильное искажение пропорций человеческого тела и черт лица с резким подчеркиванием одной-двух черт, особенно часто носа и ушей; по сравнению с правильными и обладающими жизненным правдоподобием чертами лица богини из Урука (мраморная маска богини Инанны) лица таких статуэток, да и сами они кажутся неприглядными.

У некоторых фигурок на спине или на плече имеется надпись. Такие фигурки ставились в храмах как представители того, кто их поставил, с тем чтобы они молились за него. Для них не требовалось конкретного сходства с оригиналом. Особо подчеркнутые черты лица, видимо, соответствовали магическим требованиям: глаза и уши — вместилища мудрости; широко раскрытые

Илл. 91. Скульптура профессионального певца Ур-Нина. Мари.

Сер. III тыс. до н.э.

: < «Ч tM

*NJ£

Илл. 92. Бронзовая статуэтка колесницы, запряженной четырьмя ослами, Тель-Аграб. III тыс. до н.э. глаза, в которых выражение просьбы сочетается с удивлением, или подчеркнуто просительный жест, молитвенное положение рук часто делают фигурки живыми и выразительными при всей их нескладности и угловатости. Передача внутреннего состояния, какой-то общей единой внутренней задачи оказывается, таким образом, гораздо важнее передачи телесной формы, и она разрабатывается лишь в той мере, в какой отвечает поставленной задаче.

Лучшим образцом триумфального образца скульптуры является знаменитая победная стела Эаннатума (правителя Лагаша) — «Стела Коршунов», которая посвящена его победе над соседним городом Уммой. Монумент дошел до нас в обломках, но общий его сюжет вполне различим. Сохранившийся лучше других фрагмент изображает фалангу тяжело вооруженных шумерских воинов, идущих под прикрытием щитов, с копьями наперевес, по трупам врагов.

Илл. 93. Рельеф с музыкантом, играющим на

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

На другом фрагменте показан бог Нингирсу, держащий в руках сеть, наполненную телами вражеских воинов. И наконец, есть обломок монумента с изображением коршунов, терзающих трупы поверженного неприятеля.

Уилиндрические печати

Тот же отказ от точной передачи форм тела и его пропорций мы встречаем и в глиптике. В ней к первой четверти III тыс. до н.э. полностью начинает преобладать печать-цилиндр; глиптическое искусство достигает высокого мастерства.

«Окончательный переход к форме цилиндра, — подчеркивает И.М. Дьяконов, — требовал новых стилистических и композиционных приемов в изображении. Все фигуры начинают изображаться не поперек, а вдоль по оси цилиндра, занимая при этом всю его поверхность; животные изображаются стоящими на задних лапах, и их головы оказываются вровень с человеческими. Фигуры тесно сплетаются, и тем самым заполняется все пустое пространство на печати. Узор на ней начинает тяготеть к орнаменту, но этот орнамент представляет собой фриз из тесно переплетенных между собой фигур животных и людей. Он наполнен определенным содержанием: хищники нападают на стада, а странные фантастические существа — полулюди, полуживотные — защищают их или борются между собой; тут же и антропоморфные фигуры божеств (?) — мужчины в фас и в профиль — в разных сочетаниях присоединяются к той или иной группе:

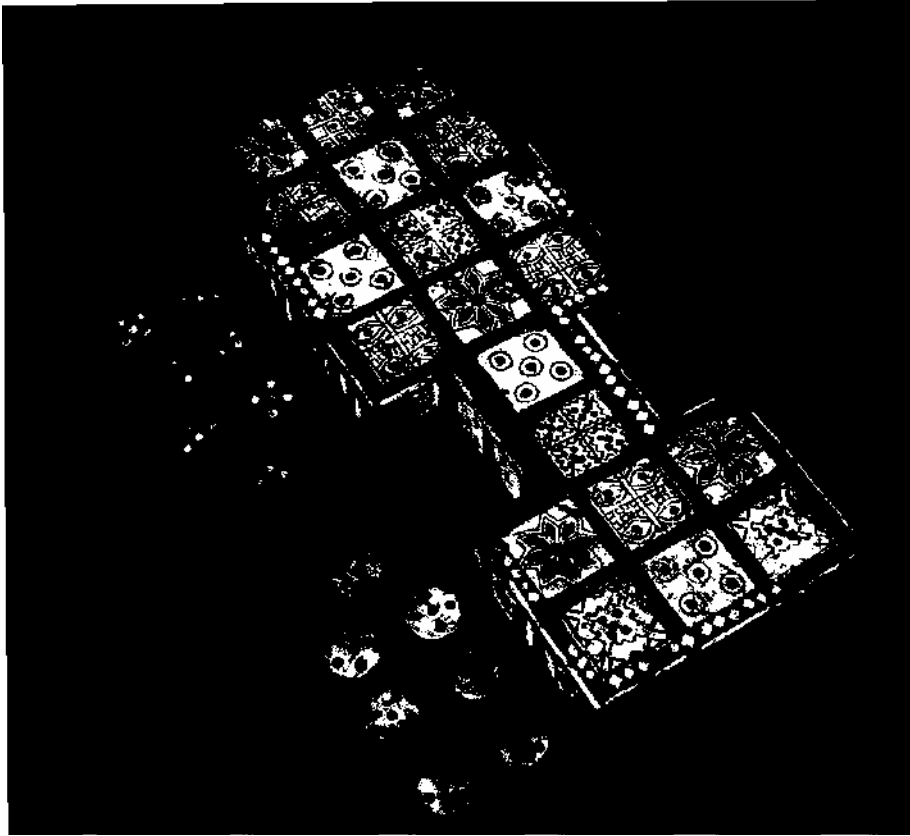
поражают хищников кинжалами или участвуют в нападении на беззащитных животных. Так же как и в скульптуре, естественные пропорции искажены, черты лица утрированы, и скорее мы можем назвать такие фигуры человекоподобными, чем человеческими. Из чисто фантастических образов наиболее характерны человекобык (мужская фигура с рогами и бычьим торсом) и бык с человеческим лицом».

Популярны также мотивы священного пира, изображения божества, плывущего в лодке в окружении фантастических фигур, и др.

Однако вплоть до конца III тыс. до н.э. единых идеологических требований и, следовательно, общего для всей страны жесткого канона, видимо, еще не существовало. Возможно, сказалась разрозненность и самостоятельность этих постоянно воюющих между собой «номов», где были разные пантеоны, различные ритуалы, не было единообразия в мифологии. Существовали, конечно, некоторые общие приемы изображения: брови и глаза почти всегда инкрустированы, борода передается при помощи незначительно варьирующихся, но в общем однообразных приемов, подчеркиваются огромные уши и глаза как символ мудрости и т. д. Но в этих пределах позы, одежда, прически, характер передачи форм человеческого тела и его сложения, а в глиптике и детали узора бесконечно разнообразны и никак не унифицированы.

Или. 94. Каменная статуэтка богомольца. Лагаш. III тыс. до н.э.

. 5*5. Настольная игра

Цилиндры-печати в Шумере III тыс. до н.э. весьма разнообразны и совершенны по технике изготовления. Излюбленными становятся мифологические сюжеты, чаще всего связанные с эпосом о Гильгамеше — любимом герое древне-месопотамских легенд и преданий. Встречаются также печати с изображением мифа о потопе, об Утнапиштиме-Зиусудре, о полете Этаны на небо и др.

Ювелирное искусство

Произведения шумерского ювелирного искусства для Раннединастического периода особенно полно и ярко представлены в Уре, в гробницах высшей знати и царей I династии данного города (раскопки Л. Вулли в 20-30-е гг. XX в.). Царское кладбище Ура относится приблизительно к 2500 г. до н.э. Золотые, серебряные и мозаичные изделия, обнаруженные в урских могилах, уникальны в истории цивилизации тем, что демонстрируют такую степень

Иля. 96. Фрагменты фресковых росписей во дворце Зимрилама.

Мари. XVIII в. до н.э.

Илл. 97. Медный рельеф с изображением птицы Иднууд из храма в Эль-Убейде. Шумер

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

мастерства и художественного вкуса, которая считалась недостижимой для того времени, когда остальной мир жил еще в каменном веке.

В гробнице 789 (захоронение царицы Пу-аби), где лежали скелеты 63 человек и шести быков, археологи нашли остатки двух четырехколесных повозок, саней, арфы с резонаторами, сделанными из деревянных брусьев, обитых золотом, богатейшие украшения самой царицы и т. д. В гробнице 1237 (или «Яме смерти»), где шесть мужчин и 68 женщин были явно убиты и похоронены, чтобы сопровождать в мир иной своего царственного повелителя, все украшения из золота, серебра, лазурита и сердолика, принадлежавшие придворным дамам, оставались нетронутыми. В этой же гробнице нашли и поразительно тонко вырезанную фигуру козла,

который стоит опираясь передними ногами на дерево. Его голова и ноги отделаны золотом, а живот — серебром, рога вырезаны из раковины, борода и шея — из лазурита.

Там же была найдена инкрустированная игральная доска, выполненная в виде деревянной коробки и украшенная мозаикой из раковин, лазурита, кости и цветного гипса.

«Украшения, которые женщины из гробницы 1237 надели, покидая этот мир, — пишет Дж.

Веллард, — не слишком отличаются по форме и уж несомненно по мастерству исполнения от тех, что носят современные женщины. Образцом могут служить 12 буквых листьев из золотой фольги, припаянные к золотой ленте, — поистине шедевр ювелирного искусства. Отдельные части сложных украшений лежали в таком порядке, что можно было воссоздать все убранство целиком».

Жена Вулли на глиняном слепке с одного из черепов женщин вылепила восковое лицо и поместила на голову ленту, гребни, ожерелья и серьги в надлежащем порядке. «Реконструкция головы, — утверждает Леонард Вулли, — в целом со всеми возможными подробностями помогает нам представить, как выглядела при жизни царица Ура». Сокровища Шумера, сохранившиеся до наших дней, можно увидеть теперь в главных музеях мира, в частности в Британском музее, в Лувре, в Берлинском музее, музее Пенсильванского университета и в Иракском музее города Багдада*.

Среди многочисленных находок тончайшей работы надо отметить золотой шлем, или «парик» из гробницы Мескаламдуга — «Героя Благодатной Страны». Затеяливо положенные локоны прически прекрасно выделены художником, мастерски обработана каждая деталь. Настоящим шедевром инкрустации являются маленькие пластинки, получившие название «штандарта». Они сделаны из дерева, покрытого слоем асфальта, на который положены пластинки ляпис-*

* Увы, после недавних событий в Ираке стало известно, что толпы мародеров разграбили сокровища Иракского археологического музея в Багдаде, и судьба его коллекций (в том числе и находок Л. Вулли в Уре) сейчас неизвестна.

285

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

лазури и раковины. Разделенные на ярусы (основной принцип шумерской композиции) пластинки дают нам картину битвы и триумфа после сражения.

Искусство Аккада

Для Аккадского периода (XXIV-XXII вв. до н.э.) более всего характерна идея обожествления царя, которая сначала воплощается в титулатуре, вводимой по царской воле, а затем и в идеологии и в искусстве.

«В искусстве, — отмечает И.М. Дьяконов, — это мужественный человек, с подчеркнuto энергичными чертами сухощавого лица: правильные, четко очерченные губы, небольшой нос с горбинкой — портрет идеализированный и в какой-то мере обобщенный... вполне соответствующий сложившемуся из исторических и легендарных данных представлению о герое-победителе Шаррум-кене (Саргоне. — В.Г.) Аккадском (см. так называемую портретную голову из Ниневии — предполагаемое изображение Шаррумкена в бронзе)».

В целом, аккадское искусство — более передовое, развитое и смелое, чем шумерское. Наиболее ярким его памятником может служить стела царя Нарам-Суэна, внука Саргона Аккадского, сделанная из красного песчаника по случаю победы над горцами-луллубеями.

«Рельеф изображает, — пишет И.М. Лосева, — как, преследуя по пятам неприятеля, поднимается Нарам-Суэн с войском по горным тропинкам страны луллубеев. Не тяжелой фалангой, как это было на стеле Эаннатума, а развернутой цепью, быстро и энергично вслед за Нарам-Суэном поднимается войско на вершину горы, где происходит победоносное завершение битвы. В ужасе отступает враг, но пути к отступлению отрезаны, луллубеи окружены воинами Нарам-Суэна». Здесь, если сравнивать данный монумент со «Стелой Коршунов», налицо большие и прогрессивные изменения. Умело расставленные по диагонали фигуры создают впечатление движения войска. Появились теперь и элементы пейзажа: волнообразными линиями показаны скалы и горы; несколько разбросанных там и здесь деревьев создают впечатление лесистой местности. Выразительны и динамичны и все изображенные человеческие фигуры — самого Нарам-Суэна в рогатом шлеме бога (его рост в несколько раз превосходит изображения остальных персонажей) и опрокинутого навзничь луллубея с пронзенной копьем шеей.

Обожествленные аккадские цари представлены и в глиптике — на цилиндрических печатях.

Обычно это могучий герой с кудрявой бородой и длинными волосами. Он сражается со львом, его мускулы напряжены, одной рукой он сдерживает вздыбившегося зверя, чьи когти в бессильной ярости царапают воздух, а другой вонзает кинжал в загривок хищнику.

286

Илл. 98. Голова статуи правителя.

Аккад

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТ

«Разумеется, — подчеркивает И.М. Дьяконов, — изменения, происшедшие в искусстве аккадского времени: динамичность композиции, правильная передача пропорций человеческого тела, отказ от искусственной ритмизации и стилизации, интерес к героической личности — были вызваны более серьезными причинами, нежели простое умение резчиков Аккада лучше обращаться с камнем, чем их более южные предшественники Раннединастического периода. Сказались, видимо, те перемены, которые произошли в политической и социальной жизни страны».

Аккадские традиции во многом сохранились в искусстве древней Месопотамии и в эпоху «шумерского ренессанса» — во времена господства III династии Ура (многочисленные реалистические «портреты» лагашского правителя Гу-деа, глиптика, скульптурная голова богини Нингаль, статуэтки правителя Ур-Намму, терракота). Но в целом памятники этого времени оставляют впечатление однообразия и стереотипности.

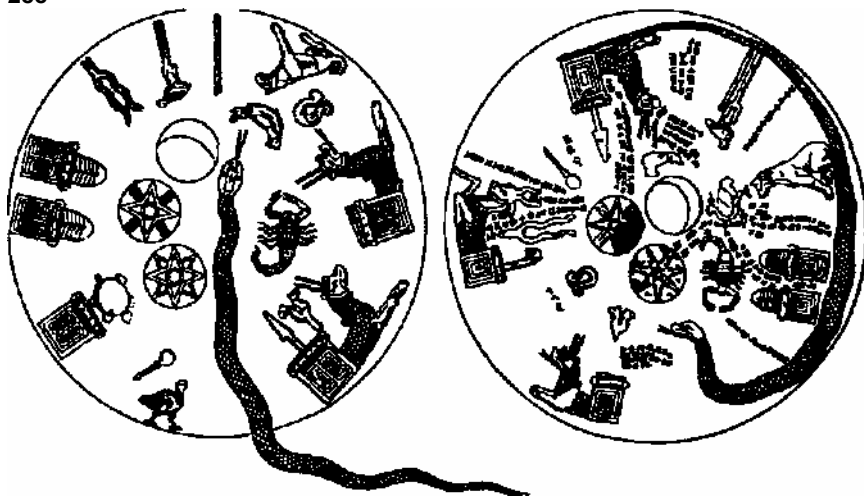
Зарождение научных знаний в Месопотамии *Астрономия*

Практические потребности, хозяйственные, административные и медицинские, уже на ранних этапах развития цивилизации в древней Месопотамии привели к появлению начатков научных знаний. Наибольшего развития в Шумере, Аккаде и Вавилонии достигла астрономия. И поскольку наши сведения в этой сфере основаны главным образом на клинописных текстах II-1 тыс. до -н.э.,

то в дальнейшем мы будем говорить именно о вавилонской астрономии, хотя истоки последней, бесспорно, восходят еще к шумерской традиции.

Наблюдения за движениями небесных светил, начавшиеся, несомненно, еще в IV тыс., постепенно привели к накоплению астрономических знаний. Астрономическим наблюдениям весьма благоприятствовали климатические условия Двуречья. Небо над Двуречьем безоблачно не менее восьми месяцев в году; воздух бывает настолько чист, а звездный блеск настолько ярок, что иногда можно простым глазом различить фазы планеты Венеры. В III тыс. для астрономических наблюдений при храмах строились специальные многоэтажные башни, так называемые зиккураты. На изображениях зиккуратов, дошедших до нас, показаны башни в пять этажей. Но во II тыс. строились зиккураты и в семь этажей. По имеющимся сведениям, высота их достигала 20 м. Наблюдения производились с площадки верхнего этажа; жрецы-наблюдатели пользовались таким же визиром в форме рупорообразной трубки, каким пользовались египетские астрономы. Для счета времени существовали, как свидетельствует Геродот, солнечные часы, которые, конечно, могли служить только днем; возможно, что ночью пользовались песочными часами.

288

Илл. 99. Вавилонские светила и созвездия Зодиака

Первоначально у всех народов наблюдения производились за видимым движением и фазами Луны и за видимым движением Солнца, что послужило основанием для счета времени еще в первобытнообщинную эпоху. В южном Двуречье уже в III тыс. на основе таких наблюдений жрецы определили продолжительность года в двенадцать лунных месяцев, по 29 и 30 дней каждый, всего из 354 дней. По документам из III династии Ура и из эпохи Хаммурапи мы узнаем, что расхождение между принятым лунным годом и истинным солнечным годом время от времени выравнивалось царскими указами об установлении на определенный год вставного месяца. Эта практика удержалась и впоследствии вплоть до последнего вавилонского царя Набонида. Лунный месяц делился на части, соответствующие фазам Луны; но это деление в древневавилонскую эпоху не соответствовало правильному делению месяца на четыре семидневные недели. На протяжении месяца были установлены четыре праздничных дня, а именно: 1-й день (новолуние), 7-й день (1-я четверть), 15-й день (шабату — полнолуние) и 28-й день (день «черной луны»).

Наблюдения над звездным небом преследовали также и другую практическую цель. Несомненно, что уже в конце III тыс. у жрецов утвердилось положение, будто между небесными светилами и богами должна существовать какая-то определенная связь. Отсюда был сделан вывод, что движение небесных светил происходит по повелениям живущих на небе богов и что наблюдения за этими движениями могут дать возможность открывать настроение

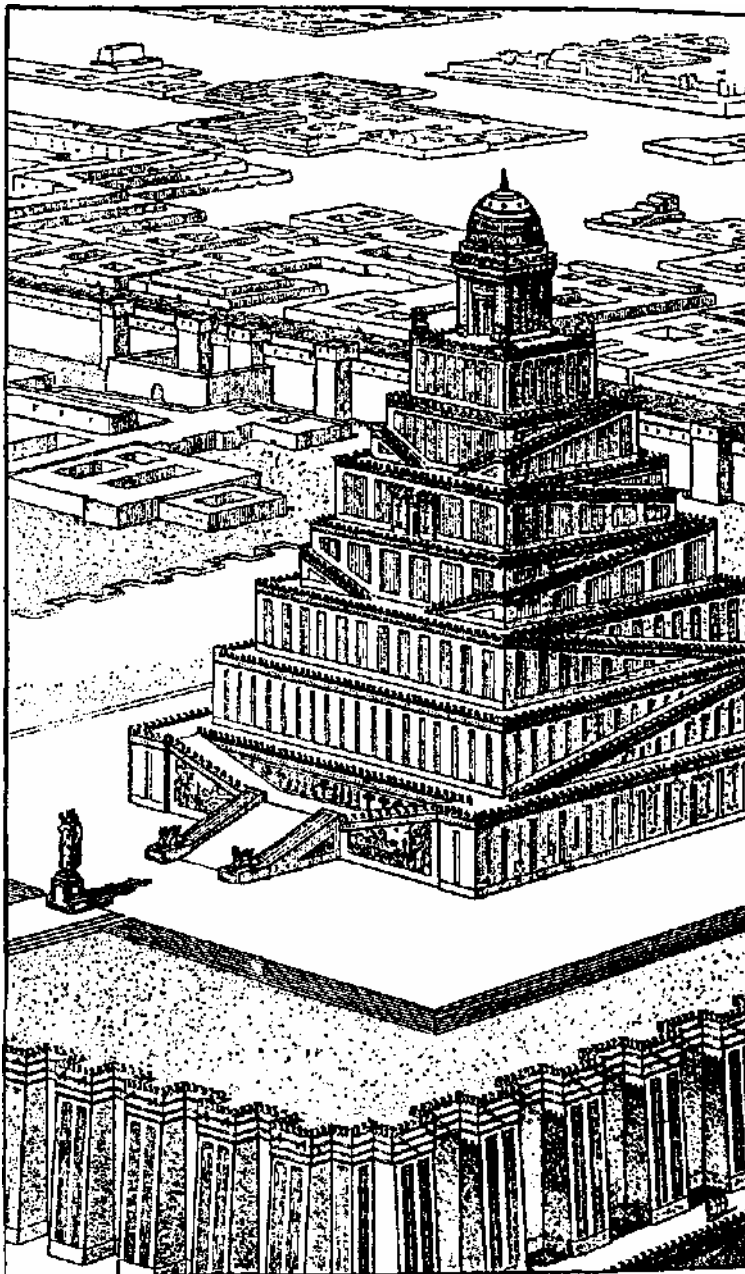
ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

и волю богов. Такое же происхождение, зависящее от воли и настроений богов с точки зрения религии, должны были иметь и атмосферные явления: ветер, дождь, гроза, облака, туманы, наконец, специфические изменения в цвете и виде Луны и Солнца под влиянием атмосферных явлений. Исходя из этого жрецы к началу II тыс. создали специальную «науку», основанную на наблюдениях за движениями небесных светил и за атмосферными ситуациями; те и другие, с жреческой точки зрения, были единым комплексом небесных явлений. Эту область древневавилонской культуры можно назвать астрологией: предсказания делались по совокупности примет астрономических и метеорологических («если при появлении луны будет дуть южный ветер, то поражение Амурру»; «если Адад прогремит своим голосом (то есть если будет гроза. —

ВТ.) в день исчезновения луны, то богатый урожай и устойчивые цены на рынке». Были, правда, еще и предсказания, основывавшиеся исключительно на астрономических наблюдениях, в особенности на основании затмений, но они нисколько не изменяли основного характера древневавилонской астрологии. Однако эта новая область «науки» имела огромное политическое значение, так как она обслуживала главным образом царя и потому могла оказывать решающее влияние на царскую политику, в особенности военную, и на организацию придворных интриг и заговоров. Сознательный жреческий обман здесь мог иметь и имел больше места, чем в какой-либо другой области идеологии.

При таких целевых установках наблюдений за звездным небом подлинные астрономические знания, конечно, не могли развиваться быстрыми темпами. Астрономические тексты библиотеки Ашшурбанапала стоят еще на том же уровне знаний, какой был достигнут в эпоху Хаммурапи; быстрое развитие вавилонской астрономии замечается только в позднеперсидскую эпоху (документы начала IV в.) и особенно в эллинистическую эпоху. Астрономические тексты III и II тыс. до н.э. характеризуются отсутствием твердой терминологии, почти полным отсутствием измерений и числовых данных, зачастую также отсутствием точных дат. Астрономические наблюдения соединяются с метеорологическими наблюдениями; астрономические явления объясняются не законами движения небесных светил, как это имеет место в позднейших текстах, а вмешательством духов и богов — например, затмение Луны в одном тексте объясняется тем, что Луну заслонили семь злых духов.

Главным астрономическим достижением древневавилонской эпохи является выделение из числа неподвижных звезд («спокойно пасущихся небесных овец») пяти звезд, имеющих самостоятельное движение («баранов»), то есть планет. Это выделение произошло не сразу. В конце III тыс. мы встречаем еще только триаду небесных светил, состоящую из Солнца, Луны и Венеры, причем последняя называется по имени города Дильбат. Эти три великих небесных светила почитаются как великие небесные боги Шамаш, Син и Иштар;

Илл. 100. «Вавилонская башня» — реконструкция
 ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

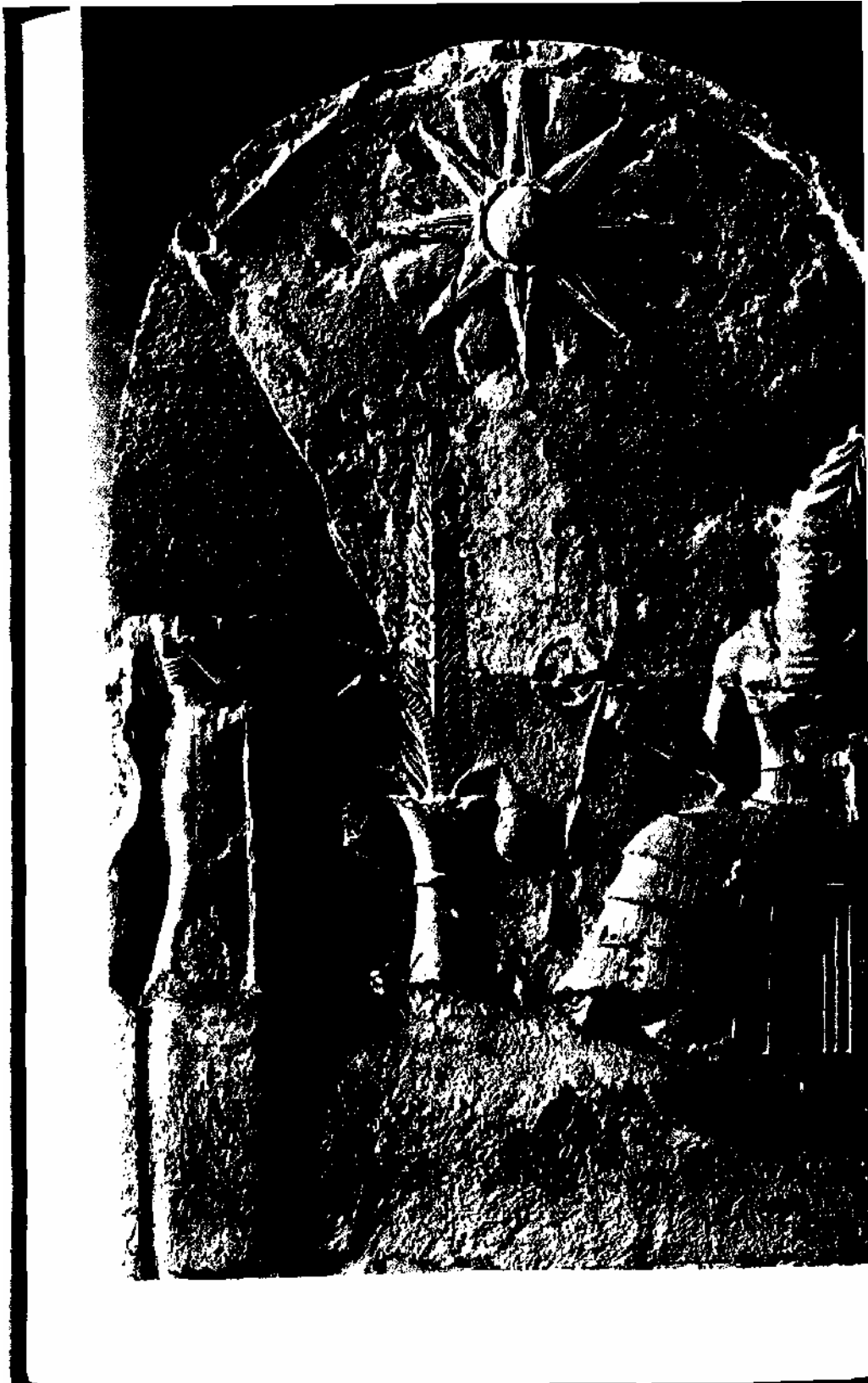
последняя, очевидно, — как богиня города Дильбат. Остальные четыре планеты, видимые простым глазом, также были выделены уже в эпоху Хаммурапи, но они еще не соединяются с определенными великими богами и фигурируют как звезды в числе других созвездий под собственными именами. Эти имена в то время еще точно не установились, так что Меркурий, Сатурн и Марс в разных текстах называются разными именами, а Юпитер иногда называется просто «Белой звездой». К этому же времени было установлено, что все планеты держатся около «пути солнца», то есть эклиптики, и на этом пути было отмечено 16 отдельных звезд и групп звезд. Но окончательное деление эклиптики на 12 созвездий зодиака встречается впервые только в тексте персидской эпохи конца V в. до н.э. Кроме этих звезд вавилонскими астрономами были выделены еще и другие звезды и созвездия, перечисляемые в списках созвездий новоассирийской и халдейской эпох. В этих списках к каждой планете дается точная ремарка, что она «изменяет свой бег и путешествует по небу», но и в них только Меркурий соединяется с великим богом Нинуртой. Система семи великих небесных светил (Солнца, Луны и пяти планет), соединяемых с определенными великими небесными богами, точно засвидетельствована только документом 650 г. до н.э.

Наблюдения над солнечными и лунными затмениями производились и записывались, но вплоть до римской эпохи вавилонские астрономы, по свидетельству Диодора, не смогли изучить эти явления настолько, чтобы давать предсказания о наступлении солнечных затмений. Только в предсказании

лунных затмений они достигли известных успехов. Вопреки сомнениям некоторых ассириологов, теперь надо считать доказанным, что в конце VIII в. до н.э. вавилонские астрономы уже знали 18-летний период, так называемый сарос-ский цикл, являющийся ключом к вычислению будущих лунных и солнечных затмений, и делали предсказания последних.

Таким образом, мы видим, что вплоть до конца халдейской эпохи звезды и планеты интересовали вавилонских наблюдателей не как явления природы, а как символы богов и духов и как «толкователи» божественной воли. Те чисто научные достижения, которые были сделаны вавилонскими астрономами на протяжении тысячелетий, дали свои плоды только тогда, когда вавилонская астрономия вошла в сферу влияния греческой, а затем эллинистической науки. Это впервые произошло в персидскую эпоху, с конца V в., когда в персидскую державу стали проникать греческие наемники, купцы и ученые и когда вместе с последними стало распространяться греческое культурное влияние. Знакомство греческих ученых с вавилонскими астрономическими достижениями

Илл. 101. Сцена поклонения. Сидящий бог, вероятно, изображает Шамаша. Стела

ГЛАВА Ю. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

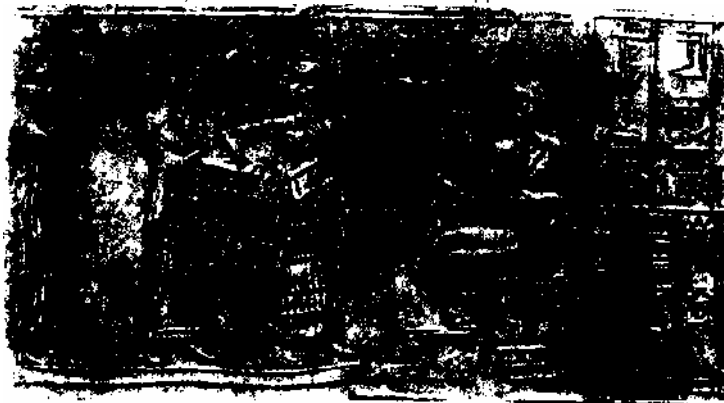
засвидетельствовано тем любопытным фактом, что имена крупнейших вавилонских астрономов Набуриана (конец V в.) и Киденаса (середина IV в.) дошли до нас впервые в греческих источниках вместе со сведениями об их трудах. В настоящее время мы знаем их точные имена (Набуриманну и Кидинну) уже из вавилонских источников и располагаем таблицами их астрономических вычислений, которые позволяют предполагать, что закон прецессии* был открыт впервые Кидинну и что Гиппарх только продолжил его дело. Поздняя система вавилонской астрологии вошла в качестве одной из главнейших составных частей в средневековую астрологию вместе с астрологией египетской и пифагорейской.

Постоянные наблюдения за небом приучили жрецов к мысли, что все в мире установлено по строгой системе, в строгом порядке. Все установлено числом и мерою; числа, которые даны наблюдениями над небом, священные, о них как бы свидетельствуют людям сами великие небесные боги. Главных небесных богов три; число *три* есть первое священное число. Всего же великих небесных богов *семь*; это также священное число. Число семь совпало с числом дней недели, и жрецы увидели в этом не случайное явление, а указание самих богов. Поэтому они назвали дни недели именами семи небесных богов. Впоследствии, когда имена этих богов окончательно установились, вавилоняне употребляли такие названия: первый день недели — день Шамаша, второй — день Сина, третий — день Нергала, четвертый — день Небо, пятый — день Мардука, шестой — день Иштар, седьмой — день Ниниба. Эти названия очень важно знать потому, что они послужили образцом для названий дней недели, принятых у западноевропейских народов. От вавилонян эти названия были заимствованы римлянами; римляне только перевели их, заменив вавилонские имена богов римскими. Под властью римлян находилась Галлия — теперешняя Франция; французские названия дней недели почти все являются переименованными в произношении римскими названиями. По соседству с Галлией, за Рейном, находилась Германия, где во времена римского владычества бродили полуварварские племена германцев. Они легко подчинялись римскому влиянию, много перенимали у римлян и переняли, между прочим, названия дней недели, заменив только имена римских богов именами своих богов.

Священные числа три и семь также перешли к европейским народам. Их заимствовали у вавилонян евреи, от евреев они перешли в Новый завет,

* В астрономии прецессией (лат. praecessio — предшествование), или предварением равноденствий, называют медленное перемещение точек весеннего и осеннего равноденствий. В результате этого перемещения Солнце в своем годичном движении по эклиптике возвращается в эти точки раньше, чем оно успеет сделать полный оборот по небу по отношению к звездам. Равноденствия, таким образом, предваряются, наступают раньше, чем по прошествии полного оборота Земли вокруг Солнца, на 20 мин. 23 сек.

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТ

Или. 102. Ур-Намму, изображенный в образе бога Сина (спр Оттиск с цилиндрической печати. Ок. 1500 г. д а оттуда, вместе с христианской религией, ко всем европейцам. Но эти числа — только самые главные из священных чисел; кроме них шумерские жрецы признавали еще другие числа священными и на основании их составили свою систему счисления. Священными числами, которые легли в основание вавилонской системы счисления, были числа 12 и 60. Первое число соответствует числу месяцев в году; второе получилось очень сложным путем. Жрецы старались измерить путь, который делает Солнце от восхода до захода, пробовали сосчитать, сколько «шагов» делает Солнце во время своего дневного небесного пути. Долго мучились они над этой задачей и, наконец, сосчитали: если уложить по дневному пути Солнца без перерыва рядом друг с другом диски, равные по величине солнечному, то таких дисков уложится 180. Но Солнце днем делает только полкруга, а полное его суточное движение должно составить, думали жрецы, полный круг; другую половину круга оно делает ночью, под землею. Если в половине пути Солнце укладывается 180 раз, «делает 180 шагов», как выражались жрецы, то в полном пути оно уложится 360 раз, должно сделать «360 шагов». Так получилось у них новое священное число 360; но оно равно 60×6 , в свою очередь $60 = 12 \times 5$. Эта связь 360 и 60 с числом 12 окончательно убедила жрецов в таинственном значении этих чисел. И они стали всякий круг делить на 360 частей и считать стали не по десятичной системе, самой простой, указываемой нам самой природой (по числу пальцев), а по очень сложной смешанной системе. Считали до 12, потом считали по 12 до 60, потом считали по 60; эта система была очень запутанной, так как очень часто она смешивалась со старой десятичной системой, которая, очевид-

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

но, существовала исстари. Числа 12, 60 и 360 не приобрели у нас значения священных чисел; только 12 считается круглым числом и имеет некоторое священное значение. Но зато в счете и в математике они твердо сохраняются до сих пор. Через греков и римлян к нам перешел счет дюжинами, существующий рядом со счетом десятками; число же 360 до сих пор составляет одну из основ геометрического счисления. По примеру вавилонян греки и римляне делили круг также на 360 частей и сохранили для этих частей старое вавилонское название, переведя его только на латинский язык: латинское слово *gradus* значит *шаг*. Так, священная наука жрецов не погибла, но оказала свое влияние на нашу культуру. Вместе с астрологией греки и римляне переняли у вавилонян и зачатки астрономии, и священные числа, и все эти знания старались развивать и совершенствовать.

Математика

Практические потребности также способствовали возникновению и развитию математических знаний. Эти потребности возникали и в производстве, и в строительстве, и в торговле. Так, в сельском хозяйстве требовалось определять размеры площадей полей; для орошения полей в некоторых случаях требовалось сооружение водоподъемных машин, при котором приходилось делать расчеты не только арифметического, но также геометрического и механического порядка; изготовление плугов, лопат, кос и другого мелкого сельскохозяйственного инвентаря также требовало математических расчетов. Кроме указанных выше потребностей приходилось сооружать плотины и каналы, для чего также были необходимы математические и механические расчеты. Далее, уже в шумерскую эпоху существовала внутренняя и внешняя торговля, достигшая особо широкого развития в Древневавилонском царстве. В эту эпоху из Вавилонии вывозились соль, хлеб, шерсть и масло, а ввозились самые разнообразные товары — золото, серебро, медь, свинец, бронза, железо, драгоценные камни, асфальтовая смола, кипарисовое дерево, растительное масло, лошади и рабы. Наконец, еще в шумерскую эпоху велось крупное строительство дворцов и храмов, развившееся далее в Древневавилонском царстве. При строительстве дворцов, храмов и других сооружений требовалось определять точные размеры их площади и высоты, при купле и продаже требовалось определять вес и количество покупаемых или продаваемых товаров. Все эти потребности постепенно привели к созданию систем счисления, с течением времени все улучшавшихся. В результате многовекового развития и улучшения систем счисления укрепилась шестидесятеричная система счисления (1, 60, 360), допускающая применение также подсобных десятикратных делений (10, 600, 3600). Наличие этих последних делений показывает, что первоначальной системой счисления у шумеров была естественная десятиричная система, по числу паль-

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТ

цев на руках; она же лежит и в основе древнейшей пятидневной недели. Шестидесятеричная система, несомненно, была введена искусственно, вероятно, в связи с теми «священными» числовыми категориями, какие были получены при выработке системы счета времени. Из дошедших до нас математических текстов II и начала I тыс. мы узнаем о достигнутом тогда уровне математических знаний. В учебных таблицах по математике встречаются вычисления и задачи на четыре основных арифметических правила (сложение, вычитание, умножение и деление). Кроме того, вавилонянам было известно возвышение в квадратную степень и извлечение квадратного корня; но определенной даты последнего открытия мы установить не можем. Некоторых успехов уже в древневавилонскую эпоху достигла также геометрия. Из эпохи III династии Ура дошла до нас табличка с планом поля, на котором для производства измерения площади последнее было разделено на четыре прямоугольника, семь треугольников и четыре трапеции; на оборотной стороне таблички дается вычисление площади поля на основании сложения площадей прямоугольников, треугольников и трапеций. Для практического обучения геометрии и геодезии в эпоху Хаммурапи составлялись сборники задач.

Медицина

Как свидетельствуют дошедшие до нас врачебные наставления и другие материалы, касающиеся болезней и их врачевания, в древней Вавилонии господствовало мнение, что болезни насылаются злыми духами и что против козней последних надо обращаться к богине Нинхурсаг которой были подчинены восемь низших богов-целителей. Кроме Нинхурсаг, обращались к богу Нинурте и к его жене, богине Гуле, которая якобы могла оживлять мертвых. Молитвы к богам и заклинания против злых духов применялись вавилонскими врачами и больными в первую очередь. Но, как покрывают законы Хаммурапи, в Вавилонии существовала профессия врачей*, которые

применяли некоторые реальные чисто медицинские приемы распознавания и лечения болезней, правда, весьма ограниченные и не всегда действенные. Прежде всего, основы медицинской науки — анатомии человека — в сущности тогда не было; древневавилонские врачи знали лишь главные органы человеческого организма — сердце, легкие, печень и почки. Поэтому они не в состоянии были всегда осуществлять на деле свою правильную установку, что «болезнь не может быть успокоена повязками, и жало смерти не может быть вырвано, если врач не узнает ее

* Термин, которым назывался врач (asum, azu), в буквальном переводе обозначает «знающий воду» или «знающий масло», то есть знающий лечебные и магические свойства этих веществ.

ВАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

(болезни) существа». Однако вавилонские врачи научились различать, кроме наружных болезней (болезней глаз, ушей), также и некоторые внутренние болезни, против которых применяли и лекарства, и молитвы к богам, и заклинания против злых духов. Особенно важны и интересны постановления кодекса Хаммурапи, относящиеся к хирургии и свидетельствующие о ее значительных для того времени успехах. Врач-хирург нес полную ответственность, материальную или уголовную, за неудачные операции. Орудием операций были специальные бронзовые ножи, вероятно, разной величины и разной формы, применительно к каждому оперативному акту. Различаются легкие и тяжелые надрезы. Из легких надрезов конкретно упоминаются снятие бельма с глаза и устранение болезненной опухоли; тяжелые надрезы в кодексе Хаммурапи точно не характеризуются, но устанавливается ответственность врача за неудачную операцию, например за смерть больного или за лишние повреждения при операции. Из более или менее сложных операций упоминается только сращение сломанной кости. Законы Хаммурапи также устанавливают денежные нормы оплаты за операции.

Но это лишь самые общие и довольно скудные сведения о медицине древней Месопотамии, к тому же довольно устаревшие. В последние десятилетия успехи ассириологов в изучении клинописных текстов позволили совершенно по-иному взглянуть на данный предмет уже с позиций сегодняшнего дня. Ниже эти новейшие представления о медицине Двуречья изложены в версии М. Бе-лицкого.

Сейчас трудно установить, когда именно в Шумере появились первые «врачи», спешившие оказать помощь своим ближним. Мы не знаем также, все ли они принадлежали к «духовному сословию», или же существовали и светские медики. Возможно, те и другие трудились бок о бок независимо друг от друга, а может быть, даже сотрудничали, помогали друг другу. Сказать что-либо определенное по этому поводу мы пока не можем. Несомненно одно: врачи существовали в Шумере уже в самой глубокой древности.

По мнению исследователей, первые шумерские врачи были жрецами. Шумерских жрецов с точки зрения их «специализации» можно разделить на две группы — прорицателей и целителей. Так было, по-видимому, уже в древнейшую эпоху. Прорицатели устанавливали причину болезни (соответственно, жизненной неудачи, если речь шла не о болезни, а о каком-то ином бытовом катаклизме) по полету птиц, по внутренностям жертвенных животных и т. д. После того как злые силы были определены, на сцену выступали целители, знавшие подходящие для каждого случая заговоры и заклинания. По мере накопления опыта и наблюдений из жрецов-целителей (назовем их так) начали выделяться практики, которые наряду с заговорами стали применять также лекарства и лечебные процедуры. Все это было связано с магией, требовало

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

знания молитв, формул заклинаний и заговоров, составлявших сложный ритуал, который повергал в трепет рядового шумера, нуждавшегося в помощи.

Во всех исследованиях, посвященных истории возникновения медицины и деятельности древнейших в человеческой истории врачей, содержится вполне справедливое и обоснованное утверждение о тесной связи медицины с магией. Эта связь, бесспорно, существовала, хотя случались периоды, когда она ослабевала и зависимость медицины от религии, магии, суеверий уменьшалась.

Ученые располагают бесспорными доказательствами того, что такое возрастание роли знания имело место по крайней мере в один из периодов истории Шумера. Это необходимо особо подчеркнуть, потому что чуть ли не во всех популярных трудах, посвященных месопотамским цивилизациям, до сих пор утверждается безусловный примат магии и знахарства над медицинскими знаниями в практике древневосточного врачевания — ошибочный взгляд, вызванный двумя причинами. Во-первых, во всех послешумерских и в особенности вавилонских текстах настойчиво подчеркивается роль заговоров и магических обрядов при лечении больного. Во-вторых, тот документ, который наконец-то совершил революцию в наших взглядах на

шумерскую медицину, был прочитан и опубликован совсем недавно.

Прежде чем мы обратимся к этому уникальному тексту, сделаем несколько замечаний. Нельзя не согласиться с утверждением М. Белицкого о том, что житель Шумера до того, как он «прибегал к лекарствам или искал спасения под ножом хирурга, пытался изгнать болезнь, дело рук злых демонов, с помощью соответствующих заклинаний от имени своего божества». Более того, он призывал на помощь не только свое божество, но и другие сверхъестественные силы, о чем мы будем говорить дальше. Тот факт, что медики, по крайней мере в определенный период истории, обходились в своей лечебной практике без помощи магии, отнюдь не означает, что это соответствовало общепринятым представлениям и практике. Традиционный ритуал изгнания злых демонов — даже в сочетании с назначением лекарств — был значительно старше и прочнее укоренился в сознании шумеров, чем «новомодное» лечение одними лекарствами. Возможно, что лечение проводилось одновременно врачом и заклинателем. На основе одного или нескольких документов нельзя делать слишком далеко идущих выводов, однако не вызывает сомнения тот факт, что все, даже самые далекие от волшебства, врачи, занимавшиеся «чистой» медициной, были тесно связаны с сословием жрецов и трудились с глубоким убеждением в том, что эффектом своей деятельности они целиком обязаны соответствующим богам. Так же они относились и к лекарствам.

Древнейшую «визитную карточку» врача обнаружил во время раскопок в Уре Леонард Вулли. Это была табличка первой половины III тыс. до н.э.

ЛАВА Ю. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

с лаконичным текстом: «Лулу азу». Лулу — это имя практиковавшего в Уре «знатока воды», или, как переводят некоторые исследователи, «знатока масла» — так в Шумере называли врачей.

Значительно больше познавательного материала дала науке «визитная карточка» врача по имени Ур-лугалединна, который был придворным медиком правителя Лагаша, преемника Гудеа, Ур-Нин-Нгирсу. «Визитная карточка» представляет собой цилиндрическую печать, на которой представлено бородатое божество в длинном одеянии с великолепной тиарой на голове. В правой руке бог держит некий предмет; отдельные исследования считают его пилюлей. Рядом изображено дерево, с которого свешиваются два инструмента, напоминающие хирургические иглы или что-то в этом роде. На двух высоких постаментах стоят два сосуда. Надпись, выполненная четкими клинообразными знаками, гласит: «О бог Эдинмуги, наместник бога Гира, помогающий родящим самкам животных, Ур-лугалединна, врач, является твоим слугой».

Поскольку идентификация шумерских богов чрезвычайно трудна, исследователи воздерживаются от высказываний о том, какие боги имеются в виду в этой надписи. Зато некоторые шумерологи исходя из этого текста предполагают, что среди шумерских врачей в это время уже существовала специализация. Предположение довольно заманчивое, однако заходить слишком далеко в этом направлении, по всей вероятности, не следует.

Покровительницей шумерской медицины была дочь бога Ана, богиня Баба. Молитва, обращенная к этой богине, называет ее «великой целительницей „черноголовых“, сохраняющей людям жизнь, создавшей людей... приготавливающей вино и пиво». Почти во всех текстах, где упоминается эта богиня, говорится о врачебных функциях Бабы, а в некоторых фигурируют имена демонов, вызывающих болезни.

Вскоре мы познакомимся с этими демонами. А пока поговорим о знаменитом тексте, совершившем переворот в оценке шумерской медицины, — о табличке, обнаруженной в Нипшуре экспедицией Пенсильванского университета в 1889 г. Табличка была зарегистрирована и отправлена в фонды музея Пенсильванского университета. Там она пролежала более пятидесяти лет, и лишь в 1940 г. проф. Леон Лэгрэн опубликовал перевод этого текста. Это была первая, но неудачная попытка проникнуть в смысл документа, изобилующего такими лингвистическими трудностями, с которыми в то время еще невозможно было справиться. Шумерский текст содержит большое количество специальных слов и выражений, требующих знания не только шумерского языка, но и фармакологии, химии, ботаники и пр. Перед учеными-шумерологами оказался текст, • имеющий огромное значение для науки. Ни у кого не хватало смелости взяться за его перевод. Лишь в 1955 г. С. Крамер с помощью химика Мартина Леви, специалиста по истории естественных наук, приступил к сложнейшей работе

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТМ

по переводу этой таблички. Анализ этого текста был опубликован в книге Крамера «История начинается в Шумере». Но это было лишь начало работы, так как адекватный перевод текста таблички наряду с лингвистическими познаниями требовал прекрасного знания шумерской фармакологии и медицинской терминологии. Для того чтобы подготовить понятный и точный

перевод, необходимо было произвести сложнейшее сопоставление терминов, использованных в тексте, составленном около 2200 г. до н.э., с терминологией клинописных документов последующих веков. Чтобы понять, насколько сложной была задача, стоявшая перед переводчиками подобного текста, попробуем представить себе, с какими трудностями встретился бы человек, прекрасно владеющий литературным языком и пытающийся средствами этого языка сделать точный перевод статьи из области ядерной физики, написанной специалистом и для специалистов, то есть насыщенной словами и выражениями, известными лишь «посвященным». Поэтому не удивительно, что и после публикации перевода Крамера работу над древнейшим «учебником медицины» продолжали другие исследователи. За нее взялись, в частности, два французских ученых: шумеро-лог Мишель Сивил и выдающийся знаток древнемесопотамской медицины Рене Лабат. Подумать только, сколько усилий потребовал перевод 145 строк, большая часть которых настолько разрушена, что так и останется прочитанной. Особенно сильно повреждены первая 21 строка. Некоторые исследователи по аналогии с более поздними клинописными медицинскими документами считают, что эти строки должны были звучать так: «Если человек страдает от» — и что далее следует название той или иной болезни. Это, однако, лишь предположение, притом далеко не бесспорное и вызывающее немалые возражения со стороны других специалистов. С 22-й строки начинаются рецепты. Всего их 15. Рецепты могут быть разбиты на три группы, в соответствии со способом применения данного лекарства. Первая группа состоит из восьми лекарств, представляющих собой припарки. Шумерский врач, который запечатлел все это на своей табличке, прежде всего перечислил компоненты, необходимые для изготовления данного лекарства, затем указал, что эти компоненты должны быть растерты в порошок и смешаны с жидкостью до образования пастообразной массы, которая должна быть приложена к больной части тела, предварительно натертой маслом. Последнее либо оказывало лечебное действие само по себе, либо очищало кожу и предохраняло ее, не давая припарке прилипнуть.

Вторая группа состоит из рецептов трех лекарств, принимаемых внутрь. Приведем два из них. Рецепт № 9. «Влить крепкое пиво в смолу... растения; нагреть на огне; влить эту жидкость в жидкий речной асфальт [и] дать [больному] выпить».

Рецепт № 11. «Растереть семена овощей *нигнагар*, мирры [?] [и] *тимьяна*; высыпать в пиво [и] дать [больному] выпить».

ЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

И, наконец, третья группа, которая включает всего четыре рецепта. Начинается она коротким и непонятным вступлением. «Обложить [?] камышом руки и ноги [больного]». Хотя цель этой процедуры абсолютно непонятна, эти строки, по мнению ученых, необыкновенно важны, так как предположительно содержат указание на то, какие именно части тела необходимо подвергнуть лечению.

Рецепт № 12. «Просеять и перемешать растолченный панцирь черепахи, побеги [?] растения *нага* [из него добывают соду и другие щелочи], соль [и] горчицу; омыть [больное место] крепким пивом [и] горячей водой; растереть [больное место] этим [приготовленным составом], после чего натереть растительным маслом [и] обложить [?] растертыми в порошок иглами пихты».

Рецепт № 13. «Развести водой порошок из высушенной и растертой водяной змеи, растения *амамашумкаскал*, корней колючего кустарника, размельченной *наги*, пихтового скипидара [и] омыть [больное место] этой жидкостью, после чего натереть растительным маслом [и] приложить шшш».

Пусть не улыбается иронически читатель, хорошо знающий медицину, разбирающийся в лекарствах и пользующийся сложнейшими изделиями фармацевтической промышленности.

Конечно, с точки зрения современного пациента, эти рецепты могут показаться жалкими и смешными. Однако, если мы вспомним время, когда они были составлены (4200 лет назад), если внимательно вчитаемся в их содержание, мы перестанем относиться к ним свысока.

Для изготовления лекарств анонимный шумерский врач пользовался продуктами растительного и минерального происхождения, в том числе панцирем черепахи, который и по сей день применяют верные традициям народной медицины врачи Дальнего Востока. Они, и не только они, используют в качестве компонентов лекарств кости различных животных, растерты в порошок корни, семена, листья.

Еще в XVIII в. в Европе рецепты формулировались аналогичным образом, а лекарства состояли из подобных компонентов. Авторы рецептов и руководств по медицине даже не подозревали, что, пользуясь в своих прописях и трактатах рецептами народной медицины и опытом эскулапов

древности, они черпают из кладезя знаний, которые передали последующим поколениям забытые шумеры.

Очень жаль, что древняя фармакопея не дает нам представления о том, при каких заболеваниях следует использовать те или иные средства. Бросается в глаза разнообразие способов применения лекарств, сложная методика их приготовления. Лаконичные тексты шумерских рецептов предназначались для практикующих врачей, которые либо знали, в какой пропорции следует брать те или иные компоненты, либо легко могли это выяснить. Впрочем, трудно сказать, имела ли данная табличка самостоятельное значение. Может быть, она была лишь «страничкой» из

«учебника медицины», которым пользовались
ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТА

ученики шумерских школ и чтение которого дополнялось устными объяснениями «педагогов».

Врач, оставивший нам эту единственную в своем роде табличку, был человеком высокообразованным, осведомленным не только в своей профессии. Специалисты по клинописи подчеркивают изящество значков, искусное начертание клиньев. Это лишний раз подтверждает предположение исследователей о том, что врачи, как и писцы, авторы религиозных и литературных произведений, математики и астрономы, принадлежали к интеллектуальной верхушке шумерского общества.

Приведенный выше рецептурный справочник невольно наталкивает на размышления о выходе науки из-под влияния магии в Шумере. Ведь в нашем документе не упоминается ни одно божество, там полностью отсутствуют какие-либо заклинания. Составивший его врач явно строил свою деятельность на рациональных, эмпирических началах. На основании этого документа можно говорить о проявлениях рационального отношения к миру и об эмпирическом подходе к лечению больных (разумеется, в том смысле, в какой категории рационализма и эмпиризма могут быть применены к той эпохе). Подобного рода революции в мировоззрении были возможны, так как постижение явлений природы влекло за собой освобождение сознания от веры в сверхъестественные силы. Однако в данном случае материал слишком скуден, и исследователи предпочитают скорее констатировать факт как таковой, чем делать на его основе серьезные выводы.

Значительно больше текстов оставила медицина, связанная с суевериями и магией. Ознакомимся и с этим «направлением» медицины, не забывая о том, что параллельно с ней в Шумере существовала «научная» медицина. Речь у нас пойдет о демонах, поэтому нам придется выйти за узкие рамки рассказа о деятельности этих злых сил против здоровья и жизни человека.

Смерть и предшествующие ей болезни шумеры объясняли вмешательством демонов, которые, по их представлениям, были злыми и жестокими существами. Они считали их детьми бога Ана и богини земли Ки. Но почему эти дети были дурными и подлыми, почему они несли смерть и болезни, разрушения и катастрофы? Согласно верованиям шумеров, в иерархии сверхъестественных существ демоны стояли на ступеньку ниже самых незначительных божеств. Тем не менее им удавалось терзать и мучить не только людей, но и могущественных богов. Были, правда, и добрые демоны, те, что охраняли врата храмов, частные дома, оберегали покой человека, но их было немного по сравнению со злыми,

Демоны могли вызывать разные болезни. Поскольку до нас не дошли древнейшие шумерские документы, содержащие формулы заклинаний, воспользуемся несколько более поздними,

старовавилонскими текстами, которые,
ЛАВА Ю. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

по общему признанию исследователей, мало отличаются от шумерских прототипов. Например, в тексте, приведенном ниже, используются вавилонские наименования злых сил; почти все они произошли от шумерских, а некоторые удалось даже идентифицировать с шумерскими. Так, Лабассу — шумерский демон Диммеа, вызывавший лихорадку. Он «делал тело человека желтым, лицо желтым и черным, и даже черным делал основание его языка». Вавилонский Алу — шумерский Ала, вызывавший болезни ротовой полости и ушей; Асакку у шумеров именовался Асагом, он приносил чахотку. Вот как звучит начало старовавилонского заклинания:

Асакку приблизился к голове человека.

Намтарру приблизился к горлу человека.

Злой Утукку приблизился к его шее.

Злой Галлу приблизился к его груди.

Злой Этимму приблизился к его желудку.

Злой Алу приблизился к его руке.

Злое божество приблизилось к его ноге.

Все семеро бросились на него.

Словно внезапный огонь опалил его тело.

Он не может есть, не может пить воду.

Он не может спать, не может отдыхать.

Бог Мардук увидел его.

Отправился к отцу своему Эа и рассказал ему.

«Иди, Мардук, сын мой!

Возьми белую овечку,

Положи ее рядом с больным человеком,

Вырви у нее сердце,

Вложи его в руку человека!

Произнеси заклинания из Эреду!

Взывай к великим богам [таким образом]:

„Помешайте злему Утукку, Алу, злему Этимму,

Ламашту, Лабассу, Асакку, Намтарру.

Кто терзает тело человека, да будет изгнан и покинет дом!

Велите прийти доброму духу, богу-покровителю!

Болезнь сердца, тревога сердца, головная боль,

зубная боль, болезнь,

Злой Асакку, злой Алу, злой Этимму, Ламашту, Лабассу, И тяжкое страдание — На небо и землю — будьте изгнаны!»

Чем труднее было вылечить недуг, то есть чем могущественнее были демоны, которые вызвали болезнь, тем сложнее была формула заклинания. К числу самых жестоких, непобедимых, приносящих людям особенно много вреда принадлежали демоны Удуг (по-аккадски Утукку). Этих могущественных и

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМ

злых духов, непрестанно угрожавших людям, было семь. Их называли «духами смерти», «скелетами», «дыханием смерти», «преследователями людей». Демоны Удуг ходили по земле, разрушая дома, превращая плодородные степи в мертвые пустыни, поражая людей страшными болезнями, внося хаос в установленный богами порядок. Одни только заклинания посвященных в тайны самых сложных заговоров жрецов, которые знали имя подходящего к случаю божества, могли отогнать Удуг.

В шумерских текстах Удуг упоминаются часто, однако полного текста заклинания у нас, к сожалению, пока нет. Что же касается старовавилонских и более поздних текстов, то они имеются в изобилии. Большинство из них, по утверждению исследователей, в том числе выдающегося специалиста в этой области, переведшего и изучившего целый ряд подобных заклинаний, Адама Фалькенштейна, почти целиком повторяют исчезнувшие шумерские тексты. Поскольку Удуг в верованиях и медицинской магии играли столь важную роль, познакомимся со старовавилонскими заклинаниями. Данный текст ничем не отличается от шумерского прототипа, который был старше его на несколько столетий, даже имена богов и демонов, в том числе Удуг, звучат в нем по-шумерски.

Злой Удуг, который пустынные дороги делает

труднопроходимыми, Который ходит тайком, засыпает дороги. Злой дух, который выпущен в степи, Злодей, которого не заставишь вернуться назад, Димме, Диммеа, которые обескровливают людей, Болезнь сердца, болезнь... страдание, головная боль, Буря, которая засыпает людей, [Они], словно вихрь, повергли странника, Утопили его в желчи.

Это человек отходит «на другую сторону съез жизни». Асалухи увидел это, вошел в дом отца своего Энки и обратился к нему: «О мой отец, злой Удуг, который пустынные дороги делает труднопроходимыми, Который тайно ходит...» Сказал это [богу Энки] и снова [заговорил]: «Что мне делать в таком случае, не ведаю. Чем помочь [больному]?» Энки ответил сыну своему Асалухи:

«Сын мой, чего ты не знаешь? Что я мог бы тебе еще сказать? Асалухи, чего ты не знаешь? Что я мог бы тебе еще сказать? То, что знаю я, знаешь и ты. Иди, сын мой Асалухи!

ГЛАВА Ю. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМ

Водой наполни кувшин,

Брось в него тамариск и веточку [...] к нему,

Окропи этой водой человека,

Поставь около него сосуд с фимиамом и факел!

И тогда „демон судьбы“, пребывающий в теле

этого человека, удалится. „Твердая бронза“, витязь [бога] Аиа Своей устрашающей мощью истребит всякое зло.

Приложи это туда, где [...] станет твоим помощником. „Твердая бронза“, витязь [бога] Ана Придаст тебе мощи и устрашающего блеска. Злой Удуг, злой Ала должен уйти, Злой дух смерти, злой демон должен уйти, Злой бог, злой страж должен уйти, „Злое дыхание“, „злая слюна“ должны уйти, Димме, Диммеа, обескровливающие человека, должны уйти. Болезнь сердца, болезнь... страдание, головная боль, Буря, которая засыпает человека, должны уйти! Все великие боги закливают тебя: уйди прочь!»

Это заклинание, в котором содержится призыв ко «всем великим богам», использовалось в тех случаях, когда болезнь казалась особенно тяжелой и непонятной и обращения к какому-либо одному божеству было недостаточно. Фигурирующий в заклинании бог Асаллухи, сын бога Энки, покровитель магических сил, в соответствии со своими божественными функциями знал — о чем свидетельствует текст, — как следует вести себя во время изгнания демонов. Он мог бы сам произнести соответствующие формулы, однако он обращается за помощью к своему отцу. Так же в предыдущем заклинании поступает Мардук (заметим, кстати, что в вавилонской религии имя бога магии Асаллуха превратилось в эпитет Мардука).

За помощь жреца-заклинателя, использовавшего при лечении не только заклинания, но и лекарства (в первом из приведенных текстов содержится бесспорный намек на то, что одновременно с заклинаниями целитель прописывал лекарства), за вмешательство светского врача, пытавшегося спасти больного без привлечения богов и без изгнания демонов (а может быть, применявшего и это средство), приходилось платить немало. В благодарность за помощь больные должны были приносить в храм жертвенные дары, а также платить за визиты лекарей. Стоило это недешево, что нашло отражение в шумерских пословицах и изречениях.

Если бы мы могли послушать какого-нибудь старика-шумера, много повидавшего на своем веку, знакомого и со жрецами, и с их тайной наукой, то такой старец сумел бы много рассказать и о всевозможных бедах и напастях, и о болезнях, и, конечно, о зловредных духах. Их много, и происходят они от

двойников умерших, попавших после смерти в бедственное положение. Это духи тех, кто умер от голода или жажды или в темнице, кто утонул в реке (море) или кого засосало болото. О таких мертвецах живые мало заботятся, и поэтому их духи, как голодные волки, летят к людям и мучают их. Глядя на своего соседа-односельчанина, трясущегося в изнурительной болотной лихорадке — обычной болезни на болотистых берегах Евфрата, старец сказал бы, что, видимо, несчастный больной подвергся нападению Ашакку, страшного беса, «пожирающей болезни», или беса Диметума, беса «злого проклятия». А если начнет косить народ чума, которую иногда заносили в Южную Месопотамию приезжие купцы из Индии, то это бедствие объяснялось тем, что на людей напал бог чумы — Намтар. Когда же начнет дуть из Аравийской пустыни знойный юго-западный ветер, несущий с собой тучи песка, слепящий глаза, заносающий дома и засоряющий реки и колодцы, это значит, что на Шумер налетел страшный бес юго-западного ветра, крылатое чудовище с головой собаки и туловищем человека. Ночью подстерегают спящего человека ночные злобные духи Лилу и Лилиту. Они душат по ночам человека, насылают на него страшные сны, а иногда убивают его — заснет человек и не проснется. Есть и другие духи тьмы и ночи: например, Экимму, опасный для всякого, кто идет ночью по полю или по дороге. Он гнездится чаще всего возле могил и имеет вид привидения — белого, как ночной туман, но прозрачного и бесформенного, как легкое облако.

В горах, на море и в могилах витают злые духи Утукку; налетая на человека, они хватают его за горло, затрудняют ему дыхание и мешают глотать пищу или питье. Когда у человека заболит руки, это значит, что на него напал Галлу, а если заболит грудь, то, значит, туда проник Алу; если заболит голова, значит, напал на человека Тиу или Ашакку. Горе несчастному, в которого вселились бесы.

У всех бесов страшные звероподобные лица, наводящие ужас одним своим видом, и они не дают пощады никому, ни старому, ни малому. В одном заклинании злые духи описываются таким образом:

...Они покрывают землю, точно трава,

По всем четырем ветрам рассыпают они ужас, пылают, как пламя,

Они приносят болезнь людям, повергают в страдания их тело,

И городу и деревне несут они горе, старому и малому причиняют боль.

Мужа и жену разлучают они, наполняя их горем,

На небе и на земле неистовствуют они, подобно дождю и буре,

раскидывая свои сети, С громким криком низвергаясь на место, где обитает гнев богов.

И если, несмотря на все предосторожности, человека все-таки настигала болезнь, то это означало, что на него напал злой демон или дух. Тогда прихо-

АВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

дилось обращаться к помощи особого жреца-заклинателя, жреца-знахаря, *ашу-ну*, который сумеет вызволить из беды: он знает все чародейства колдунов и колдуний, ведает всеми волшебными заклинаниями и действиями, посредством которых можно изгнать злого духа из тела заболевшего. Придя к больному, такой ашипу прежде всего старался узнать, как приключилась болезнь, чтобы

определить, какое заклинание может помочь. Если причина болезни была ясная, то дело просто. Но это бывало редко: часто сам больной находился в таком состоянии, что был не в силах ничего толком рассказать или высказывал только смутные предположения и догадки. Тогда знахарю оставалось только исполнять по очереди все заклинания и все священнодействия, пока какое-нибудь из них не подействует; при этом лучше всего, если все заклинания повторял за знахарем сам больной, и только если больному совсем было не в состоянии говорить, то за него говорил знахарь.

Прежде всего знахарь прибегал к самому простому заклинанию бесов, пробовал изгнать их из тела больного, не прибегая ни к каким особым церемониям. Махая над больным руками, ашиппу дико выкрикивал:

Прочь, прочь, дальше, дальше!

Позор вам, позор вам! Летите прочь, летите прочь!

Поворачивайтесь, уходите, убирайтесь!..

Прочь из моего тела!

Дальше из моего тела!

Вон из моего тела с позором!..

В мое тело не возвращайтесь!

К моему телу не приближайтесь!..

Мое тело не мучьте!

Во имя Шамаша, могучего, будьте закляты!

Во имя Эа, господя вселенной, будьте закляты!

Во имя Мардука, великого мага богов, будьте закляты!

Во имя бога огня, сжигающего вас, будьте закляты!..

Произнеся такое заклинание или другое вроде этого (всяческих заклинаний, тщательно записанных и бережно сохранявшихся, было великое множество), ашиппу ждал его действия. Если спустя некоторое время после заклинания болезнь не проходила, то ашиппу решал, что дело не так просто, что в больного вселились бесы, напущенные колдовством какого-нибудь лихого человека. С такими чарами было уже труднее бороться. Простые заклинания были недостаточны; надо было прибегнуть к помощи специального бога, спасителя от всяких чар и колдовства. Таким богом считался бог Нуску, или Гирру, бог всепожирающего и всеочищающего огня, «бог огня, могучий, возвеличенный между богами, который одолевает злого и нечестивого». Этому богу хорошо молиться в предупреждение всякого наваждения; когда кто-либо от-

ГЛАВА 10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИ
правлялся в поход или в какое-нибудь другое трудное и опасное предприятие, лучше всего было пригласить ашиппу напутствовать отъезжающего обращением к великому богу огня: «Прошу тебя, да будут блестящи члены (тела) этого благочестивого человека, да будет он светел, подобно небу, да будет он блестящ, подобно земле, да будет чист, как внутренность неба, да отойдет в сторону от него зловредное слово!» К этому же богу обращался ашиппу и тогда, когда простое заклинание не действовало на злых духов и когда было подозрение, что их напустил на больного чародей или ведьма:

Нуску, великий бог, отпрыск Ану!..

Чародея, который опутал меня волшебной силой, ловил

меня, опутай самого! Чародейку, которая опутала меня волшебной силой, которой она меня уловила, опутай саму!..

Они сделали изображение мое, подражая чертам моим, Захватили мне дыхание, растрепали мои волосы.

Разорвали мои одежды, при ходьбе мешали ногам моим

(засыпая их) пылью — Их заклятие разрушь, бог огня, воитель!

Но чтобы окончательно уничтожить чары колдунов, надо было принять во внимание все возможности. Если больного настигли чары только от дурного глаза или от дурного слова, то могут помочь заклинания с призывами бога Нуску; но если чародей действительно сделал изображение больного и произвел над ним символическую казнь, то такие чары можно было разрушить только посредством предания сожжению изображения чародея: вместе с его изображением сгорят и порожденные им злые духи. Если неизвестно, какой именно колдун или колдунья наслали болезнь, то ашиппу брал просто кучу уродливых фигурок и торжественно сжигал их на огне, приговаривая:

Образы семи и семи колдуний

Предал я богу огня,

В чаше с углями сжег я их.

Гирру, сожги колдуна и колдунью!

Гирру, спали колдуна и колдунью!

Гирру, сожги их!

Гирру, спали их!
Гирру, одолей их!
Гирру, истреби их!
Гирру, унеси их!

Это последнее средство, чтобы изгнать болезнь. Если оно не поможет, то уже ничто не поможет, и больной уйдет в «страну, из которой нет возврата». В ожидании, пока заклинания окажут свое благотворительное действие, ашипу

10. НАУКА, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

старался облегчить страдания больного смазыванием его тела, или пораженных членов тела, священным маслом, заговоренным именами великих богов Эа, Мардука и великой владычицы вселенной. Втирая это «чистое, светлое, блестящее масло» и произнося при этом волшебную молитву, знахарь как бы втирал облегчение и утоление боли в тело больного: жар ослабевал, боли утихали, стоны умолкали.

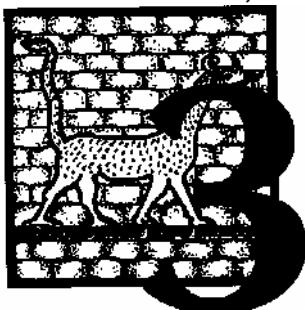
Ремесло ашипу было очень выгодное. Нигде не было столько знахарей и гадателей, как в Месопотамии; нигде наука священных гаданий и заклинаний не сохранялась так свято, как там. Знахари не только лечили и заговаривали против несчастий и болезней; они сами иной раз превращались в таких же колдунов, против которых боролись своими заклинаниями. Человек, имевший врагов, часто прибегал в борьбе с ними к услугам ашипу, обращался к ним с просьбой наслать проклятие и гибель на своих врагов. Заклинания, которые в этих случаях произносились знахарями, сохранились, и по ним мы можем судить о тех заклинаниях, какие пускали в ход колдуны и колдуньи: им приходилось заниматься своим ремеслом тайно, и свои заклинания они держали в памяти, не записывая их. На врагов призывалось такое проклятие:

Пусть они умрут, а я буду жив,
Пусть они идут назад, а я пойду прямо вперед,
Пусть они отощат, а я растолстею,
Пусть они ослабеют, а я окрепну!

Прошли века и тысячелетия, шумеры исчезли, их язык стал мертвым, их культура перешла к вавилонянам, а потом к ассирийцам — но заклинания их остались нерушимы.

ГЛАВА 11

ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ ОТ ХАММУРАПИ АО ВАЛТАСАРА,

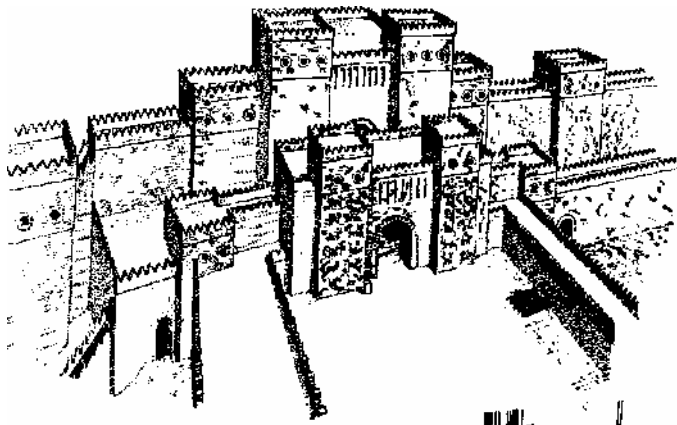

Седьмое чудо света

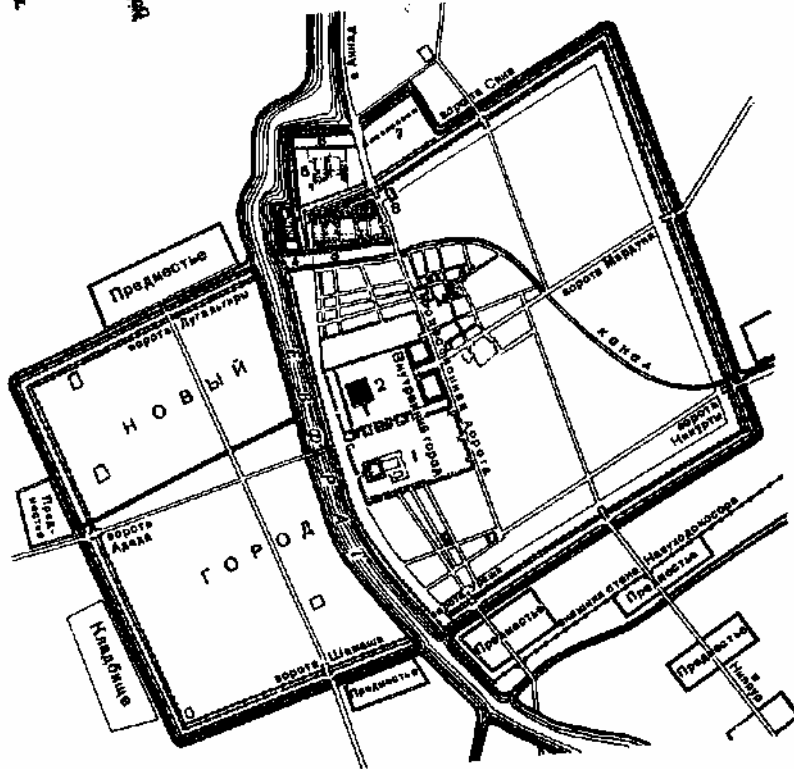
а долгие годы работы в Ираке мне не раз приходилось бывать в самом знаменитом городе древней Месопотамии — Вавилоне. Но подробности первой своей поездки в 1971 г, я помню так четко и ясно, словно это было вчера. Этот огромный, сказочно богатый город — одно из семи чудес древнего мира, город, неоднократно упоминаемый и в Библии, и в трудах крупнейших писателей античности, — на протяжении многих веков настолько поражал воображение современников, что они не уставали говорить о нем снова и снова. Одни — с восхищением и признательностью, другие — с ненавистью и презрением. И надо сказать, что для столь противоположных суждений имелись самые веские основания.

Геродот, посетивший город в V в. до н.э., когда тот находился уже на закате своей славы, утверждает, что «Вавилон — не только очень большой, но и самый красивый из всех городов». Греческий поэт Антипатр Сидонский (II-I в. до н.э.), перечисляя семь чудес света, заявил в одном из своих стихотворений:

Видел я стены твои, Вавилон,
на которых просторно И колесницам, видел Зевса в Олимпии я, Чудо висячих садов Вавилона, колосс Гелиоса И пирамиды — дела многих и тяжких трудов...

а)

б)

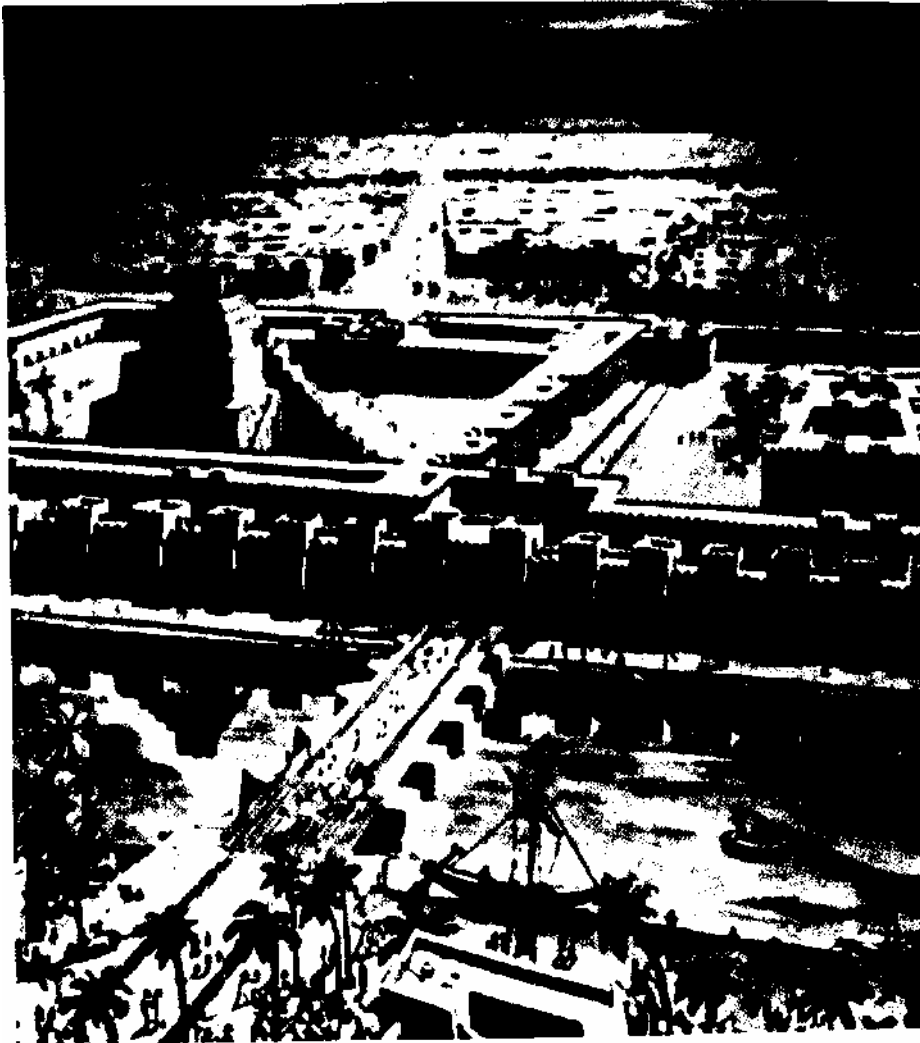
л. ЮЗ. Вавилон. Реконструкция ворот Иштар и план города

Ворота Иштар. VI в. до н.э.;

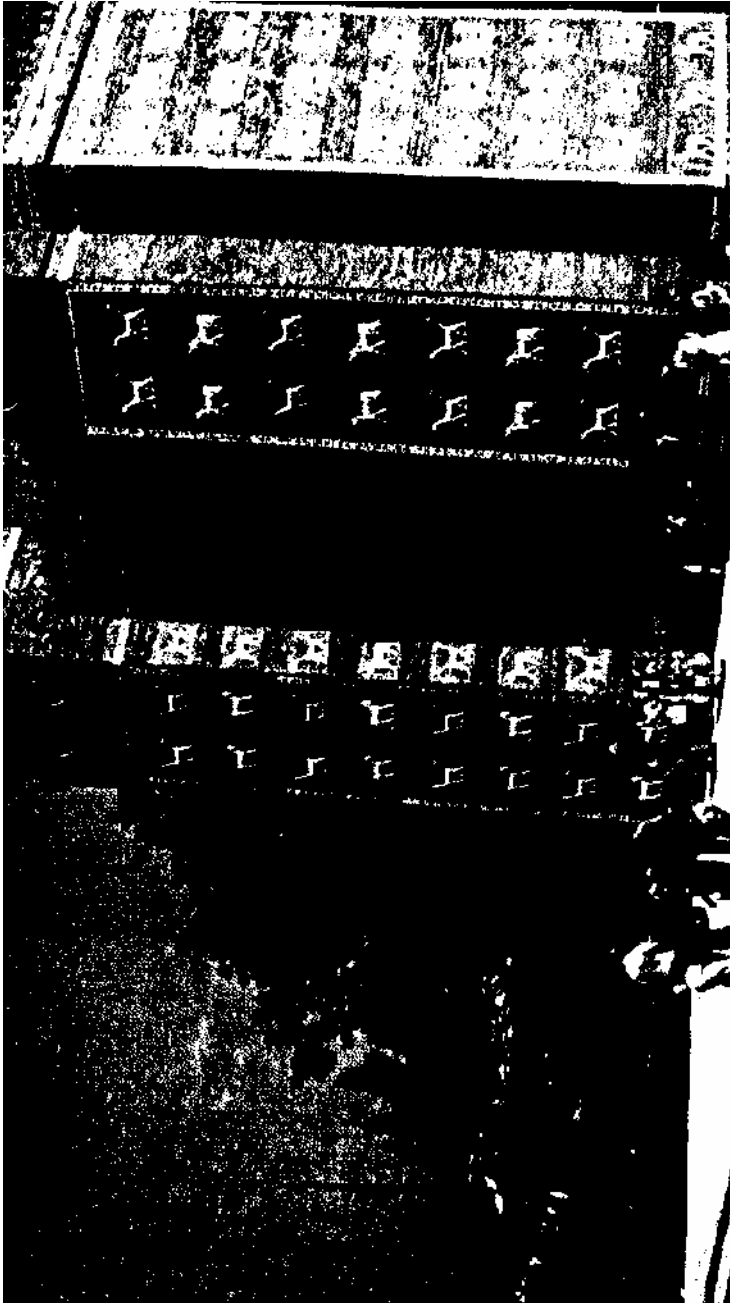
План города. VII-VI в. до н.э.;

Храм МарБука. 2. Зиккурат Э-теменанки. 3. Дворец. 4. Крепость. 5. Музей.

Северный дворец. 7. Ворота богини Иштар. 8. Висячие сады

Илл. 104. Художественная реконструкция Вав

ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

А библейские мифы и предания, связанные с этим удивительным городом? Знакомые со школьных лет легенды о строительстве Вавилонской башни и смешении языков, о роскоши и богатстве местных правителей, погрязших в разврате и грехе. Нетрудно заметить при этом, что создатели Библии в общем не слишком симпатизируют Вавилону. Больше того, припоминая опустошительные и кровавые нашествия халдейских царей в Палестину, библейские пророки обрушиваются на ненавистный город с обвинениями во всех мыслимых и немыслимых пороках и проклинают его. Таково, например, мрачное предсказание пророка Исаяи, содержащееся в Ветхом завете: «И Вавилон, — краса царства, гордость халдеев, будет ниспровергнут богом, как Содом и Го-морра. Не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем. Не раскинет аравитянин шатра своего, и пастухи со стадами не будут отдыхать там, Но будут обитать в нем звери пустыни и дома наполнятся филинами, и страусы поселятся, и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены — в увеселительных домах. Ближе время его, и не замедлят дни его».

В отличие от Ниневии — столицы ассирийской державы, также проклятой в Библии, — Вавилон хотя и испытал на своем веку всевозможные беды и напасти, но жил долго, до первых веков нашей эры. И его медленное угасание никак не вяжется с быстрым и драматическим концом, предрекаемым библейскими пророками. Этот дряхлеющий мудрый гигант, прежде чем окончательно сойти со сцены месопотамской истории, оставил вокруг столько россыпей своей

богатейшей культуры, что ее воздействие ощутили на себе все последующие поколения людей, обосновавшиеся на раскаленных равнинах Южного Двуречья.

О Вавилоне вспоминаешь буквально на каждом шагу, находясь еще в Багдаде. В иракской столице, на одной из центральных улиц — проспекте Саадун, стоит, например, большой кинотеатр «Вавилон». Росписи на его фасаде изображают сцены из древневавилонской жизни. Есть здесь и фешенебельный отель с таким же названием. В медном ряду знаменитого багдадского базара искусные ремесленники прямо у вас на глазах отчеканят по меди ставшие для них уже привычными сюжеты на историческую тему: вот в смиренной позе стоит перед богом Солнца, Шамашем, царь-законодатель Хаммурапи — это копия рельефного изображения стелы из Суз; вот изящный двуглавый силуэт ворот Иштар, открывающих парадный въезд в древний Вавилон; а там, на блюде из красной меди, — могучий, грубо вырубленный торс знаменитого вавилонского льва (его каменное изваяние стоит у ворот дворца Навуходоносора II).

Илл. 105. Ворота Иштар. Макет ворот, находящийся в Ираке (Вавилон). Оригинал находится в Берлине

315

ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

В любом книжном магазине Багдада можно купить путеводитель по Вавилону, где детально описаны его раскопанные и отреставрированные архитектурные памятники, перечислены важнейшие события из многовековой истории города, даны фотографии, рисунки и планы его построек.

Да и добраться до Вавилона не составляет в наши дни никакого труда. Всего полтора-два часа езды на машине по прекрасному асфальтовому шоссе строго на юг от иракской столицы. И вот наш экспедиционный джип бойко мчится в потоке других автомашин по безлесной и плоской, как стол, месопотамской равнине. Похоже, что жизнь в этих местах пустила прочные корни еще со времен шумеров. По обеим сторонам шоссе видны тщательно обработанные поля, оросительные каналы, глиняные соты многочисленных селений. Вдоль обочин тянутся вереницы осликов с тяжелой поклажей, спешат куда-то женщины, закутанные с головы до ног в широкие черные покрывала — *абайи*, заходятся в лае собаки. В селениях много лавок и магазинов с прохладительными напитками и самым разным товаром и снедью для проезжающих. Возле домов часто видны гибкие стволы финиковых пальм. Мы не успеваем еще устать от дороги, как впереди, справа, появился большой фанерный щит с надписью «Вавилон», а за ним — целое море густой темной зелени и светлые корпуса нескольких новых зданий. Ставим свою машину на специальную стойку и дальше идем пешком.

Иракские власти создали на территории Вавилона музей-заповедник, при въезде в него разбит тенистый парк — излюбленное место отдыха окрестных жителей и багдадцев. Если не считать парка, то ничто вокруг не выдает, что мы находимся на территории величайшего города древности: те же рощи финиковых пальм, глинобитные домишки, какие-то мелкие озера или пруды среди сильно засоленных участков глинистой почвы.

Пройдя еще немного вперед, мы видим за купами деревьев изящные двух-башенные ворота, ослепительно сверкающие на солнце ярко-синей майоликовой плиткой. Это верхние ворота богини Иштар, облицованные голубыми изразцами с цветными фигурами зверей — реальных и фантастических: быков, львов, драконов. Именно здесь начинался в древности торжественный въезд во внутреннюю часть города. Кстати, и само название города — *Бабил* — означает в переводе с аккадского «Ворота богов». Считается, что это — простая калька с более раннего шумерского названия *Кадингир*, имеющего тот же самый смысл.

Время приближается к полудню. Жарко. Солнце льет расплавленное золото своих лучей на головы беспечных туристов, которых тут на удивление

Илл. 106. Дорога Процессий 316

Илл. 107. Дракон на майоликовой плитке.
Фрагмент стены Дороги Процессий

очень много — и местных, иракских, и иностранных. К нам подходит гид и делает приглашающий жест рукой. Я стою у ослепительно синих ворот богини Иштар и рассматриваю процессии диковинных зверей, шествующих по глазурованным стенам. Особенно внушительно выглядит ужасный дракон с когтистыми лапами орла и хвостом змеи. Его туловище заковано в панцирь из крупной чешуи; небольшая плоская голова увенчана рогом, а из пасти торчит раздвоенный на конце длинный и тонкий язык.

Ворота, конечно, замечательные. Но, к сожалению, это всего лишь уменьшенная на треть копия подлинных ворот, раскопанных и увезенных в начале XX века в Берлин немецкой археологической экспедицией во главе с Робертом Кольдевеем.

К внутренней части ворот Иштар пристроен небольшой музей, где преобладают копии, макеты, схемы и фотографии, рассказывающие о тысячелетней истории Месопотамии и о месте Вавилона в ней. Имеются и подлинные предметы, найденные при исследовании древнего города, — керамика, терракотовые статуэтки, несколько глиняных клинописных табличек.

Выйдя наружу и миновав небольшой подъем, мы видим сразу две местные достопримечательности. Впереди внизу, на глубине в несколько метров, начинается знаменитая *Дорога Процессий* — главная парадная улица древнего города. Она вымощена громадными каменными плитами, положенными на основу из обожженного кирпича и скрепленными на стыках жидким асфальтом (битумом). Ширина улицы достигает 26 м. Ее окружают с обеих сторон

высокие кирпичные стены и башни, когда-то тоже облицованные голубыми майоликовыми плитками с изображениями зверей. Сейчас на облупленных кирпичных стенах ровного желтого цвета лишь кое-где сиротливо выступают отдельные уцелевшие рельефные фигуры быков, лошадей и единорогов. Горячий ветер гоняет в этом раскаленном кирпичном мешке тучи песка и пыли, и мы спешим вновь подняться наверх, к смотровой площадке у ворот Иштар.

Слева от Дороги Процессий, на территории около 5400 кв. м, расположены руины Южного дворца — в прошлом величественного ансамбля кирпичных построек, сгруппированных вокруг пяти открытых внутренних двориков. Перед нами лежат всего лишь жалкие остатки нижней части полуразмытых кирпичных стен, кое-как подправленных и закрепленных усилиями реставраторов. Тишина и полное запустение. Ни единого намека на былое великолепие. «А вот и Висячие сады Семирамиды», — вдруг спокойно произнес гид и ткнул рукой куда-то в северо-восточный угол дворца, где виднелось несколько голых холмиков с остатками кирпичной облицовки. Это уже походило на чистое издевательство. Даже мы, профессиональные археологи, всю свою жизнь имеющие дело с полуразрушенными памятниками прошлого, были разочарованы. Что же говорить о впечатлениях рядового туриста!

319

ВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ АО ВАЛТАСАРА

Увы, жестокая реальность вновь подрезала крылья нашей мечте увидеть хотя бы малую часть того прежнего блестящего Вавилона, о котором писали древние авторы.

Спускаемся и идем дальше по той же Дороге Процессий. Справа оказался небольшой, полностью реставрированный храм богини Нин-Маш. Его размеры всего 52 x 25 м. Вокруг внутреннего дворика с колодцем посередине расположены святилище, кладовые и жилища жрецов. Храм новенький, словно только что отчеканенный медный пятак. Все аккуратно подчищено и подмазано, да так, что и глазу негде отдохнуть. При взгляде на него сразу становится ясно, что это всего лишь подделка, современная имитация древности.

Тем временем центральная магистраль древнего города выводит нас к руинам Главного дворца Навуходоносора II, частично раскопанного в начале прошлого столетия экспедицией Роберта Кольдевея. Именно здесь грозный владыка Вавилона держал свою знаменитую коллекцию древностей и раритетов, собранную со всех концов его огромной империи. Большая часть этих сокровищ, как и остатки дворцовой утвари и клинописные глиняные таблички, также попали после раскопок в музей Берлина. Среди развалин дворца, в какой-то старой яме, была найдена и ныне широко известная скульптура вавилонского льва, высеченная из глыбы черного базальта. Но, увы, и она представлена в Ираке только копией: подлинник находится в Лондоне.

Общее негативное впечатление от Вавилона древнего скрашивает лишь античный театр времен Александра Македонского — почти точное воспроизведение греческого театра в Палестре.

Строгие ряды полукруга амфитеатра и изящная платформа сцены поразительно контрастируют по общему стилю с угловатой и плоской архитектурой зодчих Древнего Востока.

Раскопанная часть Вавилона на этом заканчивается. А дальше, на многие километры вокруг, простирается унылая лёссовая равнина с редкими деревушками и неизменными рощами вечнозеленых финиковых пальм. Напрасно пытливый взор будет искать здесь какие-нибудь осязаемые следы тех чудес и того великолепия, о которых с восторгом писали античные историки или которые неохотно признавали создатели Библии. Единственное, что видишь вокруг в изобилии, — это большие и малые холмы, усеянные обломками кирпича и черепками глиняной посуды. По меткому выражению выдающегося русского востоковеда М.В. Никольского, «эти курганы — могильные холмы вавилонской цивилизации». Под каждым из них спрятаны руины некогда роскошных дворцов, пышных храмов, жилых домов, лавок и мастерских древних вавилонян. Да, время, пожары, войны и разливы Евфрата уничтожили почти все замечательные творения вавилонских зодчих. И тем не менее у нас есть немало возможностей для того, чтобы воссоздать всю богатую событиями историю Вавилона — от ее смутных истоков и до персидского завоевания. Для этого стоит

ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

лишь обратиться к находкам археологов, копающих город уже свыше ста лет, и к многочисленным письменным источникам прошедших эпох — от клинописных табличек древней Месопотамии до свидетельств греко-римских авторов.

Смутные времена в Месопотамии

После 18 лет изнурительных раскопок немецкие археологи установили один непреложный факт: все это время они исследовали лишь остатки Вавилона эпохи Навуходоносора II (Нововавилонское царство). Конечно, в ходе земляных работ иногда встречались и более ранние

находки, в том числе и II тыс. до н.э. — эпохи великого правителя Хаммурапи. Однако доступ к более ранним слоям сразу же перекрывали неизвестно откуда появившиеся грунтовые воды. И археологам пришлось отступить. Если прибегнуть к общим сравнениям, то эпоха Нововавилонского царства (VII-VI вв. до н.э.) — это лишь вершина гигантского айсберга, короткая, хотя и блестящая страница в долгой истории города. По самым скромным подсчетам, в ряде мест толщина напластований, содержащих следы человеческой деятельности, достигает в Вавилоне двух десятков метров. И хотя изучение большей части этих слоев пока невозможно, мы знаем и по отдельным археологическим находкам, и по клинописным текстам, что прошлое великого города насчитывает свыше двух тысяч лет непрерывного развития. «Благодаря усилиям нескольких поколений археологов и ассириологов, — подчеркивает немецкий историк Эвелин Кленгель-Брандт, — мы можем совершить наше путешествие в древний Вавилон. Их неустанному труду обязаны мы нашими знаниями о жизни и представлениях людей в те давние времена». Так давайте отправимся в это увлекательное путешествие по глубинам тысячелетий, начав его с самых ранних страниц вавилонской истории.

Когда и кем был основан знаменитый город, неизвестно. Но мы знаем из древних текстов, что во времена Саргана Аккадского (XXIV в. до н.э.) неподалеку от известной шумерской столицы Киша находился небольшой городок Кадингир (шумерск. «Ворота богов»). Как и в других месопотамских городах той эпохи, в Кадингире имелся свой правитель, признававший себя вассалом сначала могущественных царей Аккада, а затем - вассалом царей III династии Ура. Ничто, казалось, не предвещало этому небольшому городку той блестящей карьеры, которую ему готовила капризная судьба. Шумеров вскоре вытеснили аккадцы. И старое название Кадингир уступило место другому — Бабили или Бабилу, что также означает «Ворота богов»; отсюда происходит и всем известное название Вавилон.

Около 2000 г. до н.э. город захватили отряды кочевых племен амореев, и позднее (в XIX в. до н.э.) их вождь Сумуабу становится основателем I династии

ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

вавилонских царей. Впрочем, это было более чем скромное начало, ведь Вавилон еще никак не мог соперничать со своими более сильными соседями — древними городами Сиппар, Киш и Ниппур. Политическая ситуация в стране резко изменилась после эламитского (горные племена Ирана) нашествия на Месопотамию. Могущество старых и крупных городов-государств было подорвано войной, а невзрачный городишко Вавилон она обошла стороной. Вавилоняне только выиграли от краха близлежащих городских центров. Пользуясь удобным случаем, местные аморейские царьки стали постепенно прибирать к рукам земли своих ослабленных соседей: Киша, Казаллу, Барси. Готовясь к новым завоеваниям, они одновременно усиленно отстраивали и укрепляли свою столицу.

Великий Хаммурапи

Когда Хаммурапи (это имя означает «Бог Хамму» — западносемитский бог-целитель) вступил на престол Вавилона в 1792 г. до н.э., он унаследовал от своего отца, Син-мубаллита, крохотное царство, занимавшее 128 км в длину и 32 км в ширину, или чуть более 4000 кв. км. Таким образом, территория его владений простиралась от Сиппара до Марада, или, в терминах современной географии, от Фаллуджи до Диванийи. Вокруг него в это время находились куда более крупные государства, которыми управляли более могущественные цари: на юге всецело доминировала Ларса, сумевшая за два года до этого (в 1794 г. до н.э.) захватить Иссин и тем самым положить конец соперничавшей иссинской династии; на севере горизонт был закрыт сразу тремя грозными царствами — Мари, Экаллатумом и Ашшуром; а на востоке, за рекой Тигр, все еще правил в Эшнунне союзник Элама — Дадсуха.

И тем не менее все эти враги были сокрушены один за другим. Вскоре вся Месопотамия, от Аккада до Персидского залива, оказалась во власти этого энергичного и ловкого властителя — военачальника, политика и дипломата самого высокого класса. В одной из своих победных надписей царь Вавилона гордо провозглашает:

Я, Хаммурапи, царь несравненный. Черноголовыми, которых даровал мне Эн-лиль и власть над которыми поручил мне Мардук, я не пренебрегал, о них я радел, я искал их блага. С могучим оружием... с премудростью... я истребил врагов на севере и на юге, прекратил раздоры, устроил стране благосостояние, дал людям жить в безопасности... Великие боги призвали меня; я благодетельный пастырь, жезл мой — жезл правды, моя благая сень простерта над моим городом. На груди своей лелею я жителей Шумера и Аккада...

Но был у Вавилона еще один могущественный враг и за пределами страны — грозный царь Элама (государство на территории современного Юго-

Илл. 108. Царь Хаммурапи (слева) принимает законы из рук бога Солнца и правосудия Шамаша, Прорисовка с базальтовой стелы.

Сузы. XVIII в. до н.э.

ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

Западного Ирана) Римсин. С растущим беспокойством следил он за ошеломляющими успехами вавилонского монарха и исподволь собирал силы для решающего столкновения. Ожесточенная борьба двух гигантов — двух сильнейших государств древнего Ближнего Востока в ту эпоху закончилась полной победой Хаммурапи, что и нашло отражение в его триумфальных надписях: Хаммурапи, царь, могучий воитель, Сокрушитель своих врагов. Он, как ураган во время битвы, Он унизил страну своего врага... Он сокрушил вражеские силы, Точно глиняные статуи. Он преодолел препятствия Непроходимых гор...

Напомню здесь, что Элам — горная страна, и ведение там военных действий требовало от полководца особых навыков в стратегии и тактике.

Хаммурапи вошел в историю не только как «могучий воитель», но и как первый великий законодатель древности. Он лично подготовил и обнародовал писанный свод законов, регулирующих основные вопросы жизни вавилонского общества. Для того чтобы убедить подданных в божественном характере своего законодательства, царь приказал поставить обелиск из полированного черного камня. На нем он изображен стоящим в молитвенной позе перед богом Шамашем, восседающим на троне. Шамаш был у вавилонян богом Солнца, но одновременно и божеством справедливости, истины и правого суда. Бог вручает монарху свиток с законами, с тем чтобы Хаммурапи объявил их своим подданным. Ниже упомянутой сцены высечена надпись в

честь столь незаурядного события:

Царь я, вознесшийся среди патеси*. Слова мои горделивы, мудрость моя несравненна. По приказу Шамаша, великого судьи неба и земли, должна настать на свете правда; по завету Мардука, моего господина, мой памятник не испытает разрушения... Ныне, всегда и вечно: всякий, кто будет в стране, должен соблюдать слова правды, которые я написал, не должен менять закона земли, который я дал, и решений, которые я произнес; моему памятнику не должен вредить.

По иронии судьбы, уже ближайšie потомки Хаммурапи потерпели жесточайшее поражение от оправившихся эламитов. Вавилон был взят и разграблен. И торжествующие победители, дабы подчеркнуть особую значимость своего успеха, увезли тяжелый черный обелиск в столицу Элама — город Сузы, где его и нашли уже в XX столетии французские археологи.

Патеси — правитель, вождь в городах-государствах Шумера.

324

Илл. 109. Скульптурный портрет Л

Сузы. XVI

ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

Ассирия и Вавилон

С XIII в. до н.э. начинается длительное противоборство Вавилона с быстро набирающей силу Ассирией. Бесконечные войны и столкновения этих двух государств — излюбленная тема клинописных глиняных таблечек, хранившихся в дворцовых архивах ассирийских и вавилонских монархов той эпохи. Пытаясь одолеть своего могущественного противника то силой, то хитростью, вавилоняне вступают в союзы и временные коалиции почти со всеми потенциально враждебными ассирийцам племенами и народами Ближнего Востока. Но все тщетно. Армии союзников терпят на полях сражений от сынов Ашшура новые и новые поражения. Однако вплоть

до VIII в. до н.э. Вавилон фактически не был подчинен Ассирии, хотя и понес в ходе этих войн немалые потери. Положение изменилось несколько десятилетий спустя. Усилившийся натиск полуварварских племен халдеев, шедших с западного побережья Персидского залива на владения вавилонян, заставил последних просить помощи у своих вчерашних врагов — ассирийцев. Союз был заключен. Обе стороны получили свои выгоды. Ассирийские цари стали успешно громить халдеев, а в Вавилоне посадили для контроля своего наместника. Обычно, чтобы не унижать гордых жителей великого города, им назначался старший сын ассирийского царя, то есть фигура весьма значительная в кругах высшей знати. Но все пошло прахом в годы правления царя Синаххериба. Он не любил Вавилон и вместо своего сына-царевича послал туда в качестве наместника некоего Билибни — «последнего пса в моем дворце», как он сам его называл. На жителей города обрушились нескончаемые гонения и кары, и те, недолго думая, взялись за оружие, призвав на этот раз себе на помощь войска халдеев и эламитов. Борьба была как никогда упорной. Наконец, в 689 г. до н.э. разъяренный Синаххериб захватил мятежный Вавилон и подверг его ужасающему разгрому. В одной из победных надписей он так похваляется перед потомками своей патологической жестокостью:

Их телами заполнил я широкие площади города. Шузубу, царя Вавилона, вместе с его семьей и приближенными, я живыми доставил в мою страну. Богатство этого города, серебро, золото, драгоценные камни, все имущество, я разделил между моими людьми... Богов, которые жили в городе, забрали руки моих воинов и разбили их... Город и его дома от фундамента до стен я разрушил, я опустошил его и предал огню. Стены города и его дома, храмы богов, храмовую башню из кирпича и глины, все что здесь было, я уничтожил и сбросил в канал Арахту. Посреди города я вырыл каналы и дно их наполнил водой. Мои разрушения были страшнее, чем от потопа. Чтобы в будущем никто не вспомнил больше места, где стоял город и его храмы и боги, я уничтожил его полностью потоками воды, превратив его в пастбище.

Действительно, для того чтобы стереть в памяти последующих поколений само воспоминание о том, где некогда стоял великий Вавилон, ассирийский

326

ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТ,

монарх приказал затопить обугленные руины города водами Евфрата. Жестокий приказ был незамедлительно выполнен. И целых десять лет на месте некогда цветущего и многолюдного города плескались воды реки, надежно спрятавшей под своими наносами все следы былой жизни. Статуи главных вавилонских богов, в том числе верховного бога Мардука, были увезены победителями в Ашшур.

Но недолго торжествовал и сам Синаххериб. Через несколько лет он стал жертвой дворцового заговора. Его сын Асархаддон (680-669 гг. до н.э.), словно устыдившись злодеяний отца на вавилонской земле, решил восстановить великий город во всем его блеске. На осушенных глинистых берегах Евфрата тысячи и тысячи рабочих отстроили по старым планам и чертежам прежние храмы и дворцы, возвели заново высокие крепостные стены, проложили и вымостили обожженным кирпичом или камнем городские улицы и площади. И буквально за несколько лет Вавилон воскрес из небытия. В него вернулись немногие уцелевшие после «синаххерибовского» погрома жители, пришли поселенцы из других областей, подданные ассирийской державы, и поверженный было гигант вскоре вновь активно включился в сложный круговорот политической борьбы и торгово-экономических связей крупнейших государств древневосточного мира.

Однако не прошло и нескольких десятилетий, как быстро богатеющий Вавилон стал тяготиться своей зависимостью от владык Ниневии — ассирийской столицы в тот период. В годы правления Ашшурбанапала вавилоняне опять решили испытать судьбу и дружно восстали против ассирийского ига. Возглавил восстание некий Шамаш-шум-укин, сын царя Асархаддона и вавилонской аристократки, бывший в тот момент наместником ассирийского царя в городе.

Восставшие действовали продуманно и энергично. Не надеясь собственными силами одолеть грозные полки ассирийцев, они призвали на помощь войска Элама. Но и это не помогло.

Ашшурбанапал поочередно разбил на полях сражений и вавилонян, и эламитов. Повстанцы поспешно отступили за крепкие стены своего города, надеясь укрыться там от мести ассирийского властителя. Осада действительно длилась долго. Однако в конце концов в городе иссякли запасы продовольствия. В многотысячном Вавилоне начался страшный голод. Отмечались даже случаи людоедства. Осаждавшие с утроенной энергией взялись за дело, и город пал. Суд над мятежниками был скорым и жестоким. Шамаш-шум-укина заживо сожгли на костре. Казни обрушились и на представителей высшей вавилонской знати, и на рядовых горожан. Уцелевших обложили тяжкими налогами и отобрали у них все прежние вольности и права.

Но недолго оставалось торжествовать и ассирийцам. Дни Ниневии были уже сочтены. Халдейский царь Набополасар, захвативший почти без борьбы

вавилонский трон и основавший Нововавилонскую династию, нашел себе могучего союзника для борьбы с Ассирией — полчища мидян. В 612 г. до н.э. объединенная армия союзников штурмом захватила Ниневию и положила конец ассирийскому господству на Ближнем Востоке. Вместе с гибелью ассирийской столицы навсегда исчезает с горизонта мировой истории и сама некогда грозная Ассирия.

Последний взлет Вавилона

На годы правления сына Набополасара — Навуходоносора II (605-563 гг. до н.э.) приходится пора наивысшего расцвета Вавилона. В состав Нововавилонского царства входили тогда помимо Месопотамии вся Сирия, Финикия и Палестина. Здесь будет уместно вновь вернуться к вопросу о причинах особой ненависти творцов Библии к правителям Вавилона вообще и к Навуходоносору II в частности. Дело в том, что Сирия, Ливан и Палестина имели жизненно важное значение для торгово-экономического развития вавилонского государства, и не случайно, что большинство военных кампаний халдейских царей было направлено именно на эти средиземноморские страны. Но у Вавилона в этом регионе появился грозный соперник в лице Египта. И в течение многих десятилетий конца VII — начала VI вв. до н.э. две великих державы Ближнего Востока вели кровопролитные войны за господство над богатыми ресурсами названных стран. Более того, египтяне постоянно подстрекали местное население к восстаниям против вавилонского ига. В 597 г. до н.э. взбунтовался царь Иудеи. Реакция Навуходоносора была мгновенной. 16 марта того же года Иерусалим был взят штурмом, мятежный царь потерял голову и трон, а престол достался некоему Зедекии, видимо, стороннику вавилонских властей. 3000 евреев победители увели в свою столицу.

В 588 г. до н.э. египтяне подбили на бунт против Вавилона уже самого Зедекию. Халдейский царь вновь вторгся в Палестину, окружил Иерусалим и после 18 месяцев осады штурмом взял город. Зедекия пытался бежать, но был схвачен и приведен к Навуходоносору II. Вот что говорит об этом вавилонская хроника:

Так они (иудеи. — *В.Г.*) захватили царя и привели его к царю Вавилона в Риблах; и они устроили суд над ним. И они убили сыновей Зедекии на его глазах, и выкололи глаза Зедекии, и, связав его по рукам им ногам, привезли в Вавилон.

Тысячи евреев были насильственно уведены в Вавилон вместе со своим ослепленным правителем. Часть местных жителей спаслась бегством, найдя убежище в Египте. Иерусалим был разграблен, а его стены снесены до основания.

Илл. 110. Руины «Южного дворца». Вавило

С подвластных территорий текли в столицу широким потоком награбленные в военных походах богатства, налоги и дани. Город заметно разросся и похорошел. В нем бурно развивались ремесла и торговля.

Набополасар и Навуходоносор II затратили немало сил и средств для того, чтобы привести в порядок и украсить свою столицу после разрушений эпохи Синаххериба и Ашшурбанапала. Были восстановлены стены, очищены и углублены каналы, заново отстроены храмовые и дворцовые ансамбли. Сам Навуходоносор II с гордостью писал о возведении им вокруг Вавилона неприступных укреплений:

Чтобы наступающие не могли подойти к Имгур-Бел, стене Вавилона, я сделал то, чего не сделал ранее ни один царь. На расстоянии 4000 локтей на восток от Вавилона, вдали, чтобы враги не могли приблизиться, я воздвигнул мощную 32'

АВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

стену, я выкопал ров, я скрепил его с помощью асфальта и кирпича. На краю рва я построил мощную стену высотой подобную горе, я соорудил в ней широкие ворота... Дабы враг, замысливший злое, не мог достигнуть стен Вавилона, я окружил его водами, могучими, как морские валы.

Город имел в окружности около 18км. Его окружали высокие и толстые глинобитные стены с 250 крепостными башнями и восемь воротами, обитыми медными листами. Ворота были названы именами основных вавилонских богов — Адата, Бэла (Мардука), Гиша, Ниниба, Шамаша, Замамы. Особой роскошью отделки отличались уже упоминавшиеся ворота богини Иштар.

Река Евфрат разрезает Вавилон на две неравные части: левобережную, более древнюю и густонаселенную, с главными архитектурными ансамблями, и правобережную — с пустырями и огородами, с бедными домами и грязными улицами. Оба речных берега соединялись воедино надежным и широким мостом, построенным из дерева и камня. Его середина, сделанная из бревен, на ночь разбиралась, так что по реке можно было пройти кораблям даже с очень высокими мачтами.

Описания Вавилона в воспоминаниях современников Навуходоносора II настолько детальны и красочны, что можно без особых усилий представить себе этот древний город в эпоху его расцвета во всем его блеске и величии и совершить по нему краткое путешествие. И поможет нам в этом уже упоминавшаяся книга немецкого историка Эвелин Кленгель-Брандт.

«Сразу же за внешней стеной, — пишет она, — прибывший в город видел возвышавшееся на равнине здание, стоявшее на кирпичном восемнадцатиметровом основании. Это — летняя резиденция царя. Правитель Вавилона выбрал себе отличное место для пребывания в жаркое летнее время: близость реки давала прохладу, а находившиеся на берегу пальмовые рощи — тень и свежесть. Сюда не доносился городской шум; большая территория перед стенами, окружавшими собственно город, была почти не заселена; здесь пролегали, пересекая ее, лишь каналы и дороги, ведущие в город. Тот, кто следовал вдоль реки, невольно замедлял шаг, любуясь возникавшей на возвышении Дорогой Процессий, видя перед собой отливающие синевой изразцовые рельефы и высокие зубцы стен, которые тянулись к воротам города. Робко приближался он к этому месту, предназначенному для проведения новогодних праздников, для шествия богов и сопровождавших их толп народа. *Анбур-шабу* — „Врагу не добиться победы" — назвал Навуходоносор эту дорогу, которую он украшал с особой заботой». И это понятно. Ведь здесь в начале каждого года устраивалось пышное празднество, имевшее большое значение для жителей Вавилона. В указанный день статуи всех богов и богинь города в торжественной процессии проносились по этой улице в специальное здание — *Палату Судеб*. Там боги ожидали прибытия главы вавилонского пан-

Илл. 111. Греческий театр времен Александра Македонского
IV в. до н.э.

теона — бога Мардука и его супруги, богини Сарпанитум. Их приносили из главного городского храма, Э-сагила, на восьмой день. Перед отправлением совершали символическую жертву: в чаше с горящими углями сжигали овцу, представлявшую зимнее чудовище Кингу; при этом хор жрецов пел гимны, в которых описывалась и прославлялась победа Мардука над Кингу. Затем статую Мардука и его супруги ставили на роскошные золотые носилки и несли по Дороге Процессий в *Палату Судеб*. Шествие сопровождалось пением гимна:

Восстань, изойди, о Бэл, царь ждет тебя!

Восстань, изойди, наша Бэлиа (Сарпанитум. — В.Г.),
царь ждет тебя!

Исходит Бэл Вавилона, склоняются перед ним страны; Исходит Сарпанитум, возжигают благовонные травы;
Вокруг Иштар Вавилона звучат флейты, громко звучат.

На пороге Палаты Судеб изваяние Мардука встречал сам царь. И в его присутствии Мардук, как распорядитель человеческих судеб, делал прогнозы

11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

стране и народу на наступающий год. Деталей этого самого драматического момента всей церемонии мы, к сожалению, не знаем. По-видимому, жрецы-прорицатели от имени Мардука

объявляли заранее составленные ими пророчества. На одиннадцатый день статуи Мардука и Сарпанитум торжественно относили обратно в храм Э-сагила.

«Слева от Дороги Процессий находился так называемый *Южный дворец* — главная резиденция царя Навуходоносора II. Это был гигантский, состоявший из множества зданий архитектурный комплекс, разбитый вокруг пяти больших внутренних дворов. Парадный вход во дворец располагался с восточной стороны, от Дороги Процессий. Нужно было сначала пройти охраняемые ворота, чтобы попасть в первый большой двор, ограниченный с севера и юга многими строениями. Тут, как можно думать, находились служебные помещения многочисленных чиновников. Несколько помещений в южной части дворца занимала, по-видимому, мастерская камнереза, изготовлявшего из мелкозернистого алебастра стройные кувшины, которые в большом количестве использовались во дворце. Чтобы пройти во второй, средний, двор, надо было также миновать особые ворота, по обе стороны которых располагались различные канцелярии. Сюда к высшим чиновникам приходили сообщения из всех частей страны, отсюда осуществлялось руководство хозяйством, здесь контролировалось поступление налогов. Особенно большое помещение в южной части среднего двора служило, видимо, резиденцией главного чиновника; здесь он и жил... В большом главном дворе, куда попадали через третьи монументальные ворота, стояли величественные здания, в которых жил сам царь. В южной части находился большой тронный зал, имевший 52 метра в длину и 17 метров в ширину, с тремя входами со стороны двора. Против средней двери, в задней стене зала, имелась ниша, к которой вели ступени и где, надо предполагать, стоял трон Навуходоносора. Здесь царь сидел во время торжественных церемоний, религиозных праздников... во время приемов послов и приношения дани».

О пышности и богатстве отделки главных дворцовых зданий с гордостью сообщает нам сам Навуходоносор II:

В Вавилоне, моем избранном городе, который я люблю, я построил дворец, дом, изумляющий людей, узы объединения страны, сияющую постройку, обиталище моей царственности... Я приказал срубить для его крыши могучие кедры, сделать двери из кедрового дерева, обитого медью, пороги и дверные петли из бронзы прислал я к воротам. Серебро, золото, драгоценные камни, все, что великолепно и прекрасно, все добро и имущество, украшение величия собрал я в нем, я сделал его гигантским вместилищем царских сокровищ.

Но главной достопримечательностью дворца все же были не его богатства, а зеленое чудо — знаменитые *Висячие сады*. Когда в северо-восточном углу

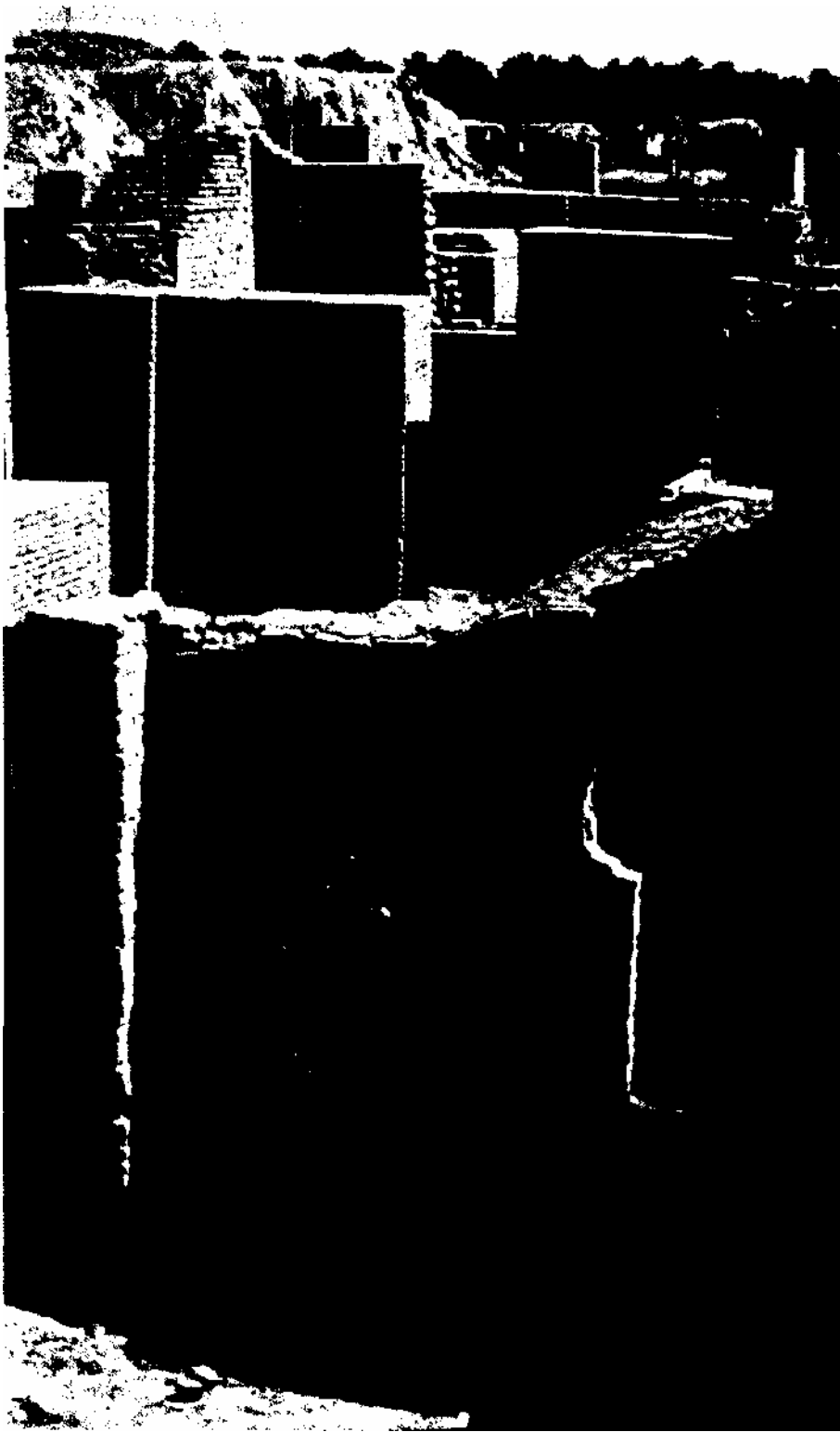
Илл. 112. Вавилонский. Ком

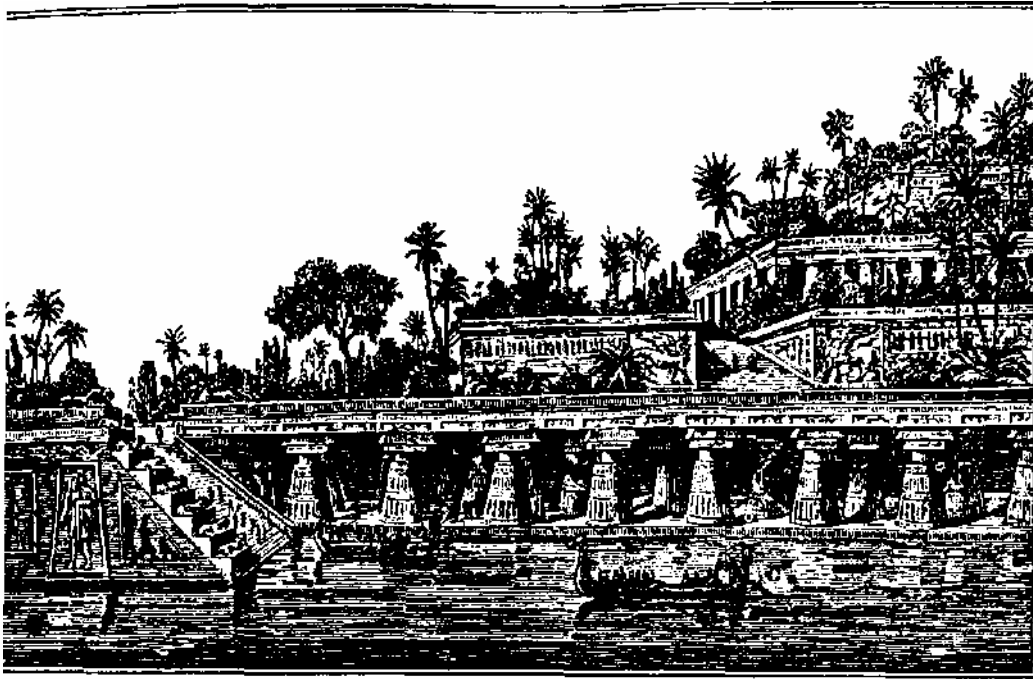
дворцового ансамбля археологи наткнулись на странную постройку из 14 сводчатых комнат, окруженных необычной толщины стеной, они не знали, что и думать. Ясно было лишь одно: и эти прочные своды, и эта мощная опорная стена предназначались для того, чтобы нести на себе какой-то чудовищной тяжести груз. Затем нашли необычный колодец, устройство которого предполагало наличие здесь в древности сложного гидравлического сооружения для непрерывного подъема и подачи наверх воды. Именно эти два факта наряду с восторженными, но слишком общими описаниями античных авторов и позволили уже в наши дни определить то место, где зеленели когда-то куши знаменитых Висячих садов. Согласно преданию, Навуходоносор II приказал создать их для своей любимой жены Амайитис — индийской царевны, грустившей в жаркой и безлесной Месопотамии о своей северной родине, где высокие горы и густые леса дарят путнику желанную прохладу.

ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

«...Сады, причисленные к семи чудесам света, размещались на широкой четырехъярусной башне. Внутри каждого яруса были сделаны крепкие кирпичные своды, опиравшиеся на мощные высокие колонны. Платформы террас были сложены из массивных каменных глыб. Сверху они были покрыты слоем камыша и залиты асфальтом. Потом шла прокладка из двойного ряда кирпичей, сцементированных гипсом. Сверху кирпичи были прикрыты свинцовыми пластинами, чтобы вода не проникала через почву в нижние этажи сада. На все это сложное сооружение сверху был настлан толстый слой плодородной земли, достаточный для того, чтобы здесь могли расти самые крупные деревья. Ярусы садов поднимались уступами, соединяясь между собой широкими лестницами, выложенными гладко отшлифованными плитами белого и розового цвета... Сюда, по приказу царя, были привезены любимые растения царицы, напоминавшие ей далекую родину. Великолепные пальмы поднимались высоко над крепостными стенами ограды дворца. Редкие растения и прекрасные цветы украшали сады... Для поливки этих садов, расположенных на искусственной горе, сотни рабов целый день вращали громадное водоподъемное колесо, которое черпало воду кожаными ведрами. Сады были обращены в сторону прохладного ветра, дувшего обычно с северо-запада. Их аромат, тень и прохлада в безлесной плоской Вавилонии казались людям необыкновенным чудом». Так воссоздают на основе описаний античных историков общую картину Висячих садов российские авторы А.А. Нейхардт и И.А. Шишова в своей книге «Семь чудес древнего мира». Остается лишь добавить, что к реальной Семирамиде — ассирийской царице, жившей задолго до Навуходоносора II, эти сады не имеют никакого отношения. Главный, или старый, дворец царей Вавилона, расположенный в конце Дороги Процессий, характеризовался двумя особенностями: мощными укреплениями и наличием в нем музея с коллекцией раритетов более ранних эпох. Вероятно, это была самая первая археологическая коллекция в мире. Таким образом, вавилонский царь Навуходоносор II стал первым археологом нашей планеты. «Коллекция, — пишет Э. Кленгель-Брандт, — возникла, конечно, не столько вследствие интереса царей к произведениям искусства, сколько из престижных соображений. Цари гордились тем, что ценные памятники из различных стран Передней Азии стали трофеями Вавилона... Самый древний из найденных здесь памятников относится ко времени почти за две тысячи лет до Навуходоносора; он принадлежит шумерскому правителю Шульги. В коллекции были две большие диоритовые статуи, изображавшие правителей города Мари, разрушенного еще Хаммурапи».

Или. 113. Руины дворца, где находились Висячие сады Семирамиды. Вавилон 334

гл. 114. Висячие сады Семирамиды. Реконструкция

Заслуживает особого упоминания и один из главных храмов города — Э-сагила, посвященный богу Мардуку. Подробное описание его можно найти в «Истории» Геродота, побывавшего в Вавилоне в V в. до н.э. «Есть в священном храмовом участке в Вавилоне, — вспоминает он, — еще и другое святилище, где находится огромная золотая статуя сидящего Зевса (то есть Мардука. — В.Г.). Рядом же стоит большой золотой стол, скамейка для ног и трон — также золотые. По словам халдеев, на изготовление всех этих вещей пошло 800 талантов золота».

Рядом с этим пышным храмом рукотворной глиняной горой возвышался угловатый массив ступенчатой башни — зиккурата Э-теменанки. Эта семярусная пирамида получила благодаря Библии всеобщую известность под названием *Вавилонской башни*. Вот как выглядело это пресловутое библейское чудо в описании человека, жившего в I в. до н.э.: «В середине этого храмового священного участка воздвигнута громадная башня длиной и шириной в одну стадию. На этой башне стоит вторая, а на ней — еще... а в общем восемь*

В действительности — семь ярусов-башен.

ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСА

башен — одна на другой. Наружная лестница ведет наверх вокруг всех этих башен... На последней башне воздвигнут большой храм. В этом храме стоит убранный ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исключением женщины, которую, по словам халдеев, жрецов этого бога (Мардука. — В.Г.), он выбирает себе из всех местных красавиц».

Вокруг храмов и дворцов стояли жилые дома, бурлила пестрая жизнь гигантского города. В Вавилоне, в отличие от многих других городов Древнего Востока, путник мог сравнительно легко ориентироваться. Длинные улицы шли через всю городскую территорию и делили ее на прямоугольные кварталы. Беднейшая часть населения ютилась в хижинах, построенных из глины и тростника. Люди среднего достатка, богатые торговцы и ремесленники обитали в прочных двух-, трех- и даже четырехэтажных домах из обожженного кирпича. С раннего утра и до позднего вечера кипела жизнь в городских кварталах Вавилона. Приходили и уходили многочисленные торговые караваны, приставали к причалам лодки и корабли, стучали в мастерских молоточки ремесленников, зазывали из своих лавок покупателей звонкоголосые торговцы. Только ночь давала умиротворение и тишину. Закрывались наглухо медные городские ворота. Скрывались в своих домах люди. Легкий ветерок приносил с Евфрата долгожданную прохладу. На черном бархатном небе зажигались мириады ярких южных звезд. И лишь строгие оклики бодрствующей стражи да лай неугомонных собак нарушали время от времени чуткий сон великого города.

Закат Вавило*

Но все это видимое спокойствие, богатство и процветание на деле оказались очень зыбкими и недолговечными. Почти сразу же после смерти престарелого Навуходоносора II наступила драматическая развязка. Персидский царь Кир давно уже с вожделием поглядывал на богатую

Вавилонию, где начались внутренние усобицы между борющимися за власть группировками знати. Дело дошло до того, что царь Набонид вместе с частью армии поспешно бежал из собственной столицы, передав бразды правления своему приемному сыну Валтасару. В 539 г. до н.э. Кир с огромным войском вступил в пределы Вавилонии и в решающем сражении при Опесе без особого труда наголову разбил разношерстные отряды наемников, которые наспех сумел собрать Набонид. Но город Вавилон имел мощные укрепления и многочисленный гарнизон. И Валтасар решил отсидеться от нашествия персов за высокими стенами столицы. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Однажды ночью Кир отвел воды Евфрата в сторону с помощью специально вырытого канала и по

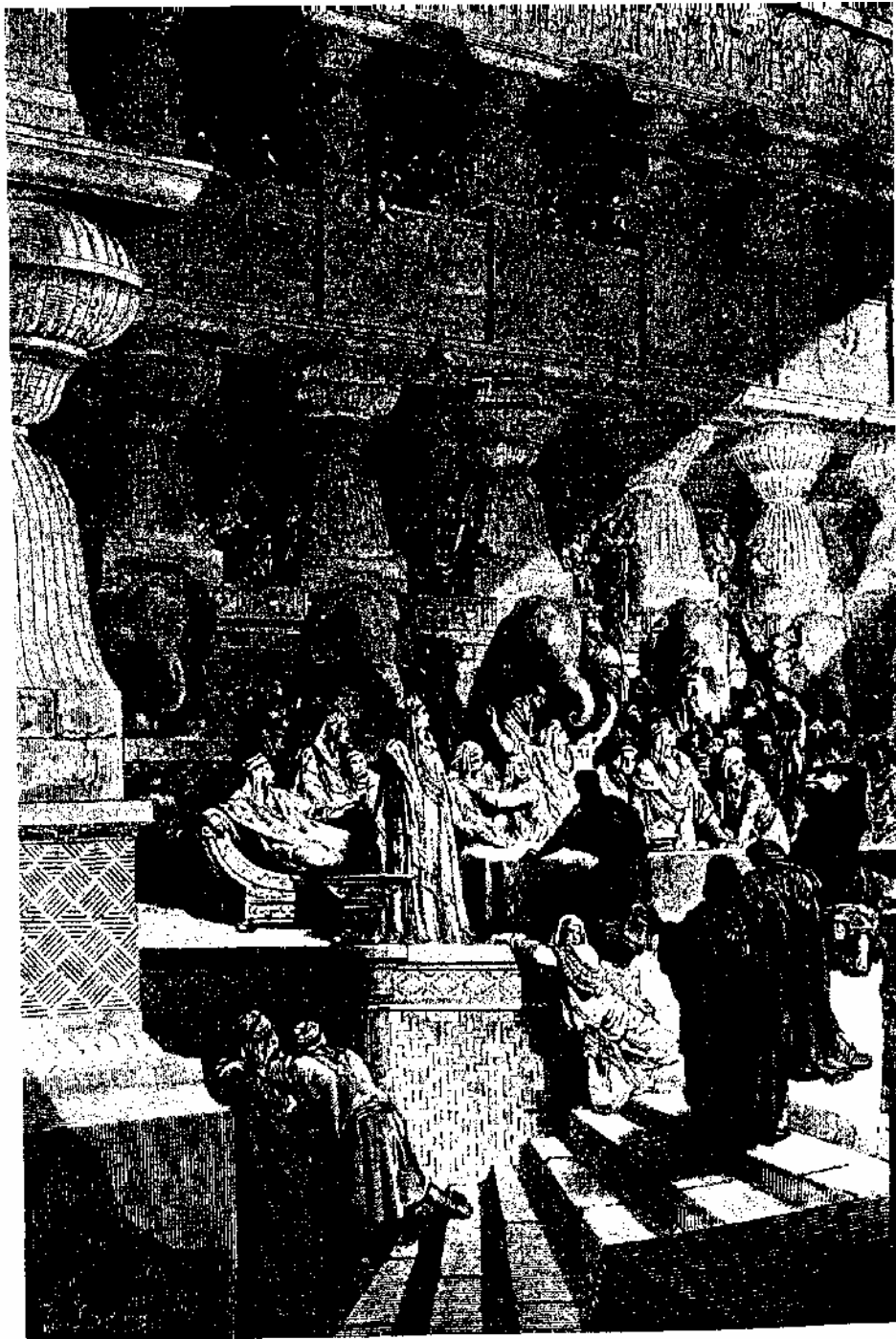
ГЛАВА 11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА

сухому руслу внезапно атаковал спящий город. Во дворце же в это время шел пир горой. Ничего не подозревавший Валтасар беспечно развлекался вместе с многочисленными гостями. Персы ворвались внутрь крепостных стен. Сопrotивление гарнизона было быстро сломлено, Валтасар убит. Драматические события, связанные с падением Вавилона, хорошо представлены в поэтически обработанном знаменитым поэтом Джорджем Гордоном Байроном библейском предании.

Упоен, восхищен, Царь на троне сидит — И торжественный трон И блесит и горит... Вдруг — неведомый страх У царя на челе И унынье в очах, Обращенных к стене. Умолкает звук лир И веселых речей, И растроенный пир Видит (ужас очей!): Огневая рука Исполинским перстом На стене пред царем Начертала слова... Мане, фекел, фарсе! Вот слова на стене, Волю бога с небес Возвещают one. Мане значит: монарх, Кончил царствовать ты! Град у персов в руках — Смысл среднй черты; Фарсе — третье — гласит: Ныне будешь убит! Рек — исчез... Изумлен, Царь не верит мечте. Но чертог окружен И... он мертв на щите!*

С падением Вавилона в истории Месопотамии закончилась важнейшая эпоха. Страна впервые полностью утратила свою самостоятельность и оказалась во власти чужеземцев. Персов сменили греки, греков — парфяне. И на

Перевод А. Полежаева.

Илл. 115. Г. Доре. Па

11. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»: ОТ ХАММУРАПИ ДО ВАЛТАСАРА
некоторое время река Евфрат в районе Вавилона стала своеобразным рубежом между Востоком и Западом, где парфянская панцирная конница с переменным успехом вела упорные бои с вымуштрованными римскими легионерами. В 115 г. Вавилон захватил на короткий срок император Траян. В 199 г. его успех повторил Септимий Север. Надо отметить, что и тогда еще город производил на пришельцев сильное впечатление. Но дни его были уже сочтены. Вавилон постепенно угасал, теряя всякое экономическое и политическое значение. Эта медленная агония продолжалась несколько веков и завершилась лишь в VII в. — в эпоху арабского завоевания страны.

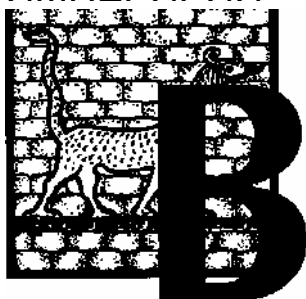
Наше воображаемое путешествие по древнему Вавилону закончилось. Я вновь стою на выщербленных каменных плитах Дороги Процессий. В сознании как-то не сразу укладывается, что этой улице около двух с половиной тысяч лет. Мы с трудом можем представить себе события, отстоящие от нас на сто или двести лет. Что же говорить о тысячелетиях?

И тем не менее именно тысячи лет назад по этим камням шествовали пышные ритуальные процессии, двигались золотые колесницы победоносных вавилонских царей, сверкали на солнце металлические шлемы и доспехи вавилонских воинов. Но здесь же проходили и завоеватели — касситские, эла-митские, хеттские, ассирийские и персидские войска, уводившие с собой пленных горожан и уносившие огромную добычу. Вероятно, по той же самой Дороге Процессий провезли в наполненном медом гробу тело скончавшегося в Вавилоне в 323 г. до н.э. великого полководца древности — Александра Македонского.

«Полный радости, взирай на мои деяния, дабы сотворенное моими руками осталось зримым на все времена!» — гласит строительная надпись вавилонского царя Набополасара. И я, подчиняясь этому призыву, еще раз окидываю взглядом все то небольшое, что осталось «зримым на все времена» на вавилонской земле, и спешу догнать своих товарищей.

ГЛАВА 12

АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Прелюдия

солидных научных трудах, да и в популярных работах, посвященных истории Ирака, район вокруг второго по величине и значению города страны — Мосула часто называют «ассирийским треугольником». И это вполне оправдано. Здесь на протяжении многих веков находился центр могучей Ассирийской державы. Здесь последовательно возникали и сменяли друг друга в блеске и влиянии три столицы ассирийцев — Ашшур, Нимруд и Ниневия. Если взять за отправную точку современный город Мо-сул, то прямо на его окраине, за широким и мутным Тигром, видны высокие глинобитные валы древней Ниневии; в 30 км к югу от него, по дороге на Эрбиль, находятся руины Нимруда (Калаха); и, наконец, примерно в 100 км на юго-восток, близ современного городка Калата-Шерката (Шургата), до сих пор возвышаются на скалистом утесе остатки некогда грозных укреплений Ашшура — первой и самой почитаемой столицы Ассирии. Путешествие в названные три города — это одновременно и знакомство с тремя важнейшими этапами в истории Месопотамии.

Около 3000 г. до н.э. в Северную Месопотамию, в междуречье Тигра и Евфрата, вторглись семитские кочевые племена из западной пустыни. Они называли себя «сынами Ашшура», по имени своего бога-покровителя. Отсюда и происходит название всего народа — ассирийцы (от Ассур, Ашшур). Перейдя вскоре к оседлому образу жизни, они основали небольшое государство

АВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

с центром в Ашшуре, где находились резиденция царя и храм главного племенного бога.

Последний долго не был прямо связан ни с одной из природных стихий или явлений.

Первоначально он считался покровителем охоты — любимого занятия ассирийцев — и изображался чаще всего с луком и стрелами. Позже, с усилением роли войн и завоеваний, Ашшур превратился в бога войны. Иногда, в более позднее время, его называют в гимнах божеством Солнца, но это лишь внешнее подражание культу вавилонского бога Мардука. Тем не менее, как это было принято в древности, все свои победы ассирийские властители приписывали главе местного пантеона — воинственному Ашшуру.

Положение вчерашних кочевников, осевших на холмистых берегах Тигра, вплоть до середины II тыс. до н.э. оставалось весьма шатким. Они попеременно подчинялись более могущественным соперникам — Саргону Аккадскому, Нарам-суэну, Хаммураи и вторгавшимся с запада хеттам. Но эти не прекращавшиеся веками нашествия и войны только закалили характер суровых и

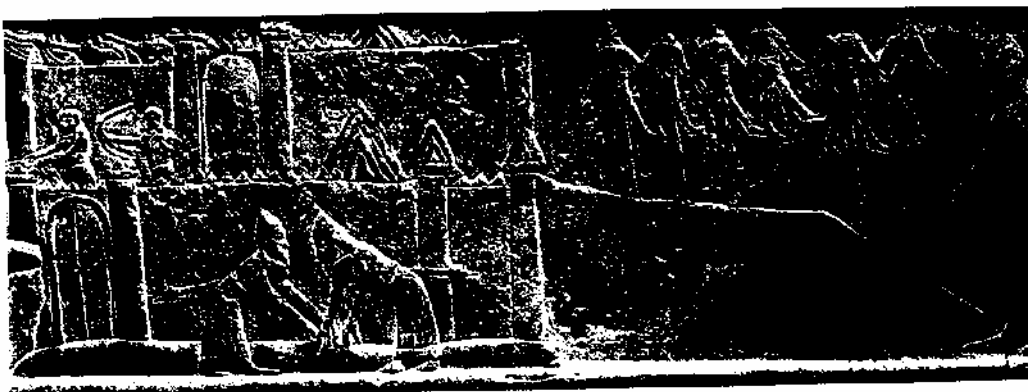
неприхотливых пастухов, охотников и земледельцев Ассирии, превратив их, в конце концов, в лучших солдат Древнего Востока. Немалую роль сыграло в этом и своеобразие местной природы. Основным политико-административным, культовым и торгово-экономическим центром нарождающегося Ассирийского государства был город Ашшур, расположенный на высоком правом берегу Тигра, близ слияния его с рекой Нижний Заб: идеальная крепость, самой природой защищенная от набегов неприятеля (город стоял на крутом скалистом возвышении и с востока был прикрыт широким и полноводным Тигром).

Первое возвышение Ассирии произошло в XIV-XIII вв. до н.э., в годы правления царей Ашшурбаллита I, Ададнерари I, Салманасара I и Тукульти Нинурты I. Успешные войны с Митанни, хеттами, Урарту, Вавилоном заметно расширили пределы государства и вывели его в разряд крупнейших и влиятельнейших держав Ближнего Востока.

Но затем наступил длительный упадок до конца X в. до н.э. Страну спасло от гибели лишь отсутствие единства среди ее могущественных внешних врагов. Но Ассирия потеряла все свои владения к западу от Тигра и жизненно важные для нее торговые пути, ведущие к Средиземноморью и горным районам севера. Кочевые арамейские племена настолько осмелели, что раскидывали свои шатры чуть ли не у самых ворот Ашшура.

Ассирийская территория состояла теперь из узкой полосы земли в 150 км длиной и 80 км шириной, протянувшейся вдоль реки Тигр, преимущественно по ее левому берегу.

Однако Ассирия оставалась компактным и крепким государством. Ее главные города избежали иноземной оккупации и оставались свободными. Ее мужчины, закаленные и воспитанные в почти непрерывных войнах прошлых столе-

Илл. 116. Фрагменты рельефов времени правления Салманаса Куйюнджик. XIII в. до

тий, были прирожденными воинами. И царская корона с завидным постоянством переходила от одного правителя к другому в пределах одной и той же семьи. У ассирийцев было прекрасное вооружение (уже из железа, а не из бронзы), лучшая конница и лучшие колесницы на всем Древнем Востоке. В столь хаотичном и беспокойном регионе, каковым была в ту эпоху Передняя Азия, ни одно другое государство не обладало пока подобными преимуществами: Вавилония была наполовину разрушена и частично оккупирована арамейскими племенами; Египет, управляемый ливийскими принцами, был обессилен и расчленен; фригийцы в Анатолии, мидяне и персы в Иране оставались еще для ассирийцев дальними и сравнительно безобидными соперниками; а в горах Армении будущий грозный соперник Ассирии — царство Урарту («страна Наи-ри») — еще

полностью не окреп и не встал на ноги. Только ассирийцы, несмотря

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

на все их проблемы, оставались потенциально сильнейшими. И многим властителям соседних с Ассирией государств следовало бы задуматься над главным вопросом: а что если эта страна когда-нибудь пробудится от своего векового сна и опять начнет опустошительные набеги на соседей? И она пробудилась в конце X в. до н.э. Правитель, взошедший на престол в 911 г. до н.э., Ададнерари II (911-891 гг. до н.э.), формально никогда не числится среди особо выдающихся деятелей древней Месопотамии, наподобие Саргона Аккадского, Хаммурапи или Ашшурбанапала II. Но именно он как-то незаметно открыл последнюю и наиболее яркую главу в истории Ассирийского государства. Все войны, которые вел Ададнерари II, он выиграл; и с его собственной точки зрения, это была борьба за национальное освобождение. Арамеи изгнали из долины Тигра и выбили с гор Кашшари (к востоку от совр. Мардина), откуда они угрожали Ниневии. Несколько городов в восточной Дезе, отторгнутых когда-то от Ашшура, удалось вернуть обратно. Другая успешная кампания осуществилась против горцев Курдистана, которые частично «были изрублены на куски», а частично загнаны в дикие и непроходимые горы. Ассирийцы дважды разгромили армию вавилонского царя Шама-ша-мудаммика и в результате приобрели большой кусок земли на севере долины реки Диялы. Политику отца успешно

продолжал его сын Тукульти Нинурта II (890-884 гг. до н.э.). И когда он умер, в границы Ассирии входил уже весь Северный Ирак — от гор Загроса до реки Хабур и от Нисибина до линии Тикрит-Самарра.

Следующий ассирийский правитель — Ашшурназирпал II (о нем подробно речь пойдет позже) унаследовал от своих предшественников большое и сильное царство. И именно он сделал первые шаги по превращению этого царства в великую империю.

Создание Ассирийской империи не было продуманным и запланированным актом. Речь может идти только о постепенном подчинении и присоединении к первоначальному «ассирийскому ядру» одной страны (провинции или области) за другой. Бесконечные войны, которые вели на протяжении столетий ассирийские цари, имели три различных, хотя и тесно связанных между собой, причины или мотива. Первоначально, в основе своей, они были оборонительными или, точнее, превентивными войнами, призванными защитить «страну бога Ашшура» от набегов враждебных соседей. Позднее, когда эти победоносные походы стали приносить богатую добычу и пленных, а завоеванные страны стали платить регулярную дань, они превратились в грабительские войны.

Илл. 117. Воин с боевой собакой.

Фрагмент рельефа из дворца Ашшурбанапала в Ниневии

345

12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

И, наконец, третья причина: за спиной этих военных кампаний всегда ощущался и чисто религиозный мотив. В древнемесопотамской философии глава пантеона богов всегда имел своего двойника на земле (например, правители, цари, лугали Шумера были земными представителями верховного бога Энлиля), а поскольку в глазах ассирийцев бог Ашшур стоял гораздо выше других богов, то, соответственно, и его представитель (верховный служитель) — царь Ассирии — должен повелевать всеми другими правителями. Но этот тезис на деле можно было обеспечить только силой, а в случае необходимости — и применением жестоких репрессий по отношению к несогласным. Таким образом, то, что нам сейчас кажется простой резней и грабежом, было в древности оправдано религией. Враги ассирийского царя были и врагами бога Ашшура, и поэтому они заслуживали любого, даже самого сурового наказания.

Каждая ассирийская военная кампания была одновременно и средством самозащиты, и актом разбоя, и «крестовым походом».

Почти каждый год, обычно весной, ассирийский царь собирал свои войска «под командой Ашшура» и вел их либо по пыльным дорогам Месопотамской равнины, либо по опасным тропам Тавра и Загроса. На первых порах его противниками в этих регионах выступали лишь вожди кочевых племен или местные царьки. Некоторые из них храбро сражались с ассирийцами, но, как правило, без особого успеха; другие убегали в пустыню или скрывались в неприступных горах; третьи же «обнимали ступни ног» ассирийского владыки, приносили подарки, обещали исправно платить дань, и их щадили. Но горе тем, кто не выполнял своих клятв и обещаний! Против таких посылались карательная экспедиция, и тогда на их земле бушевала опустошительная буря: мятежников подвергали страшным пыткам, население поголовно вырезалось или порабощалось, села и города сжигались. Охваченные ужасом вожди соседних областей спешили принести дары и выразить могущественной Ассирии покорность. И тогда, выполнив свою задачу, отягощенная богатой добычей, гоня перед собой тысячи пленников и захваченный скот, армия возвращалась на родину и распускалась по домам.

Что получала Ассирия от этих войн? Сошлемся на список добычи, взятой Ашшурназирпалом II лишь в одном небольшом районе в северных горах:

40 колесниц,

460 лошадей,

2 таланта серебра,

2 таланта золота,

100 талантов олова,

100 талантов меди,

300 талантов железа,

1000 сосудов из меди,

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

1000 окрашенных одежд из шерсти и льна,

2000 голов крупного рогатого скота,

5000 овец.

С годами границы ассирийских владений все более расширялись. И вот за крошечными государствами и «вождествами» своих ближайших соседей цари Ассирии вышли вдруг на рубежи куда более крупных и сильных стран: Урарту в горах Армении, мидян и эламитов в Иране, Египта. Возросшие расстояния делали более трудным сбор дани и подавление восстаний.

Ашшурназирпал II (884-859 г. до н.э.)

В лице этого царя мы встречаем первого великого ассирийского монарха новой эпохи — эпохи расцвета ассирийской империи. Амбициозность, твердая воля, храбрость, тщеславие, жестокость и величие — Ашшурназирпал в равной мере обладал всеми этими достоинствами и недостатками и был одним из самых безжалостных и неутомимых строителей империи.

Не успев сесть на трон, он отправился грабить предгорные земли к северу от Месопотамии.

Получив известие о том, что вассальный арамейский город на Нижнем Хабуре взбунтовался, царь немедленно поспешил наказать мятежников. Для этого предстояло совершить поход не меньшей мере в 300 км по полному бездорожью, да еще в разгар жаркого лета. Тем не менее все трудности были успешно преодолены, а бунтовщики наказаны. Вот краткий отчет самого монарха о своих «подвигах»:

К городу Суру из Бит-Халупе я приблизился, и ужас перед величием Ашшура, моего господина, охватил их.

Правитель и старейшины города, дабы спасти свои жизни, пришли ко мне и обняли ступни моих ног, говоря: «Если тебе это доставит удовольствие, то убей! Если же хочешь, пожалей нас!» С доблестью в моем сердце и с яростью моего оружия я обрушился на город. Все мятежники были схвачены и казнены.

Были и другие карательные походы против мятежников в разных частях обширной Ассирийской державы. Когда порядок в государстве был наведен, Ашшурназирпал приступил к осуществлению своей главной стратегической цели — достичь Сирии и Средиземноморья. Но на его пути, за Хабуром и Балхом, внутри большой излучины Евфрата, располагалось крупное и враждебное ассирийцам арамейское царство Бит-Адини. Царь «с помощью подкопов, таранов и осадных машин» взял штурмом Капраби (вероятно, Урфа), главный город, который «был чрезвычайно крепок и нависал над нами подобно туче с небес». Правитель Бит-Адини принес дань и оставил в руках ассирийцев заложников из числа своих ближайших родственников. Путь на Сирию был открыт. И в следующем, 877 г. до н.э. вся ассирийская армия во главе

347

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

с царем устремляется на запад, к Средиземноморью — в Ливан, Финикию, Палестину. Вот победная надпись самого Ашшурназирпала об этом походе:

Я омыл свое оружие в глубоком море и принес овец в жертву богам. Дань с морского побережья — с обитателей Тира, Сидона, Библа, Маисы, Каймы, Амур-ру и Арвада, который находится на острове в море: золото, серебро, олово, медь, льняные одежды с многоцветными вышивками, большие и малые обезьяны, слоновая кость, моржовая кость — продукт моря — эту их дань я получил, и они обняли ступни моих ног...

Но до полного подчинения этого богатейшего края было еще очень далеко. Ашшурназирпал лишь проложил пути для последующих походов ассирийских царей.

Положение Ассирии в Северном Ираке заметно укрепилось, ее ближайшие соседи в горном полумесяце вокруг Месопотамии отныне стали ее вассалами. Весь Ближний Восток понял, наконец, что грозные ассирийцы опять на подъеме, и трепетал от страха.

И основания для таких опасений были. В ту эпоху никаких гуманных правил в ведении войн не соблюдалось. Жестокость и насилие творили и «цивилизованные», и «варварские» участники событий. Однако Ашшурназирпал по жестокости превзошел всех современников. По его распоряжению не только мятежные и непокорные правители подвергались казни (их сжигали заживо, сдирали с них кожу, сажали на кол и т. д.), но и безоружные пленники — мирные жители городов и селений (мужчины, женщины и дети) — подвергались пыткам и массовым убийствам. Вот одна из типичных победных надписей этого царя-деспота:

...Многих пленных я сжег на огне и многих я увел живыми к себе. У некоторых я отрезал носы, уши и пальцы, у многих я выколол глаза... Двадцать человек я живыми замуравал в степу местного дворца...

Но с именем Ашшурназирпала связаны и похвальные деяния. Так, он имел известное пристрастие к зоологии и ботанике и привозил «из стран, в которых он бывал... все виды животных, деревьев и семян», чтобы иметь их в Ассирии. Подобно многим другим правителям Месопотамии, он проявил особую страсть к строительству, возводя новые и реставрируя старые почитаемые храмы. Именно при нем основана вторая (после Ашшура) столица страны — Нимруд-Кальху (библейский Калах), в 35 км к югу от современного Мосула. Знаменитый дворец Ашшурназирпала в Нимруде — наиболее изученный к настоящему времени объект древнего города. Его копал Лэйярд еще в XIX в.

Или. 118. Базальтовая статуя царя Ашшурназирпала. Нимруд

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

А в 40-50-е годы XX в. эти работы продолжила английская археологическая экспедиция во главе с М. Мэллоуном.

Сейчас имеется полный план дворца, который занимал площадь в 2,4 га и был разделен на три части: административную (ряд помещений вокруг большого внутреннего двора), церемониальную с залом приемов и тронной комнатой и, наконец, жилое крыло, включающее царские апартаменты, гарем, кладовые, комнаты для омовений и др.

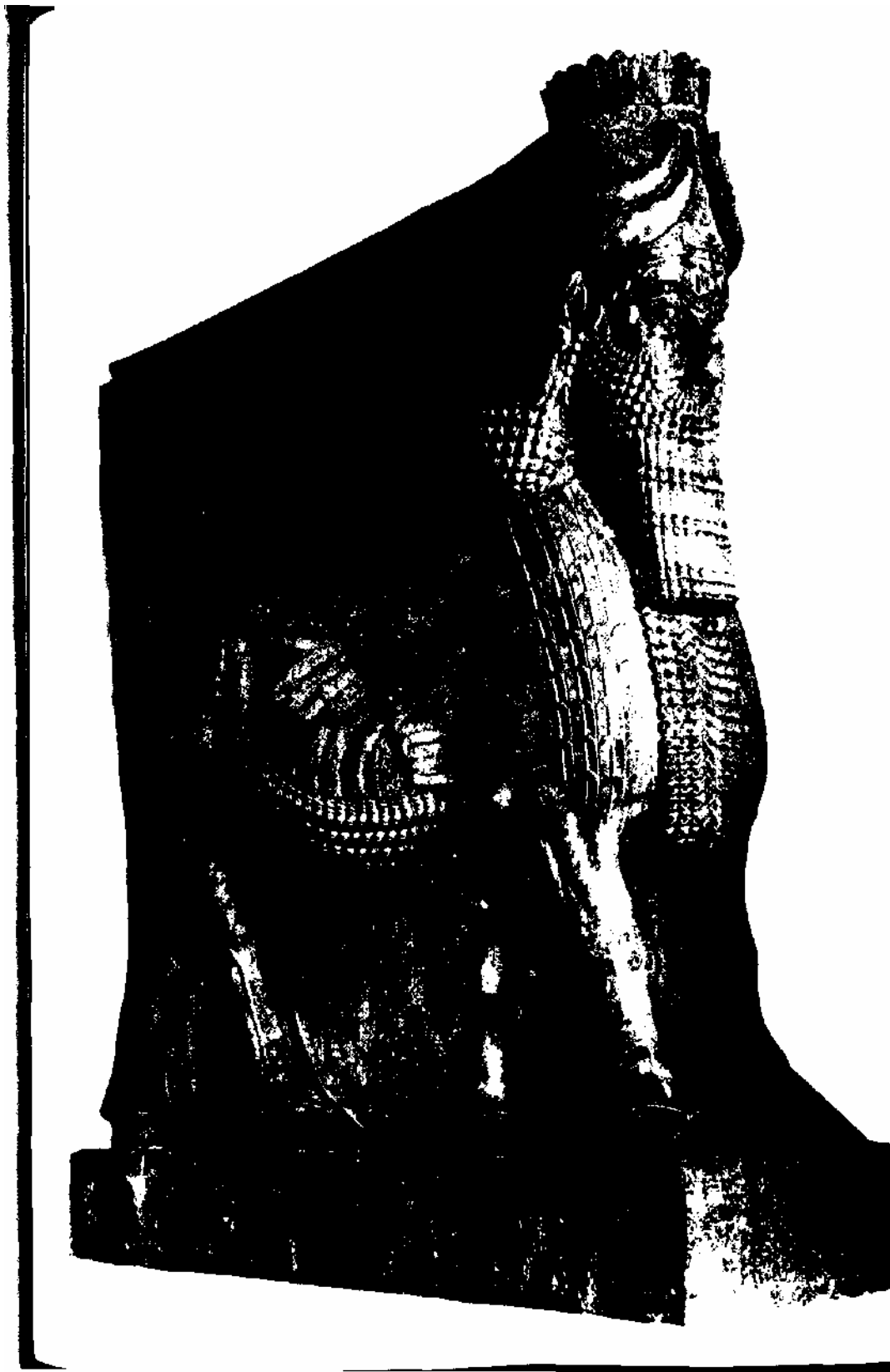
В церемониальном блоке главные ворота обрамляли огромные *ламассу*, или гении-защитники; стены из сырцового кирпича покрыты фресками и обставлены каменными плитами с резными изображениями и надписями; полы вымощены обожженным кирпичом с царским клеймом. Интересная черта жилого крыла — наличие «аэрокондиционной» системы в виде широких отверстий для воздуха, прорезанных в толще стен, для пропуска свежего воздуха. Обшивка дверей из драгоценного дерева погибла в пламени пожара в 612 г. до н.э., но ряд предметов уцелел, в частности чудесные резные панели из слоновой кости, покрытые золотом, которые некогда украшали царскую мебель, предметы вооружения и инструменты из бронзы и железа, глиняные кувшины и ряд клинописных глиняных табличек.

Дворец Ашшурназирпала сейчас наилучший из сохранившихся ассирийских царских жилищ.

Во дворце археологи нашли большую стелу — фигуру царя и длинную надпись, из которой мы узнаем о празднествах, сопровождавших церемонию открытия дворца в 879 г. до н.э. Гигантский десятидневный банкет — его меню изложено в деталях — был устроен Ашшурназирпалом для всех горожан и иностранных послов: не менее чем для 69 574 гостей. Последняя фраза надписи заставляет нас на минуту забыть о других, отвратительных аспектах поведения этого великого монарха:

Илл. 119. «Гений»-охранитель ворот царского дворца в Нимруде (ламассу)

Илл. 120. «Человеко-бык» из Нимруда

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Счастливым людям из всех стран, вместе с населением Кальху, в течение десяти дней я пригласил на праздник, поил их вином, омывал в ваннах, умащал маслами и оказывал внимание; а затем отправил их назад в их страны в мире и радости...

Новые владельцы страны

Ашшурназирпалу наследовал на ассирийском троне его сын, Салманасар III (858-824 гг. до н.э.). Истинный царь-воин: по количеству и масштабам своих военных кампаний он намного превосшел своего отца: из 35 лет его правления 31 год был отдан войнам. Ассирийские солдаты вторгались в Армению (Урарту), Палестину, в глубину гор Тавра и Загроса, на берега Персидского залива; они

опустошали все новые земли и страны, осаждали и брали штурмом новые города, испытывали свои силы в сражениях со все новыми врагами. Но поскольку эти враги были гораздо сильнее арамейцев Джебзиры и небольших племен Иракского Курдистана, то победы временами омрачались отдельными неудачами. Не удалось сокрушить Урарту. Повторные попытки захватить Сирию также закончились провалом.

Конец долгого царствования Салманасара III ознаменовался крупными внутренними беспорядками в самой Ассирии. Один из его сыновей, Ашшур-данин-аилул, поднял против отца восстание 27 городов, включая Ашшур и Ниневию. Тогда старый монарх, уже не покидавший покои своего укрепленного дворца в Нимруде, отправил другого сына, Шамши-Адада, с большой армией для подавления бунта. По сути дела, это была настоящая гражданская война, и она прекратилась лишь через четыре года. Трон занял Шамши-Адад (823-811 гг. до н.э.), но с началом его царствования Ассирия вновь провалилась в черную бездну почти столетнего упадка.

Ададнерари III (810-783 гг. до н.э.), сын Шамши-Адада, был еще совсем мал, когда умер его отец, и поэтому в течение пяти лет страной управляла мать престолонаследника — Саммурамат, она же — легендарная Семирамида. Каким образом эта царица, правление которой почти не оставило следов в ассирийских летописях, приобрела репутацию «самой красивой, самой жестокой, самой могущественной и самой страстной из всех восточных цариц» остается почти неразрешимой загадкой.

Возможно, что Геродот, который, собственно, и создал легенду о Семирамиде в V в. до н.э., получил свои основные сведения от жрецов Вавилона. Если Саммурамат была вавилонянкой по рождению, то она должна была активно участвовать в пропаганде вавилонских религиозных идей и обрядов среди ассирийцев. Вавилонское жречество, естественно, гордилось «своей» царицей, и есть основания предполагать, что многочисленные легендарные истории о ней

Илл. 121. Да Рельеф из дворца Ашиурназирпала II в Нт

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

были созданы искусственно, а уже потом включены в описание реальной жизни Семирамиды. Горячее воображение «отца истории» Геродота, вдохновленное личностью этой незаурядной женщины, довершило дело. Последующая античная литературная традиция еще более преувеличила как достоинства, так и недостатки Семирамиды. В конце концов ей стали приписывать даже такие фантастические дела, как строительство Вавилона или завоевание Египта и Индии. Практически она как бы узурпировала все деяния и всю доблесть царей Месопотамии, правивших до и после нее. Однако следует помнить, что реальная Самму-рабат имела очень мало общего с легендарной царицей Семирамидой.

Пока страна решала свои внутренние проблемы, на внешнем фронте появилась грозная опасность — быстро набирающее силу государство Урарту в Закавказье, а также мятежная Сирия и вечно враждебный месопотамцам Элам. У Ассирийской империи практически не было выбора: оставалось либо победить, либо погибнуть.

И в этот драматический момент страна получила энергичного и умного правителя в лице Тиглатпаласара III (745-727 гг. до н.э.). Он реорганизовал армию и провел давно назревшую административную реформу, которая, наконец, принесла Ассирии столь необходимый ей

внутренний мир. Главная цель этой реформы состояла в укреплении царской власти и сокращении чрезмерного могущества высшей аристократии. Внутри страны существующие провинции были уменьшены в размерах и увеличены в числе. За пределами Ассирии, в странах, вернувшихся благодаря победоносным походам Тиглатпаласара III в лоно империи, местные правители отстранялись от власти, а сами страны превращались в обычные провинции, управляемые ассирийскими чиновниками, подчиненными непосредственно царю. Была создана очень эффективная система коммуникаций между царским двором и имперскими провинциями. При Тиглатпаласаре III ежегодный набор был заменен постоянной профессиональной армией, формируемой из контингентов, набираемых на подчиненных территориях империи. Военная мощь Ассирии увеличилась во много раз.

Военные кампании Тиглатпаласара III носят весьма продуманный характер. Первый поход был организован в Южную Месопотамию, чтобы освободить Вавилон от давления со стороны арамеев. Затем ассирийское войско атаковало Сирию, а точнее — скопище арамейских и неохеттских царьков, возглавляемое Мати-илу из Арпада, который, в свою очередь, повиновался могущественному царю Урарту — Сардури III. Тот бросился на помощь своим союзникам, но был разбит близ Самсата на Евфрате и, спасая свою жизнь, позорно бросил остатки войск и бежал. Осажденный Арпад сопротивлялся три года, но, наконец, был взят и стал главным городом одной из ассирийских провинций. Затем Ассирии покорились северо-западная Сирия и Финикия.

Илл. 122. Два ассирийца Фрагмент росписи из дворца наместника в
ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Разделавшись таким образом с сирийскими вассалами Урарту, Тиглат-паласар III повернул свой меч на восток - на горцев Загроса и на центральные районы Ирана. Позднее (вероятно, в 735 г. до н.э.) был организован поход даже непосредственно против Урарту: осаде подверглась столица страны — город Тушпа, но взять его так и не удалось.

Еще одно нововведение в политике ассирийского царя — практика массовых переселений (депортаций) жителей покоренных земель. Он, вероятно, считал, что наилучший способ предупреждения восстаний это подавление «национального чувства» — верности местным богам и традициям — путем смешения населения из разных областей империи. Например, в 742 и 741 гг. до н.э. 30 000 сирийцев из района Хама были отправлены в горы Загроса, а 18 000 арамеюв с левого берега Тигра насильственно переселены в Северную Сирию. Печальные сцены таких депортаций нередко изображаются на ассирийских барельефах: длинные вереницы мужчин, держащих за руку своих изнуренных детей и идущих под конвоем ассирийских солдат, в то время как их жены едут с поклажей на повозках. Вероятно, многие переселенцы умирали на бесконечных, выжженных солнцем дорогах от жажды, голода и лишений. Однако с теми, кто выживал, в целом обращались не так уж и плохо: они находили какое-то жилье среди руин сожженных селений или же в

крепостях, основанных царем, им выделялся участок земли для пахоты и какой-то пищевой рацион. В итоге их новые господа считали, видимо, что дух сопротивления среди переселенцев сломлен навсегда. Этой жестокой политике ассирийские цари следовали и позже. Но желаемого результата они не получили: восстания и мятежи возникали со все возрастающей частотой. А невиданные по бесчеловечности акты депортации вызывали по отношению к ассирийцам ненависть по всему древнему Ближнему Востоку.

Саргон II

Мы не знаем точно, был ли Саргон сыном Тиглатпаласара или узурпатором, но тем не менее именно он захватил верховную власть в империи после кратковременного правления Салманасара V (726-722 гг. до н.э.).

Незадолго до того, как Саргон II вступил на престол, в ближневосточном регионе произошли два события огромной политической важности, которые должны были отразиться на ассирийской политике и дипломатии на добрую сотню лет: Египет активно вмешался в дела Палестины и Сирии, а Элам — в вавилонские дела. Естественно, что эламиты и египтяне немедленно стали

Илл. 123. Саргон II с жертвенным козленком. Фрагмент рельефа из дворца в Дур-Шаррукине. 712-707 гг. до н.э.

Илл. 124. Воображаемая реконструкция Ниневии

Илл. 125. Вход во дворец Саргона II в Нимруде

союзниками Урарту. Однако в открытую выступить против находящейся в зените могущества империи никто из них не решался. Вместо этого была выбрана тактика поощрения мятежей и восстаний среди покоренных Ассирией народов, которым оказывалась посильная помощь деньгами, людьми и оружием.

В Вавилоне власть захватил халдейский вождь Мардук-апал-иддина (Ме-радах-Баладан из Ветхого завета). Он был активно поддержан в своих действиях царем Элама — Хумбанигашем. Саргон отправился в поход против узурпатора. Но итоги решающего сражения остаются для нас тайной. Надписи ассирийского царя сообщают о полной его победе, а «Вавилонская хроника» заявляет, что «войска Ашшура» были разбиты наголову. То же самое говорит и надпись самого Меродаха-Баладана.

359

ЗА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Однако нет сомнений в том, что ассирийцы не достигли быстрого успеха, поскольку Мардук-апал-иддина правил Вавилоном в течение 11 лет, с 721 по 711 гг. до н.э.

Не менее опасной для Ассирии была также коалиция из восставших провинций Сирии, возглавляемая Илу-биди, царем Хамы, а также мятежный царь Газы — Хануна, которому помогала целая египетская армия.

Правда, здесь ассирийский монарх действовал более удачно: Илу-биди и его союзники были разбиты, а Хануну взяли в плен и содрали с него кожу. Бежало без оглядки с поля боя и разгромленное египетское войско. Успешный поход был осуществлен в 714 г. до н.э. против горцев Курдистана, а затем в глубину территории Урарту. Там был захвачен священный урартийский город Мусасир, и даже статуя местного верховного бога Халдиа была увезена в Ассирию. Царь Урарту Руса I в отчаянии покончил жизнь самоубийством. К 710 г. до н.э. Саргон II оказался победителем на всем театре военных действий. Даже Вавилон покорился. Раненый Меродах-Баладан бежал из города и нашел убежище в Эламе.

Стремясь укрепить свою славу, царь построил для себя новую резиденцию — обширный дворцовый комплекс в Дур-Шаррукине (Хорсабаде) близ современного Мосула. В одной из своих надписей Саргон провозглашает: «Мне, Саргону, который живет в этом дворце, пусть Ашшур ниспошлет долгую жизнь, телесное здоровье, радость сердца и ясность души». Но бог не прислушался к его призыву. Год спустя после официального открытия Дур-Шаррукина царь погиб в одном из сражений в северных горах. Наследники Саргона — Саргони-ды — управляли Ассирией почти сто лет (704–609 гг. до н.э.), доведя ассирийскую империю до максимальных размеров, а ассирийскую цивилизацию до ее зенита.

Синаххериб (705-681 гг. до н.э.)

Он получил царскую корону в 705 г. до н.э., через несколько лет после гибели своего отца — Саргона II. Почти вся жизнь Синаххериба прошла в непрерывных войнах и походах. И главной его заботой было подавление восстаний в районе Средиземноморья (Финикия, Палестина) и в Вавилоне. За спиной средиземноморских повстанцев стоял, как и прежде, Египет, а за вавилонянами — Элам.

Подавив силой мятежи на западе, ассирийский царь решил заодно примерно наказать и главного возмутителя спокойствия. Собрал огромную армию, он направляется к границам Египта. И вот, находясь уже в Телль эль-Фараме (в 48 км к востоку от Суэцкого канала), ассирийское войско или полностью теряет боеспособность (согласно Геродоту, полчища крыс ночью съели всю

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

кожу и веревки на предметах вооружения и амуниции), или гибнет (по библейскому преданию, ассирийцев поразил «Ангел Господа»; а вавилонский жрец-летописец Берос сообщает о гибели 185 000 солдат с их командирами в результате «пагубной болезни»). Ассирийские надписи, как и следовало ожидать, хранят по поводу этого бесславного эпизода полное молчание. Отбросив религиозно-легендарную оболочку данного события, можно предположить, что ассирийская армия пострадала от эпидемии какой-нибудь опасной болезни, типа холеры или чумы.

В 695 г. до н.э. Синаххериб организовал грандиозную комбинированную сухопутно-морскую операцию против эламитов в Персидском заливе, использовав для этого флот из кораблей, построенных в Ниневии сирийскими мастерами и с экипажами из финикийских и киприотских моряков. Ассирийские войска с помощью этих кораблей пересекли северную часть Персидского залива, достигли территории Элама, захватили там несколько укрепленных городов и с богатой добычей вернулись домой.

Но особое беспокойство вызывали у ассирийского монарха дела в Вавилоне: непрерывные смуты, заговоры, мятежи и восстания против «сынов Ашшу-рак До какого ожесточения доходило порой это противостояние между Ассирией и Вавилоном, красноречиво говорит уже описанный в предыдущей главе эпизод тотального уничтожения «великого священного города» Синаххерибом в 689 г. до н.э. Вот как он сам описывает это драматическое событие:

Подобно урагану, я напал на него, и, подобно буре, я сокрушил его... Его жителей, юных и старых, я не пощадил, и их телами я завалил улицы города... Сам город и его дома, от фундаментов до крыши, я опустошил, я разрушил, я уничтожил огнем... Для того, чтобы в будущем даже почва под их храмами была забыта, я водой уничтожил ее, я превратил ее в пастбище...

Но, видимо, великие боги Шумера и Аккада не могли оставить безнаказанным такое чудовищное преступление. Восемь лет спустя, в январе 681 г. до н.э., в Ниневии во время моления в храме Синаххериб был убит: один из его сыновей опрокинул на царя тяжелую каменную статую, и та задавила его насмерть.

Но следует все же сказать, что жестокий Синаххериб за годы своего царствования осуществил грандиозные строительные работы. Были сооружены или отреставрированы многочисленные храмы и святилища в ряде городов Месопотамии; построены десятки новых крупных оросительных каналов, водохранилищ, дамб, плотин. Однако самое главное его достижение — строительство новой (и последней) столицы империи, Ниневии. Существовавший здесь ранее сравнительно небольшой городок (правда, там уже имелась царская резиденция) быстро превратился в гигантскую метрополию, достойную блеска и могущества Великой Ассирии. Размеры Ниневии в поперечнике выросли с 3,2 км до 12,8 км. Внешняя стена из больших блоков желтоватого

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

известняка была «воздвигнута как высокая гора» вокруг всего города; во внутренней стене, сложенной из блоков глины-сырца, имелось 15 ворот. Площади Ниневии были расширены; ее проспекты и улицы вымощены камнем и «сверкали подобно дневному свету». В северной части города (в районе холма Куй-юнджик) стоял старый дворец, но он был заброшен, а приток Тигра — речушка Хоре — разрушала во время паводков его фундаменты. Это здание снесли, а на большой террасе, возвышавшейся над речкой, возвели новый роскошный «дом Синаххериба» — «Дворец, не имеющий себе равных»:

Балки из кедра, продукт горы Аману с, которые транспортировали с большими трудностями с этих отдаленных гор, я использовал для укрепления крыши. Большие дверные панели из кипариса, чей запах столь приятен, когда двери открываются и закрываются, я укрепил полосами блестящей меди.

Ворота дворца украшали огромные медные столбы, увенчанные бронзовыми львами. Огромные плиты известняка, украшенные барельефами со сценами войны, были поставлены вдоль стен.

Возле дворца разбили большой парк, где опытные садовники посадили «все виды трав и фруктовых деревьев».

Для озеленения Ниневии подвели воду из отдаленных мест с помощью специального канала, прорытого «через горы и равнины». Питьевую воду давал каменный акведук; его руины и сейчас еще можно видеть близ современной деревушки Джерван.

Синаххериб приказал также поставить собственные изображения по всем «землям Ашшура». В Бавиане, близ Джервана, близ Дохука и в Джуди Даг (на турецко-иракской границе) все еще можно видеть высеченные в скалах гигантские «портреты» этого «могучего царя, правителя многих народов», стоящего перед древними богами, которых он однажды так жестоко обидел.

Асархаддон (681-669 гг. до н.э.)

Он был младшим сыном Синаххериба, и именно его, видимо из-за больших личных достоинств, выбрали в качестве главного претендента на престол. Естественно, это вызвало дикую злобу у двух его братьев. Они состряпали клеветнический донос на Асархаддона и тайно подбросили отцу. Опасаясь за свою жизнь, престолонаследник вынужден был бежать за пределы страны, в горы, в «тайное место». Естественно, что после убийства отца оставшиеся в Ниневии братья тут же вступили в борьбу между собой, «бодаясь друг с другом подобно козлятам, чтобы добыть царский венец». Наблюдая эти безобразия, многие ассирийцы, включая и влиятельные круги высшей знати, отвернулись от узурпаторов трона.

Между тем, узнав о бурных событиях на родине, принц-изгнанник поспешил в Ниневию, дабы предъявить свои претензии на трон. Его сопровождал

362

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМ

небольшой отряд верных воинов. Братья выступили против Асархаддона с большим войском, чтобы не впустить в столицу, где у него было много сторонников. Но в ночь перед сражением все солдаты братьев-узурпаторов перебежали на сторону наследника престола. И на следующий день под приветственные крики народа Асархаддон торжественно вступил в столицу империи и «счастливо сел на трон отца своего».

Первым крупным актом нового монарха было исправление преступления Синаххериба — возрождение Вавилона. И хотя великий город, вероятно, был разрушен не так основательно, как писал об этом сам ассирийский царь, работы по восстановлению «священной столицы Месопотамии» заняли у Асархаддона очень много лет. Зато это принесло, впервые за долгое время, признательность и лояльность вавилонских подданных новому ассирийскому монарху. И за долгие годы правления Асархаддона со стороны Вавилона не было никаких серьезных выступлений против Ассирии.

Гораздо больше проблем имели ассирийцы в Средиземноморье: в Финикии и Палестине. Не успел Асархаддон стать царем, как против иноземного ига восстал Сидон во главе с его правителем Абди-Милкути (677 г. до н.э.). Действия ассирийского монарха были быстры и беспощадны. Я — вождь земных царей и царь, Асархаддон. Владыки и вожди, всем говорю я: горе! Едва я принял трон, на нас восстал Сидон. Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.*

Абди-Милкути был схвачен и обезглавлен, а уцелевшие жители города депортированы в Ассирию. Преуспел Асархаддон и в Эламе: после смерти местного властителя он сумел посадить на эламский трон дружески настроенного к ассирийцам принца Уртаки (675 г. до н.э.).

Однако над всеми владениями империи в Средиземноморье грозовой тучей нависал Египет и его честолюбивые фараоны. И тогда Асархаддон решается на грандиозный, но опасный проект: завоевание самой египетской территории. В 671 г. до н.э., установив перед этим дружеские связи с арабскими племенами, кочевавшими близ границ «страны пирамид», ассирийский монарх во главе своей грозной армии решается пересечь безводную Синайскую пустыню, где солдаты видели, среди многих других ужасов, «двухголовых змей, нападающих на людей и всегда со смертельным исходом для последних». Наконец, после 15 дней больших испытаний, вполне боеспособные ассирийские полки вступили в зеленую долину Нила. Несмотря на отчаянное сопротивление египтян

В.Я. Брюсов.

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Илл. 126. Ашшурбанапал II.

Барельеф на каменной плите из Ниневии

во главе с фараоном Тахаркой завоевание Египта не заняло у Асархаддона слишком много времени. Был захвачен и разграблен священный город Мемфис, взяты многие другие города и селения. Добыча победителей была просто фантастической и по размерам, и по содержанию: золото, слоновая кость, драгоценные камни.

Но Египет отнюдь не был легким призом. Не прошло и двух лет, как Тахарка вернулся из Нубии назад, отвоевал Мемфис и поднял мятеж против ассирийцев в дельте Нила. Это был явный вызов пан-ассирийскому господству на Ближнем Востоке, и Асархаддон немедленно принял его. Он опять двинулся со своими полками на Египет, но по дороге, в Харфане, умер (669 г. до н.э.). Правда, за три года до этого он объявил своим официальным наследником на ассирийском престоле своего сына — Ашшурбанапала, а другого своего сына — Шамаш-шум-укину — вице-правителем Вавилона.

Ашшурбанапал (668-627 гг. до н.э.)

Смена власти в империи прошла на удивление гладко: в один и тот же день два принца сели на отведенные им завещанием высокие царственные места — Ашшурбанапал в Ниневии, а Шамаш-шум-укин — в Вавилоне. При этом империя

Илл. 127. Городские ворота Ниневии, Современная реконструкция

364

ЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

оставалась единой, и поэтому, естественно, верховная власть в ней оставалась в руках Ашшурбанапала.

Прежде всего, ассирийский монарх должен был подавить восстание египтян. Собрав в один могучий кулак и свои силы, и отряды союзных стран, он смело ворвался в пределы Египта. Армия Тахарки была разбита наголову в первом же сражении, и фараон-неудачник покинул Мемфис и тайно, на лодке, бежал в столицу Верхнего Египта — Фивы. Но под натиском ассирийцев пали и Фивы. Правда, фараон опять сумел ускользнуть.

Завоевание «страны пирамид» явилось, безусловно, одним из самых блестящих военных достижений Ассирии. Ассирийцы находились теперь в более чем 2000 км от своей родины, в глубине странного и враждебного государства, язык, религия и обычаи жителей которого были абсолютно чужды «сынам Аш-шура». Египтяне же только и ждали удобного момента для нового восстания.

У власти в стране были поставлены 20 туземных царей, губернаторов и регентов из дельты и долины Нила, лично отобранных ассирийским монархом. Колониальный режим в стране был ужесточен, а ассирийские гарнизоны в ключевых местах увеличены.

Однако это никак не устраивало самих египтян, и они были готовы вновь взбунтоваться. Заговор удалось предотвратить благодаря бдительности ассирийских чиновников. Заговорщиков арестовали и отправили «на суд и расправу» в Ниневию. Там всех их, за исключением некоего сановника Нехо, казнили. Уцелевшему дали возможность покаяться во всех грехах, простили и, подарив «великолепные одежды» и перстень — знак высокой должности, отправили назад в Египет, в родной город Саис, в качестве правителя. Спокойствие в стране было на время восстановлено. Но и позже восстания египтян (а соответственно, и карательные экспедиции ассирийцев) следовали одно за другим. В конце концов, озверевшие от бесконечных «ударов в спину» ассирийские воины взяли штурмом священные Фивы и подвергли их такому разгрому, что город больше так никогда и не возродился.

Бунты беспощадно подавлялись и в других местах: в Тире, Арваде и др. В 655 г. до н.э. фараон Псамметих (возможно, это сын Нехо) с помощью ионийских и карийских наемников изгнал ассирийцев из Египта и объявил свою страну полностью независимой от Ниневии. И Ашшурбанапал ничего не мог поделать с подлым изменником. Все его войска были в тот момент вовлечены в жестокую борьбу с эламитами: пришлось отдать Египет для того, чтобы спасти Месопотамию. Эламитами были разбиты.

Едва закончилась эламская война, как восстал Вавилон. В течение почти 17 лет его правитель Шамаш-шум-укин вел себя как верный брат ассирийского монарха, но, видимо, постепенно вирус вавилонского национализма заразил и его: он вдруг вообразил, что Вавилон может править миром ничуть не хуже

Илл. 128. Ворота Нип

*Видны участки отреставрированной
внешней каменной стены и внутренней глинобитной*

Ниневии. В 651 г. он закрыл для ассирийцев ворота городов Сиппар, Борсиппа и Вавилон и приступил к формированию грандиозной коалиции из заклятых врагов Ассирии: Финикии, Иудеи, арабов Сирийской пустыни, халдеев Южного Ирака, Элама, Мидии и даже Египта. Если бы все эти страны выступили одновременно, Ассирия была бы повержена в считанные дни. Но Ашшурбанапалу его агенты вовремя донесли об опасных замыслах брата. Пытаясь спасти Вавилон от нового разгрома, ассирийский монарх в очень жестком заявлении предупредил жителей города о грозящих им бедах в случае неповиновения. К сожалению, вавилоняне не вняли его призыву и как один встали в ряды мятежников. Асархаддон двинулся войной на брата, и в течение трех лет шли непрерывные сражения, не дававшие перевеса ни одной из сторон. Затем чаша весов стала клониться в пользу ассирийцев. Потеряв веру в победу, Шамаш-шум-укин поджег собственный дворец и бросился в бушующее пламя (648 г. до н.э.)- Вавилон пал. Начались массовые казни. Южная Месопотамия была умиротворена, а халдейский царек Кандалану стал вице-правителем «великого города».

12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ
ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

С другой стороны, по всеобщему признанию современников, правитель Ниневии был одним из самых образованных и культурных людей того времени. Он владел тремя языками, в том числе и древним — шумерским, был знаком с астрологией, изучал геометрию и историю.

Обладал он, по-видимому, и значительными поэтическими способностями. Во всяком случае, именно ему приписывается исследователями замечательная элегия, в которой умудренный жизнью человек сетует на свою несчастную судьбу и на неотвратимость грядущей смерти: Богу и людям, живым и мертвым я делаю добро. Почему же болезнь, сердечная скорбь, бедствия, погибель привязались ко мне. Не прекращается в стране война, а в доме раздор. Смута, злословие постоянно ополчаются на меня. Дурное настроение и болезнь тела сгибают мою фигуру. Среди вздохов и стонов я провожу дни. В день моего городского бога (Ашшура), в день праздника я расстроен. Должна прикончить меня смерть.

Но самой громкой славой он обязан основанием большой библиотеки из клинописных глиняных

табличек, которая оказалась ключом ко всей ассиро-вавилонской культуре. Пользуясь неограниченной властью в пределах огромной империи, Ашшурбанапал приказал скопировать и доставить в дворцовый архив Ниневии все известные в Месопотамии древние тексты, начиная с первых шумерских династий III тыс. до н.э.

Вскоре пришлось воевать и против своего бывшего ставленника — царя Элама. В конце концов, ассирийцы выиграли решающее сражение и захватили столицу страны — город Сузы. Среди взятой там добычи были обнаружены «серебро, золото, имущество и предметы из Шумера, Аккада и всей Вавилонии, которые прежние эламитские цари увезли к себе в результате семи своих нашествий». Зиккурат в Сузах был разрушен, его святилища уничтожены, а боги либо пленены, либо «брошены на ветер».

Таким образом, этой победоносной войной были отомщены бесчисленные обиды и разрешен трехтысячелетний спор между эламитами и месопотамцами.

Вскоре после разграбления Суз Ашшурбанапал отпраздновал свой триумф. Из роскошного дворца в Ниневии этот образованный, энергичный и безжалостный монарх мог теперь созерцать «целый мир», распростертый у его ног. Три эламитских принца и «царь Аравии» были в буквальном смысле запряжены в его боевую колесницу. Его брат-изменник нашел свою смерть, соответствующую его преступлению, а вавилонянами правил теперь марионеточный халдейский царек. Гордые купцы Тира и Арвада, упрямые евреи и беспо-

койные арамеи — все они склонили свои головы перед ассирийской силой. Ниневия была переполнена добычей, взятой в Мемфисе, Фивах, Сузах и множестве других городов. А «великое имя Ашшура» уважали и боялись от зеленых берегов Эгейского моря до горячих песков Аравии. Никогда еще Ассирийская империя не выглядела столь могущественной и непобедимой.

Но уж слишком много теней ложилось на эту яркую и великолепную картину. Богатый Египет потерял навсегда. Вавилония опустошена и горит ненавистью ко всем ассирийцам. Вассальные правители на окраинах империи ненадежны. Ассирийская армия устала и обескровлена после почти столетия непрерывных тяжелых войн. Границы империи отступили от Нила к Мертвому морю, от горы Арарат к первым предгорьям Тавра, от Каспийского моря к хребтам Загроса. А за Загросом копят силы сомнительные союзники — скифы и бесспорные враги — мидяне.

Неумолимое время отсчитывало последние часы существования Великой Ассирии.

Гибель империи

После смерти Ашшурбанапала в 627 г. до н.э. в Ассирии наступил период волнений и смуты. В борьбу за царский трон вступили сыновья умершего монарха. Но им мешали укрепиться у кормила власти влиятельные аристократические круги внутри страны. Между тем, стремительно ухудшалась и внешнеполитическая ситуация. Практически отделились от империи богатые провинции Палестины, Финикии и Сирии. Воспользовавшись слабостью Ассирии, вновь восстал Вавилон. На востоке, в Иране, энергичный царь Киаксар быстро превращал Мидию в самое мощное государство Ближнего Востока. Где-то поблизости точили свои копья и стрелы орды безжалостных конных кочевников — киммерийцев и скифов.

В 615 г. до н.э. огромная мидийская армия вторглась в пределы Ассирии и захватила Аррафу. В следующем году враг обрушился на Ашшур — древнейший и священный город страны.

Одновременно с юга по ассирийцам нанесли удар восставшие вавилоняне, возглавляемые халдейским царем Набополасаром — основателем Нововавилонской династии правителей.

В 612 г. до н.э. начался решающий штурм главного ассирийского города — Ниневии: к ее стенам подошла объединенная армия Мидии и Вавилона. Мидийский царь Киаксар, командовавший союзниками, быстро сумел свести на нет все преимущества грозных укреплений ассирийской столицы. Осаждающие на плотях подтянули под самые ниневийские стены огромные стенобитные машины и поочередно проломили как внешнюю, так и внутреннюю линию обороны. Отряды обезумевших от предвкушения богатой добычи воинов ворвались в город. Начались повальная резня и грабежи. Последний правитель

369

ЛБА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Ассирии — Синшаришкун, не желая попасть в руки победителей, поджег свой роскошный дворец и бросился в огонь. Очевидец гибели Ниневии (видимо, один из пленников, приведенных туда ранее ассирийскими солдатами) так описал последние мгновения жизни великого города:

Горе тебе, город кровавый, исполненный обмана, преступлений и грабежей! Всадники мчатся, меч сверкает, секира блестит! Убитых множество, груды трупов... Ниневия разрушена! Кто станет жалеть о ней? Все, кто слышат о тебе, радуются судьбе твоей: ибо кто же не испытывал непрестанно на себе злобы твоей?

Ненависть победителей к павшей столице была столь велика, что они разрушили ее почти до

основания. Ниневия так и не возродилась вновь. И когда спустя много лет уцелевшие жители вернулись на пепелище, они не стали там селиться, а основали новый город за рекой, напротив старого, назвав его Меспилой или Мосулом.

Ниневия пала. Но агония некогда великой империи продолжалась еще почти три года.

Окончательный удар по гибнущей, но еще живой стране нанес вавилонский царь Набополасар, который в одной своей лаконичной надписи дал подлинную эпитафию по Ассирии:

Я устроил резню в стране Субарум (Ассирия. — *ВТ.*), я превратил эту враждебную страну в груды развалин. Ассириец, который с давних времен управлял всеми народами и своим тяжким игом причинял вред народу Страны, его ногу от Аккада я повернул назад, его яро я ниспроверг.

Итак, Ассирия пала. Ассирийцы смешались с другими племенами и народами, а их язык исчез. В настоящее время их потомками называют лишь одну небольшую народность — айсоров, говорящих на сильно искаженном арамейском языке. Их численность не превышает 200 тысяч человек, и 22 тысячи из них живет на территории бывшего СССР.

За перечнем политических событий и бесконечных войн, с их неизбежными жестокостью и насилием, у читателя может невольно сложиться совершенно неверное, искаженное представление об Ассирии, ее народе, ее культуре. Поэтому ниже дается краткий обзор нескольких, наиболее хорошо известных сторон ассирийской цивилизации: *государство*, *армия* и *искусство*. Поступая таким образом, я очень надеюсь, что мне удастся опровергнуть то широко распространенное и абсолютно ложное впечатление (а оно и сложилось как раз после прочтения летописных сообщений о бесконечных войнах), что ассирийцы — это нация кровожадных головорезов, возглавляемых жестокими тиранами, пораженными гипертрофированной манией величия. Хочу со всей ответственностью подчеркнуть, что в действительности это был великий народ эпохи древности и к тому же один из наиболее цивилизованных народов того времени.

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Ассирийское государство

«Великий царь, могучий царь, царь Вселенной, царь страны Ашшура» — человек, который сидел на троне ассирийских владык, воплощал в себе всю энергию и силу хотя и небольшого, но гордого народа и исполнял при этом самые высокие религиозные, военные и управленческие функции. Чиновники, которые помогали ему, губернаторы провинций, которые повиновались его приказам, послы, которые передавали иностранным правителям его послания, были не министрами при особе царя, а просто его слугами. Во многих отношениях ассирийский царь мог бы, подобно Людовику XV, сказать о себе: «Государство — это я!» Однако следует помнить и о том, что первоначальный принцип происхождения царской власти по божественному выбору существовал в Месопотамии на протяжении более чем 23 столетий. И в теории властитель Ассирии был лишь человеком, выбранным из числа других людей, чтобы действовать от имени богов для блага общества. Царь был земным представителем и орудием верховного бога Ашшура, точно так же как *энси* Гудеа из Лагаша был представителем и орудием бога Нингирсу. Показательно, что все ранние правители Ассирии до XVII в. до н.э. называли себя *«ишаккум* (равнозначно *энси*) бога Ашшура».

Но и принцип божественного выбора не смог серьезно поколебать строго наследственного характера верховной власти в ассирийской монархии. Царствующий правитель выбирал наследника среди своих сыновей, и того должны были принять другие члены царской семьи, придворные, знать и вассальные владыки. Соответственно, предполагалось, что бог Ашшур тоже должен одобрить выбор царя, а боги Син (бог Луны) и Шамаш (бог Солнца), с которыми консультировались с помощью оракула, провозглашали: «Воистину, он есть наш выбор!» Но мы знаем, что это была лишь простая формальность. Быть сыном царя уже означало иметь реальное право на царскую корону.

После своего избрания принц-наследник покидал отцовский дворец и направлялся в «Дом Престолонаследия», расположенный в нескольких километрах вверх по течению Тигра от Ниневии. Там его тщательно готовили для выполнения царских функций и давали ему важные военные и административные должности. Некоторые принцы получили очень хорошее образование. Например, уже упоминавшийся Ашшурбанапал.

Когда царь умирал, то он оплакивался всей Ассирией и его погребали не в Ниневии или Кальху, а в древнейшей столице государства — городе Ашшуре. Там найдены пять тяжелых каменных саркофагов, которые некогда хранили в себе тела Ашшур-бел-кала, Ашшурназирпала, Шамши-Адада V и, возможно, Синаххериба и жены Асархаддона - Эшархамат, но они были ограблены еще в древности, и их нашли в сводчатых камерах под фундаментом царского дворца.

ЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Коронация следовала после царских похорон и происходила в том же самом городе. Это была простая церемония. Несомый на легком троне и предшествуемый жрецом, который восклицал: «Ашшур есть царь! Ашшур есть царь!», кронпринц отправлялся в Экур, храм национального бога. Он входил в святилище, преподносил богу золотую чашу с маслом и богато украшенную одежду. Его приветствовал верховный жрец, который вручал ему царские инсигнии — «*корону Ашшура и скипетр Нинлиль*» — и произносил такие слова:

Диадема на твою голову — могут Ашшур и Нинлиль, господа диадемы, возложить ее на тебя на сто лет.
Твоя нога в Экуре и твоя рука протянулась в Ашшуру, твоему богу — да будут они благословенны...

С этим прямым скипетром сделай эту страну еще больше.

Да обеспечит Ашшур тебе быстрое удовлетворение, мир и справедливость!

Новый царь следовал затем во дворец. Знать и сановники выражали ему там повиновение и демонстрировали свои должностные знаки. Однако это был чисто символический жест, так как они назначались на свои посты заранее. Мы можем также с уверенностью предположить, что за этой церемонией следовало всеобщее пиршество.

Царь Ассирии управлял во многом так же, как и все месопотамские монархи, хотя государственные документы предполагают, что местным властям предоставлялось больше инициативы, чем, например, во времена Хаммурапи. День за днем царь получал информацию о всех важных делах, происходящих в империи и в зарубежных странах; он отдавал приказы и советы, назначал администраторов, разбирал жалобы, принимал высших чиновников и иностранных послов и осуществлял грандиозную переписку с помощью целой армии писцов.

Как верховный главнокомандующий царь разрабатывал планы военных кампаний, инспектировал войска и часто лично проводил военные операции. Вне полей сражений он демонстрировал свою храбрость и умение путем охоты на диких зверей.

Официальная работа, приемы, охота — эти виды деятельности сопоставимы с теми, что осуществляют и современные главы государств, но царь Ассирии был также жрецом и, как таковой, рабом сложной системы магически-религиозных обрядов, которые отнимали у него много времени. Как первый слуга богов и глава духовенства, он следил за тем, чтобы строились и поддерживались в порядке храмы, назначал некоторых жрецов и играл активную роль в главных религиозных церемониях Ассирии и Вавилонии, таких как праздник Новой Луны или Новогодний праздник, так же как и в некоторых ритуалах, которые, видимо, были специально предписаны именно ему, в особенности *такулту* («судальный») ритуал — пиршество, устраиваемое для всех богов в обмен на их протекцию. Как представитель своего народа царь выступал в роли гаранта стабильности и процветания. Но он же становился и «козлом отпущения», отвечающим перед богами за все грехи общины. Он должен был подвергаться приуроченным к определенным событиям операциям — быстрому ритуальному бритью и другим унижениям, а когда знамения были безнадежно плохими для Ассирии, он избегал смерти только благодаря приему с «заменителем царя». Письмо, написанное во время царствования Ашшурба-напала, намекает на подобную ситуацию: некий Дамки, сын управляющего Аккада, был избран по пророчеству жреца, находящегося в трансе, в качестве такого «заменителя царя»: ему дали в жены придворную даму и после короткого «царствования» казнили вместе с супругой. Это был исключительный, но крайне редкий ответ на широко распространенное в народе поверье. Месопотамцы верили, что боги выражают свою волю многими способами, и постоянно следили за всякого рода знаками и предзнаменованиями. Наблюдение за движением звезд и планет, интерпретация снов и явлений природы, изучение конфигурации печени принесенной в жертву овцы, полета птиц, рождения уродов, поведения капель масла, брошенного в воду, или формы пламени, — гадание в Ассирии было весьма развитой и официальной «наукой».

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

богов в обмен на их протекцию. Как представитель своего народа царь выступал в роли гаранта стабильности и процветания. Но он же становился и «козлом отпущения», отвечающим перед богами за все грехи общины. Он должен был подвергаться приуроченным к определенным событиям операциям — быстрому ритуальному бритью и другим унижениям, а когда знамения были безнадежно плохими для Ассирии, он избегал смерти только благодаря приему с «заменителем царя». Письмо, написанное во время царствования Ашшурба-напала, намекает на подобную ситуацию: некий Дамки, сын управляющего Аккада, был избран по пророчеству жреца, находящегося в трансе, в качестве такого «заменителя царя»: ему дали в жены придворную даму и после короткого «царствования» казнили вместе с супругой. Это был исключительный, но крайне редкий ответ на широко распространенное в народе поверье. Месопотамцы верили, что боги выражают свою волю многими способами, и постоянно следили за всякого рода знаками и предзнаменованиями. Наблюдение за движением звезд и планет, интерпретация снов и явлений природы, изучение конфигурации печени принесенной в жертву овцы, полета птиц, рождения уродов, поведения капель масла, брошенного в воду, или формы пламени, — гадание в Ассирии было весьма развитой и официальной «наукой».

Царь в нужное время предупреждался, устно или с помощью письма, о благоприятных и неблагоприятных знамениях, и ни одно важное решение не принималось без предварительной консультации со жрецами-бару (гадателями) или с царскими астрологами. Приведу лишь один пример, взятый из царской корреспонденции. Бел-ушезиб пишет Асархаддону:

Когда звезда засияет подобно факелу на восходе солнца и на закате постепенно исчезнет, вражеская армия нападет всей силой.

Когда южный ветер внезапно поднимется и, поднявшись, будет продолжаться и превратится в бурю, а из бури перейдет в ураган — день разрушения — правитель, в какой бы поход он ни направлялся, получит богатство.

Однако было бы ошибочным думать, что внутренняя и внешняя политика Ассирии строилась только на суеверии, поскольку все мы знаем, что ее история несет на себе печать реализма.

Астрологи и гадатели давали царю лишь самые общие советы, в пределах которых он был волен

«делать так, как он пожелает».

Теоретически абсолютный монарх, царь не мог ни царствовать, ни управлять без согласия и поддержки ассирийской аристократии — *мар банути* («сыновей мироздания»). Именно им представлял монарх своего наследника, и примут они его или нет, зависело от внутреннего мира в царстве. Например, восстания, которые последовали за царствованиями Салманасара III и Синаххериба, были в значительной мере обусловлены тем, что некоторые сановники поддерживали не принца-наследника, а другого кандидата.

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Генералы, верховные жрецы и провинциальные губернаторы, назначаемые царем, происходили исключительно из верхнего класса общества и от их лояльности к трону зависели прочность империи и регулярное функционирование ее правительства.

Ассирийская армия

Созываемая каждый год в течение многих столетий, перебрасываемая от увенчанных снегами гор Армении и Ирана до болот Персидского залива и горячих песков Египта, неутомимая и почти всегда победоносная армия была главным инструментом для демонстрации ассирийского могущества. Секрет ее успеха, как и македонской фаланги и римского легиона, заключался в качестве войск, превосходстве вооружения и твердости дисциплины.

Первоначально ассирийская армия набиралась из крестьян Северного Ирака, прирожденных воинов, сочетавших храбрость бедуина со стойкостью земледельца и выносливостью горца. Когда театр военных действий расширился, а враг стал сильнее, Тиглатпаласар III создал постоянную армию, состоящую в основном из войск, набираемых в периферийных районах империи провинциальными губернаторами: кавалеристов из Ирана и арамейских поселений Вавилонии, погонщиков верблюдов из Аравии, пехотинцев из Анатолии и Сиро-Палестины. Некоторые племена освобождались от налогов в обмен на регулярную службу в армии. Свободные мужчины Ассирии все еще могли быть призваны в случае необходимости, но многие из них могли послать в качестве замены раба или дать плату за свое неучастие. Позднее вассальные страны стали предоставлять значительные контингенты, а группы мидян, киммерийцев и скифов, привлекаемые перспективами богатой добычи, присоединялись к ассирийской армии в качестве наемников во все возрастающем числе. При Асархаддоне и Ашшурбананале армия потеряла большую часть своей стойкости и решительности. Это частично может объяснить быстроту и очевидную легкость, с которыми она была в конце концов разбита.

Несмотря на обилие военных хроник, которые сохранились до наших дней, мы удивительно мало знаем о величине, организации и тактических приемах армии. Количество солдат, задействованных в кампании, дается очень редко: Ашшурбананал однажды упомянул о 50 000 человек; в битве у Каркара Салманасар III вывел в поле 120 000 человек против 70 000 вражеских войск.

Существует несколько лакун в наших знаниях о военной иерархии: от *туртану* и *раб шаке* (который часто действовал как его офицер) мы почти сразу переходим к «капитанам семидесяти» и «капитанам пятидесяти». Однако мы знаем, что существовали, например, различные градации среди офице-

374

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМ!

ров кавалерии, а личная гвардия царя, «кинжал оносцы» и другие подразделения, имели своих собственных «полковников». Сражения неизменно описываются в неопределенной форме, хотя и в красочных выражениях, так что нам ничего не известно о применявшейся тактике, и только в редких случаях мы находим упоминания о засадах и внезапных атаках.

Нашим главным источником информации остаются бесчисленные сцены войны, высеченные на каменных плитах дворцов в Нимруде, Хорсабаде и Ниневии или оттиснутые на бронзовых воротах Балавата. Изображенные пехотинцы делятся на две категории: легкая пехота (лучники и пращники) и тяжелая пехота (копейщики). Легкие пехотинцы были одеты в короткие туники и не имели защитного вооружения, в то время как копейщики были защищены железными панцирями и круглым или овальным щитом, иногда выше человеческого роста. Пращники, как правило, ходили с непокрытыми головами, но лучники и копейщики носили высокие конические шлемы из металла. Кроме своего основного отличительного оружия большинство пехотинцев имело короткий меч, кинжал или булаву. Все они, по крайней мере с времен Тиглат-паласара III, имели полуботинки, зашнурованные спереди. Кавалеристы носили похожую «униформу» и были вооружены небольшим луком или длинным копьем. Они ездили без седла и стремян, но в поздние Саргонидские времена лошадей стали защищать доспехами, так что всадники и лошади походили

на средневековых рыцарей. Третья категория воинов сражалась на легких двухколесных колесницах, в которые были запряжены две или три лошади; на каждой колеснице сидело по три-четыре человека: возница, один или два лучника и два щитоносца. Крытые повозки, нагруженные припасами и амуницией, следовали за армией в каждом походе. Реки форсировались или на обычных лодках, или на тростниковых лодках, обмазанных битумом (арабская *куфа*, все еще используемая на Верхнем Тигре), или на надутых воздухом козьих шкурах.

Одним из главных преимуществ ассирийской армии было ее снаряжение для успешной осады городов. Многие города, особенно в Армении и Сирии, были сильно укреплены, и, чтобы захватить их, требовались невероятные усилия. Но армия имела корпус инженеров, которые засыпали рвы, насыпали земляные валы против укреплений и копали туннели, в то время как осаждающие (идушие на штурм) пускали стрелы из постоянных или передвижных деревянных башен, пробивали бреши в слабых точках, воротах или стенах с помощью огромных таранов и продвигались вперед под прикрытием больших щитов. Осажденный враг пытался сопротивляться, бросая вниз горящее масло и факелы на осадные машины или подцепляя цепями тараны. Решающий штурм осуществлялся через проломы или с помощью приставных лестниц. После того как город был взят и ограблен, а его обитатели уничтожены или уведены

*Илл. 129. Охота на львов царя Ашшурбанапала.
Рельеф из Ниневии*

в плен, его либо сжигали, лишали стен и разрушали дотла, либо укрепляли заново — это зависело от стратегических интересов Ассирии.

Война была предметом огромной гордости ассирийских монархов, официальные скульпторы изображали ее во всех многочисленных аспектах и с изобилием деталей. Сотни рельефов изображают солдат, марширующих на парадах, сражающихся, убивающих, грабящих, ломающих стены городов и

сопровождающих пленных. В этой серии военных хроник в картинках, не имеющей себе равных в любой другой стране мира, среди этой монотонной демонстрации ужасов особняком стоят некоторые рельефы, которые не имеют параллелей в надписях и показывают солдат на отдыхе, в их лагерях или в палатках, чистящих лошадей, режущих скот, готовящих пищу, едящих, пьющих, играющих в разные игры и танцующих.

Ассирийское искусство

Ассирийская армия исчезла, разбитая и уничтоженная в великой катастрофе 612-609 гг. до н.э., но памятники монументального ассирийского искусства уцелели, и их качество впечатляет не менее, чем количество.

С тех пор как колоссы из камня, «ледяные глаза которых созерцали Ниневию», впервые достигли Европы более 150 лет назад, слова «ассирийское искусство» применялись по отношению к скульптуре и, особенно, к барельефам. Круглая скульптура представлена на берегах Тигра в I тыс. до н.э. довольно плохо. По неизвестной причине столичные города Ассирии имели очень мало статуй, и лучшие из них — такие как статуя Ашшурназирпала в Британском музее — являются условными, безжизненными и стоят во многих отношениях ниже, чем работы нео-шумерских мастеров. Барельефы, напротив, всегда интересны, часто достигают реальной красоты и, несомненно, представляют «величайшее и наиболее оригинальное достижение ассирийцев».

Техника барельефа почти так же стара, как и сама Месопотамия, но в течение долгого времени ее применяли лишь на стенах, устанавливаемых в храмах. Она впервые нашла свое воплощение на «охотничьей стеле» Варки (Урук Протописьменного периода) и применялась на таких скульптурных шедеврах, как «Стела Коршунов» Эаннатума и «Стела Победы» Нарам-суэ-на. Ассирийцы сначала следовали религиозной традиции (например, бог Аш-шур как бог растительности в Берлинском музее), но вскоре отошли от нее, чтобы сконцентрироваться на изображениях царя. Имперские стелы, обычно устанавливаемые в завоеванных странах, чтобы увековечить ассирийские победы, являются наилучшими произведениями искусства, вероятно, более примечательными благодаря их исторической значимости, нежели качеству их исполнения. Барельефы вырезались на каменных плитах, что было,

вероятно,

377

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

иноземным изобретением и происходит, по-видимому, из Анатолии, от хеттов, которые еще во II тыс. до н.э. украшали стены своих дворцов «ортоста-тами». В холмах своей собственной страны ассирийцы в изобилии нашли известняк, довольно пористый и хрупкий, но подходивший для многих целей материал.

Они располагали неограниченной рабочей силой, чтобы добывать и транспортировать блоки камня, а также великолепными художниками, чтобы рисовать сюжеты, и искусными ремесленниками, чтобы работать резцом. Они восприняли хеттское изобретение и возвели его на небывалую высоту. Гигантские, но почти живые крылатые человекобыки и человекольвы охраняли ворота дворцов и казались выходящими из них. Они были сделаны с гармоничным равновесием между их массой и точностью изображения мельчайших деталей и являются поистине уникальными произведениями.

Плиты, вырезанные в низком рельефе, обрамляли комнаты и коридоры, плотно прилегая к стенам. Изображения на них великолепны и динамичны (особенно животные).

В то время как невозможно дать даже краткий анализ ассирийских барельефов, мы хотели бы подчеркнуть специфику этой формы искусства, которая отделяет ее от сходных произведений древнего Ближнего Востока.

Все монументы Месопотамии имели только религиозное назначение и вращались всегда только вокруг богов. В ассирийской же скульптуре центральным субъектом является обычно царь — не как сверхъестественное существо (по своему облику и размерам, вроде бога-царя египетских барельефов), а как вполне земной, хотя и господствующий, доблестный монарх. Царь изображается шествующим, охотящимся, отдыхающим, принимающим знаки почитания или дань или возглавляющим свою армию на войне, но он практически никогда не показан совершающим свои жреческие функции.

Поскольку царская власть в Ассирии была так же тесно связана с религией, как и в Шумере и Вавилонии, то есть только одно возможное объяснение: скульптурные плиты, которые украшали царские дворцы, были формой политической пропаганды; повествовательные и декоративные, они предназначались не для того, чтобы ублажать или удовлетворять богов, а для возбуждения уважения, восхищения и страха перед царем. С общей точки зрения, работа ассирийских скульпторов представляется первой попыткой «гуманизации» произведений искусства и освобождения их от магического или религиозного смысла, унаследованного от доисторических

времен.

Илл. 130. Корова с теленком. Пластинка из слоновой кости.

Нимруд. 720 г. до н.э.

378

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Известно, что некоторые статуи и барельефы раскрашивались. Яркие окрашенные глазурованные кирпичи, несущие на себе орнаментальные или сюжетные мотивы, использовались в храмах и дворцах, образуя переход между рельефами и фресками. Настенные росписи украшали стены большинства, если не всех, официальных зданий и многих частных домов. Поскольку краска накладывалась на хрупкую штукатурку, она обычно исчезала, но в Хорсабаде, Ним-руде и Телль-Ахмаре (Тиль-Барсип) большие фрагменты фресок были скопированы *in situ* или удалены и вывезены в музеи. Фрески варьировали в зависимости от размеров и функции помещения от простых фризов геометрических узоров до вычурных панелей, покрывающих большую часть стен и комбинирующих цветочные мотивы, животных, сцены войны и охотничьи сюжеты.

По образцам обнаруженных ассирийских росписей можно заключить, что они отнюдь не хуже ассирийской скульптуры, а фрески Телль-Ахмара демонстрируют большую свободу экспрессии, а также высокое качество исполнения.

Ассирийцы были большими специалистами по металлообработке. Они оставили нам очень хорошие образцы бронзовых, золотых и серебряных блюд, сосудов и разного рода украшений. Их рабыни, работавшие в царских мастерских, ткали ковры со сложными узорами. Их резчики по камню, в противовес скульпторам, предпочитали традиционные религиозные и мифологические мотивы светским сюжетам, и нео-ассирийские цилиндрические печати, вырезанные с тонким искусством и тщательностью, демонстрируют холодную, хотя часто и потрясающую, красоту. Но среди так называемых малых видов искусства самое почетное место должно быть отдано изделиям из слоновой кости, найденным в Ассирии.

Известное в Месопотамии в Раннединастические времена искусство обработки слоновой кости пришло в упадок, чтобы возродиться в середине II тыс. до н.э. под египетским влиянием в Палестине (Лахиш, Мегиддо) и на средиземноморском побережье (Угарит). Процветание финикийских городов, израильского царства и арамейских государств Сирии и их интенсивные торговые связи с Египтом (который снабжал их сырьем) объясняют необычайное развитие этой формы искусства не только в Сирии и Палестине (Самария, Хама), но также и в Ассирии, Иране (Зивийе) и Армении в начале I тыс. до н.э. Нет никаких сомнений в том, что большинство изделий из слоновой кости, открытых в Ашшуре, Хорсабаде и, особенно, в Нимруде — богатейшем из всех мест, были получены в виде дани или взяты в качестве добычи в западных районах империи. Но ряд вещей — чисто ассирийских по стилю и содержанию — должны были быть сделаны в ассирийских мастерских, хотя и трудно решить,

Илл. 131. «Мона Лиза» из Нимруда. Слоновая кость. 720 г. до н.э. 380

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

изготовлены ли они иноземными (и, видимо, пленными) ремесленниками из Сирии и Финикии или же самими месопотамцами.

Применяемая для отделки кресел, тронов, кроватей, ширм и дверей или же оформленная в виде ящичков, чаш, ваз, ложек, булавок, гребней и ручек слоновая кость обрабатывалась различными способами: гравировкой, рельефной скульптурой; или инкрустировалась полудрагоценными камнями и золотом.

Не менее замечательно и разнообразие мотивов. Помимо чисто египетских сюжетов, таких как рождение Гора или богиня Хатхор, там есть коровы, олень и грифоны, специфически финикийские по стилю, сражающиеся звери, герои с дикими животными, обнаженные женщины или богини, охотничьи сцены и процессии, которые эксперты считают частью сирийскими, частью месопотамскими. Немногие образцы изображают чопорную фигуру «могущественного царя Ашшура», одного или в сопровождении своих солдат. Но зато, например, улыбающиеся женщины («Мона Лиза» из Нимруда), веселые музыканты и танцоры, спокойные загадочные сфинксы, коровы, лижущие своих телят, просто великолепны. Сделаны ли они в Ассирии или нет, изделия из слоновой кости проливают свет и на вкусы их хозяев. Они ясно свидетельствуют, что ассирийцы были чувствительны к изяществу и красоте, точно так же как их многочисленные библиотеки из клинописных глиняных табличек подтверждают их стремление к знаниям.

Писыи Ниневи

В 1849 г. сэр Генри Лэйрд, пионер британской археологии в Ираке, раскапывая дворец Синаххериба в Ниневии, обнаружил «два больших помещения, в которых вся площадь (все

пространство) была завалена (заполнена) на 30 или более сантиметров табличками». Три года спустя помощник Лэйярда, Ормуз Рассэм, совершил аналогичное открытие на том же самом холме Куйюнджик, во дворце внука Синаххериба — Ашшурбанапала. В целом более чем 25 000 табличек и их фрагментов были собраны там и отправлены в Британский музей, где они образовали богатейшую в мире коллекцию подобного рода. При их изучении было установлено, что «библиотека Ашшурбанапала» может быть разделена на две части: с одной стороны, «архивные документы», такие как письма, договоры, надписи хозяйственного и исторического содержания; с другой стороны, это собственно «библиотечные документы», состоящие из литературных, религиозных и научных композиций. Они образуют наиболее важную часть царской коллекции, а их интерес еще более увеличивается тем, что многие из них представляют собой копии древних шумерских и вавилонских табличек, сделанных в Ниневии по запросу царя. Несколько писем, сохранившихся

382

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

в царской корреспонденции, также содержат сведения о том, что цари Ассирии заботились о культуре и организовывали широкое изучение древних надписей, особенно из высокоцивилизованных стран Шумера и Аккада.

Когда вы получите это письмо, — пишет Ашшурбанапал некоему Шадуне, — возьмите с собой этих трех человек [их имена следуют далее] и знающих (образованных. — В.Г.) людей из Барсиппы и разыщите все таблички, все те, что находятся в их домах, и все те, что положены в храм Эзиды (Ezida)... Отыскивайте ценные таблички, которые есть в ваших архивах и которых нет в Ассирии, и пошлите их мне. Я написал об этом чиновникам и смотрителям... и ни один из них не укроет табличку от тебя; и когда вы увидите какую-нибудь табличку, о которой я вам не писал, но которая, как вы установите, может пригодиться для моего дворца, разыщите их, заберите и пришлите мне.

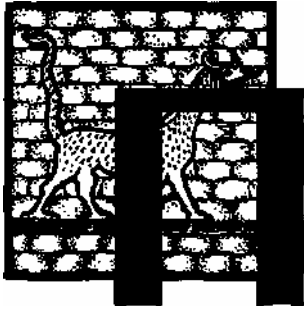
Царские дворцы были не единственными местами, где находились ценные таблички. Все столичные города и главные провинциальные города Ассирии имели храмовые библиотеки и даже, вероятно, частные библиотеки. Значительными собраниями текстов располагали Ашшур и Нимруд, а англо-турецкие раскопки в Султан-Тепе, близ Харрана, выявили богатейшую коллекцию литературных и религиозных текстов, принадлежавших жрецу бога Луны Сина по имени Курди-Нергал и включавших, кроме таких хорошо известных произведений, как «Эпос о Гильгамеше», «Легенда о Нарам-суэне» и «Повесть о страдальце-праведнике», многие другие шедевры литературы — наподобие «Рассказа бедного человека из Ниппура», которые прежде были неизвестны.

Когда древние таблички доставлялись в Ассирию, их хранили в первоначальном виде или же с них снимали копии с помощью мелкого и изящного клинописного письма, характерного для данного периода. Многие тексты были частично или полностью переписаны и приспособлены к моде дня, но другие копировались один к одному с оригиналом, и часто случалось так, что писец оставлял пустоты вместо слов и предложений, которые на официальной табличке были разрушены, и, добавляя свои собственные комментарии, писал на краю таблички *ул иду* — «Я не понимаю» или *хену лабиру* — «Старое повреждение». Иногда писец не выражал свой стиль в глине, а отражал его в воске, наложенном на дощечки из дерева или слоновой кости, скрепленные друг с другом с помощью металлических петель. В 1953 г. ряд таких дощечек с письменами был открыт в Нимруде в колодце, куда их бросили во время захвата города врагом. В то время как административные и коммерческие документы обычно хранили в глиняных сосудах или корзинах, библиотечные таблички, по-видимому, клали на полки, но поскольку их всегда находили разбросанными на полу разрушенных зданий, крайне трудно понять метод классификации в таких библиотеках. Однако мы знаем, что таблички одной и той же серии

ГЛАВА 12. АССИРИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

были пронумерованы или заканчивались на специальной линии, оглашающей первое изречение следующей таблички. Например, табличка III «Энума элиш» (эпоса о сотворении мира) заканчивается фразой: «Они основали для него царское помещение»; с этой же фразы начинается и повествование таблички IV. Табличка XI ассирийской версии «Гильгамеша» имела такой конец: «Табличка XI из „Он, кто видел все сущее“ (из серии о Гильгамеше); написанная согласно оригиналу и отредактированная. Дворец Ашшурбанапала, царя Вселенной, царя Ассирии». Та забота, с которой эти письменные реликвии прошлого были собраны, и тщание, с которым они сохранялись, делает честь не только писцам, но и царям — их господам. Парадоксально, что именно ассирийцы — люди, которые произвели в мире так много разрушений, спасли для человечества огромную часть духовных сокровищ Шумера, Аккада, Вавилона и их собственной страны.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

о первоначальному замыслу, в полном соответствии с существующими в историографии традициями, я хотел завершить эту книгу коротким заключением, где были бы подведены общие итоги изучения более чем 7000-летней истории Месопотамии. Но драматические события последних 12 лет (американо-иракские войны 1991 и 2003 гг.) заставили меня отказаться от прежнего намерения и совершенно по-новому построить эту заключительную главу работы. Прежде всего, меня до глубины души возмутил общий настрой западной (и особенно американской) прессы, которая постоянно внушала тезис о том, что иракский народ — это темная, забитая масса, покорно несущая ярмо деспотичного режима Саддама Хуссейна. После неожиданно быстрой победы тон репортажей журналистов и передач телевидения несколько сменился, но и теперь иракцы предстают перед нами либо как грабители и мародеры, либо как фанатики-мусульмане, действующие в духе пугающих нас шиитских праздников — самоистязаний беснующейся толпы в сотни тысяч человек.

И это не удивительно. Мы хорошо знаем, чьи социальные заказы выполняют упомянутые «акулы пера» и кто щедро оплачивает (и, соответственно, заказывает) пропагандистскую «музыку». Меня очень удивляет та смелость (можно сказать — самоуверенность), с которой и наши, и зарубежные журналисты берутся судить о такой сложной стране, как Ирак, с его многонациональным

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
населением (арабы, курды, айсоры и т. д.), пробыв в жаркой Месопотамии всего одну-две недели и совершив несколько коротких вылазок в «глубинку» на современных джипах с кондиционерами из фешенебельных отелей Багдада.

Надо достаточно долго пожить в стране и поработать бок о бок с ее людьми, чтобы правильно понять их характер, настроения и чаяния. Я думаю, что мое многолетнее пребывание в Ираке в качестве сотрудника археологической экспедиции Академии Наук СССР (12 лет, по три месяца каждый год, 1969-1980 гг.) дает мне право высказать свое мнение об иракцах.

Есть и еще один важный вопрос — наличие надежной информации о богатом прошлом Месопотамии и о том, как эта информация используется (или не используется) сейчас в СМИ и в научно-популярных изданиях. На эти размышления навела меня не так давно услышанная по радио «Эхо Москвы» передача, посвященная древнему и современному Ираку. Выступали две дамы, снявшие незадолго до последней войны телефильм. Для этого им понадобилось что-то около двух или трех недель. И поскольку обстановка в стране была уже тогда напряженной и предгрозовой, то, вполне естественно, им пришлось столкнуться с определенными трудностями при съемках своего фильма. Меня поразили в этом радиовыступлении две вещи. Во-первых, дамы даже в своем устном рассказе о древней истории страны сделали ряд грубых фактических ошибок. Следовательно, их предварительное знакомство с объектом будущих съемок оказалось никудышным и нужную информацию они так и не смогли (или не захотели) получить. Во-вторых, ничтоже сумняшеся они заявили, что в России (и в СССР) никогда не было крупных исследователей прошлого Ирака и российские ученые в Месопотамии до сих пор не бывали. Таким образом, получалось, будто бы обе наши отважные путешественницы — подлинные первопроходцы в области освещения богатейшей истории Месопотамии; или, во всяком случае, они такие первопроходцы в нашей стране. Вот уж воистину: «Нет пророка в Отечестве своем!» А как же быть с нашей всемирно известной научной школой востоковедения, корни которой уходят еще в XIX век? Да и археологи России, как известно, внесли свой заметный вклад в дело изучения месопотамской истории.

Какова же судьба древностей Ирака сейчас, после ожесточенных бомбардировок, обстрелов и вакханалии грабежей главных археологических музеев страны в Багдаде и Мосуле? Но сначала я хочу рассказать о людях Ирака современного (или точнее — «довоенного», то есть до ирано-иракской войны 1980-1989 гг. и американо-иракских кампаний 1991 и 2003 гг.). Речь пойдет о встречах с представителями самых разных слоев иракского общества — от рафинированной

интеллигенции и высших правительственных чиновников и до простых (часто даже неграмотных) крестьян-феллахов из городков и деревушек северо-западного Ирака — во время пребывания в стране нашей археологической экспедиции.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНА

Синджарские встречи

Работа, бесспорно, занимала основную часть нашего времени в экспедиции. Но думать, будто мы только и делали, что сидели на своих раскопах, чертили длинные полотнища чертежей на миллиметровой бумаге и раскладывали на склонах теллей древние черепки для сортировки, — значит глубоко заблуждаться. Повседневная жизнь постоянно и властно вторгалась и в наш археологический заповедник. Вокруг нас на различном удалении располагалось несколько глинобитных деревушек: Кызыл-Махраб, Кызыл-Куйюк, Харабд-жаш. Для удобства некоторые из них мы называли по именам наиболее выдающихся (конечно, с нашей точки зрения) их жителей — «хутор Хасана» (по имени нашего рабочего Хасана) или «хутор Мудамина» (по имени нашего сторожа Мухаммеда Эмина). До ближайшего селения от лагеря экспедиции было километра полтора. Особенно красиво выглядела округа Ярым-тепе по вечерам, когда темнело и во всех окрестных селениях загорались огни люксов — специальных керосиновых ламп с очень ярким светом — или электрических лампочек. Короткие и длинные — в зависимости от размеров селения — цепочки огней соперничали по яркости с блеском крупных южных звезд. Но все это призрачное свечение не шло ни в какое сравнение с мощной иллюминацией ночного Телль-Афара, заполняющей почти целиком восточную часть горизонта.

Стоит ли удивляться, что наше появление в Ярым-тепе стало для местных жителей настоящей сенсацией. Здесь было и здоровое любопытство аборигенов по отношению к экзотичным иностранцам с далекого Севера, и вполне практический расчет — нельзя ли как-нибудь подзаработать на этих странных пришельцах, например что-нибудь продать. Хорошей работы не было, а крестьяне очень нуждались в деньгах. Поэтому за сравнительно небольшую (по нашим представлениям) плату они охотно шли к нам на раскопки. Еще бы: и от дома недалеко, и работа не такая уж трудная, и деньги неплохие за два месяца можно получить.

Надо сказать, что в большинстве своем местные туркмены жили небогато: голодать не голодали, но и достатка особого не имели. Они были мелкими землевладельцами, в каждой деревушке обитала одна или несколько больших родственных семей. Мужчины — главы семейных пар — владели наделами земли, являвшимся почти единственным источником существования для них и их домочадцев. Обычно кто-нибудь из родственников побогаче имел в селении свою машину (полугрузовой пикап, или грузовик, или же трактор). И весь сельскохозяйственный цикл выглядел здесь до удивления просто. Владелец надела с зимы, с начала сезона дождей, договаривался с владельцем трактора о пахоте и севе, обещая отдать за работу столько-то мешков пшеницы или ячменя.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

К чести местных «механизаторов», свои обязанности они выполняли очень умело и споро — как пишут в наших газетах, проводили пахоту «в предельно сжатые сроки». Дальше крестьянин взывал к милости Аллаха, моля его ниспослать на поля дождь и вовремя, и в нужном количестве. Та часть синджар-ской степи, которая прилегает к предгорьям, обычно получает зимой и весной столько естественных осадков, сколько необходимо для сбора приличного урожая зерновых. Правда, раз в несколько лет случается засуха, все посеы выгорают и собирать практически нечего. Жатву здесь также проводят обычно нанятые на стороне люди на своих комбайнах и машинах, получая свою долю урожая. Если год удачный и зерна получено много, владелец надела, расплатившись с долгами и оставив себе необходимые запасы, может продать остальное в городе и заработать какие-то деньги.

Обычно же крестьянин выполняет хозяйственные работы по дому, ходит на заработки на сторону, занимается заготовкой дров, выпасом скота, огородничеством (с помощью устройства простейших арыков, отведенных от ближайшего ручья) и т. д. Но основная тяжесть домашних забот ложится на плечи женщины: здесь и ежедневное приготовление пищи (особенно трудоемкий процесс — выпечка лепешек-чуреков), и стирка, и уход за детьми. Семьи, как правило, многодетные: в каждой шесть, восемь и даже десять детей. Поэтому уже к тридцати — тридцати пяти годам женщина, обремененная многочисленным потомством и тяжелым физическим трудом, выглядит настоящей старухой. По мусульманским обычаям, замужние женщины не должны появляться на виду у чужих мужчин, а тем более разговаривать с ними. Девочки-туркменки более свободны. Их можно часто встретить на деревенских улицах. Одетые в яркие платья и узкие длинные штаны

броских расцветок, часто с золотым шитьем и тесьмой, они выглядят очень нарядными. Мужчины, дочерна загорелые и поджарые, имеют весьма представительный вид. Среди них много людей с русыми волосами и голубыми глазами.

Как я уже говорил, у нас сложились прекрасные взаимоотношения с местными туркманами. Важным посредническим звеном между нами — археологами и местным населением — выступали иракские инспекторы (один, реже — два), которых на каждый полевой сезон направлял нам Директорат древностей Ирака. В задачи инспектора входило прежде всего оказание нам помощи во всех аспектах нашей научной деятельности в стране. Другая, не менее важная цель заключалась в том, чтобы следить за тем, насколько строго соблюдаем мы правила ведения раскопок, установленные для иностранцев. Обычно после первых же недель совместной экспедиционной жизни мы легко находили с ними общий язык, а часто и становились добрыми друзьями. Я хочу с благодарностью вспомнить здесь имена таких иракских инспекторов, как Исмаил Хаджара, Зухейр Раджаб, Ясин Рашид, Саллах Сальман аль-Гумури, Музахим

Илл. 132. Наш сторож Мухаммед Эмин

Илл. 133. Мой друг Хасан, рабочий экспедиции, а в прошлом — контрабандист

388

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Махмуд, Джорджисс Мухаммад и Сабах Аббуд. Они были нам хорошими помощниками, и я думаю, что от нас они почерпнули тоже немало полезного.

Каждую свободную минуту, каждый выходной день мы использовали для поездок по Синджарской долине, совмещая нашу природную любознательность с профессиональными интересами — необходимостью выявить все памятники древности вокруг Ярым-тепе. За эти годы мне довелось увидеть много интересного. Но я расскажу лишь о двух наиболее ярких, на мой взгляд, эпизодах — о поездке к бедуинам в Абу-Сенам и о посещении езидского городка Синджар.

В гостях у бедуинов

Хмурым апрельским утром 1979 г. мы сидели в лаборатории нашей экспедиционной базы и занимались каждый своим делом: кто доделывал незаконченный чертеж, кто зарисовывал в журнал описей новые находки, кто читал книгу. Была джума (пятница) — в мусульманских странах нерабочий, праздничный день. Из-за ненастья наши планы поехать куда-нибудь подальше на экскурсию явно откладывались, и мы без особого энтузиазма приступили к ликвидации изрядно накопившихся «хвостов» — не сделанной за недостатком времени старой работы.

Но часам к двенадцати дня дождь прекратился, тучи рассеялись, и пробившееся сквозь их серую пелену жаркое солнце принялось прилежно выпаривать с земли избытки влаги. Вдруг за окном нашего глинобитного дома мягко пророкотал автомобильный мотор и требовательно рывкнул голосистый клаксон. Нежданные гости? Кто это решился ехать в грязь и дождь в нашу ярым-скую глушь? Через мгновение мы высыпали за дверь и увидели солидного круглолицего господина в строгом черном костюме и белой рубашке с галстуком. Да это же наш старый знакомый и мой благодетель — доктор Мохаммед Такхи, житель Телль-Афара и главный врач местной больницы! Именно он помог мне благополучно выпутаться из одной неприятной истории в первый год моего пребывания в Ираке. Тогда, после благодатного климата Европейской России, я был еще совсем не готов к встрече с «тропиками» Синджарской долины. Неосторожно искупавшись в жаркий день в холодной воде Абры, я одновременно стал жертвой и простуды, и желудочной инфекции.

Температура быстро перевалила за 39 градусов. Сердце ныло и стучало, как перегретый автомобильный мотор. Да и сама окружающая обстановка отнюдь не улучшала настроения: вездесущая пыль покрывала лицо, кровать и спальный мешок. Она просачивалась внутрь палатки через хлопающий брезентовый полог оттуда, из раскаленного знойного дня... Все это вызвало у меня тогда чувство такой беспомощности и тоски, какого я еще никогда не испытывал. «Видимо, дело

Илл. 134. Пиршество у бедуинов. Слева — Р.М. Ас
начальник российской археологической экспедиции в
посередине — доктор Такхи из Телль

совсем худо», — думал я про себя, мысленно прощаясь навсегда и с далекой родиной, и с любимой семьей. Потом мне не раз приходилось видеть, как молодые и здоровые мужчины, впервые попадавшие на больничную койку, легко поддавались унынию и мгновенно превращались в беспомощных и капризных детей. Нечто подобное на тридцать третьем году жизни произошло и со мной. Не знаю, то ли действительно я был совсем нехорош, то ли вид мой казался таким жалким, но Рауф Магомедович — человек крайне сдержанный и терпеливый — вдруг поспешил в близлежащий Телль-Афар и привез с собой доктора Такхи.

390

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Он попросил меня раздеться до пояса, внимательно прослушал, осмотрел, затем повернул на живот и уверенной и твердой рукой ввел мне шприцем в мягкое место добрую порцию пенициллина и укрепляющих витаминов. Произведя это действие, он, как принято на Востоке, произнес заветные слова: «Алла керим» («Аллах милостив») и что-то еще, чего я не расслышал. Мои товарищи, под разными предлогами оставшиеся в палатке, с интересом наблюдали за происходящим. И надо сказать, укол доктора Такхи оказался для меня поистине чудодейственным. Температура сразу упала, меня прошиб обильный пот, и вскоре я глубоко уснул. Аналогичная процедура проделывалась еще дважды, для чего врачу ежедневно приходилось пылить по степи добрый десяток километров от города до Ярым-тепе и столько же обратно. Но зато через три дня я был абсолютно здоров, а доктор Такхи в глазах всех членов экспедиции стал как бы моим крестным отцом.

Об этом незначительном эпизоде было упомянуто в заметке о работах советских археологов в Ираке, опубликованной в «Правде». Вырезку из нашей газеты мы торжественно вручили на следующий год врачу, и он повесил ее под стеклом на стену своего приемного кабинета в Телль-Афаре. С тех пор он ежегодно посещал наш лагерь, но уже скорее как турист, с познавательными

целями — посмотреть раскопки и узнать новости.

Однако на этот раз доктор Такхи приехал в Ярым-тепе совсем с другой целью. Он торжественно пригласил всех членов экспедиции на праздничный обед в селение Абу-Сенам, расположенное километрах в сорока к юго-западу от лагеря, в самом сердце Синджарской степи — Эль-Джезиры. Пиршество, как потом выяснилось, давал глава местного арабского племени в честь доктора Такхи, успешно вылечившего от какой-то опасной болезни его племянника. Возможность побывать в гостях у бедуинов, хотя и испытавших на себе могучее влияние современной цивилизации, была слишком заманчивой, и мы без колебаний согласились.

Взрели моторы автомашин, и вот мы уже в пути. Впереди, на элегантном лимузине вольно, торжественно восседали доктор Такхи и наше руководство — Рауф Магомедович Мунчаев, Николай Яковлевич Мерперт и азербайджанский археолог Идеал Нариманов. А сзади, на некотором отдалении, бойко пылил по степи наш старенький джип с гордым именем «Алгабас» («идущий впереди» — тюрк.), в котором теснились «дохтуры» — Олег Большаков, Коля Бадер, Володя Башилов, Андрей Куза и я. За рулем, как обычно, сидел Миша в своем неизменном стареньком берете, когда-то темно-синем, а теперь выгоревшем под иракским солнцем почти до белизны.

Ярым-тепе и экспедиционный лагерь вскоре исчезли, скрытые клубами густой лёссовой пыли. Едем по раздольной, ровной как стол степи, кое-где покрытой редкими кустиками травы или распаханной и засеянной ячменем и

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕ

пшеницей. Душно. На зубах скрипит песок. Глаза и рты забиты пылью, так что и говорить ни о чем не хочется. Пересекаем сухое, довольно широкое русло ручья, и опять монотонное движение по голой равнине.

Абу-Сенам оказался довольно крупным селением, состоящим из глинобитных хижин и черных шерстяных шатров. Живут в нем арабы-бедуины, большую часть года кочующие по горам и долам со стадами своих овец. Машины подъехали к довольно внушительному каменному дому и остановились. У порога нас встретил шейх местного племени Ахмет — круглолицый и упитанный араб в полном парадном костюме — белоснежной тонкой куфии и черном, расшитым золотым галуном плаще. Но главным действующим лицом оказался его брат — Али, стройный, с живыми карими глазами, лет тридцати пяти. Именно он устраивал для нас пиршество, и именно его сына успешно вылечил доктор Такхи. Вокруг них толпилось множество других людей, видимо родственников и близких, а то и просто любопытствующих односельчан.

После довольно продолжительных, как это принято на Востоке, приветствий нас ввели в большую прямоугольную, но совершенно пустую комнату. Правда, вдоль стен с трех сторон были положены ковры, кошмы, циновки и низкие ковровые подушечки — сиденья для гостей и хозяев. Кое-как разместившись на этих непривычных для нас «стульях», мы стали с любопытством осматриваться. Справа у входа в помещение стояла низкая и вполне современная на вид плита, питаемая толстым газовым баллоном. Возле нее, сидя на корточках, священнодействовал араб в красной клетчатой куфии и в строгом темном костюме смешанного стиля — вполне европейском пиджаке и юбке до пят с разрезом на боку. Ему помогал быстроглазый шустрый мальчишка лет десяти-двенадцати. Кофейщик — кажется, его звали Камил — ловко манипулировал большими и малыми металлическими кофейниками, громко, но мелодично гремел огромным, с полметра длиной, медным пестом в медной же ступке, размалывая только что поджаренные кофейные зерна, убавлял и прибавлял язычки пламени в газовых горелках. Вот он поставил на огонь кофейник с водой и принялся еще усерднее звенеть пестом. Когда вода закипела, Камил осторожно насыпал туда молотый кофе, помешал его деревянной лопаточкой и снова поставил кофейник на огонь. Он дал кофейнику закипеть три раза. На завершающей стадии сложного кофейного ритуала он добавил в сосуд кардамон.

Наконец, все было готово, и нас поочередно стали обносить кофе. Подают его в небольшой фарфоровой чашке без ручки и наливают чуть-чуть, лишь на доньшке. Арабский кофе готовится без сахара. Это черная пахучая жидкость необычайной крепости, и воздействие ее на весь организм ощущаешь довольно быстро: появляется какая-то легкость и просветленность, сразу исчезают усталость и головная боль. Кофе, согласно бедуинским традициям, следует пить двумя-тремя глотками и не более трех чашечек.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Тем временем какие-то шустрые подростки под руководством мужчин застелили пол в центре большими пестрыми клеенками и поставили возле каждого гостя тарелки и стаканы, положили вилки и ложки. Стаканы предназначались отнюдь не для вина, а для холодной воды и *лебена* ~

кислого овечьего молока, разбавленного водой. Бедуины, как, впрочем, и большинство иракских крестьян, не употребляют алкоголя, считая питье крепких напитков большим грехом. Затем на нашем своеобразном столе появляются глубокие чашки и блюда с салатом из огурцов (*хьяр*) и помидоров (*томато*), кресс-салат (*хасс*), зеленый лук, плоские лепешки и различные острые подливки и приправы. Наконец, в дом торжественно вносится огромное плоское алюминиевое блюдо с горой отварного риса, обильно приправленного бараньим жиром, изюмом и специями. Поверх риса — разрубленная на куски туша целиком сваренного в котле молодого барашка. Первые, самые лакомые куски хозяин распределяет среди гостей. Конечно, можно есть и с помощью вилки и ложки. Но местный обычай требует, чтобы рис и мясо брали руками (вернее, только правой рукой) и щепотью отправляли в рот.

Далее, согласно ритуалу, свою долю получают наиболее уважаемые из местных мужей. Остатки риса и мяса отдают доедать мальчишкам. Прием завершается чаепитием: в маленькие стаканчики (типа наших стопок) из прозрачного стекла кладется ложка песка, наливается крепчайшей заварки чай и добавляется капля крутого кипятка. Очень сладко и очень крепко. Потом мы моем руки с мылом; один мальчик усердно поливает нам из резного медного кувшина над таким же тазом, а другой стоит наготове с мохнатым пестрым полотенцем на плече.

Поклонники сатаны

Ближе к середине полевого сезона, когда однообразная и тяжелая работа на раскопе порядком надоедала и становилась не в радость, мы с нетерпением ждали очередной *джумы*, чтобы отправиться в какую-нибудь интересную поездку по окрестным городам и весям. Один из самых любимых наших маршрутов почти ежегодно пролегал в Синджар, небольшой городок близ иракско-сирийской границы, примерно в полусотне километрах к западу от лагеря. Это странное, на первый взгляд, постоянство объяснялось двумя причинами: живописностью и яркостью облика города и тем, что там жили поклонники сатаны — таинственные езиды. Срабатывал здесь, бесспорно, принцип контраста. Всего за час ты попадал из плоской степной страны глиняных цивилизаций в холмистую страну камня. Здесь все другое, а потому особенно притягательное — внешний облик жителей, дома, рельеф местности.

Город причудливо раскинулся по склонам предгорий Синджарского хребта, возле небольшой, но быстрой горной речки, берега которой утопают в зеле-

Илл. 135. Джебель

ни многочисленных садов. Дома в Синджаре — это настоящие крепости в миниатюре. Они сложены из валунов и глыб дикого камня, скрепленного цементным раствором, и производят весьма внушительное впечатление. Узкие окна, напоминающие бойницы, обращены обычно во двор. На улицу выходят лишь глухие каменные стены и накрепко закрытые железные ворота. Здесь живут курды, арабы, армяне. Среди жителей города есть мусульмане и христиане. Немало и последователей секты езидов. Интересно, что на воротах у христиан всегда изображены кресты. Около двух тысячелетий назад Синджар был важным опорным пунктом римлян в борьбе с парфянами за обладание Месопотамией. На высокой горе, господствующей над городом, до сих пор сохранились остатки мощной римской крепости — основания нескольких круглых башен и часть крепостной стены. Они сложены из прямоугольных, хорошо отесанных блоков желтоватого камня.

Местные жители использовали этот прекрасный строительный материал и возвели себе высокий дом-замок прямо на фундаменте одной из римских

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

башен. Увидев у нас в руках фотоаппараты, вездесущие мальчишки пригласили нас подняться для съемок на верхний этаж этого необычного дома-башни. Вид на город оттуда действительно открывался изумительный: серебристая лента норовистой речки в зеленой оправе садов, плоские крыши многочисленных жилых зданий, кирпичный минарет XII века. На вершине другой горы, замыкающей панораму Синджара с северо-востока, виднелся ребристый купол мавзолея какого-то почитаемого езидского святого.

Через весь город с запада на восток протянулась довольно широкая центральная улица, по обеим сторонам которой расположены магазины, лавки, харчевни, чайные и пекарни. Это — средоточие хозяйственной и «культурной» жизни Синджара. Здесь можно купить все необходимое, посидеть за чашечкой кофе или чая, обменяться новостями. В первый же наш приезд в живописной толпе синджарцев мое внимание привлекли усатые и бородатые люди с тонкими длинными косичками нестриженных волос, одетые довольно необычно. В апрельскую жару на них были войлочные или меховые шапки, жилеты из овчины мехом внутрь, а то и тонкие овчинные полушубки — «дубленки» желто-лимонного, зеленого и коричневого цветов. Мои попытки сфотографировать кого-либо из них чуть не кончились для меня бедой: они отворачивались, закрывали лицо, а один

седой здоровяк попытался даже рукоятью кнута разбить объектив моего фотоаппарата. Но неожиданно помог случай. Появление группы иностранцев в такой провинциальной глуши, да еще вблизи границы, не могло не остаться незамеченным, и вскоре возле нас возникла фигура человека в штатском. Довольно вежливо попросив наши документы, представитель местной службы безопасности тщательно изучил их и, убедившись в нашей благонадежности, сам напросился к нам в гиды — и ему спокойнее, и нам в «этом езидском гнезде» безопаснее. Узнав о моих затруднениях с фотографированием, он тут же остановил ехавшего мимо верхом на ослике старика-езида и что-то повелительно сказал ему. Старичок покорно слез с осла и терпеливо стоял несколько минут, пока мы его фотографировали.

Позднее, приезжая в Синджар, мы уже не сталкивались с подобными проблемами. Бродя по крутым и узким улочкам городка, мы забирались в самые глухие уголки, разговаривали с людьми и фотографировали их по взаимному согласию. В Синджаре меня особенно поражало то, как далекое прошлое причудливо, но органично вписывалось в современную жизнь. Сидя в чайхане на берегу речки под тенистыми кущами деревьев, я вдруг с удивлением обнаруживал, что вода выбивается из-под типично римской полукруглой

Илл. 136. Улица в Джебель Синджаре. В конце видны купола гробницы езидского святого XIII в. Внизу — старик-езид

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

арки, аккуратно сложенной из уже знакомых нам прямоугольных желтых квадратов. Да и в самом городе многие дома стояли на фундаментах римских построек или были сложены из тесаного римского камня. История живет бок о бок с сегодняшним днем. Местные кладоискатели нередко находят в Синджаре гробницы римской эпохи, и тогда в местных лавках появляются (конечно же, из-под полы) диковинные ювелирные украшения и россыпи золотых и серебряных монет с рельефными профилями античных императоров. Но, конечно, основной колорит городу придают езиды. Кто же они такие?

Кроме мусульман и христиан, пишет востоковед О.Г. Герасимов, в этом районе Ирака живут

представители таинственной секты езидов. О происхождении этой секты нет достоверных сведений. В своих религиозных представлениях езиды соединили различные элементы зороастризма, распространенного в древнем Иране, иудаизма, несторианства, ислама и других вероучений. Верование езидов исходит из идеи двух начал при сотворении мира — добра и зла, света и тьмы. Они верят в бога — носителя добра и в сатану — «дух отрицания», называемый Мелек-Тауза. Последний выступает в образе павлина и ревностно следит за выполнением предписанных этой религией норм поведения. Езидам следует добиваться благосклонности сатаны. Они поклоняются изображению павлина, во время религиозных процессий носят его медную статуэтку, курят перед ней благовония, жертвуют золотые и серебряные вещи, но не произносят вслух его имени, слова «шайтан» или иного созвучного слова...

Езиды не едят мясо петуха, ибо он похож на павлина, рыбу, чтобы «не разгневать Соломона», салат, под каждый листок которого «навсегда проник дьявол», свинину, мясо газели. Езиды отпускают длинные волосы, которые заплетают в косицы, а на голову надевают войлочные конусообразные колпаки (или кожаные шапки из овчины мехом внутрь). Они совершают паломничество к могилам своих святых шейхов, постятся лишь три дня в декабре, причем в каждый день поста при молитве обращаются лицом к восходящему солнцу...

О происхождении названия этой секты существует несколько мнений. Езиды называют себя «дасини». Это слово созвучно названию горы Дасен, находящейся на турецкой территории, на стыке границ Ирака, Ирана и Турции. Они говорят на курдском языке, но среди них встречаются люди разных физических типов. Одни ученые считают, что название секты происходит от слова *яздан*, означающего на персидском языке и ряде диалектов курдского языка «Бог». Впервые о езидах упоминают арабские историки XII в. Они

Илл. 137. Руины римской крепости в Джебель Синджаре

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

сообщают, что ранее эта секта называлась «адавия», по имени ее основателя шейха Ади ибн-Мусафира, умершего в 1161 г. Другие связывают происхождение названия секты с именем омейядского халифа Язида ибн-Муавии.

Таков он, маленький городок, прилепившийся к горам на границе двух стран и живущий, по сути дела, в собственном времени, весьма далеко от наших бурных дней.

«Шургативы» — друзья и помощники археологов

Как уже отмечалось выше, процесс раскопок в Ираке имеет свои специфические особенности.

Месопотамия — страна «глиняных» культур и цивилизаций. На протяжении тысячелетий чуть ли не

единственным строительным материалом была здесь глина.

Но глина — очень непрочный материал. За считанные месяцы заброшенные глинобитные дома превращаются в бесформенные оплывшие холмики, неотличимые по цвету и структуре от окружающей лёссовой равнины. Почти в каждом месопотамском телле таких древних глинобитных домов не один десяток. Слой за слоем уходят они в глубины холма, свидетельствуя о неумолимом беге времени, смене веков, поколений, культур. неподготовленному человеку разобраться в хитросплетениях этой своеобразной земляной «летописи» нелегко. И здесь приходят на помощь археологам большой практический опыт и интуиция шургатцев.

Шургатцы — это профессиональные рабочие-раскопщики из знаменитого арабского селения Шургат (Шеркат), расположенного у высоких валов Аш-шура, древней ассирийской столицы, в среднем течении Тигра. Вот уже многие десятилетия (с конца XIX — начала XX в.) почти все мужчины этого городка добывают хлеб насущный, участвуя в раскопках многочисленных археологических экспедиций, как местных, так и иностранных. Драгоценный опыт, бережно передаваемый из поколения в поколение, постепенно дал шургатцам возможность сделаться настоящими мастерами земляных работ. Каждый из них тонко «чувствует» землю; по едва заметному оттенку в ее цвете или по плотности легко отличает стены глинобитных древних построек от такой же глинистой почвы. Обычно в нашей экспедиции в Ярым-тепе таких мастеров имелось каждый сезон человек двенадцать — пятнадцать. Их возглавлял бригадир — *раис* (арабск.), наиболее уважаемый и искусный раскопщик с большим опытом практической работы. Все эти годы раисом у нас был Халаф Джасим — высокий, худощавый, дочерна загорелый человек лет тридцати восьми — сорока, с жесткими коротко стриженными волосами и внимательными умными глазами. В юности, будучи еще рядовым шургатцем, он успел поработать во многих зарубежных и иракских экспедициях. Но когда

Илл. 138. Шург

400

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

сам стал раисом, наотрез отказался служить англичанам и западным немцам, видимо, считая непатриотичным работать с наследниками бывших колониальных держав. С появлением советской экспедиции в 1969г. Халаф Джасим бессменно трудился только у нас, хотя другие иностранные специалисты сулили ему куда большую зарплату, чем могли дать мы. Вообще говоря, шургатцы во многом похожи на нас, археологов. И своей фанатичной преданностью профессии раскопщика древностей, и тем, что большую часть года они проводят вдали от родного дома, в экспедиции.

На каждого шургатца приходится, как правило, четыре-пять местных рабочих — землеосов и лопатчиков, набираемых из числа жителей окрестных деревушек и хуторов. Таким образом, общее их число доходило до полусотни и больше.

Со стороны процесс работы на раскапываемом теле выглядит несколько необычно. Шургатец, словно сапер на минном поле, медленно выискивает в почве контуры стен древней глинобитной постройки, отбрасывая назад просмотренную землю и откладывая замеченные в слое находки. Его инструменты совершенно не похожи на наши: миниатюрная легкая кирочка — *кезма* на короткой, сантиметров сорок — пятьдесят, деревянной тонкой рукоятке, треугольная тяпка с остро заточенными краями — *мар*, совок — *чамча*, кисть для обметания пыли — *фирча* и нож — *сичин*.

Один из местных рабочих совковой лопатой насыпает эту землю в мешки носильщикам, и те не спеша выносят ее за пределы раскопа, в отвал. Шургатцы одеты обычно в широкие сатиновые шаровары или же в легкие хлопчатобумажные брюки, куртки или пиджаки. Единственная экзотическая часть одежды у них — *куфия*, арабский головной убор в виде широкого платка в черную или красную клетку, которым в холод закутывают не только голову, но и шею. Еще более необычное зрелище представляют собой земленосцы-туркмены. На головах у них в большинстве случаев те же куфии. Но зато остальная одежда является собой причудливую смесь западного и восточного стилей. На длинную, до пят, арабскую рубаху — *галабию*, из легкой белой или светло-голубой ткани, они надевают некогда модные в Европе пиджаки из материала букле или короткие пальто в крупную клетку, купленные по дешевой цене на базарных развалах. Ходят они обычно босыми или в пластиковых шлепанцах-сандалях без пятки.

Двигаются землекопы размеренно и медленно, но зато работают весь день. И в жару, и в холод тянутся чередой фигуры в длинных, похожих на женские, одеяниях с короткими наплечными мешками на веревках, свисающими на грудь и живот.

В этой монотонной на вид земляной работе есть свои приливы и отливы, свои беды и радости, наконец, свои маленькие хитрости. Очень многое в четкой организации процесса раскопок и установлении нормальной дружеской

Илл. 139. Рабочие-землекопы и на холме Ярым-п Пятый слева —

атмосферы на месте работ зависит от личности раиса, его дипломатических способностей в урегулировании мелких и крупных конфликтов, то и дело возникающих среди рабочих, его умения находить быстрый ответ на все загадки земляной летописи древних теллей. Леонард Вулли, который почти полтора десятка лет копал в пустыне Южного Ирака древний город Ур, не зря считал что пост раиса по своей важности для общего успеха дела стоит на втором месте после начальника экспедиции. Он без тени улыбки называл хорошего бригадира «драгоценным бриллиантом» и страшно гордился тем, что ему сразу же удалось найти именно такого человека. Не знаю, можно ли считать нас баловнями судьбы, но с раисом нам тоже несказанно повезло. Халаф Джасим многие годы был надежной опорой, на которой во многом покоились успехи нашей экспедиции в Ираке.

ГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Прочные традиции российского востоковедения

Теперь о другой важной теме — о вкладе нескольких поколений российских ученых в исследование древней Месопотамии.

«Россия никогда не вела раскопок в Ираке, на родине клинописи, — писал в 1965 г. С.Н. Крамер, — и тем не менее у русских была и есть замечательная школа научного изучения „клинописи“.

Что касается раскопок, то действительно русские археологи не прикасались к сокровищам

месопотамских теллеи вплоть до 1969 г. Но зато в России существовала с XIX в. и существует поныне пользующаяся всемирной известностью школа востоковедения: М.В. Никольский, В.С. Голенищев, Б.А. Тураев, В.К. Шилейко, В.В. Струве, А.И. Тюменев, И.М. Дьяконов — вот лишь некоторые, самые громкие, имена.

Выходец из богатой купеческой семьи города Санкт-Петербурга Николай Петрович Лихачев (1862-1936), унаследовав от родителей огромное состояние, употребил его для путешествий по разным (в том числе и восточным) странам и покупки египетских папирусов, средневековых арабских рукописей и глиняных табличек с клинописью. Всесторонне образованный человек, историк и этнограф, искусствовед и книголюб, он не только собирал всевозможные раритеты, но и широко раскрыл двери своего дома-музея перед русскими учеными. В числе этих редкостей находилось и несколько сотен глиняных табличек с шумерскими клинописными текстами из города Лагаша. Именно благодаря уникальной коллекции Н.П. Лихачева (впоследствии академика, организатора и руководителя Музея палеографии) во многом стала возможной и плодотворная работа «отца русской ассириологии» — Михаила Васильевича Никольского (1848-1917). «В течение десяти лет, — отмечает отечественный историк А.А. Ковалев, — М.В. Никольский изучал документы из архива Лагаша. Результатом стала во многих отношениях до сих пор образцовая публикация „Документы хозяйственной отчетности древней эпохи Халдеи“ (I, II, 1908, 1915). Значение и объем проделанной им работы становятся понятны, если учесть, что он читал тексты на шумерском языке», который тогда ученые только начинали понимать. Всего он прочитал, изучил, прокомментировал и опубликовал 855 табличек. Для сравнения можно упомянуть, что французы в то время располагали в хранилищах Лувра 1500 подобных текстов, а издали из них (в виде механического копирования клинописи) всего 51. Русский же ученый привел все тексты в строгую систему, снабдил описанием, подробнейшим комментарием, списками имен собственных, городов, рек, каналов и храмов.

М.В. Никольский первым из ассириологов понял большое научное значение так называемых «Багдадских табличек». Еще в 1880 г. он верно определил их природу, указав, что это древнейшая форма шумерского письма, относящаяся к Протонисьменному периоду.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Перу М.В. Никольского принадлежит и ряд общих исторических трудов, таких как «Древний Вавилон» (М., 1913) и «Саргон, царь ассирийский» (СПб., 1881).

Однако первыми русскими ассириологами были профессиональные египтологи - В.С. Голенищев (1856-1947) и Б.А. Тураев (1868-1920). В.С. Голенищев собрал большую коллекцию египетских и переднеазиатских древностей (свыше 6000 предметов), которая хранится сейчас в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве. Он составил также подробный словарь по клинописи — «Опыт графически расположенного ассирийского словаря», 1888г. В 1891 г. ученый издал «Каппадокийские таблички» — клинописные документы, найденные на территории Малой Азии, на месте ассирийской торговой колонии Каниш, и раскрывающие характер международной торговли во II-I тыс. до н.э.

Б.А. Тураев — человек широчайшей эрудиции и колоссальной работоспособности: прожив всего 52 года, он сумел опубликовать свыше 500 трудов. И среди них его широко известная двухтомная монография «История древнего Востока».

Первым к преподаванию аккадского языка в России приступил в Санкт-Петербурге академик П.К. Коковцев (1861-1942). Его учеником был В.К. Шилейко (1891-1930) - знаток аккадского языка и литературы, шумеролог и великолепный поэт-переводчик. О том, как глубоко проник в круги русской интеллигенции интерес к истории древней Месопотамии, говорит лишь один факт.

Известный поэт Николай Гумилев, трагически погибший в застенках ЧК, перевел на русский язык вавилонский (шумеро-аккадский) эпос о Гильга-меше (Гильгамеш. Вавилонский эпос / Изд. З.И. Гржебина. - СПб., 1919), а введение к этому изданию написал В.К. Шилейко. Вот как выглядит начало эпоса в поэтическом переводе Николая Гумилева:

О том, кто все видел до края вселенной, Кто скрытое ведал, кто все постиг, Испытывал судьбы земли и неба, Глубины познания всех мудрецов. Неизвестное знал он, разгадывал тайны, О днях до потопа принес нам весть, Ходил он далёко, но устал и, вернулся, И выбил на камне свои труды.

Уже в советский период ученик В.К. Шилейко — А.П. Рифтин (1900-1944) вновь организовал преподавание ассириологии в Ленинградском университете и, собрав вокруг себя молодых и талантливых ученых, заложил прочную базу современной российской науки о древней Месопотамии. Поэтому

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

совсем не случайно, что и ранее, и в настоящее время главный центр отечественной ассириологии всегда находился в Петербурге-Ленинграде. Именно здесь жил и плодотворно работал в Институте востоковедения Академии Наук (СССР — России) выдающийся ученый-шумеролог Игорь Михайлович Дьяконов. Здесь же, продолжая старые добрые традиции российской науки, ведут свои исследования в области языка, истории и культуры Шумера, Аккада, Ассирии и Вавилонии такие всемирно известные ученые, как В.А. Якобсон и М.А. Дандамаев (его книга «Рабство в Вавилонии» была издана в России и на Западе).

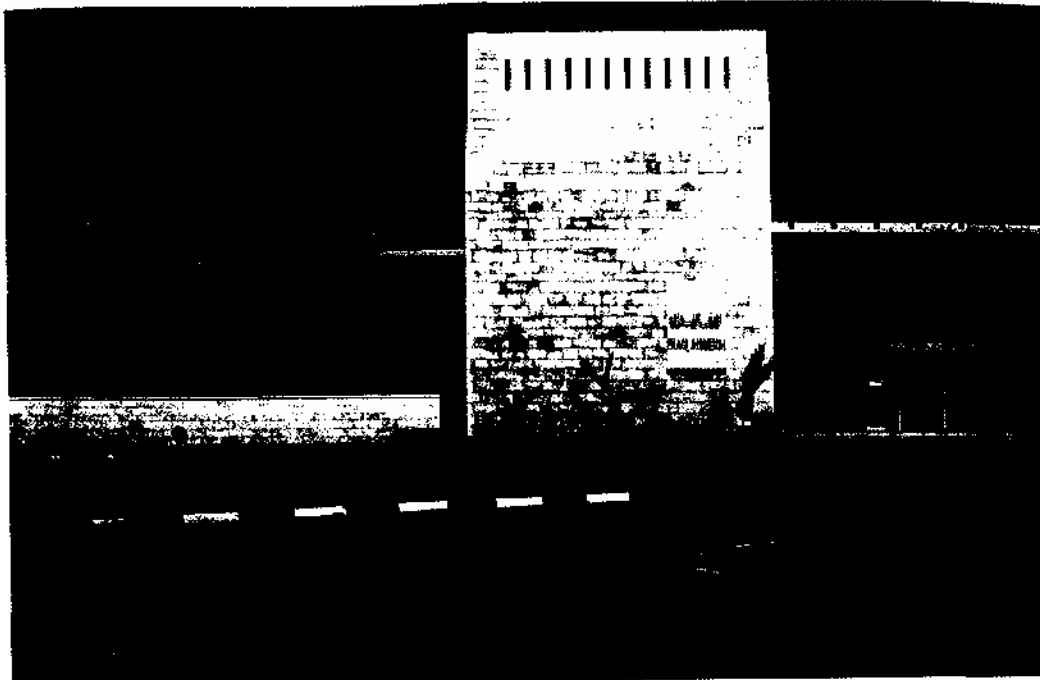
Заметных успехов достигли в изучении древностей Месопотамии и отечественные археологи. С 1969 по 1980 гг. они успешно работали на северо-западе Ирака, раскопав несколько важных поселений ранних земледельцев VIII-IV тыс. до н.э. (руководитель экспедиции — член-корр. РАН Рауф Магомедович Мун-чаев). А с 1987 г. археологи Института археологии РАН продолжили свои раскопки уже в Северной Месопотамии, на территории Сирии, где всестороннему исследованию подверглись не только ранние памятники (Телль-Хазна 2), но и грандиозный дворцово-храмовый комплекс шумеро-аккадского периода (Телль-Хазна 1). Эти работы продолжаются и по сей день. За более чем полуторавековую историю российской ассириологии в нашей стране были изданы тысячи первоклассных научных статей, монографий и сборников почти по всем важнейшим аспектам древнемесопотамской цивилизации. Кроме того, удалось перевести и опубликовать большинство наиболее интересных трудов зарубежных ученых по данной теме — как специальных, так и научно-популярных: от «Богов, гробниц и ученых» К.В. Керама и до фундаментальных монографий выдающихся английских археологов Сетона Ллойда (Археология Месопотамии. — М.: Наука, 1984) и Леонарда Вулли (Ур халдеев. — М.: Наука, 1961).

Таким образом, хотелось бы посоветовать всем, кто берется освещать в нашей стране прошлое Ирака, почаще обращаться к богатейшему наследию российской исторической науки.

Разгром культурного наследия Ирака

В 1991 г. в ходе войны «Буря в пустыне» боевые действия охватили лишь самую южную часть Ирака, но и тогда потери культурного наследия страны были довольно велики. Американские бомбардировки далеко не всегда велись по единичным и конкретным военным целям. Нередко бомбы и ракеты накрывали большие участки земли, где помимо военных находилось и немало гражданских объектов, в том числе и археологических памятников. Кроме того, уже тогда имела место явная активизация действий мародеров и грабителей древ-

406

Или. 140. Иракский археологический музей в Ба

ностей: разорению подверглось несколько южноиракских провинциальных музеев. Сразу же после прекращения военных действий в 1991 г. ЮНЕСКО направила в Ирак комиссию экспертов для выяснения того ущерба, который был нанесен археологическим памятникам страны и местным музеям. Вывод комиссии был категоричен: месопотамские древности - гордость мировой ци-

визации - серьезно пострадали от войны. Весь мир обошли драматические фотографии гигантских воронок от бомб в непосредственной близости от зик-курата в древнем Уре и зияющие трещины на его кирпичных стенах, выдержавших пятитысячелетний бег времени.

Но то, что произошло в ходе последней войны (март-апрель 2003 г.), иначе как подлинной катастрофой для культурно-исторического наследия Ирака назвать нельзя. Бомбардировкам и обстрелам подверглась уже вся территория страны. Бои в районах Эн-Насирии (Ур, Убейд и др.), Хиллы (Вавилон) и Мосула (Ниневия) шли непосредственно «на» (или «около») древних теллях руинах бесчисленных городов и селений Шумера, Вавилонии и Ассирии. Соответственно, и нанесенный им ущерб был огромным. Кроме того^ произошло самое худшее: с падением деспотического режима Саддама Хуссейна подняли

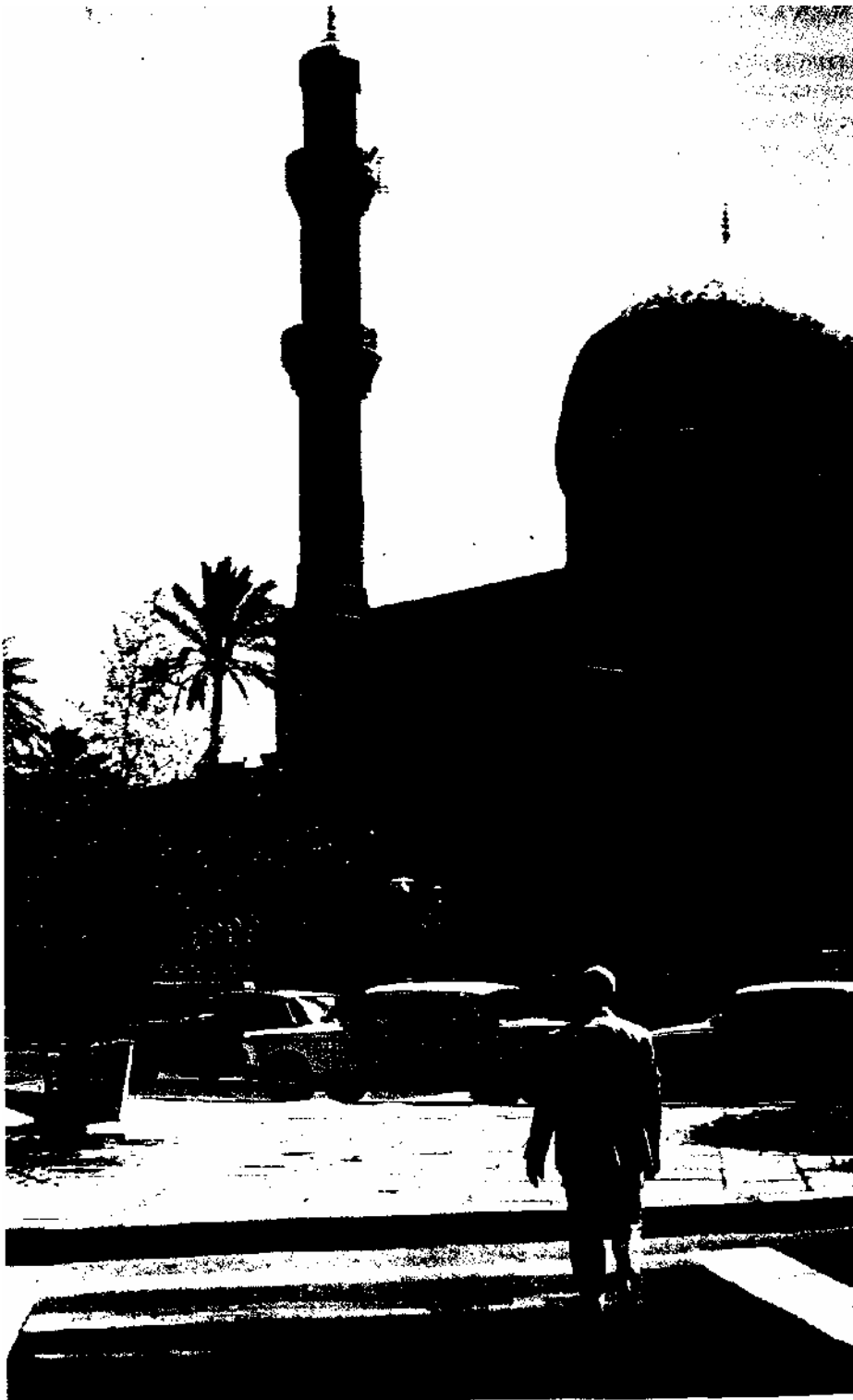
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

голову криминальные элементы. Толпы мародеров и грабителей штурмом брали все большие и малые музеи и расхищали хранившиеся там культурные ценности. Особенно печально говорить о том, что полному разгрому подверглось главное хранилище археологических коллекций страны — Иракский музей в Багдаде, где были собраны результаты работ десятков зарубежных и местных экспедиций, начиная с 20-х годов прошлого века. При этом в Багдаде при грабеже музея действовала не только темная фанатичная толпа: как выяснилось, большая группа мародеров получила по пять долларов на человека и указания от неких таинственных лиц, укrywшихся за ярлыком «коллекционеров древностей», — какие именно предметы и в каких залах следует похитить. И первое, что сделала эта организованная группа грабителей (видимо, опять-таки, по указанию со стороны), — уничтожила все инвентарные книги музея и тем самым оставила без надежной документации похищенные коллекции.

Столь же печальной была и участь прекрасного археологического музея города Мосула на севере Ирака. При вторжении в город отрядов курдов персонал музея (все — арабы по национальности) в панике бежал, и мародеры немедленно воспользовались этим. Какой реально ущерб нанесен этому второму по значимости собранию древностей страны — пока неизвестно, но то, что большинство коллекций расхищено, сомнению не подлежит. Увы, погибли там, вероятно, и плоды наших трудов — материалы двенадцатилетних раскопок российских археологов в Синджарской долине, в 80 км к северо-западу от Мосула.

Прямую ответственность за все произошедшее в Багдаде, Мосуле и других иракских городах несет, безусловно, американское военное командование, не обеспечившее надлежащей охраной культурно-исторические объекты. Это тем более обидно, что любой выпускник университетов и колледжей США хорошо знает — блестящая культура античного мира (Греции и Рима) выросла на основе богатейшего культурного наследия Месопотамии (Шумера и Аккада, Ассирии и Вавилона); в свою очередь, античность породила средневековую христианскую культуру Европы, а та — современную западную цивилизацию. Таким образом, при желании истоки всех достижений той же Северной Америки сегодняшнего дня можно отыскать в прошлом Ирака. Однако следует отметить, что гуманитарная интеллигенция США в целом (и особенно археологи) выступила против новой войны на Ближнем Востоке. Случилось так, что в драматические дни последней декады марта 2003 г. я находился в научной командировке в Гарвардском университете, и мне довелось

Илл. 141. Мечеть в центре Багдада

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

наблюдать воочию и по телевидению многочисленные манифестации и митинги преподавателей и студентов ряда учебных заведений Бостона и Кембриджа против ближневосточного конфликта. Уже после окончания войны, в майско-июньском номере американского научно-популярного журнала «Археология» (Archaeology) президент Археологического института Америки Джейн Вальдбаум в передовой статье под заголовком «Тревожный Ирак. Уникальное археологическое наследие на краю гибели» выразила глубокую тревогу и боль археологов своей страны за судьбы культурно-исторических памятников древней Месопотамии.

Она напомнила также, что еще в начале войны ученые Института приняли «Открытую декларацию о культурном наследии Ирака». В ней говорится: «Уникальная значимость музеев и археологических памятников Ирака (древней Месопотамии) накладывает на все народы и правительства обязанность защищать их всеми способами. Однако сейчас уже стало ясно, что богатейшее культурное наследие страны находится в серьезной опасности. Мы призываем все

правительства уважать основные положения Гаагской конвенции 1954 г. „О защите культурной собственности в случае вооруженного конфликта". Мы также призываем все правительства, учреждения и частных лиц признать и поддержать существующий в Ираке строгий „Закон о Древностях". Это необходимо для обеспечения сохранности археологического и культурного наследия Ирака всех исторических эпох и для прекращения незаконных раскопок и контрабандной продажи древностей. Археологи всего мира должны быть готовы внести свою лепту в любые усилия по учету ущерба, причиненного военными действиями или грабительскими раскопками археологическому наследию страны, осуществлять спасательные и реставрационные работы на археологических объектах и помогать возвращению украденных древностей».

Будем надеяться, что этот горячий призыв ученых США, обеспокоенных сложившейся ситуацией с культурно-историческим наследием Ирака будет в мире услышан и поддержан.

И тем не менее вряд ли можно считать случайной и пассивность американского военного командования в момент разграбления толпой мародеров крупнейших археологических музеев в Багдаде и Мосуле.

Еще накануне англо-американского вторжения в страну иракец Донни Георг — научный директор Национальной организации по сохранению иракских древностей — пророчески заявил иностранным журналистам: «В случае американского нападения на нас расхищение археологического наследия Ирака примет куда большие масштабы, чем в 1991 году. Грабители имеют время, чтобы наладить свою нелегальную торговлю и создать международную клиент-^ТУРУ- Они сильны, организованы и вооружены». И далее: «Американцы жаждут захватить не только нашу нефть, но и нашу историю. Для переоснащения

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧ

своих музеев они нуждаются в новых коллекциях. И у них всегда был особый интерес к древней Месопотамии».

Сразу после публикации этого интервью члены Американского Совета по культурной политике в Нью-Йорке (АССР) — организации коллекционеров древностей и кураторов музеев — назвали его «бредом сумасшедшего». Однако влиятельный чиновник этой же организации, Уильям Пёрлстейн, который является также казначеем Национальной Ассоциации торговцев древним, средневековым, восточным и первобытным искусством США, недавно открыто заявил, что считает существующие иракские законы о древностях «запретительными» и «несовременными». Он и многие его единомышленники в АССР и Национальной Ассоциации объявляют, что будут поддерживать «здравомыслящую пост-Саддамовскую администрацию, занимающуюся вопросами культуры» с тем, чтобы та разрешила продажу за рубеж «некоторых предметов древности».

Два лагеря, два полюса мнений и планов. И только время покажет, какая из этих двух линий в борьбе за археологическое наследие Ирака одержит победу.

КАРТЫ

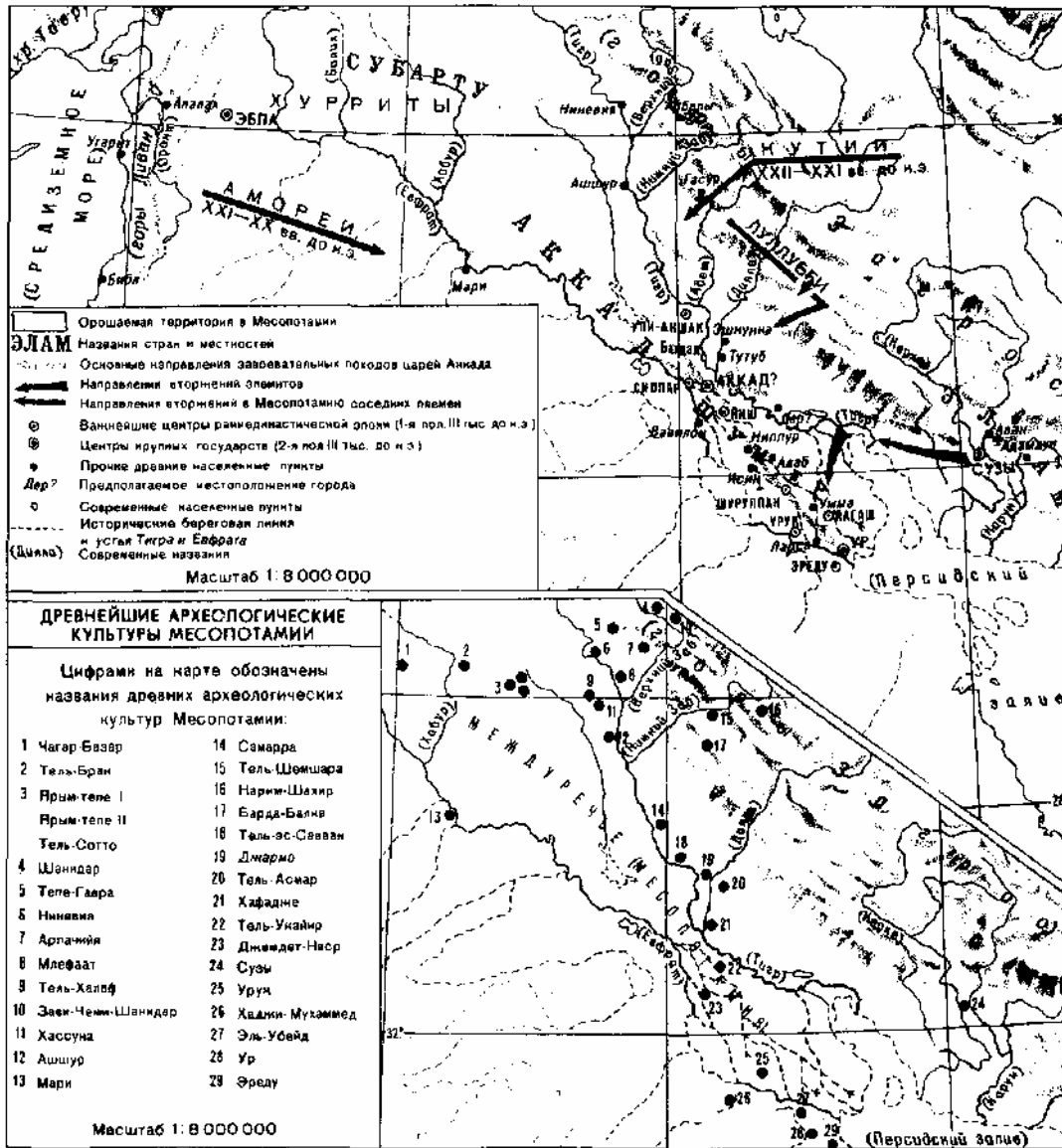
ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

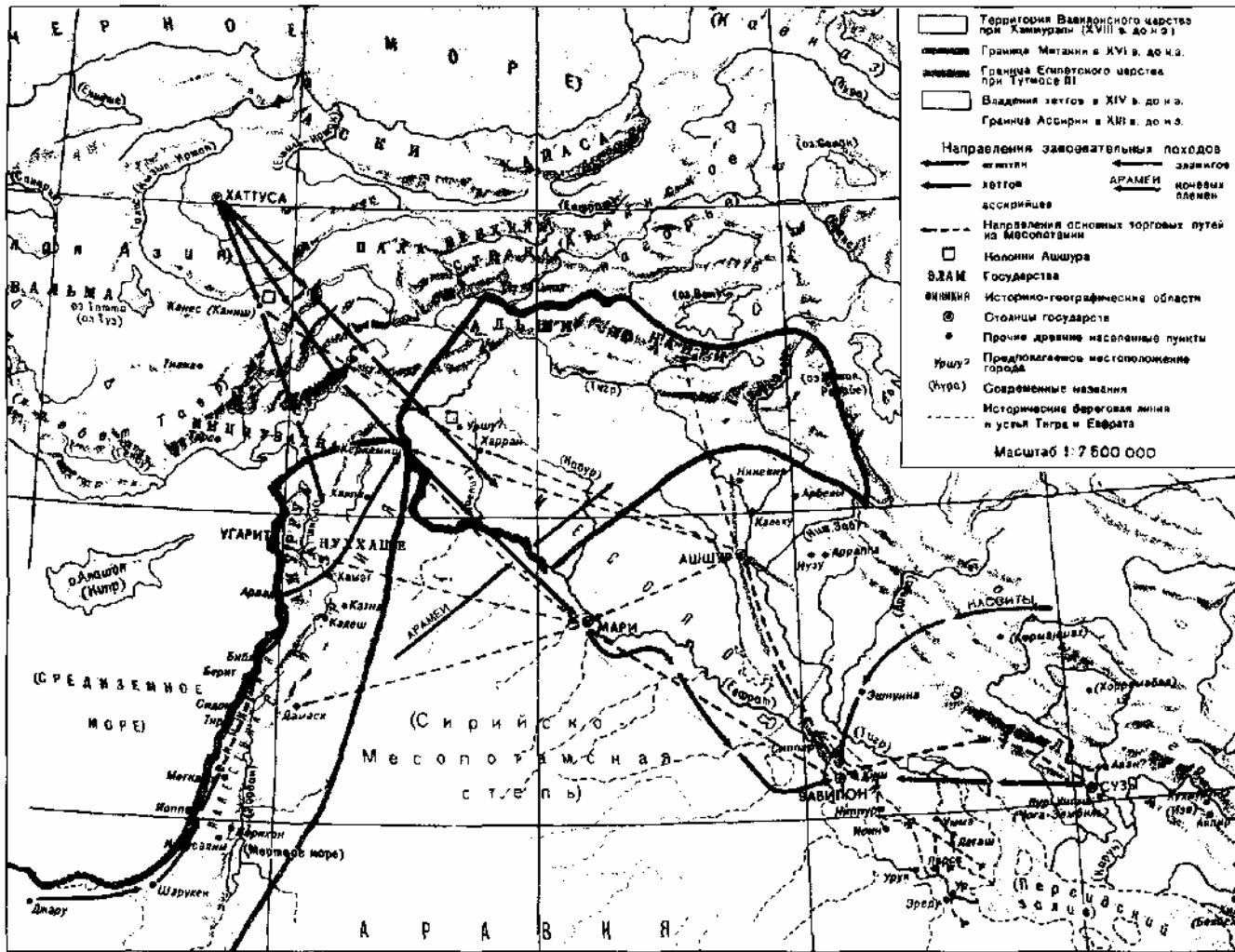
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛИ

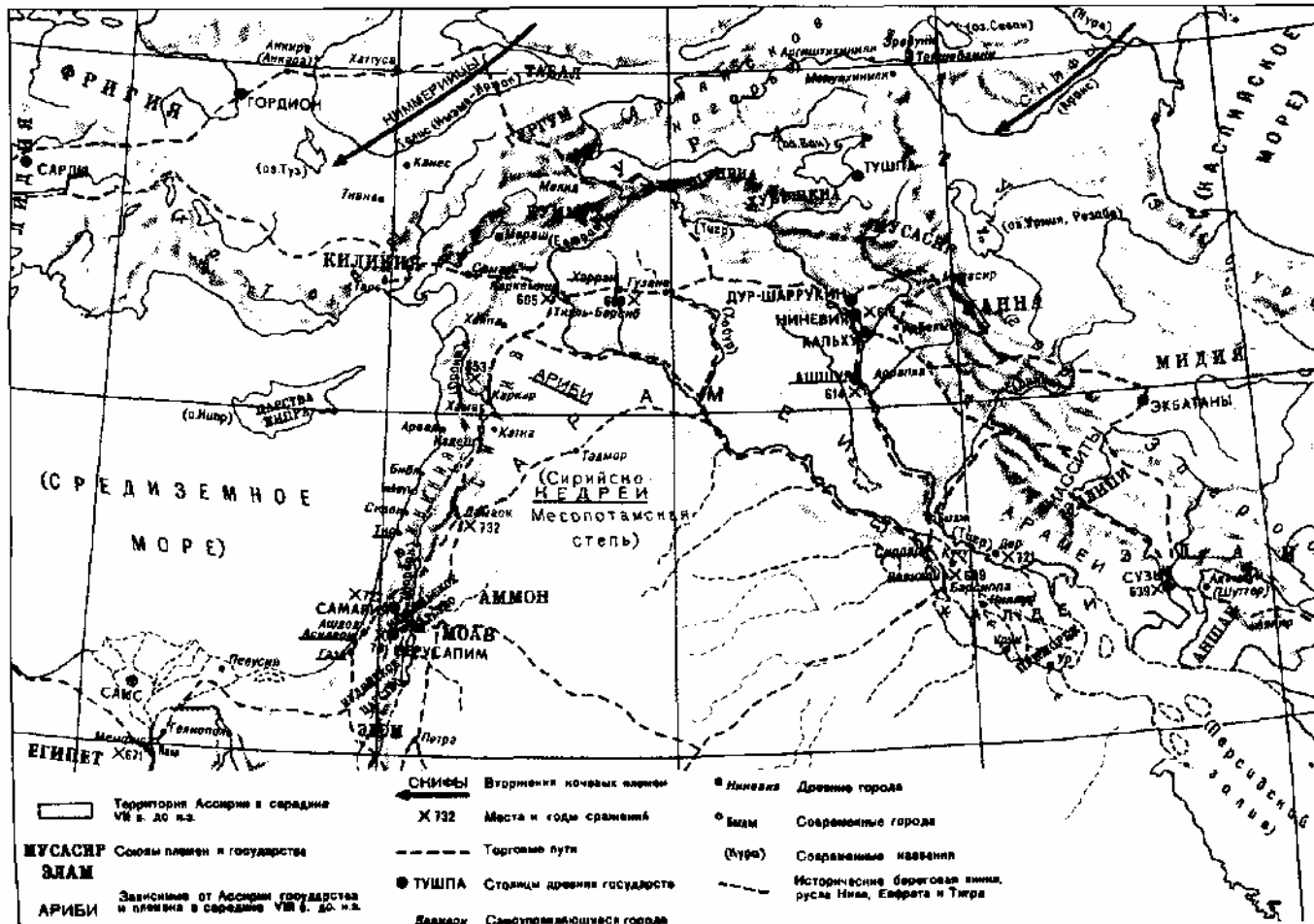
Месопотамия с древнейших времен до конца III тыс. до н.э.

Персия Азия во II тысячелетии до н.э.

Ассирийская держава в XIII–VII вв. до н.э.

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР МЕСОПОТАМИИ (ОТ ИСТОКОВ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ДО ПЕРСИДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ)

I. Северная (Верхняя) Месопотамия

1. Докерамический неолит (Джармо, Магзалия) (сер. VIII — сер. VII тыс. до н.э.). Земледелие и скотоводство появились, но нет керамики.
2. Предхассунский период (сер. VII тыс. — ок. 6000 г. до н.э.). Появление керамики.
3. Хассуна-Самарра (6000-5500 гг. до н.э.). Полностью сложившаяся земледельческо-скотоводческая культура.
4. Халаф (5500-4500 гг. до н.э.).

II. Убейдская культура (4500-3500 гг. до н.э.). Господствует над всей территорией Месопотамии.

III. Южная Месопотамия

1. Урукский период (3500-3100 гг. до н.э.).
2. Протописьменный период или Джемдет-Наср (3100-2800 гг. до н.э.).
3. Раннединастический период I-III (2800-2370 гг. до н.э.).
4. Аккадский период (2370-2200 гг. до н.э.). Господствует над всей территорией Месопотамии.
5. Период смуты и господство гутиев (2200-2116 гг. до н.э.).
6. III династия Ура (2113-2006 гг. до н.э.). Господствует над всей территорией Месопотамии.
7. Династии Исина (2006-1794 гг. до н.э.) и Ларса (2025-1763 гг. до н.э.).
8. Старовавилонский период. Вавилония, I династия (1895-1595 гг. до н.э.). Ассирия, ранние цари (XIX-XIV вв. до н.э.).
9. Касситский период (1595-1200 гг. до н.э.).
10. Первая Ассирийская империя (XIV-XII вв. до н.э.).

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР МЕСОПОТАМИИ

II. Новоассирийская империя (X-VII вв. до н.э.).

12. Нововавилонское царство (626-539 гг. до н.э.). Заканчивается захватом Вавилона персами во главе с Киром в 539 г. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веллард Дж. Вавилон. Расцвет и гибель города чудес. — М.: Центрполиграф, 2003.

Вулли Л. Ур халдеев. — М., 1961.

Дьяконов И.М. Люди города Ура. — М.: Наука, 1990.

История Древнего Востока. — Т. 1. Ч. 1: Древняя Месопотамия / Ред. И.М. Дьяконова. - М.: Наука, 1983.

Кленгель-Брандт Э. Древний Вавилон. — Смоленск, 2001.

Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. — М.: Алетейа, 2000.

Крамер С.Н. История начинается в Шумере. — М.: Наука, 1990.

Крамер С.Н. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. — М.: Центрполиграф, 2002.

Оппенгейм Лео А, Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. — М.: Наука, 1990.

Садаев Д.Ч. История древней Ассирии. — М.: Наука, 1979.

Сетон Ллойд. Археология Месопотамии. — М.: Наука, 1984.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Илл 1. Река Евфрат в нижнем течении, в районе современного города Эн-Насирии, близ древнего Ура.

Илл 2. Река Тигр в районе Багдада.

Илл 3. Рыбачьи лодки на Тигре.

Илл 4. Месопотамская равнина близ города Бейджи (Ирак).

Илл 5. Синджарская долина на северо-западе Ирака.

Илл. 6. Автор книги В.Г. Гуляев на раскопках Телль-Магзалии, Ирак.

Илл. 7. Российские археологи в Нимруде.

Илл. 8. Раскопки ОТ. Лэйярда в Нимруде.

Илл. 9. «Голова Нимрода». Раскопки ОТ. Лэйярда в Нимруде.

Илл. 10. Дж. Смит.

Илл. 11. Г.К. Роулинсон.

Илл. 12. Рельеф и надпись на Бехистунской скале.

Илл. 13. Г. Гротефенд.

Илл. 14. Л. Вулли.

Илл. 15. Бригадир иракских рабочих Халаф Джасим с найденной им статуэткой.

Илл. 16. Статуэтка-флакон богини плодородия. Халафская культура, Ярм-тепе 2. V тыс. до н.э.

Илл. 17. Женская статуэтка («богиня плодородия»). Телль-Халаф, Сирия. V тыс. до н.э.

Илл. 18. Керамические печи после расчистки. Халафская культура, Ярм-тепе 2. V тыс. до н.э.

Илл. 19. Круглая жилия постройка халафской культуры. Ярм-тепе 2. V тыс. до н.э.

Илл. 20. Находки халафской культуры из поселения Ярм-тепе 2: а) алебастровый кубок; б) расписной глиняный шаровидный сосуд; в) фрагмент керамики с изображением газелей.

Илл 21. Убейдская культура, сер. V — сер. IV тыс. до н.э. Характерные формы керамики, статуэток и орудий труда.

Илл 22. Глиняная статуэтка богини-матери с головой ящера-варана и ребенком на руках. Убейдская культура, Урук. 4000 г. до н.э.

Илл 23. Реконструкция храма в Тепе-Гавра близ г. Мосула, Ирак. Убейдский период. IV тыс. до н.э.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл 24. Тростниковый жилой дом убейдского периода. Современная реконструкция. Национальный парк г. Ктесифона.

Илл 25. Избиение пленных. Оттиск с цилиндрической печати протописьменного периода. Урук. 2900-2800 гг. до н.э.

Илл 26. «Белый храм» в Уруке (Варке). Реконструкция. Урукский период.

Илл 27. Табличка с ранними шумерскими пиктограммами — так называемый монумент Блау. Урукский период. 3400 г. до н.э.

Илл 28. Таблица древнейших шумерских пиктографических знаков.

Илл 29. Таблица ранних шумерских пиктограмм.

Илл 30. Керамика Джемдет-Наср: а) глиняный расписной сосуд с человеческими фигурами. Джемдет-Наср. Рубеж IV-III тыс. до н.э.; б) сосуд с рельефным изображением львов и быков. Урук, период Джемдет-Наср. Нач. III тыс. до н.э.

Илл. 31. Мраморная маска богини Ииаины из Урука. Протописьменный период. Рубеж IV и III тыс. до н.э.

Илл. 32. Оттиски цилиндрических печатей периода Джемдет-Наср: а) печать с изображением священной ладьи; б) печать из храма Ииаины в Уруке. Нач. III тыс. до н.э.

Илл. 33. Каменный сосуд с цветными инкрустациями. Урук (Варка). Коп. IV тыс. до н.э.

Илл. 34. Сосуд с изображением животных. Сузы. Коп. IV тыс. до н.э.

Илл. 35. Статуя сановника Эбих-иля из Мари. Мари, Сирия. Сер. III тыс. до н.э.

Илл. 36. Охота на львов. Камень. Раннединастический период.

Илл. 37. Гильгамеш с убитым львом. Ассирийский рельеф.

Илл. 38. Статуя Курлиля — начальника житниц Урука. Урук. Раиндинастический период, III тыс. до н.э.

Илл. 39. «Овальный храм» в Хафадже. III тыс. до н.э. Реконструкция.

Илл. 40. Терракотовая фигура шумерского божества, Телло (Лагаш). III тыс. до н.э.

- Илл. 41. Фаланга тяжеловооруженных шумерских воинов. «Стела Коршунов»- Фрагмент. III тыс. до н.э.
- Илл. 42. Правитель Ур-Нанше в роли строителя. Каменная палетка. Лггаш. III тыс. до н.э.
- Илл. 43. Статуя жреца или правителя из храма богини Иштар в Мари. III тыс. до н.э.
- Илл. 44. Бронзовая голова Саргопа Аккадского. III тыс. до н.э.
- Илл. 45. Войска шумерских городов-государств (пехота и колесницы). Рисунок-реконструкция современного художника.
- Илл. 46. Стела Нарам-суэна с изображением его победы над луллубеями. Известняк. Сузы.
- Илл. 47. Каменная статуя Гудеа — правителя Лагаша. Лагаш (Телло). XXII в. до н.э.
- Илл. 48. Стела Ур-Намму (с прорисовкой фрагмента). Ур-Намму в роли строителя. Известняк. Ур. 2100 г. до н.э.
- Илл. 49. Зиккурат в Агар-Куфе. III тыс. до н.э. Современный вид.
- Илл. 50. Реконструкция зиккурата в Уре.
- Илл. 51. Лестница зиккурата Ур-Намму. Ур. III тыс. до н.э.
- Илл. 52. Изображение Ламги-Мари. Камень. Мари.
- Илл. 53. Изображение древних шумеров из Мари: воин с топором, правительственный чиновник, военнопленный. Перламутр.
- Илл. 54. Оттиски цилиндрических печатей с сюжетами на хозяйственную тему.
- Илл. 55. Жрец в храмовой кладовой. Оттиск цилиндрической печати.
- Илл. 56. Улица с жилыми домами в Уре. Вид после раскопок.
- СПИСОК ИМЮСТР,**
- Илл. 57. План раскопанных жилых кварталов в Уре.
- Илл. 58. План города Ура.
- Илл. 59. Голова богини Нинлиль — жены бога Луны Наины, покровителя Ура.
- Илл. 60. План царской гробницы в Уре. III тыс. до н.э.
- Илл. 61. Женский головной убор и ожерелье из золота и драгоценных камней царицы Пу-аби. Ур. III тыс. до н.э.
- Илл. 62. Золотой шлем и золотой кинжал с ножнами из гробницы Мескаламдуга. Ур. III тыс. до н.э.
- Илл. 63. «Штандарт» из Ура.
- Илл. 64. Часть арфы в виде деревянной позолоченной фигуры козла, стоящего на задних ногах. Царское кладбище в Уре.
- Илл. 65. Позолоченная голова быка с арфы. Царское кладбище в Уре. III тыс. до н.э.
- Илл. 66. Серебряные кольца для упряжи осла. Гробница царицы Пу-аби. Ур. III тыс. до н.э.
- Илл. 67. Каменная резная чаша из Ура. III тыс. до н.э.
- Илл. 68. План мироздания. Реконструкция космогонии древнего Вавилона (по М.В. Никольскому, 1959).
- Илл. 69. Бог Мардук. Прорисовка фрагмента поливного глиняного цилиндра вавилонского царя Мардука-закирашуми. 854-819 гг. до н.э.
- Илл. 70. Мифологическая сцена. В центре изображена женская фигура, поддерживающая крылатый диск — эмблему бога Ашшура. Оттиск с цилиндрической печати позднеассирийского периода.
- Илл. 71. Битва Мардука и Тиамат. Оттиск с цилиндрической печати. Прорисовка.
- Илл. 72. Посвятительные статуи из храмов Телль-Асмара. Сер. III тыс. до н.э.
- Илл. 73. Бог Солнца Шамаш, плывущий на своей волшебной ладье. Прорисовка оттиска цилиндрической печати. Телль-Асмар (Эшнунна). Аккадский период.
- Илл. 74. Гений с головой орла, держащий сосуд с чистой водой и сосновую шишку. Он сопровождал человека в его повседневной жизни и защищал от болезней и злых сил. Нимруд. Ассирийский рельеф. 885 г. до н.э.
- Илл. 75. Чудовище с головой льва, один из семи злых демонов, родившийся в Горе Востока и обитающий в ямах и развалинах. Он вызывает раздор и болезни среди людей. Гении, как злые, так и добрые, играли большую роль в жизни вавилонян. I тыс. до н.э.
- Илл. 76. Энлиль. Коленопреклоненные божества возле священного дерева, поднявшие руки в защитном жесте, вероятно представляют Энлиля или Бэла, бога земли. Рельеф из Нимруда. 900 г. до н.э.
- Илл. 77. Бог подземных вод, За или Энки, изображенный в центре с птицей Анзу. Справа крылатая богиня Инанна с финиковой ветвью в руке и рождающийся из Горы Востока солнечный бог Уту-Шамаш. I тыс. до н.э.
- Илл. 78. Разные аспекты богини Иштар (Инанны). Богиня изображена соответственно в повседневном виде, в аспекте разрушительницы и в астральном аспекте принимающей поклонение. Оттиски цилиндрической печати. Ассирийский период.
- Илл. 79. Статуя богини Иштар (Инанны). Мари. XVIII в. до н.э.
- Илл. 80. Богиня Иштар как персонификация богини любви и войны. Здесь она изображена в аспекте воинствующей богини «Госпожи Битвы» со своим священным животным — львом. Рельеф из Телль-Асмара. IX в. до н.э.
- Илл. 81. Нергал, повелитель Подземного царства, дает указания демону по поводу наказания грешников. Прорисовка оттиска цилиндрической печати. Старовавилонский период.

422

ПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

- Илл. 82. Богиня Эрешкигаль в зооморфном виде. Прорисовка с глиняной таблички. Аккадский период.
- Илл. 83. Жрец или герой, приближающийся к алтарю с цветами лотоса в руках. Форт Шаласара, Ассирия.
- Илл. 84. Поклонение Мардуку и Иштар. Оттиск с ассирийской печати.
- Илл. 85. Божество в образе человеко-быка с пальмой. Фрагмент рельефа из Суз. XIII в. до н.э.
- Илл. 86. Изображение и местоположение райской земли по А. Кирхеру («Ноев ковчег»).
- Илл. 87. Г. Доре. Всемирный потоп.

- Илл. 88. Г. Доре. Ной выпускает голубя.
- Илл. 89. Бог Нинурта (Адад), сражающийся с чудовищем (Анзу или Ашакку). Прорисовка оттиска печати. IX-VII вв. до н.э.
- Илл. 90. Подвиг Гильгамеша: а) Гильгамеш, поящий быков. Оттиск с цилиндрической печати; б) Гильгамеш, убивающий льва. Прорисовка оттиска с цилиндрической печати; в) подвиг Гильгамеша и Энкиду. Оттиск с цилиндрической печати. Ассирио-вавилонский период.
- Илл. 91. Скульптура профессионального певца Ур-Нина. Мари. Сер. III тыс. до н.э.
- Илл. 92. Бронзовая статуэтка колесницы, запряженной четырьмя ослами. Телль-Аг-раб. III тыс. до н.э.
- Илл. 93. Рельеф с музыкантом, играющим на лютне.
- Илл. 94. Каменная статуэтка богомольца. Лагаш. III тыс. до н.э.
- Илл. 95. Настольная игра.
- Илл. 96. Фрагменты фресковых росписей во дворце Зимрилима. Мари. XVIII в. до н.э.
- Илл. 97. Медный рельеф с изображением птицы Имдугуд из храма в Эль-Убейде. Шумер.
- Илл. 98. Голова статуи правителя. Известняк. Аккадский период.
- Илл. 99. Вавилонские светила и созвездия Зодиака.
- Илл. 100. «Вавилонская башня» — реконструкция зиккурата.
- Илл. 101. Сцена поклонения. Сидящий бог, вероятно, изображает Шамаша. Стела.
- Илл. 102. Ур-Намму, изображенный в образе бога Сина (справа). Оттиск с цилиндрической печати. Ок. 1500 г. до н.э.
- Илл. 103. Вавилон VI в. до н.э. Реконструкция ворот и план города.
- Илл. 104. Художественная реконструкция Вавилона.
- Илл. 105. Ворота Иштар. Макет ворот, находящийся в Ираке (Вавилон). Оригинал находится в Берлине.
- Илл. 106. Дорога Процессий.
- Илл. 107. Дракон на майоликовой плитке. Фрагмент стены Дороги Процессий.
- Илл. 108. Царь Хаммурапи (слева) принимает законы из рук бога Солнца и правосудия Шамаша. Прорисовка с базальтовой стелы. Сузы. XVIII в. до н.э.
- Илл. 109. Скульптурный портрет Хаммурапи. Сузы. XVIII в. до н.э.
- Илл. 110. Руины «Южного дворца». Вавилон.
- Илл. 111. Греческий театр времен Александра Македонского. IV в. до н.э.
- Илл. 112. Вавилонский лев. Камень.
- Илл. 113. Руины дворца, где находились Висячие сады Семирамиды. Вавилон.
- Илл. 114. Висячие сады Семирамиды. Реконструкция.
- Илл. 115. Г. Доре. Пир Валтасара.
- Илл. 116. Фрагменты рельефов времени правления Салманасара. Куйюнджик. XIII в.
- СПИСОК ИЛЛЮСТР***
- Илл. 117. Воин с боевой собакой. Фрагмент рельефа из дворца Ашшурбанапала в Ниневии.
- Илл. 118. Базальтовая статуя царя Ашшурназирпала. Нимруд.
- Илл. 119. «Гений»-охранитель ворот царского дворца в Нимруде (Ламассу).
- Илл. 120. «Человеко-бык» из Нимруда.
- Илл. 121. Данники. Рельеф из дворца Ашшурназирпала II в Нимруде.
- Илл. 122. Два ассирийских сановника. Фрагмент росписи из дворца наместника в Тиль-Барсибе.
- Илл. 123. Саргои II с жертвенным козленком. Фрагмент рельефа из дворца в Дур-Шаррукине. 712-707 гг. до н.э.
- Илл. 124. Воображаемая реконструкция Ниневии.
- Илл. 125. Вход во дворец Саргона II в Нимруде.
- Илл. 126. Ашшурбанапал II. Барельеф на каменной плите из Ниневии.
- Илл. 127. Городские ворота Ниневии. Современная реконструкция.
- Илл. 128. Ворота Ниневии. Видны участки отреставрированной внешней каменной стены и внутренней глинобитной.
- Илл. 129. Охота на львов царя Ашшурбанапала. Рельеф из Ниневии.
- Илл. 130. Корова с теленком. Пластика из слоновой кости. Нимруд. 720 г. до н.э.
- Илл. 131. «Мона Лиза» из Нимруда. Слоновая кость. 720 г. до н.э.
- Илл. 132. Наш сторож Мухаммед Эмин.
- Илл. 133. Мой друг Хасаи, рабочий экспедиции, а в прошлом — контрабандист.
- Илл. 134. Пиршество у бедуинов. Слева — Р.М. Мунчаев, начальник российской археологической экспедиции в Ираке, посередине — доктор Такхи из Телль-Афара.
- Илл. 135. Джебель Синджар.
- Илл. 136. Улица в Джебель Синджаре. В конце видны купола гробницы езидского святого XIII в. Внизу — старик-езид.
- Илл. 137. Руины римской крепости в Джебель Синджаре.
- Илл. 138. Шургатец Ибрагим.
- Илл. 139. Рабочие-землекопы и шургатцы на холме Ярым-тепе II.
- Илл. 140. Иракский археологический музей в Багдаде.
- Илл. 141. Мечеть в центре Багдада. до н.э.

Л

ИМЕННОЙ УК>

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аанепадда, царь Ура 120 Абд-аф-Харман, шейх 40 Абди-Милкути, сидонский правитель 363 Авраам, библейский патриарх 58, 181, 264, 272, 273 Ага (Ака), мифический правитель Киша 113, 115, 118, 119
- Ададнерари I, ассирийский царь 342 Ададнерари II, ассирийский царь 345 Ададнерари III, ассирийский царь 352
- Адам, мифический первочеловек 255, 258 Адата, божество 330 Адду, бог-громовник у шумеров 260 Ади ибн-Мусафир, глава школы адавия 400 Александр Македонский 340 Алу (Ала), демон болезни 304, 307 Амайитис, мидийская царевна и вавилонская царица 333
- Амар-зуэн, правитель Лагаша 147-148 *ан. См. Ану*
- Андрс В., немецкий археолог 53, 55-57 Антипатр Сидонский, греческий поэт 311 Ану (Аи), божество Неба 57, 81, 84, 98, 132, 211, 214, 219, 222, 228, 244, 267, 300, 303, 306, 309 Ануннаки, демоны подземного мира 219, 236, 237, 253, 260
- Аншар, божество горизонта 216 Алсу, божество пресных вод 216 Арран, библейский герой 273
- Асаг (Асакку, Ашакку), демон болезней и немочей 241, 268, 269, 304, 307
- Асакку. *См. Асаг*
- Асаллухи, бог, покровитель магических сил 305, 306
- Асархаддон, ассирийский царь 327, 362-374
- Астарта, богиня 229
- Афродита, др.-греческая богиня 229
- Ахемениды, правители персидской империи в IV-VI вв. до н.э. 50
- Ашакку. *См. Асаг*
- Ашшур, бог 216, 341, 372
- Ашшур, мифический царь, основатель Ассирийского государства 40
- Ашшур-данин-аплу, ассирийский принц, сын Салманасара 352
- Ашшурбаллит I, ассирийский царь 342
- Ашшурбанапал II, ассирийский царь 44, 46, 47, 48, 259, 290, 327, 329, 344, 345, 364-384, 423
- Ашшурназирпал II, ассирийский царь 68, 345, 346, 347, 348, 350, 352, 371, 377
- Баба, богиня медицины 300 Байрон Дж.Г., английский поэт 338 Белицкий М., польский историк 96, 104, 118, 250, 255, 298
- Берос, вавилонский жрец-летописец 34, 361 Бецольд К., немецкий ассириолог 46
- 426**
- Бсшамп Жозеф де, французский астроном и священник 37, 39 Билибни, наместник 326 Ботта П.Э., французский исследователь 39, 42, 49
- Брейдвуд Р., американский археолог 60-62 Брснтъес Б., немецкий ученый 64 Букингэм, Дж. 37 Бэл, верховный вавилонский бог 144, 330, 331
- Бэлита (Сарпантиум), вавилонская богиня 331
- В**
- Вайман А.А., российский лингвист 90, 92 Балле Пьетро делла, итальянский путешественник XVII в. 37 Валтасар, вавилонский царь 337-338 Веллард Дж., американский историк 274, 285
- Венера, римская богиня 229 Венъямин, библейский герой 272 Виттфогель К., немецкий историк 80 Вулли Л., английский археолог 15, 58, 59, 101, 104, 120, 169, 181, 183, 184, 188, 192, 194, 195, 196, 198, 203, 262, 264, 282, 284, 285, 299, 403, 406
- Галлу, демон болезни 304, 307
- Георгий св. 266
- Геракл, др.-греческий герой 112, 266
- Герасимов О.Г., советский востоковед 398
- Геродот, античный историк 20, 27, 37, 53
- Гильгамеш, мифологический герой 100, 102, 107, 109, 112, 113, 115, 119, 240, 241, 242, 246, 250, 252, 253, 259, 262, 266, 267, 269, 270, 282, 405
- Гиппарх, античный астроном 294 Гирру, бог очищающего огня 308, 309 Гиш, божество 330 Голенищев В.С., российский египтолог 404, 405
- Гротефенд Г.-Ф., немецкий лингвист 50, 52 Гугальяниа, бог Подземного царства 234 Гудеа, правитель Лагаша

138, 145-147, 288,

300, 371 Гуля, богиня 297

Д

Давид, библейский царь 273

Дамкина, богиня, спутница Эа 216

Дандамаев М.А., российский историк 406

Дарий, персидский царь 50, 52

Диметум, демон болезни 307

Диммеа (Диммс), демон болезни 305, 306

Диодор Сицилийский, античный историк

292 Думузи, бог плодородия 81, 100, 112, 113,

228, 229, 230, 232-234, 237-240 Дьяконов И.М., выдающийся российский востоковед и ассириолог 10, 23, 62, 78,

82, 92, 127, 128, 130, 138, 159, 160, 161, 163, 164, 172, 173, 174, 179, 192, 211, 239, 259, 276, 280, 286, 288, 404, 406

Ева, мифическая первоженщина 255, 258 Емельянов В.В., российский историк 96, 113, 130

Замма, божество 330 Зедекия, халдейский царь 328 Зимрилим, царь Мари 272 Зиусудра, праведник 226, 250, 252,

259, 262. *См. также* Утнапиштим

И

Иаков, библейский герой 269, 272 Ибби-Син, правитель Лагаша 150 Илу-биди, царь Хамы 360 Имдугуд,

мифическая птица 110-112 Инанна (Иштар), богиня любви 57-58, 81,

90, 91, 93, 96, 106, 108, 112, 127, 220, 226-

240, 242, 244, 272, 276 Иордан Ю., немецкий археолог 57 Исая, библейский пророк 315 Исимуд, божество 226

Исина (Иссин), династия II тыс. до н.э. 118,

195, 208, 322 Ишби-Эрра, военачальник и царь династии

Исина 118, 150 Иштар, богиня 55, 56, 57, 81, 125, 127, 220,

228, 229, 231, 235, 238-240, 249, 290, 294,

314, 315, 316, 319, 330, 331. *См. также*

Ипанна

1 МЕ ИНОЙ УКАЗАТЕЛЬ

К

Калатурру, бесполое существо, посланец бога

Энки в Подземное царство 236, 237 Кандагану, халдейский правитель 367 Кенш В., немецкий археолог 57 Керам

К.В., немецкий историк 53, 104, 406 Ки, богиня земли 303 Киаксар, мидийский царь 369 Киденас (Кидинну),

авилонский астроном

294

Кингу, божество и чудовище 218, 331 Кир, персидский царь 337 Кишар, божество земли 216 Кленгель-Брандт Э.,

немецкий историк 321,

330, 334 Кольдевей Р., немецкий археолог 53-55, 319,

320

Коранашиаили Т.В., грузинский историк 175 Косидовский З., польский историк 34, 44,

49 Крамер С.Н., американский историк 33, 70,

102, 108, 155, 166, 167, 168, 172, 206, 210,

212, 254, 255, 258, 270, 300, 301, 404 Ксенофонт, античный историк 37 Кур, демон 266, 268 Кургарру, бесполое

существо, посланец бога

Энки в Подземное царство 236, 237

Л Лабассу, демон болезни 304. *См. также* Ди-

меа

Ламберг-Карловски К.К., американский археолог 78, 79, 80 Латарак, божество 237 Лахаму (Лакхму),

первоначальное божество,

«ил» 216

Легрэн Л., французский ученый 300 Лееманс В.Ф., голландский ученый 202 Ленцман Г., немецкий археолог 81

Ленцман Ю., немецкий археолог 57 Лео Оппенхейм А., американский историк и лингвист 27, 154, 157, 158, 165,

176, 178 Лилиту, демон 307

Лихачев Н.П., российский востоковед 404 Ллойд С., английский археолог 19, 64, 66,

406

Лосева И.М., российский искусствовед 275, 286

Лугаль-анне-мунду, царь Адаба 122 Лугаль-кинише-дуду, правитель Ура и Уру-

ка 124 Лугальбанда, мифологический герой 100,

110, 112-113, 120 Лугальзагеси, правитель Уммы 124, 126, 128,

128, 131, 132, 145 Лэйярд О.Г., английский исследователь 40,

41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 53, 348, 382

М

Мак Адаме Р., американский археолог 78,

79, 80, 175

Маништусу, царь Аккада 134 Мардук, божество Солнца 54, 214, 215, 216,

218, 249, 294, 304, 306, 308, 310, 322, 324,

327, 330, 331, 332, 336, 337, 342 Мардук-апал-иддина, хеттский вождь 359-

360

Мати-илу, военачальник Урарту 354 Мелек-Тауз, бог 398 Мес-анне-падда, царь Ура 119 Мес-киаггунка, царь Ура 120 Месилим, царь Киша 122 Мескаламдуг, царь Ура 120, 188-192, 285 Мескиаггашер, мифический шумерский царь

108

Месламтаза, хтоническое божество 225 Мигнан Р., английский ученый 37, 39 Мумму, божество туч 216 Мунчаев Р.М., российский археолог 406 Мэллоун М., археолог 66, 350

П

Набонид, вавилонский царь 289, 337

Набополасар, халдейский царь 327, 328, 329, 340, 369, 370

Набуриан (Набуриманну), вавилонский астроном 294

Навуходоносор II, вавилонский царь 54, 315, 320, 321, 328-330, 332-334, 337

Намму, богиня «первичный океан» 214

Намтар, божество Судьбы 219

Намтар, бог чумы и демон смерти 239, 241, 244, 245, 307

Намтарру, демон болезни 304

Наина (Син), бог Луны 132, 142, 144, 181, 184, 186, 187, 188, 192, 220, 225, 228

ИМЕННОЙ УКАЗ,*

Нанше, богиня, покровительница Лагаша

124, 244 Нарам-суэн, аккадский царь 135, 136, 286,

342, 377, 383

Нахор, библейский герой 273 Нгештинана, богиня растительности 240 Небо, бог 294

Нейхардт А.А., российский историк 334 Нергал, бог Подземного царства 212, 219,

225, 238, 240-250, 294 Нети, страж Подземного царства 234, 240 Нибур К., датский исследователь 37, 50

Никольский М.В., выдающийся российский

историк И, 24, 320, 404, 405 Нимрод, мифический царь 40, 43 Нин-Маш, богиня 320 Ниназу, хтоническое божество 225 Нингаль, богиня 184, 187, 192, 228, 230, 288 Нингирсу, бог-покровитель Лагаша 122, 124,

147, 169, 280, 371 Ниниб, божество 294, 330 Нинкилим, богиня, покровительница полевых вредителей 156

Нинлиль, богиня 118, 119, 184, 188, 220, 225,

272, 371, 372 Нинсар, богиня-повелительница растений

228

Нинсун, богиня 113 Нинти, богиня 258 Нинурта (Адад), бог войны 98, 155, 220, 260,

266, 268, 269, 292, 297 Нинурта, бог южного ветра 268 Нинхурсаг, богиня 101, 214, 219, 222, 226,

227, 228, 256, 258, 297 Ниншубур, визирь богини Инанны (Иштар)

234

Ной, библейский герой 259, 260, 261 Нуску, бог очищающего огня 308, 309

О

Опперт Ж., французский лингвист 52, 53 Опперт Ю., немецкий ученый 98

П

Парро А., французский археолог 59 Пибель А., французский археолог 118 Персей, др.-греческий герой 266

Персефона, др.-греческая богиня 246, 266

Посейдон, др.-греческий бог 266, 267 Прейсер К., немецкий археолог 57 Псамметих, фараон 366 Пу-аби, царица 120, 188, 190, 205, 285 Пузур-Иншушинак, эламский царь 136-137

Рассэм О., английский ассириолог и археолог 46, 47, 53, 382

Редер Д.Г., российский историк 234

Римсин, царь Элама 324

Римуш, аккадский царь 134

Рифтин А.П., российский ассириолог 405-406

Рич К.Дж., британский консул в Багдаде 37, 42

Роулинсон Г., английский филолог и исследователь 39, 47, 49, 52, 53

Руса I, царь Урарту 360

Салманасар I, ассирийский царь 342 Салманасар III, ассирийский царь 352, 373, 374

Салманасар V, ассирийский царь 356 Саммурамат (Семирамида), ассирийская царица 352-354 Саргон II, ассирийский царь 39, 68, 356-

360

Саргон Древний (Шаррумкен), царь, основатель Аккада 126-132, 134, 136, 138, 140, 145, 286, 321, 342, 345

Сзргониды, династия аккадских царей 275 Сардури III, царь Урарту 354 Сарзек Э. де, французский консул 49

Сарпанитум, богиня 331-332 Сафар Ф., иракский археолог 64, 66 Семирамида 34, 334, 352. *См. также* Саммурамат

Септимий Север, римский император 340 Серух, библейский герой 273 Сявил М., французский шумеролог 301

Син, божество Луны 290, 294, 295, 371, 383.

См. также Наина

Син-мубаллит, вавилонский царь 322 Синаххериб, ассирийский царь 44, 326, 327, 329, 360-363, 371, 373, 374

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Сишаришкун, ассирийский царь 370 Смит Дж., английский ассириолог 47-49,

258, 262

Солсцки Р., американский археолог 60 Страбон, античный историк 27, 37 Струве В.В., российский востоковед 404 Сумуабу, вождь амореев 321

Тахарка, египетский фараон 364, 366 Тейлор Д.Е., английский консул 58, 181 Тссей, др.-греческий герой 112 Тиамат, божество соленых вод и чудовище

215, 216, 218 Тиглатпаласар III, ассирийский царь 48, 354, 356, 374, 376

Тириккан, кутийский царь 140 Тиу, демон болезни 307 Траян, римский император 340 Тукульти Нинурта I, ассирийский царь 56, 342

Тукульти Нинурта II, ассирийский царь 345 Турасв Б.А., российский востоковед 404, 405 Тюмснев А.И., российский востоковед 404

Убар-Титу, мифический царь Шуруппака 259

Улисс, античный герой 112 Ур-Забаба, правитель Киша 128 Ур-лугаледиинна, врач 300 Ур-Намму, правитель Ура 68, 140-145, 147,

163, 169, 184, 242, 288, 295 Ур-Нанше, правитель Лагаша 120, 123 Ур-Нин-Нгирсу, правитель Лагаша 300

Урукагина, правитель Лагаша 124, 167, 168,

169 Утнапиштим (Зиусудра), праведник 48, 204,

226, 252, 253, 259, 261, 262, 264, 282 Утту, богиня ткачества 228 Уту, бог Солнца 229, 234, 237, 241, 244, 256,

270. *См. также* Шамаш Утукку (Удуг), демон болезни 304-307 Утухенгаль, правитель Урука 140-142, 163 Ф

Фалькенштейн А., немецкий ассириолог 98, 305 Фарра, библейский герой 273

Фланден Э., французский художник 39 Френель, французский археолог 53 Фрэзер Дж.Б., английский историк 39

Фрэнкфорт Г., американский археолог 178-179

Х

Халдиа, бог Урарту 360

Хаммурапи, вавилонский царь 27, 58, 180, 195, 272, 289, 290, 292, 297, 298, 315, 321, 322, 323, 324, 325, 334, 342, 345, 372

Хаигуна, царь Газы 360

Харон, **перевозчик в загробное царство 234, 250**

Хиике Э., английский лингвист 52

Хувава, страж-чудовище 269, 270, 272

Хумбанигаш, царь Элама 359

Хуссейн Музахим Махмуд, иракский археолог 68

Ц

Церен Э., немецкий историк 15, 28, 45, 50, 56, 272

Чайлд Г., английский археолог 70, 79

Ш

Шамаш, бог Солнца 108, 116, 200, 203, 220,

227, 228, 290, 293, 294, 308, 315, 323, 324,

330, 345, 371. *См. также* Уту Шамаш-шум-укин, правитель Вавилона 327,

364, 366, 367

Шамши-Адад I, ассирийский царь 352 Шамши-Адад V, ассирийский царь 371 Шар-кали-шарри, аккадский царь

136-138 Шара, бог-покровитель Уммы 122, 237 Шаррумкен. *См.* Саргон Древний Шарур, олицетворение оружия

Нинурты 268 Шилейко В.К., российский востоковед 404, 405 Шишова И.А., российский историк 334 Шмскель Х.,

немецкий ученый 106 Шнейдер А., немецкий историк 159 Шу-Син, правитель Лагаша 148-150 Шульги,

правитель Лагаша 147-148, 163,

164, 183

Эа, божество 48, 239, 304, 308, 310. *См. также* Энки

Эаннатум, правитель Лагаша 120, 122, 124,

278, 286, 377

Эдзарт Д., немецкий ассириолог 102 Экимму, демон 307 Элулумеш, кутийский вождь 138 Эн-ме-бараге-си

(Энмебарагеси), шумерский правитель 102, 118, 120 Эн-Шакуш-аннс, царь Урука 122 Энакалли, правитель Уммы 122 Энки (Эа), божество

пресных вод 104, НО,

169, 180, 214, 216, 218, 219, 222, 225-228,

234, 236, 241, 244, 255, 256, 259, 260, 261,

266, 267, 268, 305, 306 Энкиду, герой шумерского эпоса 240, 241,

242, 250-252, 259, 267, 270 Энкимду, божественный земледелец 226, 229,

230 Энлиль, божество воздуха и ветра 25, 71,

98, 99, 104, 118, 119, 120, 122, 124, 131,

ИМЕННОЙ УКА:

132, 134, 144, 155, 173, 175, 180, 211, 214

216, 219, 220, 222-226, 234, 236, 240, 241^

242, 244, 259, 261, 262, 267, 272, 322, 346' Энмеркар, мифологический герой 96, 100

108, 110, 112, 120 Энмешарра, божество Подземного царства

240

Эпнуш, хтоническое божество 225 Энтемена, правитель Лагаша 124 Эрешкигаль, богиня Подземного царства

212,

219, 233, 234, 236, 237, 238, 239, 241, 246,

267 Этана, легендарный правитель Киша 102,

116, 282 Этиму, демон болезни 304

Я

Якобсон Т., американский историк 222, 244, 245, 406

УКАЗАТЕЛЬ ПОНЯТИЙ

И НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

аб-ба, «старик» 249

абзу (апсу), Мировой океан, подземные воды,

бездна 211, 212, 216, 226, 227, 267 акиту, новогодний праздник 248 ан, верхний мир 211 ан-ки, «небо-земля»,

Вселенная 211, 212 ашипу, жрец-знахарь 308-310

бару, жрецы-гадатели 373 Бехистунская надпись 52 Библия 34, 47, 49, 58, 106, 144, 180, 254, 255, 258, 266, 272, 273, 311, 315, 320, 328, 336

В

Вавилонская башня 34, 315, 336

Венера, планета 229

Висячие сады Семирамиды 54, 319, 332-

334 Ворота Иштар 35

«Гильгамеш и Страна живых» 270 «Гильгамеш, Энкиду и Подземное царство»

242, 267 гуруши, работники 165

Д

дингир, «бог» 136, 214

зиккурат 35, 68, 84, 142-145, 147, 172, 183, 184, 186, 275-276, 288

И

«История семи божественных растений» 226

К

калам («наша страна»), часть среднего мира

211

«Календарь земледельца» 155-156 кар (карум), гавань 186 клинопись 84-86

Л

ламассу, духи-хранители 41, 219, 350

«Легенда о Нарам-суэне» 383

«Легенда о Саргоне» 128

лиллит, демоны 219

лиллу (лилу), демон 113, 219, 307

лу, «человек» 249

лугаль, правитель 108, И3, 115, 120, 124,

162, 166, 174 луллу, дикарь 218

Н

мар банути, ассирийская аристократия 373 ме, божественные законы, управляющие вселенной 225-228

Н

«Надпись из Туммаля» 118, 119 нгеме, «рабыни», работницы 165 нукуб, демоны 219

П

первичный океан 214

пиктограммы 85-88, 92

«Плач об Уре» 180

«Повесть о страдальце-праведнике» 383

«Подвиги и деяния бога Нинурты» 268

«Рассказ Бедного Человека из Ниппура* 383

УКАЗАТЕЛЬ ПОНЯТИЙ И НАЗВАНИЙ ПРОИЗ

уммия, глава школы 206

хан, постоянный двор 209

Ц

«Царский список» 100-102, 104, 108, 115, 116, 120, 122, 127, 128, 138, 140

Ш

шеду, духи-хранители 219

Священные числа 294-296 «Сошествие Инанны в Подземный мир» 246 «Стела Коршунов» 122, 278, 286, 377

субату, вид одежды 200

«Табличка из Туммаля» 102 телль 37 теменос 177

э-дубба, школа 203, 204, 206, 208
эден («степь»), часть среднего мира 211-212
энитум (энтум), «жрица священного брака» 127 «Энки и Инанна» 226 «Энки и Нинхурсаг» 227, 255 «Энлиль и Нинлиль» 225 энси, правитель, «князь-жрец» 107, 108, 115,
120, 162, 164, 168, 169, 174 «Энума элиш», вавилонский эпос 214-216, 384 < *Эпос о Гильгамеше» («О все издавшем»)
112, 119, 240, 250, 255, 258, 383

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ И ЭТНОЙ

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ

Абу-Сенам, сел. 393

Адаб, г. 70, 122

Азупирану, г. 128

Анд, захробное царство в др.-греческой мифологии 233, 240, 273

Аккад 12, 15, 26, 33, 44, 98, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 134, 136, 137, 138, 140, 142, 144, 148, 163, 184, 219, 220, 222, 243, 274, 275, 286, 287, 288, 321, 322, 361, 368, 370, 373, 383, 384, 406, 408

аккадцы 49, 137

Акшак, г. 70, 122, 128, 131

Алеппо, г. 136, 158, 179

аморен 148-150

Амурру, г. 348

Анатолия 343, 374, 378

арамеи 254, 354

Аратта 96, 108-110, 112, 120

Арвад, г. 348, 366, 368

Арпад, г. 354

Арпачия, поселение V тыс. до н.э. 59, 64

Ассирия, Ассирийское государство 10, 13, 15, 20, 26, 27, 33, 34, 40, 42, 44, 45, 46, 49, 55, 56, 137, 157, 214, 326, 328, 341-348, 352, 354, 359-361, 363, 366-374, 377, 378, 380-383, 406, 407, 408

Ашшур, г. 55, 56, 57, 322, 326, 327, 341, 342, 345, 346, 347, 348, 352, 359, 360, 361, 362, 366, 368-372, 380, 382, 383, 400

Багдад, г. 13, 22, 23, 34, 37, 49, 53, 54, 57, 66, 70,

81, 88, 98, 102, 106, 153, 159, 180, 181, 410 Бад-тибира, г. 70, 104, 237 Барзи, г. 322 Басра, г. 39, 40, 81 Бахрейн

(Дильмун), о-в 138, 255 «Белый Храм» - в Урукс 81-82 Библия, г. 148, 348

Бит-Адини, арамейское царство 347 Борсиппа, г. 367

В

Вавилон, г. 11, 12, 13, 15, 16, 17, 33, 34, 35, 37, 39, 44, 53-57, 68, 88, 107, 137, 144, 178, 212, 213, 216, 219, 248, 311-313, 315, 316, 319, 320-322, 324, 326-332, 334-338, 340, 342, 352, 354, 359-364, 366, 367, 369, 384, 407, 408

Вавилония 19, 20, 24, 26, 27, 34, 44, 49, 176, 214, 288, 296, 297, 334, 337, 343, 368, 369, 372, 374, 378, 406, 407

Газа, г. 360 Гоморра, г. 315

Д

Дамаск, г. 34, 179

Джармо, поселение VIII-VII тыс. до н.э. 60, 62

Джезира (Эль-Джезира), г. 136, 345, 352, 392 Джемдет-Наср, г. 59, 72, 88, 89, 93, 106, 275 Дильбат, город и название

Венеры 290 Дильмун (Тельмун), мифический о-в, райская страна 96, 158, 171, 199, 202, 227, 255, 256. См. также

Бахрейн Дорога Процессий 55, 56, 319, 320, 330, 332,

334

Дур-Шаррукин (Хорсабад), резиденция Сар-гона II 39, 360

Евфрат, р. 11, 12, 15, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 29, 34, 45, 58, 70, 72, 74, 101, 106, 113, 127, 128, 132, 134, 138, 143, 148, 150, 153, 154, 158, 176, 178, 180, 183, 184, 186, 216, 236, 248, 255, 257, 272, 307, 320, 327, 330, 337, 340, 341, 347, 354

Египет 33, 328, 343, 347, 356, 360, 363, 364, 366, 367, 369

езиды 395, 398-400

Загрос, горный район 20, 23, 26, 59, 62, 63, 69, 77, 148, 158, 345, 346, 352, 356, 369

Зсви-Чеми-Шанидар, мезолитическая стоянка 60

Зивийя, г. 380

И

Ибла (Эбла), г. 53

Иерусалим, г. 328

Индия 255

Ирак 10, 12-17, 19-21, 26, 28, 35, 36, 37, 39, 44, 49, 53, 57, 59, 60, 66, 68, 69, 71, 72, 74, 79, 80, 90, 96, 106, 116, 264, 348, 367, 374, 385, 386

Иран 255, 343, 347, 356, 369, 374, 380, 398

Иудея 328, 367

К

Казаллу, г. 322

Кайма, г. 348

Калат Шергат, сел. 55

Кашли, г. 158

Капраби (Урфа), г. 347
Карим-Шахир, нос. 60, 62
«Каср», телль 54

Квсайрш, дер. 54 Киликия 77 Киркук, г. 37

Киш, г. 16, 59, 66, 70, 98, 102, 104, 106, 107, 113, 115, 116, 118, 119, 120, 122, 127, 128,
130, 131, 211, 264, 275, 276, 321, 322 Куйюнджик, холм 42, 46, 382

Куллаб, священный участок Урука 112, 237 Кур (Нергал), царство мертвых 112, 212,
233, 239, 240, 241, 242, 267, 273 кур («чужие земли»), часть среднего мира 211 Курдистан 345, 360
Иракский 352 Кут, г. 22 кутии (гутии) 134, 136-140

Л

Лагаш, г. 16, 49, 70, 96, 101, 117, 120-124,
131, 138, 145, 147, 160, 163, 165, 167, 168, 169, 173, 179, 211, 264, 275, 278, 281, 300, 371, 404

Ларак, г. 70, 104

Ларса, г. 70, 150, 186, 195, 199, 200, 203, 208,
322

Лахиш, г. 380 Ливан 132, 136, 148, 348 луллубей, горные племена Ирака 134, 136,
137

М

Маган (совр. Оман) 136, 138, 142

Марад, г. 322

Мари, г. и государство 59, 103, 122, 124, 125, 128, 131, 132, 150, 151, 158, 231, 272-273, 275, 277, 283, 322, 334

Марту, крепость 148

Мегиддо, г. 380

Мемфис, г. 364

Месопотамия 10, 12, 14-21, 23-24, 26-28, 34, 35, 37, 39, 44-46, 49, 52-55, 57-60, 62-64, 66, 68, 70-72, 77-80, 84, 88, 90, 94,
96, 98-104, 108, 110, 112, 115, 119, 120, 122, 126, 128-132, 134-138, 140-142, 145, 148, 150, 152, 153, 154, 157-159, 163, 164,
173-175, 177, 178, 184, 200, 210, 212, 219, 225, 248, 249, 254, 255, 258, 262, 264, 266, 272, 273, 275, 288, 298, 307, 310, 311,
319, 321, 322, 328, 333, 338, 341, 345, 347, 348,

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ

354, 361, 363, 366, 367, 368, 371, 377, 378,

380, 385, 386, 400, 404, 405, 406, 408, 410,

411

Мидия 367, 369 мидяне 343, 347, 369, 374 Митанни 342 Мосул, г. 22, 40, 42, 57, 64, 76, 341, 348, 360,
370, 407, 408, 410. См. также Ниневия Мусасир, г. 360

Н

Насирия, г. 58

Нацир (Насир), мифическая гора 261

Нимруд (Кальху), г. 16, 40, 41, 42, 47, 55, 56, 66, 68, 341, 348, 349, 351, 352, 353, 358, 359, 375, 379, 380, 381, 382,
383

Ниневия, г. 12, 13, 16, 17, 34, 37, 39, 40, 44, 46-49, 55, 59, 68, 258, 262, 286, 315, 327, 328, 341, 349, 352, 361, 362,
364, 366-371, 375, 377, 382-383

Ниппур, г. 12, 16, 59, 66, 70, 96, 99, 104, 113, 118, 119, 122, 124, 130, 131, 140, 142, 150, 163, 174, 175, 176, 177, 203,
211, 212, 219, 222, 225, 262, 300, 322, 383

Нисир, мифическая гора 48

Нововавилонское царство 321, 328

Нузи, г. 59

Оман. См. Маган

О

П

Палестина 254, 255, 273, 315, 328, 348, 352,
356, 360, 363, 369, 380 Персеполь, г. 37, 50, 52 персы 343

Самария, г. 380

Самарра, г. 20, 22, 64, 72

Сидон, г. 348, 363

Синджен, город и долина 12, 30, 31, 32, 59,

63, 64, 69, 390, 394-398 Сиштар, г. 70, 104, 131, 176, 200, 220, 322, 367 Сирия 59, 77, 122, 132, 272, 328, 347-348,
352, 354, 356, 360, 367, 369, 375, 380-382 Сиро-Палестина 374 Содом, г. 315

Стикс, мифическая река в др.-греческой мифологии 233

Сузы, г. 136, 147, 148, 150, 324, 368-369 Султан-Тепе, нос. 383

Тавр, горный хребет 346, 352, 369

Телль-Афар, г. 387, 390-391

Телль-Ахмар (Тиль-Барсип), г. 380

Телль-Брак, г. 136

Телль-Укайр, пос. 66, 72

Телль эль-Фарам, г. 360

Телль эс-Савван, пос. 64

Тельмун. См. Дильмун

Тепе-Гавра, пос. 59, 64, 72, 76
Тигр, р. 11, 12, 13, 14, 15, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 34, 39, 40, 42, 45, 55, 56, 57, 64, 70, 72, 74, 132, 153, 216, 248, 255, 268, 322, 341, 342, 345, 356, 371, 375, 377, 400
Тир, г. 348, 366, 368
Туммаль, г. 118, 119
Тушпа, г. 356
Убейд (Эль-Убейд), поселение и одноименная культура 59, 66, 72-81, 84, 92, 96, 101, 106, 120, 262, 264, 275, 284, 407
Угарит, г. 380
Умма, г. 70, 120, 122, 124, 126, 128, 130, 131, 145, 179, 237, 278
Ур, город и одноименная культура 10, 14, 15, 19, 32, 33, 35, 56, 57, 64, 66, 68, 73, 96, 98, 99, 100, 102, 104, 105, 117, 118, 122, 126, 129, 130, 135, 136, 138, 140-143, 145, 146, 148, 150, 156, 161, 162, 167, 176-179, 181, 182, 184-195, 197-200, 203, 205-207, 209, 218, 234, 240, 264, 272, 275, 277, 282, 284, 285, 288, 289, 297, 299, 321, 403, 406, 407
Урарту 342, 343, 347, 352, 354, 356, 360
Уртаки, царь Элама 363
Урук (Варка), город и одноименная культура 12, 16, 57-59, 66, 70, 72, 78-85, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 98, 100, 102, 104, 106-108, 110-113, 115, 118-120, 122, 124, 126, 130, 131, 137, 140, 142, 144, 160, 179, 211, 220, 226, 227, 228, 230, 232, 240, 250, 252, 253, 259, 262, 264, 270, 275, 276, 377
16
УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМ
Ф
Фивы, г. 366
Финикия 328, 348, 354, 360, 363, 367, 369, 382
фригийцы 343
хабиру (хабири), наименование евреев 272
Хабур, р. 347
Халаф, поселение и одноименная культура
61, 62-67, 72 халдеи 326 Хама, г. 360, 380 Ханаан, область 264, 273 хапанеи 254 Ханиш, г. 260 Харран, г. 272-273
Хассуна, хассунская культура 64, 72 Хафадж, г. 114, 178 хетты 254, 342, 378 Хит, г. 20 Хорсабад, г. 375, 380. См. также Дур-Шар-рукин
хурриты 134 Хурсаг, гора 269
Ш
Шатт эль-Гарраф, сел. 101
Шеол, библейский мир мертвых 273
Шуллаг, г. 260
Шумер 4, 15, 24, 26, 33, 44, 69, 70, 78, 79, 80, 92, 98, 101, 102, 104, 106, 110, 112, 113, 115, 119, 120, 122, 124, 126, 128, 130, 131, 132, 134, 136, 137, 138, 140, 142, 144, 148, 150, 152, 155, 156, 157, 160, 161, 163, 166, 167, 169, 170, 172, 173, 179, 184, 192, 203, 204, 206, 210, 214, 216, 219, 220, 222, 226, 232, 233, 242, 245, 249, 250, 254, 255, 256, 259, 266, 268, 270, 273, 274, 276, 282, 284, 285, 288, 298, 299, 300, 301, 303, 307, 321, 322, 325, 346, 361, 368, 378, 383, 406, 407, 408
шумеры 49, 92-98, 137, 254 Шургат (Калат-Шеркат), г. 341, 400 Шуруппак, г. 104, 179, 204, 252, 259, 260, 264, 275
Э-Анна, храм Инанны в Уруке 81, 83, 84, 92, 108, 112
Э-кишнугаль, храм Наины в Уре 186 Э-кур, храм Энлиля в Нишгуре 99 Э-сагила, храм Мардука в Вавилоне 332, 336 Э-теменанки, зиккурат в Вавилоне 336. См. также Вавилонская башня Э-теменнигуру, зиккурат в Уре 186 Эдем, библейский рай 255 Экаллатум, царство 322 Экур, храм Ашшура в Ашшуре 372 Элам 24, 94, 102, 110, 118, 120, 132, 134, 136, 137, 138, 147, 322, 324, 327, 354, 356, 359, 360, 361, 363, 366, 367, 368 эламиты 134, 137, 150, 152, 347 Эль-Убейд. См. Убейд Эн-Насирийя, г. 180 Эрбиль, г. 37 Эреду (Абу-Шахрайн), г. 66, 70, 72, 73, 74, 81, 84, 94, 96, 104, 107, 142, 163, 211, 225, 226, 236, 264, 267, 304 Эрех 57. См. также Урук Эсагила, храм Мардука в Вавилоне 219 Эшнунна (Телль-Асмар), г. 150, 178-179, 220, 275, 322
Я
Ярым-тепе, комплекс древних поселений 13, 30, 31, 32, 387, 392 Ярым-тепе 1 64 Ярым-тепе 2 61, 63, 65, 66, 67

Гуляев Валерий Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом теории и методики Института археологии РАН. Занимается проблемами древних цивилизаций Ближнего Востока и Мезоамерики, участник многих археологических экспедиций.

Древние греки назвали эту страну Месопотамией («Междуречьем»). Современное ее название, Ирак, в переводе с арабского означает то же самое: «земли, лежащие по берегам».

Именно здесь на заре истории родилась одна из самых древних и самых ярких цивилизаций человечества — шумерская, не уступающая по величю и славе Египту времен фараонов. Территория Месопотамии на тысячи лет стала ареной важнейших событий истории древнего мира. Ее цари диктовали свою волю соседним народам. Ее мудрецы и поэты создавали бессмертные произведения о судьбе человека и о мироздании, заимствованные позднее авторами Библии. Ее зодчие возводили величественные храмы и дворцы. А жрецы-астрономы изучали яркие южные созвездия, познавая тайны Вселенной.

Шумеры породили Вавилон и Аккад. На смену им пришла воинственная Ассирия. Скифы, персы, парфяне, греки, римляне, арабы — все они в той или иной мере были наследниками этой первой цивилизации. Тысячами нитей связаны с ней и мы...

В.И. Гуляев

ISBN 5-89321-112-X

9 785893 211122 >